

РУССКІЙ ТУРКЕСТАНЪ

1903

СБОРНИКЪ

121

изданный по поводу

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

СТАТЬИ ПО ЭТНОГРАФИИ, ТЕХНИКЪ, СЕЛЬСКОМУ
ХОЗЯЙСТВУ И ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

подъ редакціею В. Н. Троцкого.

МОСКВА.

1872.

9382.

Век II.

РУССКІЙ ТУРКЕСТАНЪ

338.1/47

Р 894

СБОРНИКЪ

изданный по поводу

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

СТАТЬИ ПО ЭТНОГРАФИИ, ТЕХНИКѢ, СЕЛЬСКОМУ
ХОЗЯЙСТВУ, И ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

подъ редакціею В. Н. Троцкого.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
77049
МАН. ЛЬВОВА, 3

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1872.

9382.
в. II

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Таджики; <i>А. Д. Гребенкина</i>	1
Узбеки; <i>ею-же</i>	51
Мелкія народности Заравшанскаго округа; <i>ею-же</i>	110
Этнографическіе очерки Киргизскаго народа; <i>И. И. Ибраимова</i>	120
О минеральных богатствах Туркестанскаго края; <i>А. С. Татаринова</i>	153
Свѣдѣнія о каменноугольной копи полковника Фовицкаго, въ Ходжентскомъ уѣздѣ.....	167
О горнозаводской промышленности Кульджинскаго ханства.....	171
О нефтянныхъ источникахъ въ Коканскомъ ханствѣ; <i>І. И. Краузе</i>	179
Золотопромышленность въ Туркестанскомъ краѣ.....	183
О нѣкоторыхъ техническихъ производствахъ въ Туркестанскомъ краѣ:	
— О гончарномъ производствѣ въ Ходжентскомъ уѣздѣ; <i>А. А. Кушакевича</i>	194
— Замѣтка о винокуренномъ производствѣ въ Ташкентѣ; <i>І. И. Краузе</i>	197
— О виноградѣ и винодѣліи въ Туркестанскомъ краѣ..	199
— Туземные и русскіе маслобойные заводы въ Ташкентѣ; <i>І. И. Краузе</i>	203
— Замѣтка о красильномъ искусствѣ туземцевъ; <i>ею-же</i>	206
— О туземномъ оружіи въ Туркестанскомъ краѣ. .	213
— О кожевенномъ производствѣ въ Туркестанскомъ краѣ; <i>И. А. Парамонова</i>	218
— Чугунно-литейное производство; <i>А. Д.</i>	225
— <i>Обиджуазъ</i> —писчебумажная фабрика въ Коканѣ; <i>А. П. Федченко</i>	227

Замѣтки о земледѣліи въ Самаркандскомъ раіонѣ; <i>М. И. Бродовскаго</i>	233
Замѣтки о медицинскихъ и нѣкоторыхъ промышленныхъ растеніяхъ въ Средней Азіи; <i>Г. И. Краузе</i>	262
Замѣтки о паразитахъ человѣка, водящихся въ Туркестанскомъ краѣ; <i>А. П. Федченко</i>	273

ТАДЖИКИ.

А. Д. ГРЕБЕНКИНА.

Съ занятіемъ города Туркестана (1864 г.) мы вступили въ страну таджиковъ и чѣмъ далѣе съ того времени подвигались на востокъ и югъ, тѣмъ таджикское населеніе встрѣчалось чаще и чаще; наконецъ, въ западныхъ отрогахъ Тянь-шана, изъ которыхъ берутъ свое начало Чирчикъ, Ангренъ, Сыръ, Аксу и Заравшанъ, оно обратилось въ преобладающее надъ тюркскимъ, а мѣстами—въ совершенно сплошное таджикское, безъ примѣси другой народности. И такъ, въ теченіе шести лѣтъ мы, русскіе, уже имѣемъ дѣло не съ однимъ тюркскимъ населеніемъ, но и съ арійскимъ; въ теченіе шести лѣтъ мы имѣли полную возможность изучать остатки древнихъ обитателей Средней Азіи, изслѣдовать ту форму, въ которую измѣнилось это племя, нѣкогда владѣвшее большею частию Азіи, бывшее представителемъ цивилизаціи всего міра. Мы все свое вниманіе обратимъ исключительно на таджиковъ Заравшанскаго округа и только изрѣдка, для разъясненій или поясненій, будемъ говорить о таджикахъ другихъ оазисовъ средней Азіи.

Таджики имѣютъ въ Заравшанскомъ округѣ три названія: общее—„таджикъ“, частное для выходцевъ изъ Мерва—„тадь“ и бранное „сартъ“, или „сасыкъ-сартъ“.

Названіе таджикъ туземцы производятъ отъ *таджъ* и *ли*, т.-е. коронованный; слѣдовательно это названіе они получили еще въ отдаленныя времена, когда ихъ цари носили ко-

рону. Туркмены называют таджиковъ таджъ. Жители города Мерва, приведенные въ Бухарское ханство эмиромъ Ша-Муратъ-бекомъ, называютъ себя „таджъ“ и ирани; они говорятъ: „мы родъ *таджъ*, племени персидскаго“. Въ Мервѣ таджъ играли ту же роль, какъ и таджики въ Самаркандѣ, Бухарѣ и другихъ городахъ Средней Азіи. Замѣчательно, что изъ всѣхъ мервцевъ Самарканда одни „таджъ“ имѣютъ своимъ природнымъ языкомъ языкъ персидскій; занятія ихъ и типъ — тѣ же, что и у таджиковъ.

Теперь обращаюсь къ третьему названію таджиковъ: сартъ. Этимологія этого слова мнѣ неизвѣстна. Туземцы тоже не знаютъ прямого его значенія, не знаютъ его корня. Объясненія ихъ слова „сартъ“ состоитъ изъ уподобленій, сравненій съ разными ругательствами. Сартъ значить: баба, трусъ, барышникъ и проч. „Сасыкъ-сартъ“ (тухлый сартъ) кричитъ кара-калпакъ, бранясь съ таджикомъ. Во время войны, при осадѣ городовъ, узбекскіе наѣзтники, подсакивая къ стѣнамъ и махая плетью, кричатъ: а-е-и сартъ! съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ, которыми такъ богаты ихъ лексиконъ. Наконецъ, узбекъ рѣдко когда скажетъ: таджикъ, а всегда: „таджикъ-сартъ“, при чемъ слово: сартъ выговорить съ особеннымъ, язвительнымъ выраженіемъ. Сами узбеки говорятъ: „таджика мы называемъ таджикомъ, когда ѣдимъ съ нимъ, а сартомъ — когда бранимъ его“. Таджики утверждаютъ, что названіе сартъ имъ передали русскіе и зависимые отъ русскихъ киргизы, но сами они (заравшанцы) этого имени не признаютъ. Намъ кажется, что странный эпитетъ „сартъ“ распространенъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кочуютъ киргизы. Туркестанъ, Чемкентъ, Ташкентъ и другіе города долины Туркестанскаго края окружены кочевниками и въ этихъ городахъ слово: сартъ — привычный уху звукъ. Въ горныхъ же городахъ и кишлакахъ, гдѣ или нѣтъ вовсе или очень мало киргизъ и узбековъ, въ Кураминскомъ, Ходжентскомъ и Джизакскомъ уѣздахъ и въ Самаркандскомъ отдѣлѣ названіе сартъ или вовсе не употребляется, или весьма рѣдко. Да и вообще, по мѣрѣ удаленія

отъ береговъ Сыра на югъ, названіе сартъ становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ и уже въ Шегрисябскихъ владѣніяхъ и въ городѣ Карши намъ не приходилось его слышать *).

Таджики долины округа нигдѣ не засѣляютъ его сплошной полосой; они разбросаны по ней спорадически, отдѣльными группами, сосредоточиваясь въ городахъ и кишлакахъ, какъ пригородныхъ, такъ и въ болѣе или менѣе удаленныхъ отъ городовъ. Кромѣ того, они живутъ по нѣсколько или по одному семейству въ чисто узбекскихъ кишлакахъ. Таджики заселяютъ пять городовъ: Самаркандъ, Ургутъ, Катта-Курганъ, Пенджекентъ и Пеншамбе и 52 кишлака. Горные же таджики округа, на оборотъ, имѣютъ своею территоріей сплошныя пространства отъ Суджины и отъ Ургута на востокъ, вверхъ по Заравшану и его притокамъ.

Такимъ образомъ таджики въ округѣ размѣщены не равномерно; на западѣ и сѣверѣ округа ихъ нѣтъ; въ срединѣ же его начиная отъ Катта-Кургана на Самаркандъ и 6 верстъ за него, они наиболѣе распространены въ долинѣ; далѣе таджикское населеніе поворачиваетъ на юго-западъ, чрезъ Тайлакъ и Джума-базаръ на Ургутъ, съ котораго уже становится горнымъ и сплошнымъ. Отъ Самарканда до Пенджекента, на пространствѣ 60 верстъ нѣтъ таджиковъ; но начиная отъ названнаго города, оно опять появляется, а съ Суджины дѣлается сплошнымъ. По южной границѣ округа таджики живутъ только въ нѣсколькихъ деревняхъ; всѣ они выходцы изъ Когистана.

О свойствахъ занимаемой таджиками территоріи мы не будемъ говорить: они, какъ видно изъ только что сказаннаго о ихъ распространеніи, поселились въ городахъ и кишлакахъ, разбросанныхъ между узбекскими родами, которыхъ территоріи въ своемъ мѣстѣ будутъ описаны. Да кромѣ того таджикъ долинъ не прикрѣпленъ, подобно узбеку — земле-

*) Узбекскій родъ „митанъ“ имѣетъ много пѣсенъ, которыя по ихъ преданію, сочинены еще въ то время, когда они были въ Россіи. Въ одной изъ нихъ говорится: въ Самаркандѣ попадешь въ руки къ проклятымъ сартамъ. Эту пѣсню знаютъ и на низовьяхъ Урала.

дѣльцу къ мѣсту; онъ свободный и всегда стремится къ переселенію въ города.

Городъ и таджикъ такъ тѣсно связаны въ понятіи среднеазіяца, что узбеки, напримѣръ, считаютъ всѣхъ, живущихъ въ городахъ, не иначе какъ таджиками. Кѣмъ населенъ Яны-Курганъ? Таджиками, отвѣчаетъ узбекъ и если усумниться въ таджикскомъ происхожденіи яны-курганцевъ, то узбекъ обидно-снисходительно замѣтитъ: почему же они не таджики? Вѣдь они живутъ въ городѣ и занимаются торговлею? Яснѣ этаго аргумента для узбека ничего быть не можетъ.

Городъ есть настоящее мѣсто-жительства таджика и только въ городѣ таджикъ въ своей сферѣ. Это стремленіе таджиковъ къ торговымъ и промышленнымъ центрамъ вытекаетъ изъ склада ихъ характера, изъ природной ихъ любви къ торговлѣ, мелкому барышничеству, къ суетливой жизни, что, въ своей совокупности, даетъ жизнь и движеніе округу и дѣлаетъ таджика вполне необходимымъ для узбека, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Но если таджикъ по своей натурѣ горожанинъ и стремится поселиться въ городахъ, то съ другой стороны ему въ этомъ часто мѣшаютъ чисто физическія условія: недостатокъ мѣстъ внутри городовъ и сплоченность узбекскаго населенія кругомъ городскихъ стѣнъ — извнѣ. Эти условія привели къ тому, что азіатскіе города застроены весьма тѣсно, такъ что домъ давитъ домъ и даже при весьма плохихъ строительныхъ матеріалахъ дома вырастаютъ двухэтажные, дворы бываютъ самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, а о площадяхъ—и помину нѣтъ! Если смотрѣть на азіатскій городъ сверху, то кажется, что плоскія крыши его строеній сливаются, примыкаютъ одна къ другой, образуютъ одну сплошную крышу города. Окончательный недостатокъ мѣстъ для построекъ въ городѣ заставляетъ таджиковъ, помимо ихъ собственнаго желанія, селиться въ кишлакахъ и въ этомъ случаѣ они избираютъ для своихъ поселеній мѣста ближайшія къ городамъ, большимъ караваннымъ дорогамъ и базарнымъ мѣстамъ или крѣпостцамъ, имѣя въ виду, при первой представившейся возможности переселиться въ городъ или его предмѣстье.

На обозначенной въ общихъ чертахъ территоріи живутъ, совершенно различныя по типу и языку, таджики, одинаковыя только по своимъ духовнымъ качествамъ. Туземцы округа говорятъ совершенно вѣрно: „*всякій городъ имѣетъ своихъ таджиковъ*“. Понятіе, что каждый городъ имѣетъ своихъ таджиковъ, такъ вкоренилось въ нихъ, что они всегда называютъ себя по городамъ. Если спросить узбека: кто онъ такой, то онъ отвѣтитъ: я узбекъ, ктай, катаганъ и т. п. Таджики же на такой вопросъ скажетъ: я бухарецъ, ташкентецъ, ходжентецъ, самаркандецъ и проч., но не скажетъ или въ рѣдкихъ случаяхъ скажетъ: я таджикъ. Въ Средней Азіи принято, ввелось въ обычай, что если кто называетъ себя по имени города, то онъ таджикъ. Сказать таджикъ, все равно, что сказать узбекъ. Не отличить узбека катагана отъ узбека ктая—невозможно. Точно также нельзя не отличить по достаточномъ изученіи—таджика пенджекентца отъ таджика—гисарца и т. д.

Таджики долины *) не выражаютъ собою какой нибудь установившійся типъ; это не то что родовитый ктай-узбекъ. Племя таджикское, если можно такъ выразиться, безлично, или лучше сказать: замѣтно выражаетъ въ себѣ типы всѣхъ племенъ, населяющихъ округъ, такъ что сказать: типъ таджика такой-то, нѣтъ никакой возможности. Таджики округа есть амальгама всѣхъ, населяющихъ его народностей. Помѣсь, называемая таджиками, отражаетъ въ себѣ типы: узбекскій, татарскій, еврейскій, цыганскій, даже славянскій, арабскій, персидскій, индійскій и у нея только одно общее—это духовная сторона: къ какому бы племени ни относился таджикъ по лицу, онъ всегда и прежде всего торговецъ, легковѣрный и въ извѣстныхъ положеніяхъ—трусъ. Въ округѣ очень много пришлыхъ таджиковъ изъ Ташкента, Ходжента, Кокана, Маргеляна, Андиждана, Карши, Гиссара, Бухары; короче сказать почти изъ всѣхъ городовъ Средней Азіи стекались таджики при заселеніи округа, послѣ послѣдней катастрофы (120 лѣтъ

*) О горныхъ таджикахъ въ этомъ очеркѣ мы не будемъ говорить.

тому назадъ случившейся). Всѣ эти пришлые, имѣя свои типичные отпечатки, столкнувшись въ округѣ, перемѣшались между собою и еще болѣе усложнили теперешній типъ таджика. Онъ не поддается обрисовкѣ нѣсколькими чертами и а иногда и совершенно въ нихъ теряется.

Однако, не смотря на все вышесказанное, при достаточно внимательномъ наблюденіи таджиковъ долины округа, они могутъ быть отнесены къ двумъ, весьма характернымъ группамъ. Въ одной изъ нихъ преобладаетъ кровь узбекская; въ другой кровь остальныхъ народностей Средней Азіи. Кромѣ того, одна группа отличается отъ другой языкомъ и мѣстомъ жительства, т. е. первая группа живетъ по преимуществу въ деревняхъ и говоритъ преимущественно на узбекскомъ языкѣ, вторая же имѣетъ мѣстомъ своего жительства преимущественно города и говоритъ преимущественно на персидскомъ нарѣчій. Таджики второй группы—цвѣтъ населенія округа; по лицу и вообще по всему тѣлосложенію, а также и по уму они стоятъ выше всѣхъ остальныхъ его народностей. Въ ней преобладаютъ люди съ нѣжными, правильными, чисто европейскими чертами лица, легкаго, граціознаго, но не сильнаго тѣлосложенія; съ цвѣтомъ лица бѣлымъ, съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ смугловатости; съ глазами большими, продолговатаго разрѣза, черными и только весьма рѣдко голубыми. Волосы у нихъ по преимуществу черные, но встрѣчаются, хотя и весьма рѣдко, рыжіе (навѣрно помѣсь съ евреями или казанскимъ татаринѣмъ). Ихъ брови бываютъ прямыя, точно подведенныя. Борода густая, формы отъ окладистой до того, что называется клиномъ. Что касается до формы носа, то онъ лучше всего даетъ понятіе: къ какой помѣси, еврейской, авганской и проч. принадлежитъ таджикъ и переходитъ отъ чисто орлинаго до формы носа, о которомъ говорятъ, что онъ „топоромъ“.

Еврейскія и персидскія черты преобладаютъ въ этой группѣ, особенно въ Самаркандѣ, такъ какъ въ Самаркандѣ много евреевъ и персіанъ, съ которыми таджики весьма охотно вступаютъ въ бракъ. Кромѣ того, молодые евреи, вслѣдствіе

особыхъ причинъ, въ прежнее время добровольно или по принужденію, обращались въ мусульманство, причисляя себя къ таджикскому племени: еврей мусульманинъ самъ себя называетъ таджикомъ; также называютъ его и прочіе мусульмане.

Красивая еврейка, а такихъ между ними очень много, понравившаяся мусульманину, особенно знатному или духовному, дѣлалась его женой, перемѣнивъ первоначально вѣру, и дѣлаясь вслѣдствіе этого таджичкой. Горожане, какъ болѣе богатые, держали рабовъ и рабынь изъ персіянъ, что само собою, оставляло замѣтные слѣды въ нараждающемся поколѣніи персидской крови. Родившійся отъ рабыни и таджика, если хочетъ отецъ, причисляется къ семьѣ и становится таджикомъ.

Индійцы, какъ извѣстно, проживаютъ въ округѣ безъ женъ и жениться не имѣютъ права; такое безбрачное положеніе индійцевъ, живущихъ обыкновенно въ средѣ таджикскаго населенія, тоже не осталось безъ естественныхъ послѣдствій. Если еще прибавить, что откровенные таджики не стѣсняясь говорятъ, что они не знаютъ, которые изъ дѣтей ихъ женъ принадлежатъ имъ, то станетъ яснымъ, почему таджикскій типъ заключаетъ въ себѣ отпечатокъ всѣхъ народностей, среди которыхъ они живутъ.

Въ Катта-Курганъ и его окрестностяхъ много арабовъ, что и отразилось на катта-курганскихъ таджикахъ. Въ Пеншамбе есть евреи и это тоже не прошло безслѣдно для пеншамбинскаго таджика. Ургутскій таджикъ обновляется преимущественно кровью гальча, что выразилось въ его рѣзкихъ, энергическихъ чертахъ и сильномъ сложеніи *).

Изъ сказаннаго о второй группѣ таджиковъ Заравшанскаго округа, изъ представленнаго выше очерка ея типа, не слѣдуетъ заключать, что въ немъ вовсе незамѣтна кровь узбека:

*) Около Ташкента есть деревня Ногай-Курганъ, заселенная почти исключительно татарами, выходцами изъ разныхъ концовъ Россіи. Кромѣ того, въ самомъ городѣ Ташкентѣ и его окрестностяхъ много татаръ. Ихъ *типъ* и *языкъ* отразились на всемъ ташкентскомъ населеніи, хотя въ этомъ городѣ есть и *чистые* таджики, съ правильнымъ, персидскимъ говоромъ.

таджики этой группы въ большинствѣ случаевъ не свободны отъ этой примѣси, но она, такъ сказать, только проглядываетъ, составляетъ побочную, а не характерную черту ея типа.

Совершенно не то мы видимъ въ первой группѣ. Членовъ ея составляютъ по преимуществу таджики деревень, окруженныхъ узбекскими деревнями. Эти таджики вполнѣ поглощены узбекской средой; они слились съ узбеками земледѣльцами и главнымъ занятіемъ самихъ ихъ служить земледѣліе; первый беретъ себѣ въ жены дочь втораго и обратно. Языкъ персидскій, какъ роскошь при подобной обстановкѣ, почти совершенно изгнанъ изъ семейства таджиковъ этой группы.

Кровь монгольская, какъ кровь сильнѣйшаго народа, стала на столько преобладающей надъ аріійской въ этой группѣ, что нужно много наблюдательности, чтобы отличить такого таджика отъ узбека. Однако на сколько бы ни *обузбечился*, если можно такъ выразиться, таджикъ, ни одинъ родъ, ни одно отдѣленіе узбековъ не признаетъ его за своего, за узбека, но всегда отличить его названіемъ таджикъ, а подъ худую руку—сартъ. Утеравъ свой аріійскій складъ лица, таджики деревень удержали нѣкоторые изъ обычаевъ и занятій, свойственныхъ всѣмъ вообще таджикамъ и охоту къ торгашеству. Узбекъ при первой возможности обзаведется скотомъ, перейдетъ въ степь къ своимъ родичамъ и будетъ кочевать. Таджикъ-узбекъ, скопивъ деньги, въ большей части случаевъ, дѣлается джальябъ-сатаромъ (перекупщикомъ, кулакомъ), а потомъ и саудагаромъ (купцомъ); пріобрѣтетъ въ городѣ или городскомъ предмѣстьѣ лавчонку и прибавитъ къ своему имени эпитетъ „бай“ (богатый, значительный).

Узбекъ не охотно ткеть; онъ выдѣлываетъ мату, бузь, и рѣдко—алачу. Таджикъ узбекъ мату и бузь почти не ткеть; онъ берется за выдѣлку болѣе цѣнныхъ матерій, требующихъ большого искусства; онъ производитъ: адрясъ, аладу, каламу и хосу хорошаго достоинства. Первый, говоря вообще, не любитъ пляску бачей; второй, и съ лицомъ узбека, поклонникъ базымовъ и бачей. Точно также узбекъ не любитъ муллъ и не посылаетъ — развѣ при исключительныхъ обстоятель-

ствахъ—своихъ сыновей въ медресе. Для таджика-узбека мулла всегдашняя мечта, онъ на муллу смотритъ какъ на—саудагара своего рода, и очень хорошо понимаетъ, что съ этимъ званіемъ связано тунейдство, зашибаніе ни зато ни засе денегъ, а потому при первой возможности отсылаетъ своего сына въ медресе.

Какъ упомянуто нами выше, по лицу, таджики первый группы—тѣ же узбеки; только въ нихъ смягчено угловатое, рѣзкое очертаніе лица узбека и оно перешло въ болѣе мягкое; скулы у нихъ не такъ выдаются, глаза немного косо вставленные и больше, носъ болѣе прямой и лучшей, на взглядъ европейца,—формы. Борода гуще и волосы растутъ на щекахъ, тогда какъ у здѣшняго узбека, хотя и бываетъ борода, но за то не бываетъ на щекахъ густыхъ волосъ. Впрочемъ, между узбеками округа, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, встрѣчается весьма много особей, положительно ничѣмъ не отличающихся отъ таджиковъ деревень. Прибавимъ еще, что таджики деревень стараются брать въ жены узбечекъ, какъ женщинъ сильныхъ и неутомимыхъ работницъ. Красота тутъ не при чемъ.

Мы, описывая таджиковъ, раздѣлили ихъ на двѣ группы, и это дѣленіе не совсѣмъ произвольное; по крайней мѣрѣ характерныя особы каждой изъ нихъ до того рѣзко отличаются между собою, что нѣтъ мѣста мысли о ихъ смѣшиваніи. Но зато есть грань, на которой они сливаются, гдѣ одна группа уже переходитъ въ другую.

Есть ли чистый таджикъ? Что такое таджикъ?—Въ Средней Азіи происходитъ борьба, главнымъ образомъ, между двумя племенами: арійскимъ и монгольскимъ и въ этой борьбѣ за типъ выказывается вся *органическая* жизнь Средней Азіи. Борьба эта выработываетъ особую породу людей, въ которой будутъ соединены физическія и духовныя особенности обоихъ реагентовъ. Масса и цѣльность на сторонѣ узбековъ; развитіе — на противной сторонѣ. Поэтому намъ кажется, что чисто физическія свойства новаго типа, свойства линій и размѣровъ, будутъ, какъ оно уже есть и теперь,

гдѣ соединеніе произошло, сильно напоминать монголовъ, духовная-же сторона болѣе склонится на сторону арійскаго племени, за которымъ давность духовнаго развитія. По нашимъ собственнымъ, шести-лѣтнимъ наблюденіямъ, физическая сторона таджика черезъ—чуръ слаба, неустойчива. Отъ помѣси таджика съ другою народностью всегда является индивидуумъ съ чертами этого втораго элемента смѣси. Для насъ это служить признакомъ, что теперешній таджикъ Средней Азій (долинъ, а не горъ) уже много принялъ въ себя чуждой его коренному племени крови, что чистаго таджика въ долинахъ Средней Азій нѣтъ. Это наше мнѣніе. Что такое таджикъ? Этотъ вопросъ мы оставимъ вопросомъ.

Таджики не дѣлятся на роды или отдѣленія, подобно узбекамъ; они утратили дѣленіе. По поводу такого отсутствія между таджиками дѣленій, узбеки смѣются и говорятъ: „таджики не знаютъ своего отца, своей крови, у нихъ нѣтъ родословной; они не люди, а сарты“. Таджики же, на эти насмѣшки возражаютъ: „мы народъ отца, у котораго былъ одинъ сынъ, одинъ внукъ и одинъ правнукъ, а потому и разныхъ дѣленій, существующихъ у узбековъ, у насъ быть не можетъ“. Не смотря на это, таджики, изъ подражанія ли узбекамъ, или по другимъ какимъ либо причинамъ, довольно строго сохраняютъ названія, присвоенныя ими себѣ, или, по прежнему имени своего мѣстожителства, или по исключительнымъ занятіямъ, или наконецъ отъ предковъ.

Мы приведемъ для примѣра нѣсколько подобныхъ названій извѣстныхъ только въ Самаркандѣ:

1) Таджики — *джаусартъ*, живутъ около воротъ Пули-Сафитъ.

2) *Саетъ* (охотники) занимали самаркандскую цитадель; по занятіи ее русскими, расселились по городу и его предмѣстьямъ.

3) *Баги-Баланди* и *Баги-Майдани*, носятъ названія по кишлакамъ, изъ которыхъ они переселились въ городъ, 60 лѣтъ тому назадъ.

4) *Матриды* называются по имени святаго Матриды, ихъ предка.

5) *Махалла* (кварталъ), приняли это названіе жители предмѣстья Самарканда отъ Ходжа-Ахрарскихъ воротъ, до канала Даргама, по кара-тюбинской дорогѣ.

6) *Муллиане*—жители предмѣстья города отъ воротъ Календаръ-Хана, до ручья Оби-Машать, по дорогѣ на Ургутъ.

7) *Ташкенди*, заселяютъ цѣлый кварталъ этого-же названія.

8) *Маликэ*, считаютъ себя потомками Александра Маликэ, котораго, кажется, слѣдуетъ отличать отъ Искандера Зулкарнайна (Алекс. Макед.).

Приведенныя названія таджики удерживаютъ за собою въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ; по большей части таджики одного названія составляютъ, если они многочисленны, кварталъ, деревню; въ противномъ случаѣ — приходъ, выселокъ. Они имѣютъ свои мечети, изъ среды себя мулль, старшинъ (аксакаловъ) и всѣ между собою самые близкіе родственники. При выдачѣ дочерей таджикамъ другихъ названій, они непременно возьмутъ большій калымъ, нежели выдавая ихъ въ свою общину. На обрѣзаніе, свадьбу, похороны или бавымъ приглашаются преимущественно одноименные. Поля у нихъ вмѣстѣ, нераздѣльныя, скотъ пасется тоже вмѣстѣ. Обидѣть одного таджика, ташкенди напримѣръ, значить обидѣть всю общину Ташкенди.

На кулачныхъ бояхъ противныя стороны состоятъ изъ *разноименныхъ* таджиковъ. Однимъ словомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, общія названія играютъ у таджиковъ ту же роль, какъ и роды, отдѣленія и проч. у узбековъ; они группируютъ таджиковъ въ общины, черезъ что сообщаютъ имъ силу круговой поруки.

Вновь поселяющійся таджикъ между маликэ, напримѣръ, не носитъ названія „маликэ“. Онъ просто таджикъ, безъ эпитета.

Языкъ таджиковъ—персидскій, но, какъ сказано выше, на немъ говорятъ далеко не всѣ таджики. По причинѣ преобладанія въ округѣ узбековъ, необходимости частаго сношенія съ ними таджиковъ и, — съ малыми исключеніями, — незнанія первыми персидскаго языка, всѣ таджики уже съ малолѣт-

ства говорить по узбекски и для нихъ онъ такой же родной языкъ, какъ и персидскій; онъ даже болѣе употребительный: между собою таджики почти всегда говорятъ по узбекски.

Персидскій языкъ *)—языкъ муллъ, мударисовъ, казіевъ, мурзъ; на немъ проходятъ науки въ медресахъ **), на немъ пишутъ письма, и въ прежнее время на немъ же производились сношенія между беками округа и властителями Средней Азии. Среди ученыхъ округа и акъ-сіаковъ (бѣлая кость, дворянинъ) встрѣчаются особы, презирающія узбекскій языкъ; зная его, они никогда на немъ не говорятъ. Между женщинами же таджичками много находится такихъ, которыя или вовсе не знаютъ узбекскаго языка, или знаютъ его весьма плохо.

Замѣтимъ еще, что, по отзывамъ туземцевъ, въ Самаркандѣ насчитывается нѣсколько говоронъ персидскаго языка.

Таджики принадлежать къ сунитскому толку, къ которому по крайней мѣрѣ официально, принадлежитъ вообще все население округа, исключая евреевъ ***).

Среднеазиатцы, чѣмъ болѣе учены, тѣмъ болѣе фанатичны и тѣмъ менѣе понимаютъ истинное значеніе религіи. Смыслъ названія „ученый среднеазіятецъ“ будетъ объясненъ въ своемъ мѣстѣ. Также слѣдуетъ разъяснить, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ выраженіемъ „фанатизмъ“ въ примѣненіи къ среднеазіятцу. Ошибется тотъ, кто выраженіе: религіозный „фанатизмъ среднеазіатца“ пойметъ въ обыкновенномъ, принятомъ всѣми значеніи. Фанатизмъ, какъ безкорыстная религіозная ненависть къ другому исповѣданію и строгое послѣдованіе своему изъ одного принципа, если и присущъ нѣкоторымъ мусульманамъ округа, то не иначе, какъ въ видѣ исключенія; такія особы и вообще во всѣхъ странахъ составляютъ рѣдкость, тѣмъ болѣе въ Средней Азии. Вообще же таджикъ только кажется фанатикомъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы мож-

*) Можетъ быть было бы правильнѣе вмѣсто „персидскій языкъ“ сказать: „наръчіе персидскаго языка или-же „таджикскій языкъ.“?

**) Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что на узбекскомъ языкѣ не преподають въ медресе.

***) Индійцы не имѣють осѣдлости въ округѣ.

но было поставить себя на ту точку, въ глазахъ другихъ, съ которой уже легко будетъ ему достигнуть доходнаго мѣста и эксплуатировать грубость и невѣжество толпы. Для такихъ таджиковъ религія и деньги—синонимы. Они только надѣваются на себя маску фанатизма, но даже сами не вѣрятъ, чтобы они и въ заправду могли быть фанатиками; вѣрнѣе сказать: они не понимаютъ фанатическаго состоянія челоуѣка. Бывшій рыаный антагонистъ русскихъ во имя вѣры, получивъ отъ нихъ доходное мѣсто или подачку деньгами, становится ихъ защитникомъ передъ другими одинаковыми съ нимъ фанатиками. Онъ разъясняетъ имъ въ чемъ *суть дѣла*, а они съ своей стороны хорошо его понимаютъ и начинаютъ заискивать расположеніе *невѣрныхъ*, чтобы тоже не упустить возможности чѣмъ нибудь отъ нихъ попользоваться.

Въ округѣ религіозность есть профессія; чистое поклоненіе идеямъ Магомета не существуетъ въ массѣ, муллы же, казіи, богачи и монахи смотрятъ на религіозность, какъ на средство къ обогащенію, пріобрѣтенію почета, а потому исполняютъ требованія своей вѣры исключительно наружно, на показъ другимъ—передъ толпой. Истинно-правовѣрный всегда съумѣетъ выбрать мѣсто для молитвы и исполненія религіозныхъ обрядовъ посреди народа. Чѣмъ моднѣе мѣсто, тѣмъ онъ долѣе будетъ совершать намазъ. Мусульмане такое поведеніе молящихся объясняютъ подаваніемъ примѣра другимъ. Такое объясненіе при всей несостоятельности самаго принципа, могло бы быть вѣрно, если бы усердный богомолецъ, стоящій передъ толпой, не получалъ за свою набожность матеріальнаго вознагражденія, если бы онъ заранѣе не зналъ, что его ханжество доставитъ ему почетъ, мѣсто, вѣсь его мнѣніямъ и тому подобныя выгоды, и если бы онъ также усердно молился и безъ свидѣтелей. А онъ все это знаетъ и вѣѣ толпы забываетъ о молитвѣ, если же и совершаетъ ее, то какъ скучную обязанность, спѣша сократить трату на нее времени....

Масса таджикскаго народа не религіозна; она равнодушно относится къ постановленіямъ своей религіи, избѣгаетъ

намазовъ, хожденія въ мечеть, если видить, что отъ такого образа дѣйствія не пострадаетъ матеріально.

Но если толпа отличается такими, нерелигіозными наклонностями въ своей совокупности, если эти наклонности находятся въ ней, какъ присущія массѣ, то, съ другой стороны, эта же самая толпа требуетъ отъ каждого своего члена порознь полной религіозности и не терпитъ отъ нихъ никакихъ упущеній въ отношеніи вѣры. Масса не прочь уклониться отъ хожденія въ мечеть (что уже доказывается, помимо прямого наблюденія, существованіемъ раисовъ), не посылать своихъ дѣтей въ махтабъ-хана, имѣть противузаконную связь съ женой своего сосѣда или бачею, не совершать омовенія и проч. Но если одинъ изъ ея членовъ попался въ одномъ изъ подобныхъ проступковъ и наказанъ за него, то вся масса будетъ указывать на виновнаго пальцами, считать самымъ негоднымъ своимъ членомъ, невѣрнымъ. Попался—слѣдовательно виновенъ; тайна, лицемѣріе въ большемъ ходу у туземцевъ. Имамы рассказываютъ слѣдующее: „до прихода русскихъ, когда существовала должность раиса, въ мечеть ходило изъ 30 прихожанъ 15—20; съ занятіемъ же округа русскими и съ уничтоженіемъ раисовъ, изъ такого же числа прихожанъ являются въ мечеть на молитву 5 или много—много 10, и то исключительно старики. Духовно-полицейская власть уничтожилась—прекратилось и хожденіе въ мечеть.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ уменьшеніи учениковъ въ махтабъ-хана, а извѣстно, что обученіе дѣтей у мусульманъ признается дѣломъ религіи. Теперь уже, говорятъ жители, можно не посылать дѣтей въ школу, не тратиться на ихъ обученіе.

На духовенство таджикъ смотритъ, какъ на людей, живущихъ его трудомъ, обзываетъ его неприличными именами, но въ присутствіи духовныхъ лицъ показываетъ по большей части глубокое къ нимъ уваженіе. Всѣ желаютъ, чтобы ихъ сыновья были казіями или амлякдарами (сборщикъ податей), при чемъ смѣшиваютъ оба эти званія: и къ казію, и къ амлякдару относятся совершенно съ одинаковымъ почтеніемъ. Ходжей и сеидовъ таджики

называютъ обманщиками, произвольно присвоившими эти званія; но завидуютъ имъ, какъ лицамъ, больше ихъ имѣющимъ средствъ пріобрѣтать деньги безъ труда и пользующимся—хотя и не всегда—видимымъ почетомъ.

По базарамъ шляются проповѣдники, ораторы; они рассказываютъ передъ народомъ исторіи про святыхъ, про разныя ихъ чудеса, совершаемыя этими святыми даже въ настоящее время, и проч. Между подобными проповѣдниками есть обладающіе увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Но для таджика совершенно все равно, какъ бы рассказчики ни говорили: хорошо ли, дурно ли,—а всегда наберется вокругъ его значительная толпа. Въ кругу этой толпы, жестикулируя и крича, расхаживаетъ рассказчикъ, иногда съ плачемъ рассказывая что нибудь очень трогательное изъ жизни святаго. Таджики слушаютъ, внимательно смотрятъ на жестикуляцію рассказчика, но какъ только дѣло приходитъ къ концу, толпа рѣдѣетъ, и рассказчику зачастую приходится конецъ передать пустому пространству.

Дѣло въ томъ, что проповѣдники—о чемъ народъ хорошо знаетъ—оканчиваютъ свой рассказъ или проповѣдь обращеніемъ къ карману слушателей, что не по душѣ таджикамъ; они слушаютъ рассказчика—это правда, но смотрятъ на него, какъ на томашиста (забавника), какъ на гаера, помогающаго имъ веселѣе и бесплатно убивать свободное время.

Особенно таджики не любятъ монаховъ, мюридовъ и ихъ главу ишана. Они называютъ ихъ дармоѣдами, прощальгами. Тѣмъ не менѣе и чернь, и муллы, и купцы жаждутъ выразить ишану публично свое расположеніе и преданность. Поклониться ишану, услышать отъ него привѣтъ себѣ при другихъ, считается верхомъ благополучія для правовѣрнаго.

Когда до взятія Самарканда ученики медресе (муллы) и духовенство подняли крики, призывая народъ вступить съ кафирами-русскими въ священную борьбу, начали подстрекать самаркандцевъ, слѣдовательно, по преимуществу, таджиковъ, къ поголовному вооруженію, то самаркандскій бекъ приказалъ своимъ сарбазамъ усмирить оружіемъ этотъ свя-

щенный пылъ духовенства. Сарбазы перекололи на дворѣ медресе Тилла-Кары болѣе 200 защитниковъ вѣры, а народъ не только не защищалъ ихъ, но смѣялся надъ ними и кричалъ: „наши муллы хотѣли сдѣлаться сильными“. По азіатски быть сильнымъ и грабить, почти синонимы.

Вакфъ—установленіе религіозное, а между тѣмъ таджики говорятъ: „почему съ насъ берутъ поземельную подать, а съ вакфовъ—не берутъ? Братъ, такъ по ровну со всѣхъ“. Мечеть, домъ общественной молитвы, сами жители отводятъ намъ, русскимъ, для ночлега, когда русскому по какому либо случаю приходится переночевать въ деревнѣ, въ которой нѣтъ приличнаго и большаго дома.

Самыя священныя мѣста Самарканда и его окрестностей находятся въ невообразимомъ запущеніи. О благолѣпіи ихъ никто не заботится. На каждое, почему либо священное для мусульманина мѣсто, сами мусульмане смотрятъ, какъ на статью дохода. У гробницъ святыхъ до тѣхъ поръ только живутъ его потомки или монахи, пока она приноситъ прибыль, привлекаетъ поклонниковъ; изсякнетъ доходъ—исчезли и охранители гробницы.

Деньги, жертвуемыя на исправленіе и поддержку замѣчательныхъ мѣстъ, идутъ въ карманы тѣхъ, кому ихъ дали. Ходжа-Ахраръ (мечеть и медресе) по общему увѣренію мусульманскихъ ученыхъ округа, владѣла святынею, кораномъ Османа; листы этого корана омочены кровью халифа, убитаго въ то время, когда онъ читалъ этотъ коранъ. Преданію нельзя вѣрить *). Но невѣримъ мы, европейцы, мусульмане же не имѣютъ и тѣни сомнѣнія въ подлинности ходжа-ахрарскаго корана. И тѣмъ не менѣе муллы этого медресе, не задумываясь, продали свою святыню за 100 рублей, да еще въ придачу къ нему (100 руб. даже показалось имъ очень большою платою за коранъ Османа) дали другой, небольшой коранъ, написанный тоже куфическими буквами и на кожѣ газели.

*) На коранъ впрочемъ видно что-то похожее на слѣды крови.

Самаркандцы считаютъ на своихъ кладбищахъ болѣе 6000 святыхъ; однако ничто у нихъ не содержится въ такомъ запустѣніи, такъ небрежно, какъ наполненные прахомъ святыхъ кладбища; они даже не огорожены; нечего и говорить, что они не посѣщаются съ религіозною цѣлью.

Что касается до знакомства таджиковъ съ кораномъ и шаріатомъ, то въ этомъ отношеніи, за весьма рѣдкими исключеніями, они полнѣйшіе невѣжды. Коранъ и шаріатъ плохо знаютъ большинство муллъ и казіевъ. Одни муфтіи хорошо знакомы съ шаріатомъ, который даетъ имъ хлѣбъ. Намъ извѣстно, что самыя обыкновенныя молитвы знаютъ не все таджики.

Разбогатѣвшіе купцы строятъ мечети и даже медресе исключительно потому, что о нихъ по этому поводу будутъ долго говорить въ народѣ; духовенство сдѣлается ихъ друзьями, народъ будетъ относиться къ нимъ съ большимъ уваженіемъ и ихъ торговыя операціи приобрѣтутъ большую устойчивость; зякетчи не смѣетъ не быть его другомъ, казіи—покровителемъ. Постройки такія располагаютъ въ пользу жертвователя общественное мнѣніе.

Таджики лучше другихъ народовъ округа сознаютъ выгоду казаться религіозными, и, по своей натурѣ, тоже лучше другихъ умѣютъ извлекать пользу изъ званій: муллы, имама, казія, монашескаго и проч. Таджикъ вмѣщаетъ въ себѣ лицемерную религіозность, царствующую въ округѣ. Все, что есть пошлаго, грубо-обманчиваго, отвратительнаго въ ханжахъ вообще, а у средне-азіатцевъ въ особенности, все это сконцентрировано въ таджикахъ—духовныхъ, изъ всего этого состоитъ ихъ религіозность... На сколько таджики овладѣли духовными мѣстами въ округѣ, лучше всего покажутъ цифры: въ округѣ насчитывается свыше 2000 мечетей, въ которыхъ не больше 50—60 муллъ и имамовъ не изъ таджиковъ. Что касается до должностей казіевъ, то они, исключая Пейшамбе, заняты одними таджиками.

Намъ приходилось слышать слѣдующее разсужденіе таджиковъ: „вы, русскіе, сильнѣе насъ и если бы приказали намъ

РУССКІЙ ТУРКЕСТАНЪ.

77049

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

перемѣнить вѣру, то мы должны были бы исполнить ваше приказаніе. Мусульманство между нами введено тоже силой. Нашъ народъ податливъ; развѣ муллы не были бы согласны на перемѣну вѣры; на то они много учились, мусульманство даетъ имъ хлѣбъ. Но вы оставили намъ нашу вѣру и за это мы вамъ благодарны“.

Всѣ роды дѣятельности, имѣющіе мѣсто въ округѣ, не только знакомы таджикамъ, но, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ въ нихъ лучшихъ представителей, а по нѣкоторымъ изъ своихъ отраслей вмѣстѣ съ тѣмъ и единственныхъ. Мы разберемъ таджика какъ земледѣльца, ремесленника, торговца и ученаго.

1). *Таджикъ земледѣлецъ.*

Таджики, будучи разбросаны по различнымъ мѣстностямъ округа, занимаются всѣми отраслями земледѣлія: они хлѣбопашцы, садоводы, огородники и скотоводы. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ они, при первой выдавшейся возможности, только предприниматели, затрачивающіе капиталъ, а не непосредственные дѣятели и не работники. Они сознаютъ матеріальную выгоду владѣнія землею и занятіе земледѣліемъ, но сосредоточивать свои силы исключительно на немъ, видѣть все свое богатство только въ землѣ — несообразно съ ихъ натурой, требующей большого круга дѣятельности и обладающей разносторонними способностями. Трудъ пахаря не подь силу горожанину, да и таджикъ деревни не всегда самъ пашетъ. Къ тому же наемъ работника узбека стоитъ недорого. Здѣсь мы сдѣлаемъ не большее отступленіе, и скажемъ нѣсколько словъ о безземельныхъ въ округѣ, что будетъ относиться вообще ко всѣмъ народностямъ, его населяющимъ.

Во округѣ землевладѣльцевъ значительно меньше, нежели обыкновенно полагаютъ. Отношеніе между поземельными собственниками и не имѣющими земли, для цѣлаго округа, пока вывести нельзя, по не имѣнію достаточнаго количества данныхъ этого рода. Въ частности же это отношеніе приблизительно извѣстно намъ для нѣсколькихъ тюменей. Въ Чи-

лекскомъ, на примѣръ, онъ равняется 3: 1; въ *Ангарскомъ* = (4: 1; въ *Шаударскомъ* *) не много выгоды, нежели въ Чилекскомъ. Всѣ безземельные нанимаются въ работники къ владѣющимъ землею на условіяхъ, по договору. Условія найма работника зависятъ отъ средствъ нанимающагося. Если онъ имѣетъ быковъ или быка, или же сѣмена, то условія одни, въ противномъ случаѣ другія; имѣющіе что нибудь изъ поименованнаго, нанимаются въ половинщики, черекары, десятичники и пр., т.-е. онъ получаютъ, по выдѣленіи подати, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{10}$, часть урожая. Половину получаетъ тотъ работникъ, который затратилъ свои сѣмена и вспахалъ землю своими быками.

Кромѣ того, часть приходящагося работнику урожая уменьшается при большемъ количествѣ обработанной имъ земли. Нанимающій ни быковъ, ни сѣмянъ по преимуществу нанимается за деньги и прокормъ. Такой годовой работникъ, исполняющій, кромѣ полевыхъ работъ, еще и домашнія (въ зимнее время), получаетъ отъ 12—20 рублей, имѣя свою одежду, но пищу отъ хозяина. Узбековъ, ищущихъ работы, весьма много въ округѣ.

Перейду къ прерванному.

Имѣя возможность дешево приобрести работника изъ узбековъ, таджикъ всю тягость полевыхъ работъ сваливаетъ на него и на женъ, а самъ руководитъ ими и занимается посторонними дѣлами.

Самъ таджикъ обрабатываетъ землю только въ крайнемъ случаѣ, когда у него мало земли. Между ними тоже есть безземельные, но мы не знаемъ примѣра, чтобы таковыя таджики нанимались для земляныхъ работъ: они обыкновенно дѣлаются садовниками, конюхами, водовозами, прикащиками, мастеровыми, ремесленниками или мелкими торгашами, съ основнымъ капиталомъ въ рубль или два.

*) Въ Шаударскомъ тюменѣ находится городъ Самаркандъ, жители котораго, при вычисленіи этого отношенія, не приняты въ соображеніе.

Пашни, принадлежащія таджикамъ, всегда лучше узбекскихъ. Они уваживаются, обновляются, взрыхляются и засѣваются тщательнѣе узбекскихъ, хотя работаютъ тѣ же узбеки. На своихъ поляхъ таджики сѣютъ все, что по свойству мѣстности и по количеству оросительной воды возможно сѣять. У него не засѣянныхъ мѣстъ не бываетъ, чего нельзя сказать объ узбекахъ. Кто бы ни былъ таджикъ: купецъ, духовное лицо или должностное, онъ, если есть къ тому средства, навѣрно землевладѣлецъ; онъ отдаетъ свою землю въ аренду и часто по нѣсколько лѣтъ ее не видитъ, но всегда постарается отдать ее таджику же. Лучшіе сады принадлежатъ таджикамъ, а виноградники, безъ преувеличенія, однимъ имъ. Они разводятъ питомники, умѣютъ дѣлать прищепы и прививы, особенно тадъ. Они же разводятъ шелковичныя деревья всѣхъ сортовъ, т. е. балхи, марваришакъ, хосакъ, шатутъ и хоразминъ и занимаются выводкой шелкопряда. Огородныя растенія всѣхъ сортовъ, употребляемыя въ Средней Азіи, а также картофель и капусту, можно встрѣтить по преимуществу на таджикскихъ земляхъ.

Не упуская изъ виду ни одной отрасли земледѣлія, таджикъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, дѣлается скотоводомъ; мы не говоримъ о гуртовщикахъ таджикахъ, скупающихъ мелкій скотъ—это дѣло торговое—а о таджикахъ, занимающихся разведеніемъ скота, пасущихъ его и вмѣстѣ съ нимъ кочующихъ. Такіе полу-кочевники таджики находятся по южной границѣ округа и на востокъ отъ Пенджикента. Они исключительно разводятъ овецъ и козъ. О количествѣ находящагося у нихъ мелкаго скота мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія, а потому опустимъ цифры.

II). *Таджикъ ремесленникъ.*

Въ Средней Азіи вообще нѣтъ фабрикъ и заводовъ, нѣтъ мастерскихъ на широкую ногу, съ застратою большаго капитала на постройку зданія, пріобрѣтеніе машинъ и наемъ управляющихъ и т. п. Здѣсь всякое ремесленное производство ограничивается, сравнительно, микроскопическими раз-

мѣрами, разбивается по рукамъ, не сгруппировывается въ одномъ мѣстѣ. Исключеніе въ послѣднемъ смыслѣ составляетъ Ургутъ, который всей своей массой населенія обратился къ одной отрасли ремесленного производства: выдѣлкѣ алачи; но и тамъ нѣтъ мастерской, имѣющей больше 10 ткацкихъ станковъ.

Большая часть ремеслъ округа сосредоточивается въ рукахъ таджиковъ: они имѣютъ въ своихъ мастерскихъ больше рабочихъ и больше машинъ, нежели другіе народцы; кромѣ того они не имѣютъ, по нѣкоторымъ ремесламъ, не только соперниковъ, но и подражателей изъ другихъ народностей. Какъ ремесленники, таджики выказываютъ себя положительно способнымъ народомъ и, что весьма важно, у нихъ замѣтно желаніе усовершенствовать свои работы, перенимать лучшіе приемы, инструменты и подражать хорошимъ образцамъ. По издѣліямъ обращающимся въ округѣ работы таджиковъ, нельзя судить объ ихъ искусствѣ. Они производятъ, какъ и должно быть, только то, на что имѣется спросъ; они удовлетворяютъ своихъ потребителей.

У средне-азіатцевъ нѣтъ понятія о законченности, однообразіи, красотѣ, гармоніи и прочности вещи, или правильнѣе, обо всемъ этомъ у нихъ есть свое собственное понятіе не совпадающее съ европейскимъ, не подходящее подъ нашу мѣрку. Этому вкусу удовлетворяютъ таджики-ремесленники и, кромѣ того, они удовлетворяютъ главному условію дешевизнѣ. Масса потребителей округа бѣдна и цѣнныя произведенія ей не по средствамъ. Узбекъ купилъ зыбку: перекладины въ ней точеныя, раскрашенныя полосками; она вся ярко-цвѣтная, стоимость ея самая не значительная, и онъ совершенно доволенъ своей покупкой. Какое ему дѣло, что въ скрѣпахъ видна полнѣйшая небрежность со стороны мастера, что полоски не симметрично расположены, что стойки не ровны и что вообще чистоты въ отдѣлкѣ не видно.

Если дать таджику-устъ (мастеръ) образецъ извѣстному ремеслу, то онъ, не смотря на все несовершенство своихъ инструментовъ, на ихъ грубость и недостаточность, на іоту

не отойдетъ отъ образца. Таджики перемѣняютъ инструменты, манеру работы, въ немъ не замѣтна жилка рутинера. О дешевизнѣ ихъ работы, сравнительно съ работою русскихъ мастеровыхъ, и говорить нечего. Простой деревянный шкафъ изъ тополеваго дерева, заказанный русскимъ мастеровымъ Самарканда, стоитъ 30—35 руб. Такой-же точно шкафъ, и даже болѣе добросовѣстно и скорѣе сдѣланный, у таджикскихъ мастеровыхъ обойдется отъ 15 до 20 руб. а иногда и дешевле.

Таджики занимаются выдѣлкой *канауса* (исключительно тадѣ), *адрыса*, *бикасаба*, *алачи*, *каламы*, *хосы*, *дока*, *фоута*, *тибетъ-сали*, *бузи* (всѣхъ сортовъ). Окраской бумажныхъ нитокъ, шелка, шерсти и пуха таджики занимаются мало: они красятъ только въ красные цвѣта.

Для продѣванія основы чрезъ ремизки и набильникъ, для наведенія лоску на адрясъ, каламу, алачу и для размотки коконовъ существуютъ особые мастеровые; для набивки цвѣтовъ на мату—особые, и все изъ таджиковъ-же.

Кромѣ того, таджики занимаются: вышиваніемъ по различнымъ матеріямъ и по кожѣ, шитьемъ платьевъ, туземной, а въ послѣднее время и европейской обуви; выдѣлкой кожъ, производствомъ сѣделъ, свѣчъ и мыла, шорнымъ мастерствомъ, литьемъ вещей изъ чугуна *); кузнечнымъ, золотымъ, серебрянымъ и мѣднымъ мастерствомъ; плотничными, столярными, токарными и гончарными ремеслами и проч.

Нѣкоторые изъ перечисленныхъ работъ они производятъ на базарѣ, въ открытыхъ своихъ лавкахъ, другія въ домахъ. За работу они берутъ весьма мало. Если исчислить стоимость сыраго матеріала и переработаннаго, получившаго уже извѣстную форму, то часто приходится удивляться: изъ за чего таджики трудятся. Правда, что въ большей части случаевъ таджикъ въ одно и то же время работникъ, предприниматель и продавецъ; слѣдовательно покупщику не приходится вносить за покупаемую вещь вознагражденіе работнику, пред-

*) Льютъ колокола (въ Катъ-Курганѣ), плиты и проч

принимателю и купцу, или по крайней мѣрѣ въ меньшемъ размѣрѣ; но все таки эта лишняя плата покупателя весьма незначительна.

Занимающіеся однимъ ремесломъ называютъ другъ друга товарищами. Это товарищество выражается, между прочимъ, въ томъ (такъ было до занятія края русскими), что они въ извѣстное время года, предпочтительно весною, когда начнутъ цвѣсти розы, прекращая занятія въ своихъ мастерскихъ, дѣлаютъ (хозяева или усты) между собою складчину деньгами, покупаютъ барана, рисъ, лепешки, чай и проч., нанимаютъ бачей, музыкантовъ и, вмѣстѣ съ своими рабочими, какъ гостями, отправляются куда нибудь за городъ, на день—на два, томашиться, т. е. ѣсть плавъ, пить чай, восхищаться пляской бачей и музыкой.

Здѣсь будетъ уместно сказать нѣсколько словъ о наймѣ рабочихъ по нѣкоторымъ ремесламъ.

Неизвѣстно, вслѣдствіе чего въ Средней Азіи ввелось въ обычай, что работники ткачи, гончары, кузнецы, свѣчники и булочники иначе не нанимаются, какъ получивъ первоначально отъ своихъ нанимателей извѣстную сумму денегъ—*бунакъ*.

Величина бунака простирается отъ 4 руб. и до 40. Онъ зависитъ, какъ отъ искусства работника, такъ и отъ рода работы. Бунакъ есть собственность рабочаго до тѣхъ поръ, пока онъ остается у нанимателя. Онъ можетъ расходовать его, какъ ему угодно. Получивъ бунакъ, рабочій исправно получаетъ отъ своего хозяина задѣльную, по договору, плату по исполненіи извѣстнаго количества работы. Такъ ткачъ получаетъ плату за джюру сотканной матеріи, т. е. количество, потребное на 1 халатъ или 1 рубашку, гончаръ—когда выработаетъ (сдѣлаетъ и обожжетъ) одну печь посуды, и проч. Переходя къ другому хозяину или вообще отходя отъ нанимателя, рабочій обязанъ сполна выплатить полученный бунакъ. Происходитъ обыкновенно такъ: рабочій, сманенный другимъ предпринимателемъ, получаетъ отъ этого послѣдняго большій бунакъ, что даетъ ему возможность, уплативъ прежнему своему хозяину, еще имѣть свободныя деньги.

Туземцы рассказываютъ, что нѣкоторые изъ рабочихъ, получивъ бунакъ въ Самаркандѣ, бѣгутъ въ Бухару или другой городъ обратно. Кромѣ выдачи бунака и уговора о величинѣ задѣльной платы, другихъ условій между предпринимателями и рабочими не заключается, по крайней мѣрѣ въ Заравшанскомъ округѣ.

О размѣрѣ ремесленной дѣятельности таджиковъ въ округѣ мы можемъ, пока, говорить только въ общихъ чертахъ, не выражая ее въ цифрахъ. Мы можемъ сказать, напримѣръ, что таджики захватили въ свои руки почти всѣ ремесла въ округѣ, но сказать, что они производятъ на такую-то сумму, мы не можемъ: у насъ нѣтъ для этого достаточно данныхъ. Но все таки мы хотимъ и можемъ дать нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ можно будетъ извлечь читателю хотя слабое представленіе о размѣрахъ этой дѣятельности таджиковъ. Таджики въ Ургутѣ выдѣлываютъ въ годъ алачи на сумму свыше 250 тысячъ, и ведутъ ею торговлю, кромѣ округа и Шегрисябскаго бекства, съ Гисаромъ, Хулумомъ и многими другими мѣстами бассейна Аму-дарьи.

Въ Самаркандѣ на 31 станкѣ въ годъ вырабатывается 108 т. аршинъ канаусу, на 200 станкахъ — 360 т. аршинъ хоси на 100 станкахъ — 10,000 фотъ. Кажется, что не будетъ преувеличеніемъ, если положимъ, что таджики округа вырабатываютъ въ годъ на 750 т. рублей.

III. *Таджикъ торговецъ.*

Уже нѣсколько разъ мы упоминали, что таджикъ, по своей натурѣ, весьма склоненъ къ торговой дѣятельности. Онъ никогда не пропуститъ случая даже на время быть торговцемъ, хотя бы самымъ мизернымъ, такимъ, какой нигдѣ не мыслимъ, кромѣ Средней Азіи. Купить, что называется, на грошъ товару, достать на базарѣ мѣсто и сидѣть съ своимъ грошевымъ товаромъ по цѣлымъ днямъ, выручая по нѣскольку чекъ въ сутки, это такое наслажденіе для таджика, котораго не таджикъ и представить себѣ не можетъ! Жена и дѣти его сидятъ безъ куска хлѣба, работаютъ на сколько

хватаетъ человѣческихъ силъ, а мужъ или отецъ весь заработокъ беретъ себѣ, прикупаетъ на него товару и еще съ большимъ наслажденіемъ сидитъ надъ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ таджикъ сдѣлался купцомъ или вѣрнѣе — торгошникомъ, торговля дѣлается уже его маніей, а прибыли и увеличеніе товаровъ — исходной точкой всѣхъ его помысловъ. Онъ съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, чека за чекой сколачиваетъ теньги (20 к.) пускаетъ ихъ въ оборотъ, отказывая себѣ совершенно во всемъ, самомъ необходимомъ. Свой трудъ онъ ставитъ ни во что. Онъ переходитъ съ базара на базаръ, странствуетъ по всему округу, скупаетъ на деревенскихъ базарахъ или мѣняетъ на свой товаръ куръ, яйца, деревянные ложки, нитки и проч., чтобы съ барышемъ на чеку или на двѣ перепродать все это на городскомъ базарѣ. Беретъ въ долгъ за проценты товары въ городахъ, а на деревенскихъ базарахъ перепродаетъ ихъ иногда дешевле того, за сколько самъ взялъ. Но зато на вырученные деньги онъ на этихъ базарахъ скупаетъ по дешевымъ цѣнамъ арканы, мыло, веретена и тому подобное, и за все это на городскомъ базарѣ выручить плату за забранный въ долгъ товаръ и еще получить барышъ.

Такъ или иначе изворачиваясь, не жалѣя себя, иногда голодая, таджикъ пробавляется съ году на годъ; изъ копѣекъ дѣлаетъ рубли, при счастіи открываетъ свою лавочку, а не то — становится джалляпъ-сатаромъ отъ значительныхъ городскихъ купцовъ; ему вѣрятъ товара на двѣсти—пятьсотъ рублей. Онъ уже носить товаръ не на себѣ, а навьючиваетъ его на лошадь и уже не ходитъ, а разъѣзжаетъ по базарамъ округа, а съ теченіемъ времени, сколотивъ капиталъ, прибавляетъ къ своему имени эпитетъ *бай* (богатый) и дѣлается настоящимъ купцомъ.

Большинство купцовъ округа прошли по описанной дорогѣ. Многіе изъ одержимыхъ маніей быть купцомъ кончаютъ свой вѣкъ не достигнувъ завиднаго положенія „бая“; многіе отъ усиленнаго желанія поскорѣе разбогатѣть и отъ рискованныхъ промѣновъ раззоряются въ конецъ; ихъ мѣста за-

нимають другіе, а они обращаются въ водоносовъ, мардеке-ровъ (работниковъ) и проч. съ затаенною мыслию опять когда нибудь быть торгашемъ.

Желаніе торговать, пускать свои деньги въ оборотъ, такъ присуще таджику, что торговлей занимаются чрезъ другихъ даже муллы, имамы, мударисы, ишаны, казіи, амлякдары, аксакалы—однимъ словомъ всѣ лица, которыя владѣютъ извѣстной суммой свободныхъ денегъ. Торгуютъ старики, молодые, торгуютъ десятилѣтніе мальчики, торгуютъ наконецъ, женщины старухи. По этому самые не значительные города и базарныя мѣста поражаютъ обиліемъ лавченоекъ на своихъ базарахъ, обиліемъ торгующаго люда.

Быть купцомъ, значить быть почетнымъ, пользоваться полнымъ уваженіемъ отъ всѣхъ, кто имѣетъ меньше денегъ, кто получаетъ меньшіе барыши, а таджики болѣе всего любятъ и цѣнятъ почетъ. Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько цифръ, которыя хотя не много очертятъ степень стремленія къ торговлѣ въ таджикахъ.

Въ округѣ 33 базарныхъ мѣстъ, а въ недѣлю бываетъ 36 базаровъ. Джалляшъ-сатары (кулаки) переѣзжаютъ съ базара на базаръ группами; каждая изъ такихъ группъ успѣваетъ посѣтить въ недѣлю три базарныхъ мѣста, быть на трехъ и въ рѣдкихъ случаяхъ на четырехъ базарахъ. Слѣдовательно, всего подобныхъ группъ въ округѣ 12. Но въ округѣ, исключая лавокъ Самарканда и Катты-Кургана, въ разные базарные дни производится торговля 9500 человѣками изъ таджиковъ, почему, считая, что на каждыхъ трехъ базарахъ бываютъ одни и тѣ же лица, приблизительно можно принять, что всего торгующихъ кулаковъ въ округѣ не меньше 9500: 3, т. е. 3166 человѣкъ.

Отличительный характеръ торговли таджиковъ—довольство весьма не значительнымъ процентомъ прибыли, быстрая гуртовая распродажа и отсутствіе большихъ складовъ для товаровъ.

На таджикскихъ лавченкахъ, хотя и не видно объявленій: „безъ запроса“, но торговцы рѣдко когда запрашиваютъ;

правда, что горожанина покупателя не надуешь: онъ самъ хорошо знаетъ цѣну товарамъ; прїѣзжій же, если почему либо боится, чтобы съ него не взяли лишняго, имѣетъ возможность купить товаръ не чрезъ хозяина лавки, а чрезъ его сосѣда по лавкѣ. Онъ беретъ вещь и проситъ сосѣда того торговца, у котораго онъ ее взялъ, чтобы тотъ ему продалъ эту вещь; онъ при другихъ обращается къ совѣсти посторонняго торгующаго лица, но хорошо знающаго стоимость предмета, а кромѣ того, не заинтересованнаго въ прибыли. Сказать неправильную цѣну—почитается весьма не благовиднымъ: покупатель довѣрилъ ему, сдѣлавъ его своимъ *уакилемъ*, т. е. совѣстнымъ, обязаннымъ говорить правду. Уакиль, набросивъ на вещь необходимый процентъ, продаетъ ее покупателю, беретъ отъ него деньги и передаетъ ихъ настоящему продавцу.

Случается, что этотъ послѣдній за такую продажу выбрать уакиля, но не согласиться продать вещь за назначенную цѣну—не можетъ. Намъ говорили, что прежде никакихъ стачекъ между сосѣдами по лавкамъ на счетъ продажи товаровъ чрезъ третье лицо—не бывало.

Въ торговлѣ значительное участіе принимаютъ *джаляли*, служащіе при нѣкоторыхъ видахъ торговли необходимыми посредниками между покупателями и продавцами; такъ напр. при продажѣ свѣжихъ коконовъ джаляли присутствуютъ всегда и сводятъ въ цѣнѣ покупателей и продавцевъ. Въ этомъ случаѣ вознагражденіемъ имъ служить горсть коконовъ или чека, много двѣ, смотря потому, сколько взвѣшено коконовъ; платить всегда продавецъ. Джаляли не изъ таджиковъ мы не знаемъ и не слыхали, чтобы таковые были въ Заравшанскомъ округѣ.

Купецъ—таджикъ не столько заботится о высокихъ процентахъ, сколько о быстротѣ оборота капитала; въ теченіи года онъ сумѣетъ обернуть его разъ десять и даже больше. Торговли опредѣленными товарами, въ большей части случаевъ, у него нѣтъ въ теченіи года, да и въ данное время онъ не торгуетъ однородными товарами, а часто—самыми

противоположными, по своимъ свойствамъ. Въ небольшихъ лавкахъ напимѣръ, рядомъ съ шелковыми матеріями помѣщается мыло и чай, сѣра для жеванія, лѣкарства, яды и лакомства. Впрочемъ соединеніе такихъ разнородныхъ предметовъ въ самаркандскихъ таджикскихъ лавочкахъ бываетъ у небогатыхъ продавцевъ: т. е. у $\frac{6}{7}$ всего торгового люда города; у болѣе же богатыхъ вошло въ обычай имѣть нѣскольکو лавокъ, для разныхъ родовъ товара: въ одной торгуютъ исключительно матеріями, въ другой лѣкарствами, чаемъ и т. д.

Таджики, торговавшій въ этомъ мѣсяцѣ краснымъ товаромъ, въ будущемъ мѣсяцѣ будетъ торговать желѣзомъ, мѣдью, деревянной посудой и т. п. Все зависитъ отъ повышенія или пониженія цѣнъ на извѣстные продукты, отъ спроса и подвоза. Здѣсь мы говоримъ о незначительныхъ торговцахъ, которые не имѣютъ своихъ складовъ и комнатъ въ караванъ-сараяхъ и не имѣютъ прямыхъ сношеній по торговымъ дѣламъ съ подобными торговцами.

Торговцы, что можно уже заключить изъ того, что ихъ сравнительно весьма много въ округѣ, не владѣютъ большими капиталами и торгуютъ въ долгъ. Въ ихъ лавкахъ трудно найти много товаровъ; если понадобится нѣсколько штукъ сукна, то навѣрное придется набирать ихъ въ нѣсколькихъ лавченкахъ и притомъ, гдѣ взять $\frac{1}{4}$ штуки, гдѣ полъ-куска. Но зато, если нынче извѣстный предметъ торговли весь взятъ изъ лавки, завтра въ ней его опять будетъ столько же. Это послѣднее обстоятельство зависитъ отъ того, что во времена правовѣрнаго управленія опасно было прослыть богатымъ, имѣть на показъ много товару, почему торговцы выставляли въ своихъ лавкахъ на видъ не больше, какъ недѣльную пропорцію товаровъ, а излишекъ прятали въ домахъ; такое скрываніе товаровъ вошло въ обычай и даже въ настоящее время, когда причина подобнаго прятанія уже уничтожилась, все-таки не выносятъ въ лавки много товару.

Замѣтимъ еще, что лавки тѣ, незначительной величины комнатки, которыми такъ обилуютъ базары и базарныя улицы въ городахъ Заравшанскаго округа, заняты только небо-

гатыми сравнительно торговцами, торгашами. Богатый купецъ не станетъ отъ себя вести розничную продажу. Вся дѣятельность богатыхъ купцовъ сосредоточивается въ караванъ-сараяхъ; товары или прямо свозятъ въ нихъ, гдѣ они и лежать до распродажи партіями, или остаются до вывоза въ караванъ-сарай другихъ городовъ.

Случается впрочемъ, что оптовый купецъ (только такихъ торговцевъ называютъ *саудшаръ*; прочихъ же зовутъ по родамъ продаваемыхъ ими продуктовъ) имѣетъ подъ своимъ именемъ лавку для розничной продажи; но она только считается его лавкою. Продажей же въ ней занимается его сынъ, родственникъ или бывший его бача, или даже слуга. Онъ даетъ этимъ лицамъ товаръ, нанимаетъ или строитъ вновь лавку для нихъ; за все это они обязаны возратить ему, уже по продажѣ, сумму, которая причитается за отданный имъ товаръ. Вся выручка идетъ въ пользу торгующихъ и не входитъ въ коммерческіе расчеты самого купца, а служитъ для протежируемыхъ имъ основаніемъ ихъ собственного капитала.

Многіе изъ таджиковъ торгуютъ на тысячи, не имѣя почти ни гроша собственныхъ денегъ; имъ вѣрятъ на-слово, потому что они приобрѣли почему бы то ни было репутацію честныхъ людей. Получивъ на вѣру товаръ за извѣстные (и въ этомъ случаѣ небольшіе) проценты, такой торговецъ пускается на промѣны, на раздачу товара по малымъ частямъ другимъ, такимъ же, какъ и онъ самъ, безденежнымъ людямъ. Капиталь дробится все больше и больше, такъ какъ эти послѣдніе готовы, при первой возможности, въ свою очередь, раздробить свой пай на части и отдать ихъ на подобныхъ же условіяхъ въ третьи руки. Въ началѣ нашей рубрики о торговой дѣятельности таджиковъ уже разъяснено: какимъ образомъ мелкіе торгаша изворачиваются, промѣниваютъ и продаютъ свои товары, перевоза ихъ съ одного базарнаго мѣста на другое, а потому здѣсь мы только добавимъ, что, совершивъ извѣстный оборотъ, раздробившись до мельчайшихъ партій, товары, уже въ видѣ денегъ, постепенно соединяются и наконецъ доходятъ до того капиталиста, который

отдалъ ихъ въ долгъ первому члену изъ этой цѣпи торгашей. Во всемъ этомъ круговращеніи товаровъ можетъ поразить одно: цѣнность товара, перевезеннаго въ теченіи мѣсяца или двухъ на многія сотни верстъ, должна была бы весьма чувствительно увеличиться; а чрезъ изложенное выше дробленіе и притомъ въ большей части случаевъ, если только не всегда, отдачу этихъ дробныхъ частей съ барышемъ—и еще того болѣе увеличиться; на практикѣ же этого мы не замѣчаемъ. Въ Самаркандскомъ отдѣлѣ, напримѣръ, базарная цѣна Самарканда—служить руководящей цѣною и для остальныхъ базаровъ отдѣла и къ ней, и то не всегда, прибавляютъ чеку двѣ на джюру, какого-либо товара.

Подобное явленіе можетъ быть объяснено тѣмъ, во первыхъ, что мелкіе торговцы часто съ пользою промѣниваютъ свои товары на продукты мѣстнаго производства, во вторыхъ, трату времени на провозъ и самый провозъ они ставятъ ни во что, а въ третьихъ, наконецъ, они довольствуются самыми микроскопическими барышами, а зачастую и тѣмъ, что на выручку могутъ быть сытыми и кормить свою лошадь. Ко всему, сказанному о дѣятельности таджиковъ, слѣдуетъ еще прибавить, что они занимаются извозомъ на арбахъ, ишакахъ и лошадяхъ, постройкой домовъ, рѣзбой и раскраской стѣнъ въ домахъ, обтесываніемъ камней, рѣзбой на мраморѣ и проч. и проч. Однимъ словомъ таджикъ на всѣ руки мастеръ.

Натура таджика при всѣхъ поименованныхъ родахъ дѣятельности выказываетъ себя подвижной, сангвинической, суетливой и вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстныхъ случаяхъ лѣнливой, беззаботной; обѣ крайности въ ней уживаются, какъ нельзя лучше. Вотъ почему о таджикахъ составились два, совершенно различныя мнѣнія между русскими Туркестанскаго края; одни говорятъ: таджикъ лѣнивъ, другіе — что онъ до крайности дѣтеленъ. Одни говорятъ о немъ, какъ о поклонникѣ всякихъ удовольствій и забавъ; другіе, какъ о человѣкѣ скупомъ, вполне преданномъ расчету, дѣлу. Какъ объяснить

происхожденіе этой видимой разногласицы въ мнѣніяхъ о таджикахъ?

Когда таджикъ не имѣетъ извѣстнаго занятія, не получилъ товаръ, не устроился въ томъ или другомъ отношеніи, когда онъ старается, напримѣръ, что-либо приобрести, тогда онъ весь движеніе, весь упорная настойчивость; онъ не чувствуетъ ни усталости, ни жары, ни холода, и—что особенно странно—онъ дѣлается безстрашнымъ, дѣйствуетъ, что называется, очертя голову. Онъ пѣшкомъ или верхомъ переходитъ изъ города въ городъ, изъ кишлака въ кишлакъ, имѣя въ виду только ту цѣль, которой онъ задался.

Но вотъ цѣль достигнута; деньги приобретены, товаръ купленъ, сложенъ въ лавченку, осталось продать его. Тутъ таджикъ превращается въ лѣниваго, неподвижнаго, совершенно апатичнаго человѣка. Съ утра и до вечера онъ, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ въ своей лавченкѣ; безстрастно встрѣчаетъ и провожаетъ своихъ покупателей; глаза у него, когда нѣтъ этихъ покупателей, безцѣльно устремлены куда-то; онъ безмысленно смотритъ въ пространство, онъ скорѣе въ такіе минуты похожъ на истукана, нежели на живаго человѣка....

Ткачъ-работникъ съ 3—4 часовъ по полуночи и до вечера намаза, нитка за ниткой выполняетъ свою работу. Въ день онъ отдыхаетъ не болѣе часу, и усидчиваетъ при простомъ челнокѣ и на первобытномъ станкѣ соткать 4 аршина канауса. Съ такою усидчивостью и неутомимостью онъ работаетъ пять съ половиною дней въ недѣлю. Съ полдня же четверга и до поздняго вечера пятницы онъ свободенъ отъ работы, отдыхаетъ. Въ эти полтора дни онъ, какъ говорится, не ударитъ палецъ о палецъ. Онъ безцѣльно слоняется по улицамъ, по базарамъ, по цѣлымъ часамъ сидитъ у бассейновъ, на площадяхъ базаровъ, въ чайныхъ. Лѣнь и беззаботность рѣзко отражаются на его лицѣ, во всѣхъ его движеніяхъ.

Таджикъ, апатично сидящій въ лавкѣ, рабочій, гуляющій безцѣльно по улицамъ, наводятъ русскихъ на мысль, что таджикъ по природѣ своей лѣнивъ. Они видятъ часы его от-

дыха, наблюдаютъ его въ то время, когда ему не для чего тратить свои силы и говорятъ: таджикъ апатиченъ, чего никогда не скажетъ тотъ, кто имѣлъ случай видѣть таджиковъ въ рабочіе ихъ часы, въ тѣ моменты, когда они еще только достигаютъ чего-либо.

Намъ приходилось слышать слѣдующее: „чтобы видѣть, какъ таджикъ лѣнивъ, стоитъ посмотрѣть на одну его походку; приглядитесь, какъ онъ неумѣло ходить! Скажешь ему чтобы онъ поскорѣе шель,—онъ ни за что на свѣтѣ не прибавитъ шагу“. Мы къ этому, совершенно вѣрному замѣчанію на счетъ манеры ходить, составляющей впрочемъ особенность таджиковъ, укажемъ еще на другую ихъ особенность: ни одинъ таджикъ никогда не станетъ ходить по комнатамъ изъ угла въ уголъ, какъ дѣлаемъ это мы, будучи взволнованы, обдумывая что нибудь, или просто отъ нечего дѣлать. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ таджикъ сядетъ и будетъ сидѣть часъ или два безъ движенія и только при сильномъ волненіи по временамъ хвататься за грудь.

Теперь, по заданной нами программѣ, слѣдовало бы разсмотрѣть таджика, какъ ученаго, но мы считаемъ болѣе удобнымъ отнести эту рубрику къ концу очерка таджиковъ; а теперь обратимся къ характеру таджика, къ его положенію въ обществѣ и въ семействѣ и къ отношеніямъ его къ другимъ народностямъ, живущимъ въ округѣ.

Деспотизмъ управителей Самарканда, система шпіонства, введенная во всей Средней Азіи, а слѣдовательно существовавшая и въ Заравшанскомъ округѣ, произволъ людей военныхъ, чиновныхъ и особенно полицейскихъ и беспощадная казнь всякаго, на кого сдѣланъ доносъ,—все это сильнѣе всего давало себя чувствовать горожанамъ и жителямъ ближайшихъ къ городу деревень, т. е. отражалось на таджикахъ по преимуществу. Совокупность всѣхъ этихъ давленій рѣзко повлияла на складъ характера таджиковъ, на ихъ честность, нравственность, понятіе объ обязанностяхъ, на любовь къ жизни, на ихъ семейную и общественную жизнь и т. п.

Система такого давящаго управленія, вѣками дѣйствуя въ одномъ направленіи, выработала изъ таджика личность безотчетно скрытную, подозрительную до болѣзненности, дрожащую передъ властями и вліятельными, людьми, хвастливую, склонную къ обману на каждомъ шагу, и при томъ какому-то дѣтскому обману.

Если русскій по какому-либо дѣлу разговорится съ таджикомъ и спросить: не можетъ ли онъ, напримѣръ, рассказать ему сказку, до которыхъ таджики охотники, то онъ поклянется, что не только самъ не знаетъ ни одной сказки, но никогда, ни отъ кого не слыхалъ ихъ, и даже не можетъ указать на знающаго сказки. Но когда этотъ же самый таджикъ познакомился съ русскимъ покороче, убѣдился, что его спрашиваютъ безъ всякой задней мысли, а такъ себѣ, по ихъ выраженію, „для забавы“, и онъ видитъ что ему даютъ чай, да еще съ сахаромъ, тогда онъ выскажется вполне, къ сказкамъ прибавитъ кучу анекдотовъ, повѣрьевъ и даже расскажетъ то, что слушателю вовсе не интересно. Но конецъ концовъ всегда одинъ: знакомый таджикъ зачастить ходить, будетъ приводить своихъ пріятелей, рекомендовать ихъ съ самой хорошей стороны, самъ станетъ угощать ихъ чаемъ, совѣтовать имъ брать побольше сахара и прятать его въ карманы, жаловаться на казіевъ, полицейскихъ и просить себѣ или своему пріятелю хлѣбное мѣстечко. Имѣя тамыромъ (пріятелемъ) русскаго или туземца, но занимающаго видное мѣсто, таджикъ хвастаетъ этимъ передъ своими знакомыми и приводитъ своихъ пріятелей къ тамыру собственно для того, чтобы убѣдить ихъ, что онъ хорошо имъ принимается. Въ чайныхъ, на базарахъ, на гуляньяхъ онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства громко будетъ рассказывать окружающимъ его и не всегда даже ему знакомымъ, какъ онъ запросто въ этотъ день пришелъ къ своему высокопоставленному другу, какъ тотъ бросился къ нему на встрѣчу, началъ его обнимать и не зная, гдѣ бы усадить его, чѣмъ бы лучше угостить. Прощаясь же, онъ очень упрашивалъ почаще къ нему заходить. Окружающіе слушаютъ рассказчика

съ завистью; въ ихъ глазахъ онъ становится лицомъ, котораго расположеніе слѣдуетъ заискивать и знакомство съ которымъ становится дѣломъ хорошимъ, пожалуй—и прибыльнымъ. Разскащикъ даетъ пищу толкамъ и пересудамъ, его начинаютъ мѣтить на вакантное мѣсто и проч.

Вы идете по базару, васъ окружаетъ толпа; съ крикомъ, съ подталкиваніемъ протискивается замѣтившій васъ вашъ тамыръ, протягиваетъ вамъ обѣ руки, захватываетъ ими вашу и вы чувствуете, что онъ нарочно дольше удерживаетъ ее въ своихъ. Это онъ дѣлаетъ не безъ цѣли; онъ потомъ будетъ говорить: „видѣли, какъ обрадовался мнѣ тюря, какъ онъ сжалъ мнѣ руки и не выпускалъ ихъ, не хотѣлъ меня отпустить отъ себя“. Сказавъ вамъ два три слова, таджикъ-пріятель объявляетъ вамъ, что у него много дѣла и что онъ, вслѣдствіе этого, дольше не можетъ оставаться съ вами. Эта фраза произносится громко и служитъ для окружающихъ неопровержимымъ фактомъ, что онъ съ русскимъ тюрей находится на короткой, пріятельской ногѣ; иначе онъ долженъ былъ бы ждать отъ тюри позволенія уйти.

Таджикъ льстивъ и никогда не преминетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы наговорить кучу комплиментовъ. Онъ говоритъ ихъ или прямо, что называется, въ глаза слушателю, или обращаясь къ постороннимъ, присутствующимъ, выражается въ третьемъ лицѣ о томъ, про кого онъ говорить. Любовь таджиковъ къ комплиентамъ и особенно къ вычурнымъ сравненіямъ, гиперболамъ и проч. весьма замѣчательна. Солоно иной разъ приходится нашимъ переводчикамъ.....

Нахальство и ложь таджика, какъ и вообще средне-азіатца, переходятъ всѣ мыслимыя границы, когда онъ является свидѣтелемъ изъ за корысти, подкупленнымъ. Слѣдователь уличить его въ одномъ несправедливомъ показаніи; онъ, взявъ его, выставить десять такихъ же ложныхъ показаній, и если слѣдователь или вообще разбирающій дѣло будетъ на столько опытенъ, что постарается съ помощью другихъ свидѣтелей, различными сопоставленіями фактовъ и сторонъ дѣ-

да доказать, что и эти десять показаній тоже невѣрны, то онъ выдвинетъ цѣлую батарею новыхъ, приметъ присягу въ неподложности ихъ и проч. Ложный свидѣтель будетъ извертываться, путать все дѣло до тѣхъ поръ, пока не выяснится, что онъ подкупленъ и зачастую за двадцать, за сорокъ копѣекъ. Какъ только убѣдился онъ, что разбирающему дѣло извѣстно о его подкупѣ, онъ спокойно самъ сознается въ томъ и даже объявить, что онъ *бишара*, не имѣетъ на что купить себѣ лешенку, а потому хотѣлъ ложнымъ свидѣтельствомъ заработать немного денегъ.

На ложныхъ свидѣтелей большинство туземцевъ смотреть, какъ на своего рода промышленниковъ, желающихъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ. На нихъ не показываютъ пальцами ихъ товарищи. Они—торговцы—и больше ничего!

Жизнь ближняго таджика (тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ народцахъ округа) ставятъ туземцы ни во что. Убить человѣка, а потомъ мучиться угрызениями совѣсти—немыслимо для всѣхъ таджиковъ вообще. Точно также таджики и на убійцу не смотрятъ, какъ на человѣка, унизившаго себя этимъ поступкомъ. Зарѣзать барана, зарѣзать человѣка—для нихъ все равно. Безъ нужды никто не станетъ рѣзать барана, слѣдовательно тѣмъ болѣе человѣка,—такъ рассуждаютъ среднеазіатцы. Палачъ, на рукахъ котораго при бекахъ не высыхала кровь, пользовался отъ всѣхъ почетомъ и всѣ считали за честь держать эти руки въ своихъ рукахъ.

Видъ постоянной рѣзни, бывшей при эмирскомъ правленіи, видъ крови, труповъ съ перерѣзанными горлами до того приучилъ таджиковъ къ насильственной смерти, такъ это сдѣлалъ необходимымъ въ ихъ глазахъ, что они потеряли всякое поположеніе къ борьбѣ за жизнь; для таджика борьба немыслима, когда разъ уже стало ему извѣстно, что его зарѣжутъ. Никто, кромѣ развѣ дикихъ американскихъ воиновъ апаховъ или японцевъ, не расстаётся такъ спокойно съ жизнію, какъ среднеазіатецъ. Мы видѣли приговоренныхъ къ смерти и не замѣчали въ ихъ лицѣ, ни тоски, ни страха, ничего такого, что выражало бы желаніе избавиться отъ приговора; полное

равнодушіе, совершенная покорность постигшему—вотъ что отпечатлѣвается на лицѣ приговореннаго.

Но этотъ стоицизмъ, это пренебреженіе къ жизни не есть слѣдствіе глубокой вѣры въ обѣщанія Магомета, не есть продуктъ мусульманства, а давняго гнета, привычки видѣть убійства, насильственную смерть вокругъ себя въ теченіи многихъ лѣтъ; это отсутствіе мысли и невозможность ея зарожденія при среднеазиатскомъ управленіи, мысли о томъ, что человѣкъ владѣетъ своею жизнію и что никто не имѣетъ права отнимать ее у него. Пытки и истязанія, которыми такъ щедро угощали правовѣрныхъ ихъ правители, притупили у нихъ чувство, образовали сильную волю, научили скрывать въ самихъ себя мученія физической боли: къ чему ихъ обнаруживать, когда извѣстно, что окружающіе могутъ только смѣяться надъ страдающими, но не сочувствовать имъ!

Мы видѣли раненыхъ, изувѣченныхъ язвами; одинъ взгляды на раны и язвы этихъ несчастныхъ леденилъ чувства европейцевъ. Но больные относились къ своимъ ранамъ и язвамъ, какъ фельдшера на перевязочномъ пунктѣ относятся къ ранамъ жертвъ человѣческаго самодурства — войны. Они безстрастно ощупывали разможенные свои руки и ноги, грубо разворачивали раны и говорили: „не заживетъ!“ Ни стоны, ни признака страданія не написано было на ихъ лицахъ. Одно только можно подмѣтить на лицахъ такихъ несчастныхъ: это злость на что-то вообще, но ни на что въ частности.

То, что сдѣлало таджика легко смотрящимъ на свою жизнь, терпѣливо переносящимъ физическую боль и устранило отъ него душевныя страданія, то самое образовало изъ него труса, не способнаго сознательно хладнокровно смотрѣть въ лице смерти, когда есть выборъ: оставаться на мѣстѣ или бѣжать подальше отъ опасности. Примѣръ нашихъ войнъ въ Средней Азій достаточно убѣждаетъ насъ, что таджикъ трусъ. Трусомъ его обзываютъ и узбеки, въ сущности такіе же трусы. Названіе *сартъ*, которое узбеки презрительно бросаютъ въ таджика, объясняется ими, какъ равнозначущее съ словомъ *баба*.

Сами таджики говорятъ про себя слѣдующее: „мы не любимъ войну, мы имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами. Война насъ разоряетъ. Узбеки— дѣло другое! Они тогда только и сыты, когда ведутъ войну; война дѣлаетъ бѣднаго богатымъ и обратно. Наконецъ, мы не знаемъ: за что намъ должно драться съ другими?“ Политика, подобно войнѣ, мало занимаетъ таджика, если результаты ея не могутъ отражаться на его благосостояніи; также точно онъ мало слѣдитъ и за административными перемѣнами. Для него все равно: кто бы имъ ни управлялъ, лишь бы его матеріальныя выгоды не страдали.

Вотъ почему купцы, ремесленники и прочіе производители таджики всегда будутъ на сторонѣ русскихъ; они уже узнали, что подъ русскою властью они болѣе гарантированы отъ притѣсненій, разныхъ несправедливыхъ поборовъ, вообще отъ всего, что такъ или иначе можетъ вліять на матеріальную сторону ихъ быта. Духовные же изъ таджиковъ, тоже въ силу своихъ матеріальныхъ выгодъ, всегда противодѣйствовали и будутъ впредь противодѣйствовать русскимъ.

Таджики такъ привыкли къ тому, чтобы надъ ними властвовали пришлые, такъ часто переходили изъ города въ городъ, изъ одной провинціи Средней Азіи въ другую, что они считаютъ себя какимъ-то наноснымъ элементомъ, оторваннымъ отъ почвы, бывшей когда-то ихъ отечествомъ; то мѣсто, на которомъ зарытъ прахъ ихъ предковъ, имѣетъ такую же цѣну въ ихъ глазахъ, какъ и то, гдѣ зарыты ихъ кровные враги. Отечество — непонятно таджику, какъ идея отвлеченная. Онъ будетъ защищать свой домъ, землю, капиталъ, можетъ быть даже жену и дѣтей отъ разграбленія непріателемъ; но узнавъ, что непріятель не имѣетъ желанія его грабить, какъ частнаго человѣка, что дѣло идетъ о признаніи новой власти, онъ спокойно подчиняется новому правленію и обращается къ своимъ прежнимъ занятіямъ.

Можетъ быть таджикъ, спокойно, безучастно относящійся къ перемѣнѣ своихъ покорителей, интересуется ихъ вѣрой и разница въ вѣрѣ можетъ побудить его на борьбу, борьбу

религіозную? У насъ нѣтъ ни одного факта, на основаніи котораго можно было бы рѣшить этотъ вопросъ утвердительно. Отвлеченная идея, таджикъ, борьба — это все несомнѣстимыя понятія. Къ чему бороться таджикку изъ за религіи, когда строгость постановленій ему въ тягость, когда они, какъ милость, приняли отъ русскихъ уничтоженіе раисовъ, когда онъ не уважаетъ—въ душѣ, разумѣется—свое духовенство? А по его понятію духовенство и религія—синонимы?

Нѣтъ, таджикъ не станетъ терять время и трудъ на то, что не приноситъ очевидной, матеріальной пользы. Мы говоримъ все это о массѣ, занятой полезнымъ дѣломъ, а не о духовенствѣ, живущемъ трудами другихъ, и не о той незначительной части таджиковъ, которые, съ занятіемъ русскими края, потеряли свое выгодное, административное положеніе.

Игра, пари сильно увлекаютъ таджиковъ. Въ каждомъ городѣ Заравшанскаго округа есть особые дома и переулки, куда собираются таджики для игры. Въ домахъ играютъ преимущественно по ночамъ, а въ переулкахъ — днемъ. Игроки иногда проигрываютъ все; они играютъ съ большимъ азартомъ: деньги, одежда, домашній скотъ, даже жена, сестра, дочь, сынъ все идетъ на ставку. Въ игорныхъ домахъ и мѣстахъ воспитываются разбойники и воры. Играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и въ другія игры.

Въ этихъ же домахъ пьютъ аракъ, покупаемый у евреевъ, мѣстное вино, бузу и отравляются куреніемъ кукнара, банга и тому подобнымъ. Впрочемъ для систематическаго отравленія куреніемъ и напитками существуютъ особыя заведенія. Около игорныхъ домовъ находятся публичныя дома, дома бабей.... Вообще около нихъ сосредоточиваются подонки общества.

Игорныя мѣста и дома служатъ притономъ не однимъ малосостоятельнымъ, но и богачамъ; однако играютъ по преимуществу молодые изъ богатыхъ. Намъ не извѣстенъ ни одинъ богатый игрокъ, который былъ бы пожилыхъ лѣтъ. Изъ бѣд-

ныхъ-же, кажется, чѣмъ старѣе, тѣмъ онъ болѣе завзятый игрокъ.

Въ игорныхъ домахъ и на игорныхъ мѣстахъ можно встрѣтить массу зѣвакъ, которые, такъ сказать, только выжидаютъ удобнаго момента, чтобы самимъ наброситься на игру, поставить свою деньгу на карту. Такіе присутствующіе иногда держать пари за когонибудь изъ играющихъ и, проигравшись на пари въ пухъ и прахъ, сами начинаютъ играть.

До чета и нечета нѣкоторые изъ таджиковъ и вообще изъ среднеазіатцевъ до того пристращаются, что не могутъ пробыть минуты, чтобы не играть въ эту игру самимъ съ собою. Намъ приходилось имѣть дѣло съ такими субъектами, по слѣдственнымъ дѣламъ. Сидя при допросѣ, они то и дѣло перебрасываютъ небольшіе камешки изъ одной руки въ другую и быстро сосчитываютъ что вышло: четъ или нечетъ? Они точно помѣшанные: на вопросы отвѣчаютъ не въ попадъ, потому что не слушаютъ ничего, занимаясь игрой.

Въ числѣ игръ, мы помѣщаемъ и кулачные бои, такъ какъ при нихъ азартно держатся пари за одну или другую изъ участвующихъ въ бою сторонъ.

Вдаваться въ подробности относительно кулачныхъ боевъ мы не будемъ; скажемъ только, что самыя большіе кулачные бои бывають на новый годъ въ Самаркандѣ въ Ходжа-Ахрарскомъ предмѣстьѣ, а въ Катты-Бурганѣ — около арыка Нарупая. Въ началѣ дерутся ногами, потомъ въ ходъ пускаются кулаки, наконецъ — камни и палки. Побѣжденных обирають до гола и исколачивають до полусмерти.

Зрители, какъ мы сказали, держатъ пари за сторону, или за бойца. Больше другихъ въ такихъ бояхъ отличаются татары (выходцы изъ Россіи) и узбеки. Для пари таджики (тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ народцахъ округа) держатъ въ клѣткахъ перепеловъ и куропатокъ и весною, во время спариванія, спускають ихъ для боя. Для той же цѣли служатъ пѣтухи и верблюды. Пари держится всегда партіей на партію.

Пари, и притомъ самыя оживленныя, держатся на бачей и

борцевъ. Бачи плясуны выжимають изъ своихъ поклонниковъ сравнительно большія деньги; изъ за нихъ спорящіе готовы драться на ножахъ. Къ побѣдителю при борьбѣ подскакиваетъ каждый изъ державшихъ за него пари, или вообще его стороннихъ, охватываетъ его обѣими руками и вмѣстѣ съ нимъ подпрыгиваетъ.

При шахматныхъ пари (въ шахматы играютъ публично) каждый изъ держащихъ пари имѣетъ право предлагать свой ходъ, который вслухъ обсуживается другими. Удачный ходъ или промахъ противниковъ вызываютъ взрывы хохота, крики удовольствія, остроты, за которыми не рѣдко слѣдуютъ потасовки съ противной стороны.

По мусульманскому праву, мусульмане всѣ равны въ гражданскомъ отношеніи. Но мы вовсе не желаемъ слѣдить за мусульманами Заравшанскаго округа по ихъ книгамъ. Мы пишемъ то, что есть, а не то, что должно быть.

Таджики дѣлятся на духовныхъ и свѣтскихъ. Духовное званіе или пріобрѣтается рожденіемъ (ходжи и сенды) или должностью (казіи, муллы, имамы, ишаны и проч.). Какъ тѣ, такъ и другіе ставятъ себя выше всѣхъ остальныхъ таджиковъ; они записные ханжи и имѣютъ значительное вліяніе на общественное мнѣніе. Представители ихъ держатъ въ своихъ рукахъ остальныхъ своихъ сотоварищей, знакомятся только съ богатыми купцами или важными должностными лицами и выказываютъ полнѣйшее презрѣніе къ мелкимъ торговцамъ, рабочимъ и небогатымъ земледѣльцамъ, которые за ихъ грубое обращеніе платятъ имъ наружнымъ почтеніемъ, униженіемъ себя въ глазахъ такихъ важныхъ особъ, и насмѣшками или сплетнями за глаза.

Свѣтская часть таджикскаго населенія имѣетъ своими представителями богатыхъ купцовъ и землевладѣльцевъ. Вліяніе этихъ представителей на массу опирается на болѣе существенное, нежели вліяніе духовенства: на деньги. Ремесленники, мелкіе торгаши и земледѣльцы всегда находятся въ за-

висимости отъ капитала. Рѣдкій изъ нихъ не обязанъ своимъ существованіемъ значительному купцу: они или продаютъ свою работу черезъ посредство ихъ, или получаютъ отъ нихъ въ долгъ деньги для ея производства, выплачивая этотъ долгъ сработаннымъ товаромъ, или же пользуясь словомъ богача, какъ рекомендаціей, они работаютъ для купцевъ второй руки. Отъ купцевъ же въ большинствѣ случаевъ получаютъ деньги также и мелкіе землевладѣльцы на расходы по земледѣлію. Если еще прибавить, что многіе богатые изъ купцевъ дѣлаютъ въ извѣстные праздники угощеніе народу, то маши, то станеть очевиднымъ для тѣхъ, кто хотя немного знакомъ съ средне-азиатскимъ населеніемъ, что первостепенное купечество извѣстно массѣ, пользуется ея расположеніемъ, а вслѣдствіе этого, купечество имѣетъ и значительное вліяніе на весь народъ; такъ какъ въ средѣ народа всегда находится много личностей, интересы которыхъ тѣсно связаны съ интересами купечества, то слѣдовательно всегда есть и ихъ агенты.

Весьма трудно прослѣдить скрытную, но сильную борьбу купечества съ духовенствомъ, борьбу движенія съ застоємъ. А между тѣмъ борьба эта была и есть даже нынѣ. Если до 1864 года она имѣла исходной своей точкой одно вліяніе на массу, ради почета и надѣла по сборамъ податей, то съ этого года въ эту борьбу вошло устраненіе войны съ русскими. И, какъ извѣстно, голосъ купцевъ не всегда заглушался крикомъ муллъ. Каждая изъ этихъ партій защищала и защищаетъ въ такой борьбѣ свои денежные интересы. Выгоды купеческой партіи идутъ въ разрѣзъ съ выгодами партіи духовныхъ.

До занятія нами Заравшанскаго округа народъ стоялъ за купечество, а люди служилые (не всегда, впрочемъ)—за духовенство. Въ этой борьбѣ купечеству необходимо было вести дѣло свое очень и очень осторожно: они играли съ огнемъ; противники ихъ, прикрываясь религіею, основывали свои доказательства въ пользу войны съ русскими на указаніяхъ корана и могли всякаго, открыто идущаго противъ ихъ мнѣній, уличить въ измѣнѣ религіи, въ переходѣ на сторону кя-

фировъ. Но въ купеческой партіи сосредоточивалась вся интеллигенція Средней Азіи и всѣ капиталы, что много уравновѣшивало силы боровшихся.

Съ занятіемъ округа русскими, борьба между купечествомъ и духовенствомъ далеко не прекратилась, а напротивъ, приобрѣла большую энергію. Но теперь перевѣсъ видимо на сторонѣ купцевъ. Духовенство шипитъ, изливаетъ всю желчь на русскихъ, но можетъ этимъ заниматься, такъ сказать, келейно, въ ограниченномъ кружкѣ. Народъ имъ не довѣряетъ и въ большинствѣ случаевъ радъ радехонекъ, что съ приходомъ русскихъ можетъ на нихъ меньше тратиться.

Дѣти богатыхъ купцовъ и духовныхъ рѣдко когда перемѣняютъ профессію своихъ отцовъ. Дѣти же незначительныхъ купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ при первомъ удобномъ случаѣ, при достаточности матеріальныхъ средствъ и возможности получить образованіе въ медресе, выходятъ или муллами, или муфтіями и мирзами *).

Высшее духовенство и купечество, вмѣстѣ съ должностными лицами: амлякдарами, зякетчами, курбашами, аминами и проч. составляютъ аристократію округа. Знакомство аристократіи ведетъ только со своимъ кругомъ, разбиваясь все таки на много кружковъ. Народъ аристократію знаетъ, приходитъ къ ней въ дома по дѣламъ, на званія томаша, хвастаетъ въ своей средѣ знакомствомъ съ аристократіей, но въ своихъ домахъ ее не видитъ. Развѣ нечаянно какой нибудь важный духовный или богатый купецъ заѣдетъ на минутку къ обыкновенному смертному; и тогда осчастливленный такимъ посѣщеніемъ таджикъ долго, долго будетъ всѣмъ рассказывать про знаменитое посѣщеніе и про любезности, которыя ему говорила „особа“, хотя эта особа, ради сохраненія своей важности, почти все время глубокомысленно молчала, въ любезностяхъ же разсыпался самъ осчастливленный

*) Вотъ почему мы придаемъ большое значеніе зачатку добраго дѣла: устройству въ Самаркандѣ русскими школы для туземцевъ, гдѣ совершенно устранено вліяніе духовенства.

хозяинъ. Сосѣди съ завистью узнають о прїѣздѣ особы, сбѣгаются во дворъ къ счастливцу, но взойти въ комнату, гдѣ особа сидитъ, было бы черезъ чуръ невѣжливо. По этому они и ограничиваются только тѣмъ, что сложивъ на крестъ руки на груди, подходятъ къ дверямъ комнаты, занятой особою, и кланаясь въ поясъ, произносятъ *ассалямъ-алей-кумъ*. На это особа дѣлаетъ чуть замѣтный кивокъ головою и отвѣчаетъ: „*алей кумъ-ассалямъ*“. Получивъ отвѣтъ, таджикъ не разгибаясь пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Посидѣвъ не много, особа уходитъ. Съ надутой важностью, медленнымъ шагомъ онъ подходитъ къ своей лошади, среди безмолвной толпы, пораженной его величіемъ. Всѣ кланяются ему низкими поклонами, хватаясь обѣими руками за животъ, какъ требуетъ среднеазіатскій этикетъ. Особа осматриваетъ присутствующихъ... Вдругъ ему почему нибудь захотѣлось обратить на одного изъ среды ихъ свое вниманіе; онъ дѣлаетъ ему кивокъ головой и протягиваетъ руку. Почтенный такою явною, публично выраженной благосклонностью, точно ужаленный, вырывается изъ толпы, сгибается въ три погибели, протягиваетъ обѣ руки впередъ, схватываетъ ими руку особы, прикладываетъ ее къ губамъ и ко лбу и держитъ у лба нѣкоторое время. Потомъ оставивъ руку особы, онъ шепчетъ молитву и не разгибаясь пятится въ толпу. Окружающіе, вся толпа, смотря на эту сцену съ умиленіемъ, а осчастливленнаго, когда онъ втиснется въ толпу, непремѣнно двое или трое потреплютъ по спинѣ.

Особа подходитъ къ лошади и хочетъ на нее садиться. Всѣ бросаются къ ней: одни поддерживаютъ его подъ руки, другіе держать стремя и вкладываютъ въ него ногу. Хозяинъ же лѣвой рукой держитъ лошадь подъ уздцы, а правой—помогаетъ особѣ сѣсть на лошадь.

Гость на лошади.

Если онъ первостатейная особа, то хозяинъ и многіе изъ присутствующихъ слѣдуютъ за его лошадыю и по сторонамъ пѣшкомъ, и провожаютъ такимъ образомъ почетнаго гостя до его дома. Въ противномъ случаѣ проводы оканчиваются у

угла квартала или даже въ концѣ переулка того дома, который былъ посѣщенъ особою. Этикетъ таджикскій не позволяетъ важному лицу ѣхать по городу безъ сопровожденія пѣшихъ служителей, скороходовъ. Если лицо имѣетъ палку, то ее несетъ главный скороходъ.

Когда высокій гость ѣдетъ по улицѣ, на крышахъ домовъ стоятъ и отвѣшиваютъ поклоны всѣ желающіе въ свою очередь быть когда нибудь осчастливленными. Въ щели дверей, заборовъ, воротъ смотреть не одна пара черныхъ глазъ таджичекъ. Особа проѣхала, но кварталъ все еще находится въ волненіи, томашится. Идутъ розказы, подробно передается, что гость говорилъ, на кого обратилъ вниманіе и проч. Каждый увѣряетъ, что онъ, именно смотря на него, больше нагнулъ голову, дѣлая поклонъ всѣмъ, при чемъ даже улыбнулся, иные не нахвалятся его объемистой чалмой, увѣряютъ, что только праведные могутъ имѣть такой важный видъ, какимъ Аллахъ одарилъ особу. Женщины—сосѣдки бѣгутъ къ женѣ взысканнаго милостями особы, засыпаютъ ее вопросами, спрашиваютъ: что она подсмотрѣла особеннаго въ важномъ лицѣ и тому подобное; сообщаютъ другъ другу, какъ было бы пріятно быть женой такого лица, причемъ высказывается, что жена подобнаго почетнаго правовѣрнаго не можетъ носить ничего другаго, какъ канаусъ и матерію *фаренге*. Только и слышатся возгласы, да вздохи; „хаиръ, хай!“

Сыновья аристократовъ составляютъ цвѣтъ молодежи округа: они законодатели модъ, даютъ реноме лавкамъ, чайнымъ, парикмахерамъ, бачамъ и проч. и проч. Они тратятъ отцовскія деньги и дѣлаютъ долги. Имъ вѣрятъ въ долгъ не меньше, чѣмъ прежде вѣрили дѣткамъ европейскихъ аристократовъ, тузовъ. Всѣ ихъ знаютъ, всѣ готовы имъ услужить, разумѣется въ надеждѣ около нихъ поживиться. Они играютъ въ разныя игры, пьютъ, ухаживаютъ за чужими бачами и имѣютъ на содержаніи своихъ. Красотою своихъ бачей и искусной ихъ пляской они гордятся между собою. Отбить у другихъ, переманить къ себѣ какого нибудь извѣстнаго бачу составляетъ шикъ.

Всѣ разговоры этихъ аристократовъ вертятся на похожденияхъ бачей; они хвастаются побѣдой надъ извѣстнымъ мальчикомъ танцоромъ, точно также, какъ европейская избалованная и богатая молодежь извѣстнаго закала хвастается своими побѣдами надъ знаменитыми танцовщицами. Сплетни про ночныя похождения бачей составляютъ любимую тему ихъ разговоровъ и только изрѣдка, мимоходомъ, въ него входятъ сплетни про женщинъ. На такихъ сынковъ съ завистью смотрятъ сыновья небогатыхъ и незнатныхъ таджиковъ, а подъ часъ — и узбековъ, которымъ не по средствамъ тянуться за ними. Но они все таки тянутся; отцы бьютъ ихъ за трату денегъ, за долги и стараются какъ можно скорѣе женить, отдѣлить отъ себя. Каждый молодой таджикъ не аристократъ заискиваетъ расположеніе аристократа, старается втереться въ его кружокъ, а бачи изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы только приглануться аристократу.

Въ праздничные и базарные дни часто можно встрѣтить идущими по самаркандской площади или по базарнымъ его улицамъ партію молодыхъ аристократовъ таджиковъ. Въ такой толпѣ всегда есть бача, разодѣтый въ пухъ и прахъ. Онъ гордо выступаетъ, дѣлаетъ глазки на право и на лѣво и ведетъ своихъ спутниковъ — поклонниковъ куда самъ хочетъ, приказываетъ имъ покупать себѣ лакомства и бросаетъ ихъ народу. Безцеремонно беретъ онъ у своихъ обожателей деньги и также кидаетъ въ толпу. За такіе поступки толпа восхваляетъ его, со всѣхъ сторонъ сыплются на него комплименты; его глаза сравниваются со звѣздами, поцѣлуй съ жаркимъ дыханіемъ жгучаго мекскаго вѣтра. Бача и его обожатели, слушая эти комплименты, находятся на верху блаженства, ощущаютъ еще большій приливъ гордости и тщеславнаго самодовольства, толкаютъ простолудиновъ и не даютъ спуска людямъ почетнымъ. На ихъ головахъ навѣрчены цвѣтныя, яркія, большія чалмы, на плечахъ ихъ по нѣсколько шелковыхъ или полушелковыхъ халатовъ. Кушаки — или въ серебряныхъ съ бирюзой бляхахъ, или изъ кашемировыхъ шалей. Сапоги съ зелеными каблуками...

На встрѣчу одной изъ такихъ партій идетъ другая. Тутъ уже приходится обѣимъ партіямъ раскошеляться. Уступить одной партіи передъ другой въ щедрости къ своимъ бачамъ, значило бы опозориться, сдѣлаться предметомъ насмѣшки для всего города, никуда не показываться въ теченіи недѣли или мѣсяца.

Хитрый, опытный бача пользуется подобнымъ случаемъ; онъ дѣлается необыкновенно нѣжнымъ къ своимъ обожателямъ, восхваляетъ ихъ красоту и щедрость и подводитъ къ лавкамъ. Подходятъ обѣ встрѣтившіяся партіи. Бачи начинаютъ смотрѣть наряды, чалмы, халаты и тому подобное. Одинъ изъ нихъ говоритъ другому: „эта чалма очень бы шла къ твоему лицу, но у тебя, кажется, такой нѣтъ“. — „Да, это правда,“ отвѣчаетъ пылкій поклонникъ, „у него такой чалмы еще нѣтъ; но душа моихъ желаній, цвѣтокъ могамедова рая не можетъ не имѣть чалмы, которая идетъ къ его красотѣ“. Чалма куплена. Тоже продѣлываетъ и другой бача, и такъ далѣе. Народъ толпится вокругъ этихъ двухъ партій, восхваляетъ щедрость молодыхъ людей, говоритъ стихи, часто экспромтомъ (отдѣльная личность, разумѣется) отпускаетъ самыя пошлыя сальности, весьма сочувственно принимаемая въ подобныхъ случаяхъ.

Но не всегда такъ мирно обходится встрѣча одной партіи среднеазиатскихъ ловеласовъ съ другой. Если бачи встрѣтившихся партій почему либо въ ссорѣ, (а они могутъ быть въ ссорѣ между прочимъ оттого, что обоимъ бы имъ хотѣлось быть на содержаніи у одного и того же лица, или одинъ перебилъ у другаго выгоднаго содержателя)—то бачи встрѣтившихся партій начинаютъ бранить другъ друга самыми оскорбительными въ данномъ случаѣ, не подлежащими печати прозвищами, ругательствами, плюются и даже порываются вступить въ рукопашную. Обоители ихъ тоже начинаютъ ругаться. Драка при подобныхъ столкновеніяхъ почти всегда неизбежна.

Праздникъ, томаша—для всѣхъ, и для бѣдныхъ и для богатыхъ, для знатныхъ и для черни одинаково любезна; всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ поджидаютъ праздника. Къ годовымъ праздникамъ каждый таджикъ, будь онъ старикъ или мальчикъ, непременно купить себѣ какую нибудь обнову для своего туалета; въ крайнемъ случаѣ — застежку, но все же купить что нибудь. А чуть позволяютъ средства, онъ обновляетъ и весь туалетъ.

Опишемъ праздничный день:

Утромъ, часовъ въ 7 таджикъ начинаетъ одѣваться. Окатившись холодной водой, онъ надѣваетъ чистое бѣлье, сурмить брови, подводитъ глаза. Жена или сестра помогаютъ ему одѣваться, прикрашиваться.

Халатъ, поясъ не такъ сильно занимаютъ таджика, какъ чалма. Онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняетъ повязку нѣсколько разъ; совѣтуется съ женой или сестрой по нѣскольку разъ: къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы и только убѣдившись, что чалма накинута на голову совершенно къ лицу, онъ выходитъ изъ дому.

По улицамъ онъ идетъ, закинувъ голову къверху (мы говоримъ о такомъ таджикѣ, который купилъ къ празднику весь новый туалетъ), причемъ сильно размахиваетъ руками, но шаги дѣлаетъ маленькіе и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнаетъ ихъ и проходитъ мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ, почему то и дѣло сталкивается съ проходящими.

Выйдя изъ переулка на площадь, нашъ гуляющій таджикъ напускаетъ на себя еще больше спѣси, если только это возможно. Онъ заходитъ къ знакомому купцу въ лавку, садится въ ней и посылаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Таджикъ пьетъ его, презрительно посматривая на проходящихъ. Халатъ у него полуспущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка.

Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейку надъ головой и опахивается рубашкой, какъ вѣеромъ: это все дѣлается для того, чтобы показать проходящимъ, что

онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару. Если въ это же время въ лавку войдутъ старыя, уважаемыя лица, онъ непременно выставитъ ногу и будетъ ею шевелить—неуваженіе полнѣйшее! Подобный поступокъ можетъ, по таджикскому этикету, позволить себѣ только старшій передъ младшимъ. Проходящіе разсматриваютъ нарядъ нашего гуляки, толкуютъ о достаткахъ владѣтеля подобнаго костюма, перебираютъ шикающаго по косточкамъ, однимъ словомъ обращаютъ на него вниманіе, чего и добивается каждый таджикъ. Посидѣвъ достаточно долго въ одной лавкѣ, таджикъ переходитъ въ другую, гдѣ повторяется тоже самое.

Также точно, съ несущественными измѣненіями, поступаютъ и всѣ купившіе себѣ обнову, т. е. всѣ достаточные люди изъ таджиковъ. Уже подъ вечеръ, выпивъ не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь натѣшивъ свое самолюбіе, намололивъ своею особою глаза всѣмъ, вызвавъ достаточно зависти, показавшій себя таджикъ идетъ домой. Дома, вертясь въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ съ мелочною подробностью и съ огромными прибавленіями противъ дѣйствительности, рассказываетъ имъ: какъ онъ шелъ по улицѣ, по площади, сидѣлъ въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя можетъ быть пить и безъ сахара), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и важному виду, какъ онъ извѣстному лицу за то, что тотъ не далъ ему дороги, наговорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиняться передъ собой и проч. Жена только успѣваетъ дѣлать возгласы: „хаиръ! хаиръ!“ и временами прибавляетъ: „да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на своихъ сосѣдей“. А выслушавъ все отъ мужа, она спѣшитъ къ сосѣдкѣ, чтобы съ прикрасами передать ей невѣроятно замѣчательныя похождения своего мужа. И долго послѣ этого событія ни мужъ, ни жена не дадутъ никому покоя своими разсказами, а имъ другіе о томъ же предметѣ.

Нарядъ, одежда въ таджикской средѣ играетъ весьма важную роль, служить оцѣнкой дѣятельности, положенія въ обществѣ. Таджикъ по платью встрѣчаетъ, по платью же и про-

вожаетъ. Кто всегда одѣвался хорошо, щеголялъ своимъ платьемъ и вдругъ появился на гуляньѣ въ старомъ, тотъ вызоветь на счетъ себя со стороны его знающихъ или только видѣвшихъ его хотя бы одинъ разъ, самыя щекотливыя замѣчанія и пересуды. Сейчасъ же пойдутъ предположенія о его мотовствѣ, игрѣ въ карты, пьянствѣ и проч. Предположеніе переходитъ въ увѣренность, съ прибавленіемъ сомнѣнія о достоинствѣ его, какъ мусульманина: „пока онъ былъ добрымъ правовѣрнымъ, до тѣхъ поръ пророкъ былъ щедръ къ нему, не лишалъ его богатства, предохранялъ отъ пороковъ“, говорятъ досужіе языки. Вотъ почему таджикъ будетъ отказывать себѣ въ пицѣ, въ поправкѣ своего жилища, но постарается появляться въ людномъ мѣстѣ въ праздничные дни въ обновѣ, одѣтымъ, не хуже того, какъ его привыкли обыкновенно въ такіе дни видѣть. Въ будній день, за малыми исключеніями, таджикъ ходитъ въ отрепьяхъ.

Семейная жизнь таджика почти во всемъ сходна съ семейной жизнью остальныхъ народцевъ Заравшанскаго округа, исключая евреевъ; потому мы описаніе ея, а по той же причинѣ и описаніе обычаевъ, намѣрены изложить, познакомивъ предварительно со всѣми племенами округа. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ таджиковъ округа къ остальнымъ его народностямъ.

На словахъ узбеки пренебрегаютъ таджиками, а нѣкоторые ихъ роды хвастаются тѣмъ, что они не отдаютъ своихъ дочерей замужъ за таджиковъ. Таджикъ же съ улыбкой относится къ тому, что узбеки смотрятъ на нихъ свысока и говорятъ: „узбеки безъ насъ жить не могутъ, а потому мы ихъ держимъ въ рукахъ—они *варвары*, *неучи*, даже сами за себя думать не могутъ. Мы имъ даемъ одежду, учимъ что и съ чѣмъ лучше ѣсть, какъ прилично одѣваться, обучаемъ ихъ въ махтубъ-хана, въ медресе, даемъ имъ казіевъ, муллъ, святыхъ *), учимъ ихъ мастерствамъ и снабжаемъ ихъ всякими

*) Таджикъ полагаетъ, что святымъ можетъ быть только человекъ таджикской народности.

товарами. Правда, въ междуусобное, военное время узбеки насъ бьютъ и грабятъ; но когда все успокоится, мы свои убытки уиѣмъ вернуть. Узбекъ очень простъ“, такъ всегда почти заканчиваютъ таджики.

Число таджиковъ въ округѣ—свыше 38,000 душъ обоого пола.

УЗБЕКИ.

А. Д. ГРЕБЕНКИНА.

Заравшанскій округъ, время отъ времени, подвергался такимъ катастрофамъ, послѣ которыхъ населеніе его, — а въ особенности населеніе частей плодородныхъ и богатыхъ ирригаціонными каналами, — значительно уменьшалось. Поэтому считать теперь живущихъ на территоріи Заравшанскаго округа узбековъ за потомковъ тѣхъ, которые ее заняли еще во времена общаго движенія узбековъ въ бассейнъ Заравшана, было бы, по нашему мнѣнію, по меньшей мѣрѣ не основательно. Правда—этого отрицать нельзя, — часть узбековъ (однако весьма малая изъ теперь живущихъ въ заравшанскомъ округѣ) — потомки водворившихся здѣсь еще при Тимурѣ, а можетъ быть и раньше, но большинство узбековъ округа — сравнительно недавніе пришельцы различныхъ частей Средней Азіи. Послѣ извѣстныхъ катастрофъ, населеніе округа обезлюдилось до того, что тамъ, гдѣ прежде жило густое земледѣльческое населеніе, осталось лишь незначительное число семействъ, принявшихъ за кочеваніе: это — въ долинѣ рѣки Заравшана, искрещенной ирригаціонными каналами, поддерживать которые можетъ только масса рабочихъ земледѣльческихъ рукъ. Эти оставшіеся узбеки, обратившіеся въ кочевниковъ, являются теперь столбами прошедшаго, на которыхъ выбиты имена родовъ, когда-то занимавшихъ ихъ участки, хотя въ настоящее время по большей части участки эти уже заняты другими родами. Эти же узбеки сохранили намъ преж-

нія названія кишлаковъ: по нимъ только мы знаемъ древнія вакуфныя и мильковыя земли, названія древнихъ городовъ и древнихъ арыковъ. Въ Каттакурганскомъ отдѣлѣ есть кишлакъ Каттамингъ. Самое названіе его указываетъ на то, что онъ нѣкогда былъ заселенъ мингами; теперь же въ немъ живутъ узбеки рода „джалаиръ“ и только нѣсколько семействъ минговъ; остальные минги выселились въ Карши. Просматривая старые документы вакуфовъ, встрѣчаешь, при опредѣленіи границъ этихъ земель, — „съ такой-то стороны вакуфное мѣсто граничитъ съ землями Джалаировъ“. Теперь же тамъ живетъ не джалаирскій родъ, а наримъръ, бачрины. Однимъ словомъ, мы имѣемъ данныя, на основаніи которыхъ можемъ совершенно утвердительно сказать, что многіе узбекскіе роды, живущіе въ настоящее время въ заравшанскомъ округѣ, хотя и прежде жили въ немъ же, но теперь живутъ уже не на прежнихъ своихъ земляхъ. Снявшись съ прежняго своего мѣста жительства, они уходили изъ округа въ другія провинціи Средней Азіи, а когда возвращались по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, то не всегда занимали прежнія свои мѣста.

При спеціальному описаніи родовъ узбековъ, находящихся теперь въ округѣ, мы укажемъ на время прибытія ихъ сюда, а теперь ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что окраины округа или степныя мѣста меньше потерпѣли въ отношеніи измѣненія родовъ, нежели оросительныя. Причины этого понятны и безъ объясненій для того, кто знакомъ съ условіями ирригаціи вообще. Вновь заселяя округъ, узбеки очевидно не сразу пришли въ него, но отдѣльными эмиграціями; такія эмиграціи, въ малыхъ правда размѣрахъ, продолжаются и до сихъ поръ. Населеніе заравшанскаго округа еще не установилось.

Переселенцы могли занимать только свободныя земли: они входили въ округъ не какъ завоеватели, а какъ просители. Такихъ свободныхъ мѣстъ, до Ша-Муратъ-бія, при немъ и даже послѣ него, было много. Изобиліе ихъ дозволяло эмиграціямъ одного рода помѣщаться вмѣстѣ, а не селиться между другими родами. Если въ какой нибудь мѣстности нахо-

дилась хотя малая часть одного рода съ пришлыми, и мѣстность была хороша, то пришельцы шли къ своимъ. Мы видимъ, что всѣ роды, прибывшіе въ округъ раньше, каковы напримѣръ: тюаклы, ктай, кипчаки, найманы и проч., занимаютъ сплошныя территоріи. Если ихъ деревни встрѣчаются среди деревень другихъ узбекскихъ родовъ, то какъ исключенія, происходящія или отъ того, что ихъ жители, еще при первоначальномъ заселеніи, вслѣдствіе какихъ либо причинъ, удалились отъ центра своего рода, или—это деревни прибывшихъ послѣ, или же, наконецъ, выселенцы изъ новаго своего жительствова. Окраины территоріи всякаго изъ этихъ родовъ состоятъ изъ деревень, заселенныхъ смѣсю родовъ сосѣднихъ, какъ оно и должно быть. Иногда, — это случается въ нѣкоторыхъ родахъ даже весьма часто,—вся деревня заселена однимъ родомъ; но два три дома въ ней есть узбеки весьма отдаленныхъ съ ними родовъ. Позже поселившіеся узбекскіе роды размѣстились спорадически, не сгруппированно: они селились тамъ, гдѣ были свободныя мѣста, таковы: катаганъ, дживанъ, ургентъ, юсъ, кыркъ, мангитъ и сарай.

Есть деревни, въ которыхъ живутъ выходцы изъ разныхъ родовъ; иногда въ такихъ сборныхъ деревняхъ можно ихъ насчитать до пятнадцати. Туземцы, на спросъ: какими родами узбековъ заселена подобная деревня, говорятъ „въ ней *джи-ды-урукъ*“; буквальный переводъ этого выраженія „семь родовъ“, въ переносномъ-же смыслѣ оно означаетъ — „множество родовъ“. Такія деревни особенно часто встрѣчаются около городовъ. Треугольникъ, образуемый отъ пейшамбенско-катта-курганской дороги, на западъ, между Акъ-дарьей и Кара-дарьей, особенно богатъ кишлаками, заселенными джи-ды-урукъ.

Роды, которые размѣстились по окраинѣ округа, по близости къ горамъ или среди самаркандско-джамской степи (чуль)—полуосѣдлые; поселившіеся-же собственно въ долинѣ рѣки, въ настоящее время, вслѣдствіе недостатка земель и другихъ причинъ, обратились въ осѣдлыхъ. Отъ прежней ихъ кочевой жизни, у нихъ осталась привычка жить въ кибиткахъ

кошемныхъ или изъ камыша и соломы; такія кибитки снаружи обмазываются глиной. У нихъ есть и сакли, которыхъ однако они не любятъ и употребляютъ для держанія скота, говоря, что въ сакляхъ узбекъ протухнетъ, будетъ подобенъ таджикъ.

Узбекъ и киргизъ—для насъ одно и тоже, въ чемъ, можетъ быть, мы и ошибаемся. Но цѣльный киргизскій типъ въ заравшанскомъ округѣ намъ пришлось встрѣчать только между кипчаками и ктаями. Остальные же узбеки приняли въ себя кровь разныхъ народовъ Средней Азіи и очевидно черезъ это весьма сильно измѣнили свой первоначальный типъ. Мы знаемъ примѣры, гдѣ узбека скорѣе можно было бы принять за таджика, нежели за узбека.

О существующемъ въ заравшанскомъ округѣ сліяніи разныхъ типовъ мы уже говорили въ очеркѣ о таджикахъ, а потому, опуская здѣсь этотъ вопросъ, повторимъ еще разъ, что, по нашему мнѣнію, узбекъ есть киргизъ, измѣнившій свой типъ вслѣдствіе помѣсей съ другими народностями Средней Азіи.

Узбеки говорятъ, что названіе ихъ произошло отъ двухъ словъ: *Узи* и *бекъ* — самъ себя бекъ, самъ господинъ. Но такъ какъ слово *бекъ* не *тюркско-кочевое* слово, то, принявъ ихъ объясненіе существующаго для нихъ названія за вѣрное, нужно допустить, что „узбеками“ они назвали себя уже послѣ покоренія Средней Азіи. Въ дальнѣйшія тонкости этого толкованія мы не будемъ входить по незнанію языка. Если толкованіе происхожденія названія „узбеки“ вѣрно, то во всякомъ случаѣ не для настоящаго времени. Теперь узбекъ не господинъ: онъ новый рабъ тѣхъ, которые пожелаютъ и сумѣютъ имъ владѣть.

Все матеріальное благосостояніе узбековъ находится въ рукахъ таджиковъ, индійцевъ и евреевъ.

Жизнь ихъ зависитъ отъ произвола бековъ-персіанъ, или хотя и узбековъ, но которые уже не признаютъ родовой связи по племенамъ и для которыхъ торговый классъ населенія ихъ бекства дороже всего. Ихъ духовенство, ихъ грамотные,

амлякдары, мирзы и проч.—это все не узбеки, или съ рѣдкими исключеніями узбеки. Постоянное войско эмира состоятъ меньше всего изъ узбековъ: узбекъ, привыкшій къ лошади, въ сарбазы не пойдетъ.

Эмиръ, говорятъ узбеки, родомъ мангитъ; все это хорошо, но въ немъ узбекскаго ничего нѣтъ и онъ ихъ терпѣть не можетъ, какъ въ высшей степени неспокойныхъ своихъ подданныхъ.

Эмиръ смотритъ на узбековъ какъ на малыхъ, глупыхъ дѣтей; онъ знаетъ, что эти дѣти могутъ шалить, и знаетъ, какъ съ ними слѣдуетъ поступать. Чтобы они не очень разшаливались, эмиръ рѣжетъ ихъ родовитыхъ представителей и ласкаетъ второстепенныхъ.

Узбеки составляютъ, какъ извѣстно, громадное большинство населенія Средней Азіи, а слѣдовательно и заравшанскаго округа. Эмиры могутъ, собственно говоря, опираться только на нихъ. Эмиры и опирались всегда на узбековъ, но для опоры выбирали только извѣстные роды ихъ, болѣе спокойные, не имѣющіе родовитыхъ представителей.

По отношенію къ эмирамъ, узбековъ округа можно раздѣлить на всегдашнихъ сторонниковъ эмира и на постоянныхъ его противниковъ. Замѣчательно, что враги эмира—по преимуществу осѣдлые узбекскіе роды, занимающіе плодороднѣйшія мѣста округа. Тѣмъ не менѣе, покрайней мѣрѣ въ настоящее время, эти роды не могутъ быть причислены къ богатымъ. Возстанія узбековъ округа всегда были кровавы и не рѣдко весьма продолжительны. Последнее возстаніе мѣанканскихъ узбековъ было лѣтъ 8—9 тому назадъ. Музаффаръ усмирилъ его и перерѣзалъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ возставшихъ родовъ, не разбирая: кто правъ, кто виноватъ.

Самыя сильныя волненія между здѣшними узбеками происходили въ концѣ царствованія эмира Гайдара (Эмиръ-Сеить) и въ началѣ царствованія Насръ-Улла-хана, въ періодъ отъ 1815—1835 года. До конца этихъ возстаній (до 1835 г.), узбеки имѣли весьма много крѣпостей; особенно ихъ много было у ктаевъ, кипчаковъ и минговъ. Беки такихъ крѣпостей

не только дѣлали нападенія на другіе роды, но даже дрались съ такими же беками своихъ родовъ. По словамъ старожилъ, весь Міанканъ былъ раздѣленъ на множество маленькихъ бекствъ, владѣвшихъ иногда только нѣсколькими кишлаками. Въ мирѣ они не жили между собою и не оставляли въ покоѣ никого: ни купцовъ, ни горожанъ, ни путешественниковъ. Только и были слышны рассказы про грабежи, убійства, драку одного бека съ другимъ. Весь Міанканъ былъ наполненъ странствующими разбойниками *).

Гайдаръ и Насръ-улла старались уничтожить такую раздѣленность округа и самостоятельное существованіе разбойничьихъ бекствъ и дать силу своимъ бекамъ, которые были: въ Самаркандѣ, Чилекѣ, Катта-Курганѣ, Пейшамбе, Лны-Курганѣ, Пенджикентѣ и Джамѣ.

Уничтоженіе произвольныхъ бекствъ и разрушеніе ихъ крѣпостей стоило Сеиду и Насръ-Улла-хану не малыхъ усилій: имъ приходилось строить между двумя такими курганами свой курганъ и брать бекскіе курганы приступомъ. Гарнизоны взятыхъ крѣпостей безжалостно вырѣзывались, а самыя крѣпости, всегда построенныя на высокихъ насыпныхъ барханахъ, срывались. Мы можемъ насчитать до 100 крѣпостей, разрушенныхъ двумя названными эмирами.

Объ этомъ времени старожилы возстававшихъ родовъ вспоминаютъ съ содроганіемъ и страшною ненавистью къ эмирамъ бухарскимъ. Ктаи и кипчаки ненавидятъ эмировъ въ силу историческихъ событій; ненависть эта передается у нихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію: рассказы матерей и отцовъ возбуждаютъ въ молодомъ поколѣніи желаніе, при первой же представившейся возможности, возстать противъ эмировъ. Разумѣется, теперь прошло время для возстанія ктаевъ и кипчаковъ противъ бухарскихъ властителей.

*) Въ то же время и въ такомъ же положеніи находилась Зачирчикская сторона, что намъ извѣстно еще съ 1863 года, когда мы на мѣстѣ собирали свѣдѣнія о кураминскомъ уѣздѣ.

На спросъ, почему узбеки считаютъ эмировъ бухарскихъ своими душманами (врагами), ктаи и другіе узбеки возставшихъ родовъ говорятъ „эмиры всегда насъ притѣсняли, дѣлали на насъ большіе налоги, нежели на другихъ узбековъ, рѣзали нашихъ старшинъ, давали намъ сборщиковъ *сартовъ* или *ирани*“, и проч. въ томъ же родѣ. На самомъ же дѣлѣ притѣсненіе такихъ родовъ эмирами ограничивалось тѣмъ, что имъ не позволяли жить грабежемъ и разбоемъ, вводили среди нихъ гражданское устройство и признавали за ними столько же права, какъ и за прочими жителями Міанкана.

Родовая связь у узбековъ, на сколько мы имѣли возможность убѣдиться, ограничивается однимъ родомъ. Отдѣленія, под-отдѣленія и проч.—у нихъ не имѣютъ уже никакого или весьма малое значеніе: они, такъ сказать, поглощаются „родомъ“.—Да оно иначе и быть не можетъ: въ округѣ, на сравнительно незначительной территоріи, находятся болѣе 20-ти родовъ. Всѣ они, въ силу этого, незначительны, и ничто иное какъ части большихъ родовъ, находящихся въ туркестанскомъ краѣ, въ Бухарѣ, и въ аму-дарьинскомъ бассейнѣ.—При большемъ родѣ, отдѣленія на столько значительны, что могутъ имѣть сильныхъ своихъ представителей, свои собственные интересы; здѣсь же—даже родъ очень малъ, а отдѣленія вполне микроскопичны и не способны жить самостоятельною жизнью; кромѣ того всѣ они по большей части, перемѣшаны между собою. Возьмемъ для примѣра туркменъ. Здѣшніе туркмены составляютъ незначительную часть племени *Тока*, а именно отдѣленія *Казааклы*.

Не всѣ роды узбековъ знаютъ свои отдѣленія и под-отдѣленія; наконецъ у нихъ самихъ, уже въ Заравшанскомъ округѣ, появились новыя дѣленія на под-отдѣленія, и происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ нужно отнести ко времени лѣтъ 60 тому назадъ. Изъ какого нибудь отдѣленія выдѣлился особенно богатый узбекъ, имѣвшій много сыновей: его потомство величаетъ себя уже под-отдѣленіемъ, по названію своего прадѣда. Вообще мы убѣдились, что въ Заравшан-

скомъ округѣ не слѣдуетъ придавать никакого значенія отдѣленіямъ, существующимъ въ родахъ здѣшнихъ киргизъ.

Прежде обращенія къ родамъ узбековъ, живущихъ въ округѣ, скажемъ два слова о родовыхъ дѣленіяхъ узбековъ вообще. Въ исчисленіи родовъ узбековъ средней Азіи мы не находимъ ничего правильнаго. Ханыковъ, заимствуя раздѣленія узбековъ изъ книги *Нассадъ-намяши-узбекъ*, говоритъ, что ихъ 97 родовъ. Борнсъ показываетъ только 32 племени узбековъ,—столько же показываетъ и Вамбери.

Источникъ, приводимый Ханыковымъ, можетъ, по нашему мнѣнію, только отчасти служить доказательствомъ, что нѣкогда узбеки дѣлились на 97 родовъ. Какъ историческое свидѣтельство, оно еще имѣетъ значеніе, но основываясь на немъ нельзя дѣлать никакихъ заключеній о дѣленіи узбековъ, существующемъ въ настоящее время. — Почему Вамбери и Борнсъ придерживались въ своихъ исчисленіяхъ племенъ узбековъ цифры 32, а не другой—этого понять нельзя; что касается до Вамбери, то онъ причислялъ къ племенамъ все, что ему попадалось подъ руку: роды, отдѣленія и под-отдѣленія...

Туземцы округа и ученые бухарцы хвастливо говорятъ, что узбековъ 92 рода. Мы имѣли нѣсколько списковъ этихъ родовъ: всѣ они разнствуютъ другъ отъ друга, и мы не имѣемъ никакой охоты приводить идеальныя дѣленія узбековъ.

Предположимъ, что у узбековъ существуетъ родъ *а* и отдѣленія *б*, *в*, и т. д.—Если, съ теченіемъ времени, отдѣленіе *б*, почему-му бы то ни было, очень выдвинулось изъ среды другихъ отдѣленій рода *а*, то весь этотъ родъ, мало по малу, начинаетъ терять свое названіе и остальные отдѣленія получаютъ уже родовое названіе отъ *б*. Такъ, въ переходномъ состояніи находится родъ *Мерка*: онъ состоялъ изъ кыркъ, мингъ-юсовъ и другихъ отдѣленій. Теперь уже рѣдко кто изъ минговъ знаетъ, что онъ изъ рода мерка: онъ причисляетъ себя уже къ роду мингъ. Минги завели свои отдѣленія, под-отдѣленія и проч. — Приведенный случай таковъ, гдѣ всѣ отдѣленія, такъ сказать, сразу сбросили съ себя ро-

довое имя, и начали самих себя считать за особый родъ. Даже если пойти дальше, кыркъ, мингъ и юсы признають себя за особый самостоятельный узбекскій родъ «*Кыркъ-мингъ-юсъ.*»

Кенегесы и мангиты—отдѣленія одно и того-же рода; но теперь они признають себя за совершенно отдѣльные рода и относятся другъ къ другу весьма враждебно.

Въ силу всего вышесказаннаго, мы не будемъ приводить: сколько именно родовъ узбековъ въ средней Азiи, а ограничимся перечисленіемъ только тѣхъ родовъ, которые есть въ заравшанскомъ округѣ.

Въ округѣ живутъ узбеки слѣдующихъ главныхъ родовъ: 1) Тюаклы, 2) Мингъ, 3) Найманы, 4) Уйшунъ, 5) Кутча, 6) Катаганъ, 7) Мангиты, 8) Сарай, 9) Багринъ, 10) Юсы, 11) Кыркъ, 12) Каракалпаки, 13) Кипчаки, 14) Ътай, 15) Мишаны, 16) Туркмены, 17) Джалаиръ, 18) Дурмень, 19) Урганчи и 20) Тюркъ. Въ специальной части описанія узбековъ мы, на сколько возможно, подробно рассмотримъ каждый изъ нихъ порознь, теперь же обратимся къ слѣдующему.

Болѣе сильные роды, какъ увидимъ ниже, удержали еще старинныя преданія о своемъ бывшемъ могуществѣ и, слѣдовательно, питають презрѣніе къ остальнымъ. Все это выражается у узбековъ въ женитьбѣ. Такіе роды брачатыся по преимуществу между собою; а если и берутъ себѣ женъ изъ другихъ болѣе низкихъ родовъ, то за то сами не даютъ своихъ дѣвушекъ имъ. Правда и то, что если узбекъ говоритъ, что ихъ родъ не выдаетъ своихъ дочерей въ другой родъ, то такой разсказъ, вообще говоря, слѣдуетъ отнести къ хвостовству: не выдаютъ одни богачи или родовитые, а бѣдняки берутъ себѣ женъ изъ того рода, въ которомъ ихъ продають дешевлѣ, выдаютъ же въ тотъ родъ, въ которомъ дають больше. У узбековъ не считается униженіемъ брать себѣ жену изъ низшаго рода, если у него ихъ нѣсколько; но родовитому отдать свою дочь замужъ за субъекта низшаго рода, да еще и ничѣмъ не замѣчательнаго, положительный позоръ. Въ этомъ случаѣ наша европейская аристократія вполне совпала по своимъ нравамъ съ аристократіей узбекской—дикость сош-

лась съ дикостью. Изъ таджиковъ или персіянъ берутъ себѣ въ жены одни богатые—какъ роскошную мебель, не больше.

Таджики же *) и ирани только въ крайнихъ случаяхъ выдаютъ своихъ дочерей за узбековъ, не въ силу особой ненависти, а потому, что они считаютъ узбековъ варварами и, по ихъ словамъ, жалѣютъ своихъ дочерей.

Разумѣется, большой калымъ, знатность рода жениха и его богатство,—для средне-азіяца, какъ и для европейцевъ, служатъ достаточными данными, чтобы выдать свою дочь за кого угодно. Узбекскія же женщины, въ выборѣ себѣ мужей, не разборчивы: имъ все равно, за кого бы ихъ не выдали.

Всѣ занятія домашнія и полевые (въ нѣкоторыхъ семействахъ и паханье земли) лежатъ на женахъ. Они смотрятъ за хозяйствомъ, собираютъ топливо, готовятъ кизякъ, прядутъ, обшиваютъ всю семью, ткутъ (подкладочное полотно—астаръ), выдѣлываютъ овчину, дубятъ кожи и красятъ ихъ, шьютъ шубы, и проч. и проч. Кромѣ того и въ полевыхъ работахъ на долю женщины выпадаетъ не мало: она пашетъ, помогая въ этомъ трудъ мужу, брату или сыну; взрываетъ текменемъ гряды въ садахъ, жнетъ, свозитъ или споситъ снопы на хирманы (токъ), провѣиваетъ ихъ. Однимъ словомъ, женщина у узбековъ—воль, на которомъ работаютъ безъ отдыха. Хотя немножко самостоятельный мушнина узбекъ старается ничего не дѣлать; онъ развѣзжаетъ съ базара на базаръ, посѣщаетъ знакомыхъ и рѣдко бываетъ дома.

Деньги всегда у мужа. Онъ выдаетъ ихъ женѣ на расходы съ большимъ расчетомъ. Даже больше: все обыденное хозяйство обязана вести жена, на свои заработки, на выручку отъ пряжи, продажи коконовъ и т. под.

Только празднества совершаются на мужнины деньги; изъ своихъ же заработковъ жена-мать покупаетъ дѣтямъ обновки; отецъ заботится почти исключительно о своемъ любимомъ ребенкѣ.

*) Городскіе.

Самые богатые узбеки донашивают свое платье до обращения въ лохмотья, и, доносивши до такой степени, они отдают его или работникамъ или приказываютъ женамъ выкроить изъ него одежду своимъ дѣтямъ.

Забота о дѣтяхъ, въ какомъ бы то не было отношеніи, составляетъ для узбека послѣднее дѣло. Когда ребенокъ выросъ и укрѣпился на столько, что уже можетъ быть рабочей силой, тогда онъ становится нужнымъ въ семействѣ и на него начинаютъ обращать вниманіе, т. е. наваливаютъ работу. Умъ, красота, находчивость признаются въ ребенкѣ, какъ и во взросломъ, за ничто.

Рожденіе сына всегда болѣе радуетъ отца. Чувства матери, кажется, лежатъ больше къ дочери. Въ дочери мать видитъ будущую свою помощницу, а отецъ смотритъ на малютку-сына какъ на будущаго своего работника.

Особенной любви между родителями и дѣтьми не существуетъ. Мать и отецъ зачастую подвергаются побоямъ сыновей; ругательства самыя пошлыя, какъ со стороны сына, такъ и со стороны дочери, никто изъ узбековъ отцовъ и матерей не считаетъ предосудительными.

Если у узбека нѣсколько женъ, то онъ старается держать ихъ отдѣльно одна отъ другой, не въ силу предписанія корана, котораго онъ не знаетъ, да и не старается знать, а потому, что, въ большинствѣ случаевъ, физически невозможно держать ихъ въ смежныхъ комнатахъ. Живя нераздѣльно, онѣ каждый день будутъ драться и, какъ кошки, царапать другъ другу лицо. Еще въ худшемъ положеніи бываетъ мужъ, если всѣ его жены имѣютъ дѣтей: тогда къ дракамъ благовѣрныхъ его часто присоединяются драки ихъ дѣтей, и выходитъ адъ, а не семейная жизнь. Однако семейныя несогласія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, происходятъ не отъ ревности, какъ съ перваго разу можно подумать, такъ какъ о ревности, сколько намъ извѣстно, азіатки не имѣютъ никакого понятія: ревность въ европейскомъ смыслѣ—для нихъ пустой звукъ, безъ всякаго внутренняго содержанія. Кстати замѣчу: мужъ по узбекски значитъ *иркекъ*—самецъ; слово *иркекъ* одинаково примѣняется

къ быку, собакѣ и т. п. Итакъ *джанджаль* (несогласія) между женами одного иркека происходятъ не изъ обыкновенной ревности, а отъ матеріальныхъ удобствъ и неудобствъ, отъ желанія каждой жены имѣть побольше вліянія на хозяйство иркека, отъ того, что одна изъ самокъ получила лучшій пла-токъ отъ самца, а другая—худшій. „Мнѣ все равно—любить-ли меня мужъ, или нелюбить, лишь бы онъ дѣлалъ мнѣ хорошіе подарки. Если онъ мой иркекъ—онъ любитъ меня“—такъ, или почти такъ, говорятъ узбечки.

Невѣрность мужа также не имѣетъ для нихъ никакого значенія. Вѣрны ли жены мужьямъ? На этотъ вопросъ намъ самимъ нѣкоторые узбеки отвѣчали такъ: „жены мужьямъ не вѣрны еще до свадьбы“.

Узбеки не женятся на очень молодыхъ самкахъ. Здѣсь идетъ рѣчь о большинствѣ, а не о богачахъ, которые, имѣя по нѣскольку женъ, (на прим. 11 женъ), женятся, ради разнообразія, на 10-ти лѣтнихъ. Небогатый узбекъ ищетъ въ женѣ хорошую работницу, неутомимаго вола.

Молодая жена не вынесетъ тяжелой работы, на которую ее обрекаетъ замужество, не дастъ мужу возможности ничего не дѣлать по хозяйству; поэтому въ бракъ дѣвушки (онѣ только официально величаются дѣвушками) вступаютъ, въ большинствѣ случаевъ, лѣтъ 15—20.

Въ нѣкоторыхъ узбекскихъ родахъ въ обычаѣ отдѣлять женившихся сыновей; въ другихъ они весьма долго живутъ вмѣстѣ съ отцомъ, имѣя съ нимъ одинъ котелъ; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, семейство, состоящее изъ 10 женатыхъ сыновей, имѣющихъ въ свою очередь дѣтей, считается за одинъ дворъ.

Калымъ, выкупъ, приданое, вносимое женихомъ за будущія услуги жены, не всегда составляютъ необходимое условіе при заключеніи узбеками брака; за-частую женятся безъ всякаго калыма.

Хорошіе пріатели или бѣдняки, при женитьбѣ, калыма не вносятъ; этотъ обычай, впрочемъ, встрѣчается не во всѣхъ узбекскихъ родахъ округа. Друзья иногда дѣлаютъ такого рода условія (что въ обычаѣ и у киргизъ): родившихся у нихъ дѣ-

тей разнаго пола съ самаго рожденія считать женихомъ и невѣстой. Такія дѣти растутъ вмѣстѣ, а придя въ возрастъ, вступаютъ въ бракъ, не уплачивая калыма. Однако женихъ, въ подобныхъ, заранѣе приготовленныхъ бракахъ, имѣетъ полное право отказаться отъ женитьбы на дѣвушкѣ, предназначенной ему въ жены еще до его рожденія.

Бѣдняки или зарабатываютъ себѣ жену у ея родныхъ, или, женившись на дочери такого-то, остаются у него въ работахъ, т. е. зарабатываютъ калымъ уже послѣ женитьбы. Бываетъ, что мужчина только сожительствуетъ съ женщиной, по формальнаго брака не заключаетъ, т. е. читается „фатиха“, но „никахъ“ (свадьба) не совершается. Въ такомъ случаѣ, для виду разумѣется, стараются скрывать соительство отъ отца женщины.

Мать о подобномъ, по ихъ понятію, противузаконномъ сожительствѣ всегда знаетъ и она же его устраиваетъ. Случаи подобнаго *полубрака*—далеко не рѣдкость между бѣдняками.

Всякій узбекъ, желающій жениться, посылаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей быть иркекомъ ихъ дочери, онъ, по обычаю, не можетъ уже показывать своего лица ни отцу невѣсты, ни ея матери. Онъ долженъ избѣгать съ ними встрѣчъ; если же нечаянно встрѣтитъ, то обязанъ, чтобы не нарушить приличія, закрыться халатомъ и отворотиться, т. е. сыграть роль женщины, встрѣтившейся съ мужчиной. Что послужило причиной возникновенія такого обычая, мы не знаемъ; не знаютъ этого и сами туземцы.

По этому поводу туземцы говорятъ слѣдующее: кто хочетъ жениться, тому должно быть стыдно предъ отцомъ и матерью своей невѣсты; онъ не смѣетъ смотрѣть имъ въ глаза; онъ долженъ, чтобы не оскорблять будущаго своего тестя и тещу, скрывать отъ нихъ свое лицо. Мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь объясненія заравшанцевъ, почему женщина должна скрывать свое лицо отъ мужчины. Въ коранѣ на этотъ счетъ есть положительное указаніе; оно формулировано такъ: „женщина не можетъ показывать свое лицо, руки и ноги (го-

лыя) тому, за кого она может выйти замужъ“. Узбеки, будучи не знакомы съ теоріей своей религіи, принявъ только внѣшнюю, обрядовую ея сторону, по преданію, при объясненіи причины закрыванія лица женщиной при встрѣчѣ съ мужчиной, не обращаются къ корану, а основываютъ правильность этого обычая на такихъ соображеніяхъ: женщина, говорятъ, они, ниже мужчины, присутствіе ея среди мужчинъ оскорбительно для послѣднихъ. Слѣдовательно, женщина должна, при встрѣчѣ съ мужчинами, закрываться или прятаться за заборъ, въ яму; но если ни забора, ни ямы по близости нѣтъ, то присѣсть на корточки, оборотясь къ мужчинѣ спиною. Предполагается, что проѣзжающій иркскъ очень важная особа (бекъ, начальникъ отдѣла и т. п.).

Итакъ, обычай закрыванія женщины существуетъ, есть и объясненіе ему; но всегда-ли этотъ обычай соблюдается?

Въ городахъ, гдѣ много духовенства, гдѣ большинство жителей—таджики, обычай этотъ, впрочемъ съ грѣхомъ пополамъ, соблюдается лишь на людныхъ улицахъ, базарахъ, площадяхъ. Въ кишлакахъ же, между сплошнымъ узбекскимъ населеніемъ, женщина свободно ходитъ открытой и закрывается только передъ русскими или духовенствомъ.

Намъ кажется, что обычай скрывать свое лицо отъ отца и матери невѣсты можно объяснить тѣмъ, что узбекъ очень развратенъ въ душѣ. Желая скрыть свой нравственный развратъ предъ отцомъ и матерью будущей жены, узбекъ хочетъ показать себя пуританиномъ и на столько непорочнымъ, что даже законное и вполне естественное сожителство съ женщиной считаетъ какъ-бы предосудительнымъ. Узбеки сами говорятъ: какъ же я буду смотрѣть въ лицо отцу моей невѣсты, когда я уже заявилъ, что хочу съ ней жить?

Женихомъ узбекъ бываетъ отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Вообще, узбекъ считается женихомъ до тѣхъ поръ, пока онъ или не выплатилъ калыма за свою жену, или же пока отецъ, мать и родственники невѣсты не заявятъ, что они считаютъ калымъ уплаченнымъ, хотя въ дѣйствительности женихъ еще и не внесъ его сполна. Когда узбекъ по-

лучилъ согласіе отца или родныхъ неvěсты на бракъ съ нимъ, старшіе члены желающихъ породниться домовъ, безъ вѣдома жениха и неvěсты, составляютъ масля—хатъ, т. е. совѣтъ о величинѣ калыма, о времени прочтенія молитвы фатиха, или, какъ узбеки выражаются, о времени *ломанія лепешки* и совершенія свадьбы. Состояніе жениха взвѣшивается обѣими сторонами и, смотря по тому — большое оно или нѣтъ, назначается болѣе или менѣе продолжительный срокъ для совершенія *никаха*, т. е. свадьбы. Величина-же калыма по преимуществу и почти единственно зависитъ отъ состоянія родителей неvěсты, но не отъ родовитости ихъ. Калымъ потерялъ свое первоначальное значеніе въ заравшавскомъ округѣ: онъ сталъ просто подаркомъ, дѣлаемымъ стороною жениха сторонѣ неvěсты, или тратой на угощенія, дѣлаемая родственниками неvěсты родственникамъ жениха, знакомымъ его и своимъ знакомымъ. Поэтому случается, что родители неvěсты не получаютъ отъ жениха ни копейки денегъ, ни одного барана.

Мы немного остановимся на вопросѣ о калымѣ.

Съ момента засватанія, женихъ и его родители дѣлаютъ подарки неvěстѣ и ея роднымъ.

Подарки состоятъ изъ платковъ (коп. въ 20 и выше), грешковъ, мѣдныхъ серегъ, колець, лентъ, маты на рубашки и разныхъ другихъ туземныхъ матерій, а также и фаренги (русскихъ и англійскихъ); лакомства также играютъ роль: дарятъ сѣру для жеванія, изюмъ, урюкъ, медъ, куски сахару и т. п. Иногда дарятъ мясо, баранину, сало, рисъ, горохъ и другой зерновой хлѣбъ. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, во первыхъ для того, чтобы, если свадьба не состоится, одна сторона могла потребовать подарки назадъ, а другая не переплатить лишняго; во вторыхъ, чтобы, при заключеніи брачнаго листа, весь этотъ расходъ включить въ счетъ калыма. Мы говоримъ это про большинство. Богатые же, кромѣ подарковъ, выплачиваютъ еще извѣстное количество денегъ родителямъ неvěсты или даютъ стадо барановъ, лошадей, быковъ, ишаковъ и верблюдовъ.

Когда родители невесты получили уже от жениха или его родных нужное по уговору количество калымного взноса, назначается день *никахъ-тоя*—день свадьбы.

По известному магометанскому правилу, женихъ не можетъ видѣть невесту; но въ заравшанскомъ округѣ этого не придерживаются, и женихъ не только хорошо знаетъ свою невесту, но зачастую и живетъ съ ней какъ женою.

Свадьба совершается у отца невесты на деньги жениха. Обрядъ бракосочетанія состоитъ въ томъ, что, съ общаго согласія родителей и родственниковъ брачующихся, заключается у казія (обыкновенно у повѣреннаго казія) контрактъ, гдѣ прописывается, что *такой-то* внести за *такую-то* столько-то. Однако, до прочтенія (послѣ усиленной ѣды) молитвы *никахъ* надъ чашкой съ водой, женихъ еще не называется мужемъ, а невеста — женой. При чтеніи этой молитвы присутствуетъ только женихъ; вмѣсто же невесты—ея повѣренный (уакиль); кромѣ того мулла, читающій молитву, старики-родные, родители и аксакалы (бѣлобородые). Иногда при этой церемоніи бываютъ и *кемтырь* (старухи).

Еще задолго до свадьбы, женихъ и невеста выбираютъ себѣ дружекъ. Первый—изъ молодыхъ парней одного съ нимъ рода, а вторая—изъ дѣвушекъ, ближайшихъ ея родственницъ.

Никахъ прочитывается обыкновенно послѣ заката солнца; по прочтеніи молитвы опять начинается ѣда; мужчины ѣдятъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ отъ женщинъ. Въ промежутокъ между ѣдою пляшутъ бачи (если узбекъ отаджичившійся), поютъ пѣсни, играютъ на дутарѣ или сопѣлкахъ. Тѣмъ же самымъ занимаются и женщины, съ тою разницею, что у нихъ пляшутъ не бачи, а молоденькія дѣвушки, ударяя въ бубны.

Угощеніе, или *томаша*, тянется далеко за полночь. Потомъ женихъ посылаетъ сказать женщинамъ, окружающимъ его невесту, что онъ идетъ къ женѣ. Всѣ женщины *) зажигаютъ свѣчи и выходятъ къ молодому на встрѣчу; молодая же остается въ саклѣ, гдѣ сидитъ за занавѣсью, разгораживающею комнату на двѣ неравныя части: въ большей обыкновенно

*) Этотъ обычай не вездѣ соблюдается.

сидятъ почетныя женщины, въ меньшей—молодая. Молодой идетъ на женскую половину въ сопровожденіи дружекъ и молодежи. Въ тотъ моментъ, когда вся эта ватага хочетъ войти въ отдѣленіе женскаго помѣщенія, женщины съ крикомъ бросаются на нее, стараясь отбить молодаго. Происходитъ порядочная свалка, во время которой женщины визжать, машутъ зажженными свѣчами, поджигаютъ халаты и бороды мужчинамъ; а мужчины, пользуясь суматохой, позволяютъ себѣ разныя вольности, что еще болѣе усиливаетъ визгъ прекраснаго пола. Наконецъ женщины овладѣли женихомъ. Одна изъ нихъ беретъ его голову къ себѣ подъ мышку и тащить его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодаго, возвращаются на свою половину и принимаются за ѣду. Молодой, введенный въ саклю, обязанъ угощать всѣхъ женщинъ кушаньями, лепешками, сладостями, а онѣ — занимать его разговорами. Разговоры обыкновенно бываютъ очень сальные и состоятъ изъ разныхъ двусмысленностей насчетъ новобрачныхъ. Замѣчу кстати, что сальности, которыя говорятся между самыми лучшими туземками округа, едва-ли когда могутъ быть произнесены самымъ отпѣтыми мущинами-европейцами.

Молодая все это время сидитъ за занавѣсью на постели, состоящей у богатыхъ изъ 10 — 30 ватныхъ одѣялъ, положенныхъ одно на другое. Насладившись бесѣдами подругъ своей жены и угостивши ихъ, молодой отправляется къ женѣ, куда имъ ставятъ неизбѣжный пловъ и разныя сласти. Подруги же ея продолжаютъ угощаться. Часовъ около трехъ ночи молодой объявляетъ, что подругамъ его жены пора уходить. Въ отдѣленіи мужскомъ къ этому времени остаются одни не женатые; они пируютъ до восхода солнца. Сакля, въ который находится брачная постель, убирается всѣмъ приданнымъ невѣсты: ниши завалены одѣялами (говоримъ о богатыхъ свадьбахъ), подушками, коврами; жерди и протянутыя веревки увѣшаны халатами, платками, рубахами, штанами (женскими) и прочими принадлежностями женскаго туалета и спальни. На полу разставлены калоши и ичеги. При

восходѣ солнца, молодой оставляетъ комнату своей жены и идетъ къ пирующимъ холостякамъ, съ которыми и доходить до своего дома.

Свадьба совершена, *обязательная* по обычаю первая ночь проведена молодыми въ домѣ отца жены. Послѣ этой ночи, мужъ имѣетъ уже право, если найдетъ свою жену не дѣвицей, немедленно развестись съ ней; при чемъ ему возвращается весь калымъ, все, что онъ затратилъ.

Въ этомъ случаѣ голословное обвиненіе мужемъ жены ничего не значитъ; оно должно быть подтверждено матерями жены и мужа и третьей посредницей, которая, по обычаю, приходятъ вмѣстѣ въ брачную комнату по уходѣ мужа. Кромѣ того, при осмотрѣ принимается во вниманіе: жилъ ли мужъ съ женой, будучи еще ея женихомъ; о сожительствѣ этомъ *всегда* знаютъ сосѣди. Къ чести узбековъ должно отнести, что подобное обстоятельство, какъ отсутствіе доказательства невинности жены, не служитъ у нихъ поводомъ не только къ разводамъ, но даже къ какимъ бы то ни было несогласіямъ. Они говорятъ: „жениться на вдовѣ и жениться на дѣвушкѣ, находившейся въ короткихъ отношеніяхъ съ мужчиной,—все равно. Женщина не отвѣчаетъ передъ своимъ мужемъ за прежній образъ жизни. Пока она не жена—она свободна“ и т. п.

Мужъ можетъ перевести жену въ свой домъ чрезъ 2—3 дня, но можетъ оставить ее въ домѣ родителей. Въ первомъ случаѣ, при введеніи молодой въ домъ ея мужа, присутствуютъ всѣ дружки молодаго; при этомъ онъ въ послѣдній разъ угощаетъ ихъ какъ холостякъ. Съ того мгновенія, какъ въ его домъ поселилась жена, холостяки ему уже не пара. Во второмъ случаѣ, мужъ ходитъ къ женѣ украдкой, по ночамъ. Его должна встрѣчать и провожать въ саклю жены старуха, близкая родственница жены. Жена хотя имѣетъ отдѣльную саклю, но въ занятіяхъ своихъ подчинена отцу и матери.

Случается, что замужня узбечка живетъ особнякомъ года четыре и переѣзжаетъ къ мужу уже имѣя трехъ-четырехлѣтней.

Во все время раздѣльнаго сожительства, мужъ не долженъ показываться ни отцу, ни матери своей жены.

Узбеки, какъ уже было сказано нами, раздѣляются на роды. Перечислимъ главнѣйшіе изъ нихъ:

І. Тюаклы.

Тюаклы не могутъ указать времени своего прихода въ Заравшанскій округъ; у нихъ сохранилось преданіе только о томъ, что они вышли изъ за Сыръ-Дарьи, со стороны Ташкента, и двигались на югъ чрезъ Чиназъ и Джизакъ, пока не пришли на настоящее мѣсто своего жительства. Слѣдъ ихъ движенія на югъ мы видимъ ясно: родичи тюаклы остались въ Джизакѣ и расселились по джизакско-самаркандской дорогѣ. За предѣлами Заравшанскаго округа тюаклы заняли восточную часть Годунъ-тау, и, протянувшись далѣе на юго-востокъ, заселили западную часть Шункаръ-тау, а перейдя Заравшанъ, достигли до высшихъ точекъ шахрисябскихъ горъ отъ меридіана Джаланъ-джаръ на востокъ. По Заравшану вверхъ они дошли до Суфіана, врѣзавшись, такимъ образомъ, въ сплошное населеніе гальча; на западъ же по этой рѣкѣ они не дошли до Самарканда: верстъ на 15 по лѣвому берегу Заравшана (у Испанди), и верстъ на 10 по правому, остановившись у кишлаковъ Майли-чукуръ и Урта-бѣузъ.

Территорія тюакловъ весьма разнообразна по своему топографическому характеру: отъ Суфіана почти до высоты Фарманъ-тюбе и далѣе на сѣверъ по Шункаръ-тау и Годунъ-тау, она состоитъ изъ невысокихъ, но дикихъ горъ, отлогихъ холмовъ и предгорій; послѣднія почти всегда состоятъ изъ террасъ, изборозжденныхъ глубокими рывтинами. Эта часть территоріи тюакловъ весьма удобна для скотоводства и земледѣлія; искусственныхъ ирригаціонныхъ каналовъ въ ней нѣтъ, водою она снабжается изъ ключей и колодцевъ. Остальная, западная часть земель тюакловъ обилуетъ ирригаціонными каналами и съ избыткомъ орошена проточной водою; въ ея предѣлахъ берутъ начало древнѣйшіе и самые многоводные арыки округа, именно: Юзъ, Арыки, Янгы, Казанъ, Даргамъ, Тюаттаръ, Булунгуръ, Башъ-арыкъ и другіе. Вся эта часть могла

бы быть весьма хорошо обрабатываема, но тюаклы не принадлежать къ хорошимъ землевладѣльцамъ и потому, не смотря на обильное орошеніе, урожаи ихъ посѣвовъ не высоки.

Тюаклы раздѣляются на слѣдующія отдѣленія: 1) Чуботь, 2) Урай, 3) Молла-кесеки, 4) Мирза-кесеки, 5) Чангалъ и 6) Гурачъ. Последнее отдѣленіе считается бекскимъ.

Намъ не извѣстно, чтобы тюаклы распространились южнѣе, восточнѣе или западнѣе заравшанскаго округа. По окраинамъ своей территоріи, они перемѣшаны съ мингами, гальча, куги, тюрками, каракалпаками, юсами и кыркъ.

Въ началѣ всѣ тюаклы были кочевники; но такъ какъ кочевать возможно только при извѣстной состоятельности, обладая достаточнымъ количествомъ скота, то, съ теченіемъ времени, часть тюаковъ, обѣднявшая вслѣдствіе случайностей войны, обратились къ земледѣлію. Только положительная нужда, матеріальная необходимость принудила ихъ принять осѣдлый образъ жизни. Нужно полагать, что переходъ къ осѣдлости произошелъ сравнительно въ недавнее время, потому что и до сихъ поръ большинство осѣдлыхъ тюаковъ живетъ въ юртахъ (кара-уй), хотя у нихъ есть и сакли.

Кочевники тюаклы (иллюбаи), строго говоря—полу-кочевники; имѣя гористыя мѣста для кочевоекъ, они, въ ущельяхъ горъ или у подошвъ предгорій, гдѣ есть ключевая вода, устраиваютъ для себя кишлаки, въ которыхъ собственно хозяева стадъ живутъ въ теченіи всего холоднаго времени года. Работники же ихъ и въ такое время года кочуютъ со стадами, (такъ какъ кормъ на зиму не заготавливается), частью въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они кочевали и лѣтомъ, а частью на снятыхъ пашняхъ.

Тюаклы, имѣющіе скотъ въ недостаточномъ количествѣ для отдѣльнаго кочеванія, передаютъ его богатымъ кочевникамъ на все теплое время года, а сами занимаются земледѣліемъ; зимою же они всегда держатъ скотъ около своихъ жилищъ, кормя его на пашняхъ. Богатые иллюбаи, у которыхъ есть 5 т. головъ мелкаго скота, вовсе не занимаются земледѣлі-

емъ. Стада тюаковъ состоятъ изъ овецъ, козъ, лошадей (въ Годунъ-тау), верблюдовъ (тоже) и кара-маль *).

Говорятъ, что два-три человѣка изъ тюаковъ илюбаевъ имѣютъ до 7 т. головъ скота, около ста человѣкъ—по 1000, а остальные изъ полу-кочевниковъ отъ 200 до 100. Верблюдовъ у богатыхъ бываетъ до 30, у остальныхъ полу-кочевниковъ отъ 5 до 10. Лошади ихъ хороши.

Самые богатые илюбаи кочуютъ въ восточной половинѣ горъ Годунъ-тау и по дорогѣ къ Джизаку.

Земледѣліе илюбаевъ, какъ сказано выше, не значительно; они сѣютъ: пшеницу и ячмень (богары и тремап), шалы, въ незначительномъ количествѣ джугару, а также просо и просянку; у Пенджикента и выше воздѣлываютъ ленъ, не для волокна, а только для сѣмени. Дыни и арбузы воздѣлываются ими въ большомъ количествѣ: ихъ возятъ для продажи въ горы. Замѣтимъ, что какъ бы ни были близки бахчи отъ кишлаковъ, но тюаклы непременно выставляютъ на окраину ихъ изодранную, закопченную небольшую юрту и кочуютъ кругомъ бахчи.

Илюбаи готовятъ для себя и для продажи: алачугелемъ, куржумы, кошмы, вяютъ арканы, прядуть нитки (этимъ занимаются, разумѣется, женщины) лѣтомъ изъ шерсти, а зимою изъ хлопка, но не съ помощью колеса (чархъ), а урчакомъ (веретенomъ), почему ихъ бумажная пряжа и идетъ только на выдѣлку бузъ и астаръ.

Бѣдняки изъ тюаковъ рубятъ въ зимнее время лѣсъ въ ближайшихъ горахъ и на ишакахъ везутъ его на продажу въ базарныя деревни и въ Самаркандъ.

Тюаклы, особенно илюбаи, живутъ особнякомъ; на свои свадебныя и другія пиршества они не приглашаютъ узбековъ другихъ родовъ *); женятся тоже только между собой, хотя бываютъ и исключенія: такъ богатый, имѣя жену изъ своего рода, вторую беретъ изъ другаго и часто изъ таджиковъ. Бо-

*) Черный скотъ, рогатый скотъ.

*) Говорится объ общемъ, о принятомъ, а не объ исключеніяхъ.

гачи имѣютъ по три и по четыре жены. Калымъ простирается отъ 100 барановъ (по цѣнности) до одной лошади или коровы; безъ калыма не отдаютъ. Жена долго живетъ у своихъ родителей. Тюаклы любятъ пѣсни, игру на дутарѣ. Между ними въ чести разсказчики.

Грамотныхъ между тюаклами трудно найти. Намъ пришлось слышать, какъ тюаклы хвалились, что у нихъ есть одинъ имамъ ихъ собственнаго рода.

Изъ числа кочевниковъ многіе тюаклы доживаютъ до глубокой старости, такъ что 110-ти лѣтній не есть рѣдкость между ними.

Этотъ родъ узбековъ всегда былъ сторонникомъ эмира и состоялъ у него на службѣ въ кавалеріи. По словамъ родовитыхъ тюакловъ, между ними были инаки и датхи.

Тюаклы живутъ въ 47 кишлакахъ и общую численность ихъ можно положить отъ 12—20 т. обою пола.

Сколько именно изъ этого количества кочуютъ и сколько живутъ осѣдло, пока трудно сказать.

II. Мингъ.

По преданію, сохранившемуся у минговъ, этотъ родъ узбековъ пришелъ въ Среднюю Азію съ сѣвера, еще до временъ Чингиса, и кочевалъ по Сыру. Въ бассейнѣ Заравшана минги пришли при Эланмумѣ, родомъ Алчинъ. Гдѣ они первоначально кочевали въ этомъ бассейнѣ—неизвѣстно. Въ царствованіе Абдулла-Хана, во второй половинѣ XVI столѣтія, часть минговъ и притомъ родовитыхъ и богатыхъ, вслѣдствіе притѣсненій названнаго хана, оставила берега Заравшана и перекочевала на Аму-Дарью, къ сторонѣ Балха. Въ это же царствованіе оставшіеся въ Заравшанскомъ бассейнѣ минги, по преимуществу бѣдные, заняли мѣстность, на которой они живутъ и въ настоящее время.

Тоже преданіе говоритъ, что когда-то минги господствовали надъ частью Средней Азіи: имъ принадлежала полоса земель отъ Ура-тюбе и Джизака на югъ, черезъ горы, на Са-

маркандъ и далѣе, почти въ томъ же направленіи, на Балхъ и Кундузъ. Старики минги съ гордостью говорятъ: было время, когда насъ всѣ боялись, когда мы могли брать даромъ все, что намъ нравилось.

Слѣды бывшаго владычества минговъ, подтверждающіе приведенное нами преданіе, видны въ Туркестанскомъ краѣ въ двухъ мѣстахъ: въ Ура-тюбе и Ургутѣ. Беки этихъ городовъ, до занятія ихъ русскими, были изъ рода мингъ и восходили на бекство не по назначенію эмировъ, а по наслѣдству и только номинально подчинялись эмирамъ.

Въ настоящее время, на сколько мы знаемъ, названіе мингъ извѣстно только на югъ отъ Джизакскихъ горъ. На сѣверо-востокъ отъ нихъ существуетъ названіе *Кыркъ-Мингъ-юсъ*, какъ обозначеніе особаго узбекскаго рода. На самомъ же дѣлѣ оно составлено изъ сліянія названій трехъ самостоятельныхъ, но родственныхъ между собою родовъ: *Кыркъ*, *Мингъ* и *Юсъ*. Кыркъ-Мингъ-юсы преобладаютъ въ полосѣ отъ Нау черезъ Ура-тюбе и Зааминъ къ Джизаку включительно. Минги же живутъ въ юго-восточной части Заравшанскаго округа и въ аму-дарьинскомъ бассейнѣ около Гисара, Байсуна, Ширавата, Дейнау, Балха, въ Кундузскихъ владѣніяхъ и въ Хивинскомъ ханствѣ. Однако минги хивинскаго вѣдомства такъ сказать, другаго *прихода*.

По толкованію туземцевъ, этотъ родъ узбековъ получилъ свое названіе, какъ синонимъ „множество“ (Мингъ—значить „тысяча“). Минговъ было такъ много въ отдаленныя времена, что ихъ можно было считать только тысячами.

Минги Заравшанскаго округа раздѣляются на три отдѣленія, въ свою очередь дѣлящіяся на многія подѣотдѣленія.

Отдѣленія

1. Тугалы.
2. Богланъ.
3. Уахтамгалы.

Под-отдѣленія.

Ахметъ, Чагыръ, Тунъ-намазъ, Ахшикъ и проч.
 Чибли, Кара, Мирза и проч.
 Альгаль, Чаутжайлы, Урамасъ, Токъ-намазъ, Кію-ходжа и Яратъ.

Тугалы считаются бекзатами, т. е. бекскимъ отдѣленіемъ. Территорія этого рода начинается отъ лѣваго берега Заравшана, въ 10 верстахъ къ востоку отъ Самарканда и идетъ, расширяясь, на юго-востокъ, къ Ургуту и далѣе, до границы съ Шахрисябскимъ бекствомъ. Такимъ образомъ въ нее входятъ земли, хорошо орошаемыя проточной водой, а именно отъ берега Заравшана и до Казань-арыка, земли степнаго характера — на югъ отъ Казань-арыка до первыхъ уступовъ шахрисябскихъ горъ и горныя. Это территорія минговъ соприкасается съ территоріями слѣдующихъ родовъ: съ сѣвера довольно узкой береговой полосой съ кара-калпаками; съ сѣверо-востока и востока — съ тюаклы и кутча; съ запада — съ тюрками, уйшунъ, найманами и таджиками. Въ срединѣ же ея заключаются территоріи: катагановъ, юсовъ-дурменовъ и таджиковъ.

Свойства мѣстности, заселяемой мингами, позволяютъ имъ заниматься и притомъ съ большимъ успѣхомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ; слѣдовательно минговъ по занятіямъ можно раздѣлить на земледѣльцевъ и скотоводовъ; сѣверные минги — до Даргама, почти исключительно земледѣльцы; отъ названнаго же арыка на югъ — земледѣльцы и скотоводы, полукочевники.

Земледѣльцы минги стоятъ выше своихъ сосѣдей, исключая таджиковъ, и отличаются отъ нихъ большимъ трудолюбіемъ. Они сѣютъ рисъ по берегу Заравшана, Сіабу, Кара-су, Даргаму, Казань-арыку и Янгы-арыку, но по послѣднимъ тремъ каналамъ въ незначительномъ количествѣ. Сѣютъ также пшеницу и ячмень, какъ богары, такъ и тореман, бангъ, просо и джугару. Воздѣлываютъ, но мало, огородныя растенія и клеверъ, а около Джюма-базара, по лѣвую сторону Даргама и по дорогѣ изъ Джюма-базара въ Ургутъ — табакъ. Табакъ въ двухъ указанныхъ мѣстахъ воздѣлывается съ большимъ успѣхомъ и въ большомъ количествѣ. Его здѣсь сѣютъ больше, нежели во всякой остальной части Самаркандскаго отдѣла. Воздѣлываніемъ табака занимается подотдѣленіе *Аль-галь*, и въ особенности *Урамасъ*. — Здѣшній табакъ носить

названіе *каляги* *) и употребляется туземцами, какъ нюхательный, а салдатами—какъ курительный.

Сколько минги засѣвають табаку, строго говоря, трудно сказать. По тому пространству, которое мы видѣли засѣяннымъ, мы думаемъ, что табакомъ засѣвается, не меньше 300 танаповъ **); каждый танапъ при благопріятныхъ условіяхъ даетъ 3 батмана (бухарскихъ) табаку, слѣдовательно его собирается мингами—900 батмановъ или—7,020 пудовъ, т.-е. на сумму отъ 28,080 до 14,040 руб.

Садовъ у минговъ мало. Рощъ же весьма много, особенно у живущихъ отъ Заравшана до Даргама. Шелководствомъ они занимаются только около Джума-базара и Ургута, и то въ самомъ незначительномъ размѣрѣ.

Какъ скотоводы, минги занимаютъ далеко не видное мѣсто между узбекскими родами округа. Они почти исключительно разводятъ овецъ, или берутъ ихъ на пастбу у богатыхъ гуртовщиковъ, таджиковъ Ургута. Самые богатые изъ минговъ (такихъ между ними три или четыре), имѣютъ до тысячи овецъ и человѣкъ до ста—отъ 200 до 300. Въ теплое время года владѣльцы стадъ, зимою живущіе въ кишлакахъ, оставляютъ въ своихъ кишлакахъ старухъ и работниковъ, для занятія земледѣліемъ, а сами, съ остальными семействами, уходятъ въ ургутскія, магіанскія и фарапскія горы, гдѣ и кочуютъ до перваго снѣга.—Зимою ихъ стада частью распродаются, а частью кормятся около кишлаковъ, на снятыхъ пашняхъ.

Богатые гуртовщики, по преимуществу ургутскіе таджики, закупаая гурты овецъ въ Хулумъ, Гисаръ и другихъ мѣстахъ аму-дарьинскаго бассейна, передаютъ ихъ потомъ для пастбы богатымъ людямъ разныхъ узбекскихъ родовъ и между прочимъ мингамъ. Величина отдаваемыхъ для этой цѣли гуртовъ въ одни руки простирается до 500 головъ.—По наживова-

*) Калыги, т.-е. изъ русскихъ городовъ; *каля*—*курганъ*, или городъ; таджики Самарканда, желая выразить, что такая-то вещь изъ Россіи, говорятъ: „каляги“. Первые сѣмена джума-базарскаго табаку вывезены изъ Россіи самаркандскими купцами.

**) Танапъ—625 кв. саж.

ни стады, хозяева гонять ихъ на продажу. Барышъ отъ продажи дѣлать по-поламъ между хозяевами гуртовъ и тѣми, кто ихъ пасъ. Лошадей у минговъ мало; наибольшіе заводы состоятъ изъ 10 матокъ, обыкновенно же изъ 3 или 4, но лошади ихъ считаются одними изъ лучшихъ въ округѣ, особенно такъ называемыя *ханазамъ*, т.-е. дома родившіяся. Скотоводы минги—полукочевники; кочуютъ они въ обыкновенныхъ юртахъ, *кара-уй* (черный домъ), въ которыхъ зачастую живутъ и въ кишлакахъ.

Побочныя занятія минговъ мущинъ слѣдующія: они ткуть: мату (кирь-базъ), каламу и алачу, но все въ маломъ количествѣ. Очищаютъ рисъ и готовятъ въ большомъ размѣрѣ пшеничную муку; за очистку 1 батмана риса берутъ 20 к. с. Продають на самаркандскомъ и ургутскомъ базарахъ колючку-янтакъ *), употребляемую для топлива и съ которой въ концѣ весны они же собирають шакаръ, т.-е. отвердѣвшій сладкій сокъ растенія. Янтакъ растетъ между Даргамомъ и Шахрисябскими горами.

Женщины этого рода, кромѣ исполненія обыкновенныхъ, домашнихъ работъ, занимаются набивкою кошмъ, тканіемъ попоны, алача-гелемовъ (паласовъ), коржумовъ, каповъ и хорошей армячины. Они же выютъ арканы, выдѣлываютъ овечьи шкуры, шьютъ шубы и даже окраска кожъ лежитъ на ихъ обязанности, тогда какъ въ другихъ узбекскихъ родахъ эта послѣдняя работа—чисто мужская. Подобно другимъ узбекамъ, они прядутъ нитки бумажныя и шерстяныя, какъ съ помощью колеса, такъ и веретена. Торговая дѣятельность минговъ обща съ таковою же вообще всѣхъ узбековъ округа, а потому о ней умалчивается, равно какъ на томъ же основаніи пройдемъ молчаніемъ ихъ внутреннюю жизнь. Скажемъ только, что минги брачатыся предпочтительно между собою, а въ другіе роды отдають своихъ дочерей только вслѣдствіе особыхъ побудительныхъ причинъ. Величина калыма измѣ-

*) Лѣсъ изъ Шахрисябскихъ горъ минги не вывозятъ; вывозкою его занимаются кутча и горные таджики.

няется, смотря по состоянію невесты, иногда отъ 40 до 200 рублей. Калымъ рѣдко когда выплачивается деньгами, большею же частью—скотомъ, зерновымъ хлѣбомъ. Праздникъ свадьбы (никахъ-той), разумѣется у болѣе состоятельныхъ, сопровождается рваніемъ козла и разными другими играшками. Праздникъ справляется въ домѣ отца невесты, на калымъ жениха.

Большинство минговъ имѣеть одну жену; двѣ жены—не рѣдкость; по три же имѣють только нѣсколько богачей.

Грамотныхъ въ этомъ родѣ весьма мало, однако въ каждой деревнѣ, кромѣ муллы, есть одинъ или два умѣющихъ читать, а иногда и писать.

Муллы мингскихъ деревень по преимуществу изъ таджиковъ. Минги во время владычества эмировъ пользовались извѣстнымъ почетомъ и имѣли изъ среды себя бековъ, но изъ того, что изъ ихъ рода были беки, еще не слѣдуетъ, что именно этими беками они и управлялись.

Минги Заравшанскаго округа находятся въ двухъ тюменяхъ: Ургутскомъ и Шаударскомъ. Тюмень Ургутскій, а слѣдовательно и часть минговъ, подчинялись ургутскому беку изъ минговъ; шаударскіе-же минги всегда управлялись самаркандскимъ бекомъ, т. е. не изъ минговъ. Если изъ какого нибудь узбекскаго рода избираются беки, то они обыкновенно имѣють свою стражу, своихъ сипаевъ и набирають ихъ изъ того рода, къ которому сами принадлежать. По понятіямъ же среднеазіятцевъ, почетъ и военная служба тѣсно связаны. Тюаклы, напримѣръ, низкій родъ, потому что не служили въ сипаяхъ. Катаганы *) же обратно, смотрять на всѣхъ, какъ на мелочь, съ которою и разговаривать не стоитъ, а почему?... Потому собственно, что при эмирахъ они всѣ, до единого, были сипаями, и ходили на высокихъ каблукахъ.

Изъ того, что минги-беки управляли Ургутомъ, также не слѣдуетъ, что Ургутъ населенъ мингами. Ургутъ составляетъ таджикскій оазисъ на территоріи минговъ. Ургутъ **) первый

*) Ихъ въ округѣ до 400 д. об. пола.—

**) Въ Ургутѣ только нѣсколько мингскихъ домовъ.

мануфактурный городъ въ Туркестанскомъ краѣ; онъ выдѣлывается въ годъ почти на 250 тысячъ р. алачи, и нужно хотя чуть-чуть знать узбековъ, чтобы уже по одному этому обстоятельству придти къ мысли, что не узбеки его заселяютъ. Равно минги не живутъ въ Фарапѣ, Магіанѣ и особенно въ Кштутѣ. Этими мѣстами только управляли беки изъ рода минговъ и имѣли при себѣ сипаями по преимуществу людей изъ этого рода. Хороши кштутцы-узбеки, когда они и по узбекски-то плохо говорятъ!...

Минги, подъ вліяніемъ своихъ родовыхъ бековъ, при всякомъ удобномъ случаѣ составляли оппозицію эмирамъ и вмѣстѣ съ ктаями, кипчаками и кара-калпаками Заравшанскаго округа и кенегесами шахрисябскихъ владѣній вели съ ними продолжительныя и упорныя войны.

Минги заселяютъ 44 деревень, перечень которыхъ представленъ ниже, а число ихъ до 11.000 душъ обоего пола.

Кишлаки, въ которыхъ живутъ минги, суть слѣдующіе 1) Адасъ, 2) Наузандакъ, 3) Джюма-базаръ (есть таджики), 4) Ялангачъ, 5) Яссе-тюбе, 6) Багы-заганъ, 7) Янгы-кишлакъ, 8) Хаузакъ, 9) Тугай, 10) Узукъ, 11) Сара-сія, 12) Талыкъ-ата (есть таджики), 13) Пейшамбе-сіабъ (есть катаганы и таджики, 14) Котуръ-булакъ, 15) Наукасъ (есть ходжа-акъ-сіакъ), 16) Гальча, 17) Шапфулять, 18) Иска-Джюма (есть юсы), 19) Ура-мась, 20) Кайраклы, 21) Уракбай, 22) Санш-кулы, 23) Муголь (юсъ и кутча), 24) Тигона (преимущественно юсы), 25) Альгаръ, 26) Рабать-кишлакъ, 27) Куль-кишлакъ, 28) Язманъ, 29) Занджирбагъ, 30) Бишъ-капа, 31) Зянбуракъ, 32) Мангутъ-абать, 33) Ача-майлы, 34) Бишкаль, 35) Кингиръ, 36) Сарымъ-тюбе, 37) Бишъ-Капа-куи, 38) Узунъ-кишлакъ, 39) Яръ-кишлакъ, 40) Галыгачъ-Джаръ, 41) Мирза-дивачи, 42) Мингъ-булакъ, 43) Мирза-баглянъ, 44) Катты Мингъ. —

III. Тюрки.

Между мингами и тюаклами живутъ тюрки. Они пришли въ Заравшанскій округъ лѣтъ 50 тому назадъ, при самарканд-

скомъ бекѣ Давлетъ-кушъ-беги, изъ ура-тюбинскихъ горъ, что тянутся отъ Ура-тюбе къ Джизаку *). Откуда тюрки приковывали въ горы, преданія ихъ умалчиваютъ.

Тюрки раздѣляются на четыре отдѣленія: 1) Калта-тай, 2) Каль-гафизъ, 3) Люляки и 4) Кара-кузъ. Два отдѣленія: Балласъ и Мусса-базари перешли въ шахрисябскія владѣнія; въ округѣ изъ этихъ двухъ отдѣленій осталось только нѣсколько семействъ.

Тюрки—почти исключительно кочевники; только весьма бѣдные изъ нихъ, которыхъ въ этомъ родѣ очень мало, занимаются земледѣліемъ и доставкою дровъ и янтака въ Самаркандъ и другія мѣста округа, близкія къ мѣсту ихъ жительства. Они разбросаны отдѣльными оазисами и занимаютъ свободныя мѣста на территоріяхъ другихъ узбекскихъ родовъ. Западный ихъ предѣлъ есть Агалыкъ-тау. Далѣе, по шахрисябскимъ горамъ на востокъ, они живутъ у горы Тюркча **), находящейся въ 5—6 верстахъ восточнѣе Дашты-казы, т. е. на границѣ Когистана. Отъ Іори они заселили сѣверные склоны Шункаръ-тау и, распространяясь отъ этого мѣста на западъ отдѣльными семействами, доходятъ до Чилека. Больше всего тюрки кочуютъ въ Агалыкъ-тау и въ Ялансаѣ. Съ занятіемъ края русскими войсками, болѣе богатые изъ нихъ, въ числѣ около 100 кибитокъ, уковывали къ Гисару, въ аму-дарьинскій бассейнъ.

Богачи тюрки кочуютъ по пенджикентскимъ горамъ, противъ Варзиминора, въ горахъ Тюркча. Каждый изъ нихъ имѣетъ отъ 3—4 головъ мелкаго скота. Лучшія лошади находятся у Усматскихъ тюрковъ. Среднее число головъ скота у тюрковъ иллюбаевъ отъ 100 до 200 ***); верблюдовъ у нихъ нѣтъ, а ишаковъ весьма мало.

Тюрки готовятъ: армячину, ала-чалегемъ, пуховыя

*) Тюрки и теперь живутъ въ этихъ горахъ (до 800 юртъ).

**) До 300 семействъ.

***) Мелкій свой скотъ тюрки продаютъ исключительно на самаркандскомъ базарѣ—самаркандскимъ барышникамъ.

опояски, онучи (очень грубыя), арканы, капы, куржумы, нитки изъ шерсти и всѣ прочія шерстяныя произведенія.

Бѣдные тюрки занимаются продажей дровъ (рубятъ въ пенджикентскихъ горахъ) и степныхъ травъ, годныхъ для топлива, а также акъ-таша, добываемаго въ Агалыкъ-тау *).

Тюрки живутъ до-нельзя замкнуто: они знаютъ только самихъ себя. Браки заключаютъ исключительно между собою. Калымъ выплачиваютъ отъ 8—100 барановъ, но женятся и безъ калыма. Женщины ихъ не закрываются.

Въ военной службѣ у эмира тюрки не были и не могутъ назвать никого изъ среды себя, кто бы имѣлъ чины бухарскіе.

Между тюрками весьма распространено состязаніе въ пѣніи и импровизаціи; въ обоихъ этихъ искусствахъ особенно отличаются ихъ дѣвушки.

Говоря о тюркахъ, нельзя умолчать объ одной изъ ихъ женщинъ—Шарифа-бай-бача, построившей, на свой счетъ, мостъ чрезъ Заравшанъ, извѣстный подъ названіемъ „ду-пулъ“.

Тюрки зимуютъ въ 19 деревняхъ; всего ихъ нужно считать до 4500 душъ обоего пола.

Узбеки ли—тюрки? Мы ихъ причислили къ узбекамъ единственно потому, что ихъ называютъ такъ туземцы и они сами не отказываются отъ узбекскаго происхожденія. Говорятъ они по узбекски, но не много отличнымъ говоромъ. Что касается до типа, то тюрки не похожи на узбековъ. Черты ихъ лица весьма правильны, вполнѣ индо-европейскія; борода густая, роста они не выше средняго, сложенія сильнаго. Схожихъ съ ними въ округѣ мы никого не знаемъ.

IV. Найманы.

На западъ отъ минговъ, по лѣвому берегу Заравшана, ближе къ шахрисябскимъ горамъ и въ самыхъ горахъ, живутъ

*) Акъ-ташъ—кварцъ; онъ идетъ на приготовленіе посуды чинны и особенно софалъ; чинны называется низшій сортъ, а софалъ — высшій. Ишачій вѣзетъ акъ-таша, вѣсомъ въ 3 пуда, стоитъ на самаркандскомъ базарѣ 15 коп.

найманы. Они заселяютъ, съ небольшими перерывами, все пространство отъ минговъ до западной границы округа съ бухарскимъ ханствомъ, т. е. до горъ Тимъ-тагъ и Зиръ-акъ-булакъ. Мы опредѣляемъ здѣсь границы территоріи наймановъ округа, но не наймановъ вообще, ибо они живутъ и далѣе означенныхъ западныхъ границъ—до Зіаудина и Кермине.

Темное преданіе наймановъ гласитъ, что они тоже вышли изъ за Сыра, но это преданіе обще всѣмъ узбекамъ. Настоящее свое появленіе въ округѣ найманы относятъ ко временамъ Надиръ-ша. До тѣхъ же поръ они жили около Байсуна и Широата, вмѣстѣ съ родственнымъ себѣ родомъ „кунградъ“, (кунградъ и найманъ по ихъ словамъ—дѣти одного отца Козакъ?). Поссорившись съ кунградцами, они, какъ слабѣйшіе, принуждены были бросить амударьинскій бассейнъ. Сколько прошло времени съ того момента, когда найманы покинули этотъ бассейнъ и черезъ Гузаръ и Карши достигли теперешняго своего мѣста—не извѣстно. На пути своемъ они селились частію въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ оказывались не занятыя земли. Такимъ образомъ часть наймановъ осталась въ Карши, часть въ Гузарѣ. При расселеніи своемъ въ заравшанскомъ бассейнѣ, болѣе бѣдные изъ нихъ поселились ближе къ Самарканду, на орошаемыхъ мѣстахъ, а богатые заселили степь.

Найманы округа состоятъ изъ трехъ отдѣленій: 1) Коштамгалы, 2) Садыръ-бекъ и 3) Уахтамгалы. Дальнѣйшія ихъ подраздѣленія на под-отдѣленія мы принуждены перечислить безъ всякой связи, потому что и сами найманы, хотя носятъ эти названія какъ прибавленія къ родовому названію „найманъ“, но сбиваются при опредѣленіи: къ какимъ отдѣленіямъ они относятся. Они говорятъ: я найманъ—Пулачи, Кара, Укрепъ, Казаяклы, Чумышлы, Джаланлы, Джагаръ-байлы, Боганачлы, Козакъ, Балталы, Агранъ и Бурунь-сау.

Сѣверо-восточная, весьма не значительная часть территоріи наймановъ состоитъ изъ плодородныхъ, искусственно орошаемыхъ земель; остальная же ея часть—или степь, или го-

ры и ихъ предгорья. Она изрѣзана множествомъ рытвинъ, наполняющихся водою только зимою и весною. Вслѣдствіе такого свойства занимаемой ими мѣстности, они только отчасти земледѣльцы. Посѣвы ихъ находятся у Самарканда и, въ незначительномъ количествѣ, у Кургана и Улуса. Въ остальныхъ же мѣстахъ своей территоріи найманы разводятъ скотъ.

Иллюбан—найманы, по количеству мелкаго скота, бѣднѣе тюакловъ; богатѣйшіе изъ нихъ имѣютъ не болѣе 3 т. овецъ и козъ. Для прочихъ иллюбаевъ за среднюю цифру можно принять 100 головъ мелкаго скота. Верблюдовъ у нихъ болѣе, нежели у тюакловъ; они занимаются извозомъ и доставляютъ въ Карши и Бухару пшеницу и проч. зерновой хлѣбъ, а оттуда привозятъ въ округъ: соль (изъ Карши) и разные товары (изъ Бухары), передаваемые имъ купцами. Что касается до лошадей, то хотя найманы не обладаютъ большими табунами и имѣютъ заводы не больше какъ въ 10—15 матокъ, но, по качеству своему, найманскія лошади цѣнятся весьма высоко и считаются лучшими во всемъ округѣ. Въ продажѣ на базарахъ нельзя встрѣтить хорошихъ лошадей: никто изъ порядочныхъ узбековъ не выведетъ на базаръ даже сносную лошадь, продаютъ одну калечь. Желаящій обзавестись порядочной лошадью долженъ ѣхать въ кочевню.

Въ зимнее время большая часть найманскихъ стадъ пасется въ Тимъ-тагѣ, а лѣтомъ въ джамскихъ горахъ и по Чулю. Въ Чулѣ ключевой воды и проточной весьма мало, почему кочевники роютъ колодцы въ глубокихъ отлогіхъ впадинахъ и въ рытвинахъ. Въ такихъ мѣстахъ грунтовая вода находится на глубинѣ 2—10 сажень, на вкусъ она солоноватая, а мѣстами горько-соленая.

Произведенія наймановъ тѣ же, что и тюакловъ; женщины ихъ прядутъ исключительно шерстяныя нитки. Бѣдняки изъ наймановъ занимаются продажей топлива, которымъ обилуетъ Чуль; они собираютъ: янтакъ, джанжакъ, карракъ и другія травы, годныя для этого употребленія. Съ янтака же они собираютъ извѣстную манну шикаръ, изъ которой пригото-

ляется большинство туземныхъ сластей. Найманы-земледѣльцы разводятъ шелковичныхъ червей, но въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Иллюбаи кочуютъ и зимуютъ въ кара-уй; земледѣльцы же имѣютъ сакли и кибитки, но предпочитаютъ жить въ послѣднихъ. Первые до сихъ поръ строго сохраняютъ понятіе объ отдѣльномъ родѣ, свою самостоятельность; вторые же, вступая въ неизбѣжныя частыя сношенія съ другими родами узбековъ, потеряли свою самостоятельность и вступаютъ въ бракъ со всѣми узбеками.

Иллюбаи, какъ богатые люди, держали (при эмирахъ) невольниковъ и невольницъ, почему между ними зачастую встрѣчаются особы съ персидскими чертами лица.

Что касается до калыма и увеселеній, то и въ этихъ отношеніяхъ найманы сходятся съ тюаклами,—но пѣсенъ они не поютъ, а говорятъ речитативомъ. Грамотныхъ между найманами весьма мало; имамы, которыхъ они стараются имѣть изъ своего рода, не только не умѣютъ писать, но даже не знаютъ азбуки.

Найманы всегда были на сторонѣ эмировъ; изъ нихъ во время войнъ формировался особый конный отрядъ *). Во время штурма Джизака нашими войсками, большая часть его защитниковъ состояла изъ лицъ этого рода. Высшій чинъ, до котораго дослуживались найманы—датха. При мусульманскомъ правленіи найманы имѣли своихъ биевъ, но они не играли той роли, какую играютъ бии у киргизовъ; ихъ власть вполне подрывалась существованіемъ, рядомъ съ ними, казіевъ и бековъ. Найманы живутъ въ 63 кишлакахъ, зимовкахъ и урочищахъ;—общее число ихъ простирается до 18 тысячъ душъ обоого пола.

V. Уйшунъ.

Уйшуновъ въ округѣ весьма мало, не больше 500 душъ обоого пола. Всегда ли ихъ было въ немъ такъ мало и ка-

*) Замѣчательно, что теперь между найманами очень много воровъ и разбойниковъ.

кимъ образомъ они очутились въ округѣ—этого уйшуны не могутъ объяснить. По ихъ преданію, они пришли въ округъ еще въ то отдаленное время, когда Самаркандъ брали 92 (?) узбекскихъ племени. Нужно замѣтить, что уйшуновъ немного и въ остальныхъ провинціяхъ Средней Азіи; такъ въ хатырчинскомъ бекствѣ ихъ не больше 40 домовъ, а въ бухарскомъ бекствѣ еще меньше. Они говорятъ, что, кромѣ заравшанскаго бассейна, ихъ нигдѣ больше нѣтъ. Уйшуны раздѣляются на три отдѣленія: 1) Учаклы, 2) Кузь-тамгалы и 3) Ирганаклы.

Этотъ незначительный узбекскій родъ всегда находился на военной службѣ у бухарскихъ хановъ; для домашнихъ же занятій они имѣли рабовъ, рабынь и женъ. О военной дѣятельности ихъ можно судить уже потому, что, во время штурма Джизака (въ 1866 г.), изъ уйшуновъ было убито 15 человѣкъ въ офицерскихъ чинахъ.

Уйшуны, какъ служилые люди, были богаты и пользовались большимъ почетомъ; доказательствомъ ихъ богатства можетъ служить то обстоятельство, что калымъ за ихъ дочерей простирался отъ 200—1200 рублей. Въ настоящее время уйшуны сильно обѣдняли и потеряли уваженіе народа. Къ земледѣльской работѣ они не привыкли, а съ водвореніемъ русской власти въ округѣ, ихъ специальное достоинство—военное ремесло потеряло свое прибыльное значеніе. Теперь калымъ у нихъ спустился до 40 руб. „Прежде мы были сыты“, говорятъ уйшуны, „а теперь голодны“; „прежде мы имѣли по нѣсколько бачей на содержаніи, а теперь самимъ въ пору идти въ бачи“.

Уйшуны, живя въ Кара-тюбе, составляли передовой постъ противъ кенегесовъ шахрисябскихъ владѣній.

Пѣсни уйшуновъ и языкъ ихъ—чисто киргизскіе.

При взносѣ податей эмиры причисляли уйшуновъ къ джалаирскому роду. Грамотныхъ между ними очень много; даже они увѣряютъ, что они всѣ грамотны, но имамовъ изъ среды себя они никогда не имѣли. Уйшуны живутъ въ Кара-тюбе, Сарычашма и Искандерѣ; кромѣ того по нѣскольку домовъ этого рода находятся и въ другихъ кишлакахъ Самаркандскаго отдѣла.

VI. Кутчи.

Кутчи говорятъ, что они выходцы изъ Кашгара, но, издавна живя между узбеками, утратили свой природный языкъ и говорятъ по узбекски. Ихъ типъ ничуть не напоминаетъ то племя, языкъ котораго они уже успѣли усвоить. Цвѣтъ ихъ лица темный, съ коричневымъ отливомъ, глаза черные и большіе, правильнаго прорѣза, борода густая, окладистая. Сами себя они называютъ „узбеками“ и дѣлятся на слѣдующія четыре отдѣленія: 1) Тогусъ-науца, 2) Ших-саять, 3) Моли и 4) Кашгари. Изъ нихъ первое отдѣленіе—исключительно земледѣльцы, а остальные три не имѣютъ никакого опредѣленнаго занятія; одни изъ кутчей этихъ трехъ отдѣленій ловятъ и обучаютъ охотничьихъ птицъ: карчи, карчага и туюгунъ, — всѣ они кажется изъ соколиной породы и водятся въ шункарскихъ горахъ. Хорошо приготовленный для лова птицъ туюгунъ цѣнился прежде отъ 140—240 руб. Другіе барышничаютъ скотомъ или скупаютъ уголь у пенджикентскихъ гальча и везутъ его для продажи въ Самаркандъ, а также занимаются продажей топлива.

Кутчи выдѣлываютъ обыкновенныя средне-азіатскія произведенія изъ шерсти, а жены ихъ прядутъ изъ хлопка тонкія нитки.

Женятся они только между собою; калымъ выплачиваютъ за жену отъ 60—80 руб. Безъ калыма свадьбы не дѣлаютъ.

Въ военной службѣ никто изъ нихъ не служилъ. Грамотныхъ между ними нѣтъ.

Кутчи заселяютъ 10 кишлаковъ. Число ихъ не простирается свыше 1,500 д. обоюго пола.

VII. Катаганъ.

Преданіе катаганцевъ указываетъ на Кундузъ, какъ на прежнее ихъ мѣсто жительства. По этому преданію они вышли изъ подъ Кундуза при самаркандскомъ ханѣ (?) Абдуль-Газисѣ, который подчинилъ кундузскія владѣнія своей власти. Во время пребыванія Абдуль-Газиса въ Кундузѣ, старшій изъ

катагановъ, Назаръ-бекъ, со многими изъ своихъ одноплеменниковъ, пожелалъ присоединиться къ войску хана и, со всѣми своими стадами, женами и дѣтьми, направился черезъ Гисаръ и шахрисябскія владѣнія на Самаркандъ. До Самарканда достигло только одно отдѣленіе катагановъ—Акъ-чурагасы, въ шахрисябскихъ владѣніяхъ осталось отдѣленіе Тасъ-катаганъ, а въ Гисарѣ—Муносъ-катаганъ. Всего вышло три отдѣленія. Назаръ-бекъ, дослужившійся до парваначи, приобрѣлъ въ Самаркандѣ большое состояніе въ земляхъ, которыя завѣщалъ—онѣ были Милькъ-хурру-халисъ *)—своимъ сподвижникамъ какъ вакфъ-авлядъ. Эти земли, которыми пользуются до сихъ поръ катаганы, находятся въ киплакахъ Яремъ-тухъ и Испанди. Ихъ катаганы сами не обрабатываютъ, но отдаютъ въ аренду узбекамъ другихъ родовъ. Катаганы всегда служили въ сипаяхъ и только со времени занятія Самарканда русскими начали присматриваться къ земледѣлію.

Туземцы зовутъ катагановъ бекзатами, т. е. людьми бекскаго рода; при эмирахъ они слыли за людей богатыхъ. Катаганы женились прежде исключительно на женщинахъ своего рода, что кажется и послужило причиной, почему они имѣли только по одной женѣ. Калымъ выплачивался ими отъ 100 до 200 руб. Жены сейчасъ же по заключеніи брака перѣзжали въ домъ своихъ мужей.

Одно изъ любимыхъ развлеченій катагановъ—рванье козла (кокъ-бури). „Сипаю“, говорятъ они, „нужно рвать козла, чтобы научиться хорошо управлять лошадыю и быть ловкимъ“. Пляски бачей въ большомъ ходу у этого племени. Ихъ жены тоже пляшутъ, разумѣется, между собою.

Наружностью катаганецъ весьма сильно напоминаетъ киргиза Сыръ-Дарьи; но всѣ рѣзкія черты киргизскаго типа въ немъ сглажены, смягчены. Праздность, а можетъ быть и женитьба на самыхъ близкихъ родственникахъ, убили въ катаганцахъ всякій смыслъ; выраженіе ихъ глазъ и лица очень

*) Единственно только милькъ-хурру-халисъ можно обращать въ вакфъ-авлядъ, т. е. въ потомственное владѣніе.

идіотичны. Языкъ ихъ узбекскій, но съ оттѣнками. Грамотны они всѣ, однако муллы и имамовъ имѣютъ изъ таджиковъ.

Катаганы, какъ вполнѣ военное сословіе, презируютъ таджиковъ и ставятъ ихъ на одну доску съ евреями.

Катаганы живутъ въ слѣдующихъ четырехъ деревняхъ: 1) Бекляръ, 2) Хазифа, 3) Чуянчи, и 4) Пейшамбе-вапъ. Всего ихъ до 450 д. об. пола.

VIII. Мангиты.

Мангиты живутъ въ заравшанскомъ округѣ въ двухъ мѣстахъ: около Самарканда и Катта-Кургана. Первые говорятъ, что они пришли въ округъ изъ подъ Карши лѣтъ 100 тому назадъ; вторые, что они жили въ немъ еще при эмирѣ Тимурѣ. Разногласіе это оказывается и въ ихъ раздѣленіи на отдѣленія.

Первые дѣлятъ себя на 17 отдѣленій: 1) Тимиръ-ходжа, 2) Баурдакъ, 3) Исабай, 4) Гуалякъ, 5) Куся, 6) Тазъ, 7) Кара-баиръ, 8) Парча-кара, 9) Токъ, 10) Бакырчи, 11) Мангитъ-казакъ, 12) Куля-тамгалы, 13) Унъ-эки, 14) Чукай, 15) Галибатырь, 16) Бишкалы и 17) Бакаль-чакъ.

Вторые катта-курганскіе мангиты, насчитываютъ у себя только семь слѣдующихъ отдѣленій: 1) Увалай, 2) Ачъ, 3) Токъ, 4) Акъ, 5) Иссабай, 6) Баурдакъ и 7) Кара-мангитъ.

По собраннымъ нами въ Карши свѣдѣніямъ объ этомъ родѣ (1868 г.) оказалось, что каршинскіе мангиты раздѣляются только на 6 отдѣленій. Хотя мы не можемъ объяснить съ точностію причинъ происхожденія такой разницы въ дѣленіяхъ на отдѣленія, но склоняемся къ тому мнѣнію, что самаркандскіе мангиты потеряли строгое различіе между отдѣленіями и подѣленіями, — тѣмъ болѣе, что значеніе подобныхъ дѣленій только тогда играетъ роль, когда самый родъ — большой. Въ катта-курганскомъ отдѣлѣ мы записали только отдѣленія, и думаемъ, что обозначеніе ихъ вѣрно, такъ какъ оно согласуется съ тѣми дѣленіями, которыя мы имѣли случай записать въ Каршахъ. Замѣтимъ при этомъ, что

мангиты считают за центръ своего рода именно городъ Карши, гдѣ ихъ свыше 30.000 душъ обоого пола.

Самаркандскіе и катта-курганскіе мангиты не знаютъ другъ друга, не признаютъ между собою родственной связи и даже во многомъ отличаются между собою; почему мы и опишемъ ихъ отдѣльно.

Мангиты самаркандскаго отдѣла живутъ сгруппированно; занимаемые ими кишлаки всѣ расположены въ одномъ тюменѣ—ангарскомъ. Иллюбаевъ между ними нѣтъ. Жены ихъ особенно отличаются производствомъ тонкой пряжи изъ хлоп-ка, котора вся идетъ въ продажу, такъ какъ сами они ничего не ткуть.

Эти мангиты, по большей части, женятся между собой; калымъ существуетъ только между богатыми; бѣдные равно какъ и друзья, брачатыся безъ него, тратясь на одно угоще-ніе. Женатый сынъ выдѣляется и живетъ самостоятельнымъ домомъ.

Самаркандскіе мангиты не могутъ указать въ настоящее время ни на одного человѣка изъ своей среды, у котораго было бы двѣ или болѣе женъ.—Они, въ числѣ до одной ты-сячи душъ обоого пола, живутъ въ 12 деревняхъ, плохо ора-шаемыхъ проточной водой.

Мангиты катта-курганскаго отдѣла живутъ разбросанно, на территоріи другихъ узбекскихъ родовъ. Вслѣдствіе этого они потеряли свою родовую самостоятельность и женятся безразлично на женщинахъ всякихъ родовъ. Въ средѣ ихъ есть до 20 иллюбаевъ, имѣющихъ отъ 400 до двухъ тысячъ головъ мелкаго скота; кромѣ того много ишаковъ, лошадей и кара-маль. Верблюдовъ они не держатъ. Иллюбаи-мангиты кочуютъ въ Акъ-тау; на зиму только часть ихъ скота оста-ется въ горахъ, весь же остальной спускается въ низкія предгорья акта-ускихъ горъ или разбирается по кишлакамъ.

Земледѣльцы — мангиты занимаются, между прочимъ, раз-веденіемъ шелко-пряда, тканьемъ каламы, бязи и алачи.

Какъ иллюбаи, такъ и земледѣльцы, имѣютъ сакли и ка-ра-уй.

Калымъ у нихъ выплачивается отъ 20 до 200 руб. Безъ калыма не женятся. Жена иногда живетъ въ домѣ отца около года, но чаще, сейчасъ же послѣ свадьбы переѣзжаетъ въ домъ своего мужа. Многоженство у нихъ сильно развито: есть имѣющіе по пяти женъ.

Мангиты обоихъ отдѣловъ всегда были сторонниками эмировъ *); но между заравшанскими мангитами не было личностей, дослужившихся до чина выше токсабы.

Грамотныхъ въ этомъ родѣ очень мало, не больше 4%.

Въ катта-курганскомъ отдѣлѣ мангитовъ до 2.000; они засѣляютъ 12 кишлаковъ, вмѣстѣ съ ктаями, сараями, джалаирами, ходжами, кырками, багринами и другими народцами; кромѣ того по два или по три семейства изъ рода мангитовъ живутъ въ другихъ кишлакахъ отдѣла.

IX. Сарай.

Главное мѣстопробываніе этого рода—Балхъ. Какимъ образомъ они туда попали, неизвѣстно. Изъ Балха сарай двинулись на сѣверъ и засѣлили собою степь около Гузара и степь, лежащую отъ Каршей къ Джаму; изъ этой послѣдней мѣстности часть ихъ, переваливъ отроги шахрисябскихъ горъ, вошла черезъ Джамъ въ катта-курганскую чуюль. Изъ 9 отдѣленій сараевъ въ чуюль пришла только часть сараевъ отъ двухъ отдѣленій: Джаманъ-асъ и Токъ-бай.

Сарай-полукочевники, полу-осѣдлые; они кочуютъ и занимаются земледѣліемъ въ шахрисябскихъ горахъ. Болѣе богатые изъ нихъ имѣютъ до 500 штукъ мелкаго скота.

Сарай живутъ среди наймановъ и поглощены ихъ средой а потому занятія ихъ одинаковы съ занятіями наймановъ. Калымъ у нихъ отъ 20 до 200 р., а бѣдные платятъ за жену работою. Двѣ жены у сараевъ встрѣчаются весьма рѣдко. Между сараями-друзьями въ большомъ ходу заключать условіе, что родившіеся у нихъ дѣти разнаго пола должны считаться мужемъ и женою.

*) Извѣстно, что изъ этого рода происходитъ нынѣ ханствующая бухарская династія.

Грамотныхъ между сараями нѣтъ: ихъ муллы и имамы изъ шахрисябцевъ. Сарай еще не отвыкли отъ киргизскаго гостепріимства и радушія и не утратили киргизскаго типа. Они были на службѣ у эмировъ и дослуживали до токсабы.

Сарай живутъ въ 13 кишлакахъ; число ихъ можно опредѣлить въ 2.000 душъ обоого пола.

Х. Багрины.

Багрины живутъ исключительно въ западныхъ и сѣверо-западныхъ частяхъ катта-бурганскаго отдѣла, но они не занимаютъ сплошной территоріи, а заселяютъ отдѣльные кишлаки, разбросанные между кишлаками другихъ родовъ. Въ самаркандскомъ же отдѣлѣ багриновъ очень немного и они живутъ тамъ отдѣльными семействами по разнымъ узбекскимъ кишлакамъ.

Багрины катта-бурганскаго отдѣла говорятъ, что они выселись изъ подъ Маргелана *), во время Надиръ-ша, и что причиной переселенія считаютъ ссору своего бія Османъ-караулъ-беги съ коканскимъ ханомъ. Одна часть маргеланскихъ переселенцевъ поселилась въ урочищѣ Бурганачлы, гдѣ и теперь есть деревня подъ названіемъ Багринъ-кишлакъ, а часть перешла въ хатырчинское бекство, въ Гузаръ и Карши. Въ Бурганачлы поселились кара-калнакъ-багринъ, въ Карши и Гузарѣ—найну-багринъ, а въ Хатырчахъ уели-багринъ.

Багрины самаркандскаго отдѣла совершенно не знаютъ, когда они поселились въ Міанканѣ. Къ названію „багринъ“ они прибавляютъ слова: Ташкенди, Исари, Магіани и Баганачлы. Только послѣднее названіе можно принять за названіе отдѣленія; первыя же три указываютъ исключительно на мѣста, въ которыхъ они жили передъ поселеніемъ своимъ въ заравшанскомъ округѣ.

Багрины—земледѣльцы; нѣкоторые изъ нихъ еще не бросили кара-уй, но большинство живетъ въ сакляхъ. Мушныны этого рода ткуютъ бузы, каламу, алачу, вьютъ арканы, плетутъ

*) Маргеланъ—городъ въ Коканскомъ ханствѣ.

изъ камыша плетенки и проч., а женщины прядутъ шерстяныя и бумажныя нитки, выдѣлываютъ кожи, ткутъ шали—алача, армячину и шьютъ чапаны.

При женитьбѣ багрины не разбираютъ родовъ, но на таджикахъ не женятся, говоря, что онѣ очень лѣнивы. Самый большой калымъ—100 р., а не рѣдко женятся и безъ калыма. Жена не переходитъ въ домъ мужа лѣтъ около шести. Грамотныхъ между багринами нѣтъ. Въ военной службѣ у эмировъ они не служили.

Багрины живутъ между уйшанами, тюрками, ктаями, туркменами, джалаирами и мангитами.

Всего ихъ въ округѣ въ 15 кишлакахъ, до 2.000 душъ.

XI. Юсы.

Юсы пришли въ Міанканъ изъ разныхъ мѣстъ и въ разное, но не отдаленное время. Юсы самаркандскаго отдѣла вышли изъ подъ Заамина лѣтъ 60 тому назадъ, при самаркандскомъ бекѣ Аязѣ, родомъ изъ мангитовъ. По ихъ словамъ, въ окрестностяхъ Заамина въ то время было густое населеніе, но свободныхъ пахатныхъ земель не было. Въ заравшанскомъ же округѣ, напротивъ, были не заселенныя мѣста, а землю можно было получать даромъ.

Двигаясь частью чрезъ Джизакъ, частью чрезъ Санзарскую долину, они достигли сѣверной окраины бывшаго самаркандскаго бекства и заняли свободныя мѣста по Тюа-тартау, Полванъ-арыку и Булунгуру, между тюаками и кара-калпаками. По преданію, земли, на которыхъ теперь живутъ юсы самаркандскаго отдѣла, славились нѣкогда своимъ плодородіемъ и густымъ населеніемъ, но кто именно на нихъ жилъ неизвѣстно. Теперь же онѣ состоятъ изъ ряда рытвинъ и холмовъ и имѣютъ видъ полного запустѣнія. Кишлаки стоятъ угрюмо и въ рѣдкомъ изъ нихъ есть фруктовыя деревья, и то чахлая. Капитальные древніе арыки, прорѣзывающіе землю юсовъ, или имѣютъ мало воды или же текутъ въ такихъ глубокихъ ложахъ, что не могутъ доставлять ее на пашни.

Между самаркандскими юсами кочевниковъ нѣтъ; но такъ какъ у нихъ между пашнями есть много свободныхъ мѣстъ, поросшихъ травой, годной для корма мелкаго скота и верблюдовъ, то они скупаютъ весною скотъ, кормятъ его въ теченіи 5—6 мѣсяцевъ и потомъ продаютъ на самаркандскомъ и другихъ базарахъ на убой.

Юсы катта-курганскаго отдѣла говорятъ, что они пришли въ округъ при эмирѣ Ша-муратъ-бекѣ, изъ подъ Гисара и поселились между ктаями на Мынчъ-арыкѣ, гдѣ населеніе въ то время было весьма рѣдкое.

Эти юсы называютъ себя Юсь-Моголь. Въ настоящее время они заселяютъ сплошь только одну деревню Акъ-чурагасы, въ остальныхъ же деревняхъ перемѣшаны съ ктаями, джалаирами и другими узбекскими родами.

Занятія катта-курганскихъ юсовъ одинаковы съ занятіями ктаевъ.

Юсы самаркандскаго отдѣла готовятъ кошмы, капы, арканы и прядутъ шерстяныя нитки. Живутъ они въ кара-уй, говоря, что въ саклѣ узбекъ гніеть.

Съ тюаклами они состоятъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но съ другими своими сосѣдями, кара-калпаками, въ самыхъ скверныхъ и стараются не имѣть съ ними никакихъ дѣлъ; несмотря на то, что кара-калпаки болѣе сильный родъ, нежели они сами, юсы не выдаютъ за нихъ своихъ дочерей, считая такую связь униженіемъ для себя. „Съ кара-калпаками нельзя имѣть дѣла“, говорятъ юсы, „чуть что—кара-калпакъ сейчасъ къ казію.“

Высшій калымъ у юсовъ—150 барановъ, низшій—5. Безъ калыма не женятся. Дней черезъ 5—6 послѣ свадьбы, мужъ увозитъ жену въ свой домъ. Женщины юсовъ, живя въ кишлакахъ, не закрываются, но пріѣзжая въ городъ, прячутъ свое лицо подъ покрывало. Между этимъ родомъ въ большомъ употребленіи—купить въ складчину барана семействамъ 10 и съѣсть его въ общей томашѣ. Такая томаша называется „данчана“.

При мусульманскомъ правленіи, юсы выставляли извѣстное

число сипаевъ, но никто изъ нихъ не дослуживался до чина выше джи-бачи, т.-е. третьяго.

Борода юсовъ или весьма рѣдка или же ея вовсе нѣтъ. Вообще они, по своему типу и по обычаямъ, сильно напоминаютъ при—сыръ-дарьинскихъ киргизовъ.

Юсы насчитываютъ у себя 16 слѣдующихъ отдѣленій: 1) Ктай-юсь, 2) Ходжактай-юсь, 3) Тыгирикь-ктай-юсь, 4) Ни-буса, 5) Каракурсакъ, 6) Кильданъ, 7) Ходжа-бача, 8) Бишъ-кули, 9) Каштамгалы-юсь, 10) Иргеначлыкь-юсь, 11) Бишъ-юсь, 12) Курукъ-казанъ-юсь, 13) Урахли, 14) Сурахли, 15) Карапчи и 16) Парча-юсь. Они живутъ (въ обоихъ отдѣлахъ) въ 18 кишлакахъ, а общее ихъ число доходитъ до 2,600 д. обою пола.

XII. Кыркъ.

Кырки пришли въ Міанканъ 42 года тому назадъ изъ джизакскаго раіона и размѣстились тамъ, гдѣ нашли свободныя мѣста; занятія ихъ вполнѣ согласуются съ характеромъ занимаемой ими мѣстности. Такъ, на Полванъ-арыкѣ и Бусгунчурѣ они держатъ мелкій скотъ, какъ и юсы; на бишъ-арыкѣ и кара-арыкѣ сѣютъ рисъ. Но гдѣ бы кырки ни жили, они вездѣ удерживаютъ не любовь къ саклямъ, предпочитая имъ кара-уй или юрты изъ камышу и соломы. Охваченные со всѣхъ сторонъ другими сильнѣйшими родами, разбитые между ними, кырки забыли свои обычаи и во всемъ подражаютъ родамъ, среди которыхъ живутъ. Между кырками округа есть отдѣльныя семейства разныхъ отдѣленій этого рода; между прочимъ: Алма-суганъ-кыркъ, Карамза-кыркъ, Чурхунду, Акъ-куйлюкъ-чумушлы-кыркъ, Алма-суганъ-куявичъ и проч.

Кырки живутъ въ 10 кишлакахъ, вмѣстѣ съ таджиками, тюаклами, арабами, ургенчами, ходжа, шихъ, мангитами, джала-ирами и другими узбекскими родами. Всего кырковъ до 900 д. обою пола.

XIII. Кара-калпаки.

У кара-калпаковъ заравшанскаго округа существуетъ преданіе, что они первоначально обитали въ Ургенчѣ, т.-е. въ Хивинскомъ ханствѣ. Около 200 лѣтъ тому назадъ, вліятельныя лица ихъ рода, считавшія себя прямыми потомками Чингисъ-хана, вступили въ распрю съ султаномъ Ніязомъ, ханомъ ургенчскимъ. Послѣ долгихъ междоусобныхъ войнъ, они были побѣждены и, съ своими приверженцами, откочевали изъ хивинскаго ханства къ Акъ-мечети, откуда двинулись: на Туркестантъ, Чимкентъ, Ташкентъ, Чиназъ, Джизакъ, и, лѣтъ 100 тому назадъ, достигли береговъ Заравшана.

На сколько справедливо это преданіе, пока еще трудно рѣшить; однако оно имѣетъ за себя то обстоятельство, что остатки этого рода мы видимъ по всему вышеочерченному пути. Но, насколько намъ извѣстно, нигдѣ кара-калпаки не составляютъ самостоятельнаго сильнаго рода: вездѣ въ названныхъ мѣстахъ они являются какъ будто оторванными отъ цѣлаго частями, вездѣ они поглощены окружающими ихъ тюркскими родами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже успѣли присоединиться къ болѣе сильнымъ изъ нихъ. Въ большинствѣ случаевъ, другіе тюркскіе роды вездѣ смотрятъ на кара-калпаковъ какъ на чужихъ. Какъ кочевники, обладатели стадъ, кара-калпаки, во время своего движенія по при-сыръ-дарьинскимъ землямъ, не могли существовать рядомъ съ большими, сильными кочевыми родами: такіе роды отбивали у нихъ скотъ и лишали ихъ самыхъ необходимыхъ условій для кочеванія. Объединившіе отъ баранты, кара-калпаки принуждены были искать пахотныхъ мѣстъ, а тѣ изъ нихъ, у которыхъ сохранилось достаточное количество скота, продолжали кочевать. Въ округъ изъ кара-калпаковъ сначала пришли только одни родовитые и богатые, въ сравнительно незначительномъ количествѣ. Остальные кара-калпаки кочевали назадъ, мало по малу подвигаясь къ долинѣ Заравшана, о которой доходили до нихъ слухи, какъ о мало-населенной, и, по прибытіи сюда, селились между раньше прибывшими сво-

ими родичами. Такія переселенія продолжались до 1840 г. Эмиграціи эти, прибывшія изъ подъ Чиназа и изъ за Чирчика, еще свѣжи въ памяти жителей Міанкана.

Подвигаясь перекочевками сперва на востокъ (отъ Акъ-мечети), а потомъ на югъ (начиная съ Чимкента), кара-калпаки уходили изъ мѣстъ, занятыхъ сильными родами, и всегда старались держаться осѣдлыхъ мѣстъ. Они настолько утратили свою силу, что не могли уже, по киргизскому выраженію, разгуливать по безпредѣльнымъ степямъ, подобно вольному вѣтру. Они нуждались въ такой опорѣ, которая-бы признавала ихъ права на свободное существованіе, не смотря на ихъ численную слабость: такую опору они находили только тамъ, гдѣ было осѣдлое населеніе, гдѣ царили беки и казіи *). Необходимость держаться осѣдлаго населенія дала имъ возможность присмотрѣться къ условіямъ этой жизни, постепенно свыкнуться съ ней, и облегчила для нихъ переходъ отъ кочеванія къ полу-осѣдлости. А къ такому переходу они вынуждены были силою обстоятельствъ, вслѣдствіе отсутствія у нихъ матеріальной, численной силы. Отсутствіе этой силы заставило кара-калпаковъ идти въ такіа мѣста, гдѣ недостатокъ этотъ не былъ бы очень замѣтенъ. Только въ Міанканѣ, въ странѣ сгруппированія обломковъ отъ большихъ узбекскихъ родовъ, кара-калпаки почувствовали себя дома; только тутъ они могли войти въ сношенія съ разноименными съ ними тюркскими родами, какъ равные съ равными.

Далѣе Міанкана на югъ кара-калпаки не распространялись. Здѣсь они приобрѣли себѣ друзей въ кипчакахъ, около которыхъ и поселились. Они заняли тѣ самыя мѣста, на которыхъ мы встрѣчаемъ ихъ теперь,—но заняли какъ кочевники. По словамъ старожилловъ, богатые изъ этого рода, обладавшіе большими стадами, остановились на Годунъ-тау и у подошвы этихъ горъ,—а болѣе бѣдные—на западъ отъ тюак-

*) И теперь кара-калпаки чаще прочихъ узбековъ прибѣгаютъ къ правосудію казіевъ, не смотря на то, что они, т. е. кара-калпаки, первые въ округѣ воры.

ловъ до территорій кипчаковъ, т. е. по низовьямъ рѣки Заравшана. Вся эта очень низменная мѣстность когда-то изрѣзана была сѣтью ирригаціонныхъ каналовъ. Хотя каналы эти и существовали при приходѣ кара-калпаковъ, но были окончательно заброшены: плотины и насыпи разрушились, вода, не имѣя стока въ отводные каналы, разливалась по бывшимъ пашнямъ, а въ болѣе углубленныхъ мѣстахъ образовала озера и топи. Вообще вся эта часть округа состояла изъ ряда озеръ и болотъ, была богата камышами и колючкой, какая въ изобиліи растетъ по Сыру; она изобиловала разными птицами и животными, о которыхъ теперь и помину нѣтъ въ заравшанской долины: въ ней, по показаніямъ старожиловъ, жили фазаны, свиньи и даже тигры.

Кара-калпаки поставили свои кибитки на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, разбросанныхъ, то тамъ, то сямъ, оазисами и окруженныхъ цѣлыми лѣсами камыша. Естественно, что группы кибитокъ были одна отъ другой на болѣе или менѣе значительныхъ разстояніяхъ. Эти группы дали основаніе теперь существующимъ кара-калпакскимъ деревнямъ.

Войны съ эмиромъ Сеидомъ, въ которыхъ принимали участіе кара-калпаки, какъ союзники кипчаковъ и ктаевъ, въ конецъ разорили ихъ и заставили обратиться къ осѣдлости и приняться за хлѣбопашество. Къ этому роду занятій побуждало также кара-калпаковъ начавшееся въ то время возрастаніе Самарканда и налогъ „кошъ-пулъ“, установленный Шамурать-бекомъ *).

Правда, что и до этихъ войнъ уже были между ними осѣдлые, но все-таки въ весьма незначительномъ количествѣ. Съ обращеніемъ кара-калпаковъ въ земледѣльцевъ, стали появляться вокругъ ихъ кибитокъ рощи, войлокъ замѣнился камышемъ; воду начали собирать въ арыки, рыть отводныя каналы для стока оросившей поля воды (кара-су), высушивать болота

*) *Кошъ-пулъ* есть плата за 50 танавовъ земли, годной къ обработкѣ; при этомъ не обращается вниманія на то, обрабатывается ли она въ дѣйствительности, или нѣтъ.

озера, уничтожать колючку и камыши. Кара-калпаки потратили много времени и труда, стараясь сдѣлать свою территорию вполне годною для земледѣлія; но и до сего времени они не вполне достигли этой цѣли. И теперь еще не всѣ болота осушены, завалены землею. Богатая ирригаціонная система ихъ земли еще не получила законченности.

Гдѣ кибитки кочевниковъ, тамъ находятся теперь дворы землевладѣльцевъ, — почему каждый кара-калпакскій кишлакъ, по разбросанности своихъ дворовъ отдѣльными группами, болѣе всего напоминаетъ стоянку кочевниковъ.

Средне-азиатская деревня по большей части, если не исключительно, представляетъ сплошной рядъ дворовъ и сакель, вокругъ которыхъ находятся пахатныя земли. У кара-калпаковъ же деревни состоятъ изъ совершенно изолированныхъ хуторовъ (рабатъ), разбросанныхъ на 10 квадрат. верстахъ *). Въ промежуткахъ между хуторами находятся пашни. Такіе рабаты по большей части имѣютъ одинаковый внѣшній видъ: они состоятъ изъ болѣе или менѣе правильнаго четырехугольника, ограниченнаго высокими глиняными стѣнами; ворота одни. Въ рабатахъ живутъ по нѣсколько, не всегда родственныхъ между собою, семействъ, въ камышевыхъ, рѣдко войлочныхъ юртахъ и еще рѣже въ сакляхъ. Каждый рабатъ представляетъ небольшое укрѣпленіе.

Территория кара-калпаковъ, начинаясь на югѣ отъ праваго берега Заравшана, тянется почти прямо на сѣверъ и, чрезъ западную половину Годунъ-тау, доходитъ до сѣвернаго Джума-базара. Южная граница территоріи лежитъ на берегу Заравшана, на протяженіи почти 12 верстъ отъ высоты Чапанъ-ата почти до высоты Джума-базара южнаго.

Самое густое, сплошное кара-калпакское населеніе находится по арыкамъ: Янчи, Махау и Бишъ; по Полванъ-арыку и другимъ оно уже рѣже и въ смѣси съ другими родами,

*) Тоже самое замѣчаніе относится и къ деревнямъ всѣхъ другихъ узбекскихъ родовъ, принявшихъ осѣдлость на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ они прежде кочевали.

по преимуществу съ кипчакскимъ. Обиліе воды въ первыхъ трехъ арыкахъ даетъ возможность кара-калпакамъ съ успѣхомъ воздѣлывать въ долинахъ ихъ всѣ посѣвныя хлѣбныя растенія, свойственныя климату и почвѣ Средней Азіи; но больше всего они сѣютъ рисъ, джугару и просо. По Полванъ-арыку и Булунгуру кара-калпаки преимущественно сѣютъ пшеницу и ячмень и только отчасти джугару и просо. Арбузы и дыни разводятся ими въ обѣихъ мѣстностяхъ, однако во второй, какъ болѣе высокой, они родятся лучше. На сѣверѣ отъ Полванъ-арыка, въ нагорной, холмистой мѣстности, поливнаго земледѣлія нѣтъ: здѣсь сѣется только богара.

Кромѣ земледѣлія, кара-калпаки занимаются дѣланіемъ кереговъ (у нихъ много рощъ), плуговъ, граблей, рукоятокъ для текменей и айбалтъ; ткуть патлакъ, челемъ (мохнатые ковры), тесьму для обвязки кибитокъ, подпруги (на манеръ извѣстныхъ каршинскихъ, но не такой высокой доброты); изъ верблюжьей шерсти готовятъ плохую армячину (кокмачекмень); женщины ихъ ткуть изъ хлопка весьма тонкія нитки для адраса, дѣлаютъ фитили для огнестрѣльнаго оружія и сбиваютъ кошмы. Богачей между иллюбаями изъ этого рода нѣтъ: самые богатые имѣютъ до 2,000 головъ мелкаго скота и до 50 человѣкъ имѣютъ отъ 150—200 овецъ.

Лошади кара-калпаковъ уступаютъ только наймановскимъ. Есть у нихъ и верблюды: они пасутся по Полванъ-арыку, гдѣ въ изобиліи растутъ янтакъ.

Съ другими узбекскими родами кара-калпаки вступаютъ въ бракъ рѣдко, а съ таджиками—никогда, не желая, какъ они выражаются, отдавать своихъ дочерей за сасыкъ-сарта. Калымъ простирается отъ 20 до 200 овецъ; безъ калыма не женятся. Свадебное празднество бываетъ: незначительное—у отца невѣсты и большое—у отца мужа или самаго мужа, если послѣдній отдѣленъ и когда молодая уже переѣдетъ въ свой домъ.

Кара-калпаки чингизскаго рода женятся или между собою или съ ходжами бахшайшъ. Считающихъ себя потомками Чингисъ-хана въ округѣ не много,—всего нѣсколько се-

мействъ; всѣ они люди бѣдные и потому не пользуются особымъ уваженіемъ между кара-калпаками. Они называютъ себя „людьми кости Чингиса“, весьма горды, и говорятъ, что эмиры бухарскіе, будучи моложе ихъ по происхожденію и по крови, не могли производить ихъ въ чины, но что въ государственныхъ собраніяхъ старѣйшіе изъ нихъ садятся выше парваначи (!?).

Кара-калпаки слывутъ за отъявленныхъ воровъ и разбойниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ за несносныхъ сутягъ.

Кара-калпаки любятъ пѣніе; у нихъ есть пѣвцы, воспѣвающие подвиги кара-калпакскихъ батырей. Играющіе на дутарѣ и сказочники—въ почетѣ.

Этотъ родъ всегда шелъ противъ эмировъ бухарскихъ. Но тѣмъ не менѣе онъ входилъ въ составъ родовъ, поставлявшихъ воиновъ для эмировской арміи. Военноначальники эмировской арміи говорили: кара-калпаковъ можно набирать въ конницу, но довѣрять имъ нельзя.

Перечень отдѣленій и подъотдѣленій кара-калпаковъ:

Отдѣленіе первое: Кунградъ-кара-калпакъ. *Подъотдѣленія:* Бишъ-бала, Куянчи, Кара-мушъ, Акъ-каунъ, Тунгатаръ, Себолякъ, Ача-майли и Иргалы.

Отдѣленіе второе: Кипчакъ-ктай кара-калпакъ. *Подъотдѣленія:* Илетанъ-кипчакъ, Кара-кисякъ, Сары-кипчакъ, Бишъ-сары, Бакальчакъ, Ктай-кара-калпакъ-тополясъ, Урай, Сакманъ и Бурлякъ.

Отдѣленіе третье: Уйшунъ-митанъ-кара-калпакъ. *Подъотдѣленія:* Еты-уль, Сарыкъ-уча, Бишъ-уль, Бишъ-саитъ, Обысларъ, Джюгантаякъ, Бара-кобякъ и Мирза-митанъ.

Всего кара-калпаковъ до 15.000 душъ обоого пола. Они заселяютъ 37 кишлаковъ.

XIV и XV. Ктай и Кипчаки.

Оба эти рода—самые дикіе и многочисленные въ округѣ; они весьма тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ одинаковостью происхожденія по преданіямъ, тѣсной дружбой, уза-

ми близкаго родства, такъ и общей ненавистью (въ прежнее время) къ эмирамъ и вообще ко всякимъ властямъ.

За родоначальника своего они признають какого-то Абдъ-эррахманъ-ауфа. Въ заравшанскую долину они пришли 198 лѣтъ тому назадъ изъ Дашты-кипчака, при эмирѣ Субхан-куль-ханѣ (?).

Кипчаковъ и ктаевъ мы будемъ описывать вмѣстѣ; отличій между ними мало и тѣ весьма тонкія. Одни дѣленія на отдѣленія у нихъ совершенно различны.

Кипчакскія отдѣленія:

Первое: Парча-кипчакъ. *Подготдѣленія:* Сары-парча-кипчакъ, Уштамгалы-парча-кипчакъ и Канджагалы-парча-кипчакъ.

Второе: Тогуспай-кипчакъ. *Подготдѣленія:* Кара-узь-дугерекъ, Чалмуинъ-чаль-ногай, Чурашъ, Дуртамгалы, Урустай и Джалаль-байлы.

Ктайскія отдѣленія:

Первое: Кинджагалы-ктай. *Подготдѣленія:* Тарахлы, Сергалы, Чайджулы и проч.

Второе: Кошъ-тамгалы-ктай. *Подготдѣленія:* Чунукъ, Балгалы и проч.

Третье: Утарчи (бекское отдѣленіе). *Подготдѣленія:* Чумушлы и проч.

Каждое изъ подготдѣленій тоже имѣетъ свои дѣленія, но мы ихъ не помѣщаемъ здѣсь, равно какъ не помѣстили всѣхъ подготдѣленій, а только главные.

Территорія ктаевъ и кипчаковъ состоитъ изъ лучшихъ земель округа. Начинаясь съ западной границы территоріи кара-калпаковъ, она тянется внизъ по Акъ-Дарьѣ и Кара-Дарьѣ, на разстояніи почти 80 верстъ, и оканчивается за Зиръ-акъ-булакомъ, доходя до границы съ зіауддинскимъ бекствомъ. Восточную часть этого пространства, до высоты кишлака Чигатая, занимають кипчаки, а западную—ктай; эти послѣдніе заселяють также и сѣверо-восточную часть зіауддинскаго бекства.

Въ направленіи по меридіану кипчаки распространились отъ самаркандско-каттакурганской дороги черезъ Кара-Дарью и Акъ-Дарью до параллели сѣвернаго Джума-базара, гдѣ они соприкасаются съ туркменами. Такимъ образомъ въ составъ ихъ территоріи входятъ оросительныя земли и земли горно-степнаго характера, дающія возможность держать стада мелкаго и крупнаго скота. Территорія ктаевъ имѣетъ сначала своей сѣверной границей Акъ-Дарью, до Яръ-баши (противъ Пейшамбе), а потомъ, до самой границы съ зіауддинскимъ бекствомъ, Кара-Дарью. На югѣ граница ея идетъ южнѣе Міанкана по чулю, гдѣ ктаи пасутъ свои стада.

По землямъ ктаевъ и кипчаковъ протекають слѣдующіе главные арыки: Мирза (улукъ-бекъ), Джюн-дивана, Ходжа, Мингъ, Дамъ и Нарупай и весьма много незначительныхъ арыковъ, ташей въ 5 *).

Эти два рода засѣвають все, что въ настоящее время привилось въ Средней Азіи, какъ посѣвное. На сѣверѣ кипчаки въ большомъ количествѣ сѣютъ хлопокъ (у Дурткула и Чилека), а ктаи еще въ большемъ количествѣ воздѣлываютъ его на югѣ своей территоріи, по Мингъ-арыку и Ходжа-арыку въ особенности. Ктаи и кипчаки имѣютъ среди себя иллюбаевъ весьма мало. Они находятся на сѣверѣ отъ Дурткула и Чилека и на югѣ отъ Кара-Дарьи. Самые богатые изъ кипчаковъ имѣютъ не больше 1.000 барановъ и козъ.

Верблюды есть только у кипчаковъ. Остальные ктаи и кипчаки держатъ мелкій скотъ въ незначительномъ количествѣ и пасутъ его кругомъ пашень и на земляхъ остающихся подъ паромъ.

Оба названные рода приготавливаютъ разныя произведенія изъ шерсти, перечисленныя нами уже при описаніи другихъ

*) Туземцы означаютъ количество воды въ арыкѣ ташами; *ташъ*—значить камень; въ данномъ же случаѣ—жерновъ. Сказать „сила арыка въ 5 ташей“, все равно что сказать „на арыкѣ можно поставить въ рядъ пять мельницъ“ (мельница всегда имѣетъ одинъ жерновъ, приводящійся въ движеніе ударной турбиной), и на всѣхъ ихъ достанетъ воды. Одинъ *ташъ* (приблизительно) 1 куб. ф. воды.

родовъ, ткнуть кара-мату, а жены ихъ въ большомъ количествѣ прядуть нитки четырехъ сортовъ, для продажи на базарахъ.

Кипчаки болѣе сохранили чувство отдѣльности рода, нежели ктаи. Первые женятся почти исключительно только между собою и съ ктаями, и рѣдко рождаются посредствомъ брака съ кара-калпаками и другими своими сосѣдями; вторые же брачатыся со всѣми родами. Калымъ у тѣхъ и другихъ простирается отъ 40 до 200 руб. и больше. Кипчаки и ктаи, женившись на дѣвушкѣ своего рода, въ большинствѣ случаевъ оставляютъ свою жену у ея родныхъ на неопредѣленно-долгое время; но если женятся на таджичкахъ, то сейчасъ же перевозятъ въ свой домъ. Между кипчаками сильно распространено многоженство; намъ приходилось видѣть стариковъ, имѣющихъ по одиннадцати женъ.

По отзывамъ самихъ кипчаковъ, жены ихъ отличаются необыкновенной сварливостью и склонностью къ жалобамъ; при малѣйшемъ неудовольствіи, жена сейчасъ же идетъ къ казію и жалуется на своего мужа.

Женщины обоихъ этихъ родовъ не закрываются. Типъ кипчака болѣе ктая близокъ къ чистому типу киргиза; борода у нихъ или весьма мала, или вовсе ея нѣтъ. Правъ кипчаковъ дикъ; нѣкоторые изъ ихъ обычаевъ варварскіе. Напримѣръ: они судятъ воровъ своимъ судомъ, который, въ большей части случаевъ, оканчивается тѣмъ, что осужденнаго привязываютъ къ хвосту лошади; при сборѣ нѣсколькихъ тысячъ всадниковъ, одинъ изъ кипчаковъ садится на эту лошадь и скачетъ, сопровождаемый бѣшеной скачкой остальныхъ судей.

Всѣ жители округа согласны въ томъ, что кипчаки и ктаи—караки (воры, мошенники). Нельзя сказать, чтобы въ этомъ случаѣ голосъ народа былъ несправедливъ.

Эти два рода—большіе охотники до кокъ-бури и всякаго рода томашей, на которыхъ приходится скакать верхомъ: они не даромъ слывуть за первыхъ наѣздниковъ въ округѣ. Ни одинъ базаръ въ ихъ деревняхъ не проходитъ безъ кокъ-

бури. Въ Дурткулѣ, въ базарный день, мы были свидѣтелями слѣдующаго: на базарѣ торгующихъ и продающихъ было человѣкъ 500, а верстахъ въ 3—4, на равнинѣ упражнялось въ рваньѣ козла болѣе восьми тысячъ кипчаковъ. Все эти восемь тысячъ съѣхались на дурткульскій базаръ вовсе не для базара, а ради томаши.

Грамотныхъ между ктаями и кипчаками трудно найти; развѣ есть нѣсколько человѣкъ около Дагбита.

Эмиры всегда боялись ктаевъ и особенно кипчаковъ, и зная, что они постоянные ихъ враги, приглашали ихъ къ себѣ на службу въ сипаи, думая, что лучше имѣть буйныхъ воиновъ, нежели буйныхъ гражданъ. Однако такая политика эмировъ не мѣшала этимъ родамъ, при первомъ удобномъ случаѣ, возставать противъ нихъ; при чемъ военные ктаи и кипчаки тотчасъ же бросали ряды эмировской арміи и бѣжали къ своимъ родичамъ на помощь.

Войны эмировъ съ ктаями и кипчаками всегда отличались страшною жестокостью обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Число кипчаковъ можно положить до 24 тысячъ, а ктаевъ—до 45 тысячъ душъ обоого пола. Первые заселяютъ 110 деревень, а вторые—215.

XVI. Митаны.

На западѣ отъ кипчаковъ и на сѣверѣ отъ ктаевъ, поселились митаны. Территорія ихъ, начинаясь отъ праваго берега Акъ-Дарьи, раскинулась по Тусунскому ручью въ направлении съ юго-запада на сѣверо-востокъ, южная же часть, ограниченная арыкомъ Янчикентъ, имѣетъ орошеніе изъ Акъ-Дарьи и вся засѣвается подъ искусственную поливку. На сѣверѣ отъ этого арыка только по Тусунскому ущелью возможно оросительное земледѣліе, а прочія мѣста этой части территоріи митановъ имѣютъ богарное земледѣліе и обладаютъ хорошими пастбищами по холмамъ и предгорьямъ Кара-ча-тау.

„Мы пришли изъ Россіи“, говорятъ митаны. „мы ногаи, а не узбеки. У насъ есть пѣсни, въ которыхъ говорится о томъ

времени, когда намъ хорошо жилось въ Россіи, а мы все-таки вышли изъ нея и пошли къ Самарканду.“

Когда и гдѣ кочевали митаны во время своего движенія во внутрь Средней Азіи, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только одно, что сѣвернѣе бассейна Заравшана митановъ нѣтъ; точно также нѣтъ ихъ и западнѣе заравшанскаго округа. Митаны стремились на югъ, и въ округѣ осѣла незначительная часть ихъ. Остальные же митаны спустились еще южнѣе и, перейдя Аму-Дарью, поселились въ такъ-называемыхъ Балханскихъ земляхъ, гдѣ ихъ въ настоящее время весьма много. Митаны округа живутъ весьма сгруппированно въ одной мѣстности; ихъ нельзя встрѣтить въ кибиткахъ другихъ родовъ, и занимаемая ими мѣстность носить особое названіе, происходящее отъ ихъ имени—„митанскій тюмень“.

Лицо митана, по нашему мнѣнію, больше всего напоминаетъ татаръ. Бѣгле татары изъ Россіи всегда находятъ для себя радушный приемъ въ этомъ родѣ.

Митаны только въ послѣднее двадцатилѣтіе стали входить въ родственныя связи съ узбеками; до этого же времени они жили весьма замкнуто, не дружились и не рождались съ своими сосѣдями.

Незначительное меньшинство митанцевъ — полукочевые; остальные же—земледѣльцы, а всѣ вообще—ремесленники. Какъ минговъ можно назвать, преимущественно передъ прочими узбеками, производителями бумажныхъ матерій, такъ точно митановъ—производителями шерстяныхъ. Они производятъ въ количествѣ большемъ противъ другихъ жителей округа: ковры, алача-челемъ, кошмы, куржумы, капы, арканы, попоны и проч.; кромѣ того митаны занимаются выдѣлкою бумажныхъ матерій, но въ незначительномъ количествѣ; они ткутъ: алачу, бузь, астаръ и каламу. Выдѣлкою кошмъ занимаются до 600 работниковъ мужчинъ и женщинъ. Митанскія кошмы не высокой доброты: они мягки, не прочны, и вообще уступаютъ киргизскимъ и привозимымъ изъ каршинскаго бекства.

Илюбаа имѣють, среднимъ числомъ, отъ 300 до 500 овецъ,

а самые богатые изъ нихъ — до 2½ тысячъ. Лошадей въ этомъ родѣ тоже много, и у нѣкоторыхъ есть до 50 матокъ. Верблюды, рогатый скотъ и ишаки имѣются у всѣхъ иллюбаевъ.

Калымъ выплачивается натурой. При переводѣ его на деньги, онъ составитъ отъ 10 до 400 рубл.; безъ калыма не женятся, но въ простомъ сожителствѣ живутъ зачастую.

Митанскія женщины пляшутъ и поютъ, но не при публичныхъ муштинахъ. Жены богатыхъ людей закрываются, а простолюдинѣ ходить съ открытымъ лицомъ. Дутаристы и пѣвцы между митанцами очень уважаются; всѣ ихъ пѣсни старинныя.

Митанцы дѣлятся на слѣдующія три отдѣленія: 1) Багларь-митанъ, 2) Парча-митанъ и 3) Кара-калпакъ-митанъ.

Митанцы — народъ смирный, войны не любятъ. Во время междоусобныхъ войнъ эмировъ съ ктаями, кипчаками и кара-калпаками митанцы всегда старались оставаться нейтральными; поэтому, естественно, имъ доставалось отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Всего митанцевъ въ 29 деревняхъ не многимъ больше 10.000 душъ обоюго пола.

XVII. Туркмены.

Весь гористый сѣверъ заравшанскаго округа, на западъ отъ Джума-базара сѣвернаго, занятъ туркменами. Здѣшніе туркмены, сравнительно недавніе пришельцы округа, переселились сюда изъ мѣстностей, занимаемыхъ нуратынскими туркменами. Такъ напримѣръ, заселенное ими урочище Уенишке они купили у чилекскаго бека Ходжа-Мурать-датхи за 680 руб., при бухарскомъ эмирѣ Абдзѣ-файсъ-ханѣ, современникѣ Надиръ-ша. Но откуда и когда появились туркмены нуратынскіе? Заравшанскіе туркмены говорятъ, что у нихъ есть достовѣрное преданіе, указывающее на Туркестанъ, какъ на первоначальное мѣсто ихъ жительства. Изъ-подъ Туркестана, по этому же преданію, туркмены двинулись на

югъ еще при жизни Хазретъ-султана, т.-е. во времена Тимура, и остановились въ нуратынской степи, откуда медленно подвигались въ нуратынскія горы, Акъ-тау и Кара-тау и перейдя черезъ нихъ, пришли въ бассейнъ Заравшана.

Здѣшніе туркмены считаютъ себя частью племени „тока“ (у Вамбери—текке), отдѣленія „Казаяклы“ (у Вамбери—казыларъ), и подтверждаютъ дѣйствительность своего родства съ „тока“ тѣмъ обстоятельствомъ, что они до занятія края русскими участвовали въ уплатѣ этому племени куна, для сбора котораго пріѣзжали къ нимъ отъ „тока“ сборщики и взымали съ каждаго семейства по 10—20 коп.

Одно ли только отдѣленіе Казаяклы существовало у здѣшнихъ туркменъ въ прежнее время—неизвѣстно; но теперь они насчитываютъ въ своемъ родѣ четыре отдѣленія, распадающихся на множество подотдѣленій.

Туркмены заравшанскаго округа говорятъ, что прикаспійскіе туркмены признаютъ настоящими туркменами племени „тока“ только казаякловъ; туркменовъ же остальныхъ трехъ отдѣленій называютъ рабами.

Вотъ эти отдѣленія:

Первое: Казаяклы. *Подготдѣленія:* Читмасъ, Кызыль-джю-друкъ, Кара-кися, Барахъ и проч.

Второе: Богайджисы. *Подготдѣленія:* Костамгалы, Урда, Яставанъ, Чисгашъ, Джаманъ-туркменъ, Джадыръ и проч.

Третье: Кандхагалы. *Подготдѣленія:* Утурбай, Кин-кумъ и проч.

Четвертое: Айтамгалы. *Подготдѣленія:* Топаръ, Сартъ-айтамгалы и проч.

Занимаемая туркменами территорія состоитъ изъ горъ, горныхъ долинъ и предгорныхъ, изрѣдка холмистыхъ террасъ. По ней протекаютъ довольно значительные горные ручьи: Тусумъ, Акъ-тюбе, Майбулакъ, Зербендъ и другіе меньшіе. Она весьма удобна для богарнаго земледѣлія и скотоводства, а по болѣе или менѣе широкимъ ложбинамъ ключей—для оросительнаго хлѣбоцашества.

Туркмены сѣютъ: пшеницу, ячмень, тарихъ, кунджуть, зыгирь, хлопчатникъ, индау и джугару.

Нѣкоторые изъ земледѣльцевъ-туркменовъ имѣютъ большое количество земли *), и благодаря гористой мѣстности, собираютъ отъ 2.400 до 3.400 пудовъ хлѣба, тогда какъ земледѣльцы долинъ считаютъ весьма большимъ урожаемъ, если соберутъ съ своихъ полей 200—800 пудовъ хлѣба.

Мелкій скотъ составляетъ главное богатство туркменовъ; между ними есть имѣющіе по семи тысячъ головъ овецъ и козъ. Владѣющихъ 1.000 овецъ насчитываютъ до 20. Верблюдовъ, ишаковъ и лошадей у нихъ больше нежели въ другихъ узбекскихъ родахъ. Туркменскіе кара-бапры весьма хороши, но ихъ нельзя встрѣтить въ продажѣ.

Туркмены выдѣлываютъ алачу-челемъ, хорошіе ковры (этимъ занимаются исключительно женщины), куржумы, попоны, армячину и кошмы, а также приготавливаютъ керега, крутъ и масло.

Истинные туркмены живутъ въ юртахъ, считая жизнь въ сакляхъ за особенно жестокое наказаніе за грѣхи.

Относительно женитьбы туркмены не стѣсняются родомъ: имъ все равно—на комъ не жениться и за кого ни отдавать своихъ дочерей.

Имѣющихъ по три и по четыре жены—много, но большинство состоятельныхъ туркменовъ имѣютъ только по двѣ жены. Калымъ выплачивается скотомъ или зерновымъ хлѣбомъ, стоимостью отъ 40 до 500 и даже больше рублей. Безъ калыма заключаются браки только между закадычными друзьями.

Женившійся сынъ не всегда выдѣляется изъ дома своихъ родителей; случается даже такъ, что совершенно отдѣленный

*) По недостатку кара-малъ, туркмены употребляютъ для паханья, кромѣ рогатаго скота, лошадей, верблюдовъ и ишаковъ. Запряжка быковъ называется *кара-кошъ*, а лошадей—*атъ-кошъ*. Верблюдовъ и ишаковъ запрягаютъ всегда вмѣстѣ съ лошадей, быкомъ или коровой. Кара-кошъ вспахиваетъ до 50 танановъ во всю рабочую пору; атъ-кошъ—16—20 и даже 40 танановъ; смѣшанная запряжка — 20, но никакъ не болѣе.

сынъ, имѣющій свои кибитки, обѣдаетъ и ужинаетъ въ домѣ отца, т. е. имѣетъ съ нимъ общій котель.

Туркменскія женщины не закрываются. Споры, драки, дѣлежъ наслѣдства и т. п. туркмены рѣшаютъ безъ посредства казіевъ. Весьма рѣдки случаи, когда туркменъ явится съ жалобой къ казію. Грамотныхъ между ними нѣтъ. Этотъ родъ всегда держалъ сторону эмировъ и служилъ въ ихъ конницѣ; но намъ неизвѣстенъ ни одинъ туркменъ, дослужившійся до высшаго бухарскаго чина.

Число туркменовъ округа весьма трудно опредѣлить; намъ извѣстно, что они живутъ въ 22 деревняхъ; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ и лѣто и зиму проводятъ въ ущельяхъ горъ. Вообще ихъ не больше 4.000 и не меньше 3.300 душъ обоого пола.

XVIII. Джалаиры.

Джалаиры живутъ исключительно въ катта-курганскомъ отдѣлѣ, занимая его сѣверо-западную часть, на югъ отъ туркменовъ; по обѣимъ берегамъ Акъ-Дарьи, и только у Хатырчей доходя до праваго берега Кара-Дарьи.

Большая часть ихъ территоріи гористо-степнаго характера и одинъ югъ ея узкой полосой лежитъ въ Міанканѣ.

Джалаиры считаютъ себя родственниками туркменъ; по ихъ словамъ, туркмены и они происходятъ отъ одного родоначальника—Сарханъ-ата. О времени ихъ прихода въ округъ пока ничего неизвѣстно.

Дѣлятся они на два отдѣленія: 1) Кальчилы и 2) Болгалы. Джалаиры—преимущественно земледѣльцы. Иллюбаевъ между ними весьма мало. Сѣютъ—все.

Жены ихъ готовятъ въ большомъ количествѣ пустекъ. Женятся безразлично; калымъ отъ 20—200 руб. Большинство джалаировъ имѣетъ одну жену; двѣ жены—рѣдкость. Грамотныхъ между ними нѣтъ. Они живутъ въ 34 кишлакахъ, въ смѣси съ туркменами, ктайми, багринами, мангитами и другими родами. Всего ихъ до 3.500 душъ обоого пола.

XIX. Дурмены.

Дурмены переселились въ округъ изъ Кара-куля, въ концѣ царствованія эмира Сеида. Причину своего переселенія изъ Кара-куля они приписываютъ неурожаю на этомъ урочищѣ, происшедшему отъ занесенія ихъ пашень, во время сильнаго вѣтра, пескомъ.

Лицомъ дурмены похожи на киргизовъ, но волосы у нихъ свѣтлые, рыжаго оттѣнка. Они называютъ себя дурмень-айтамгалы.

Кромѣ земледѣлія, они занимаются вывозомъ изъ горъ дровъ и угля.

Рѣдкій изъ дурменовъ можетъ купить себѣ жену: въ большинствѣ случаевъ они зарабатываютъ ее службой у отца дѣвушки, и естественно, въ теченіи заработныхъ лѣтъ сожительствуютъ съ своими будущими женами. Дурмены живутъ только на западѣ округа, не отдѣльными кишлаками, а по нѣскольکو семействъ въ разныхъ кишлакахъ другихъ родовъ. Всего ихъ до 300 душъ обоого пола.

XX. Ургенчи.

Ургенчи пришли въ округъ изъ хивинскаго ханства, при Ша-муратъ-бекѣ, и расселились въ немъ по разнымъ кишлакамъ катта-курганскаго отдѣла.

Они слывуть за хорошихъ мастеровыхъ, дѣлають арбы и разныя вещи изъ дерева; ткуть бязь и занимаются земледѣліемъ. Всего ургенчей до 700 душъ обоого пола.

МЕЛКІЯ НАРОДНОСТИ.

ЗАРАВШАНСКАГО ОКРУГА.

А. Д. ГРЕБЕНКИНА.

Кромѣ таджиковъ и узбековъ, о которыхъ мы говорили выше, въ заравшанскомъ округѣ живутъ еще: персы, арабы, люли, мазаны, джючи и ходжи. Посвятимъ нѣсколько страницъ описанію ихъ.

1. Персы.

Живущіе въ заравшанскомъ округѣ персы—сбродъ изъ разныхъ провинцій Персіи, изъ Герата, Кандагара и другихъ городовъ, лежащихъ на югъ отъ бухарскаго и хивинскаго ханствъ. По языку и типу они представляютъ большое разнообразіе. Кромѣ того, туземцы и русскіе называютъ именемъ „персы“ чистыхъ узбековъ, выселившихся изъ Мерва.

Не вдаваясь въ подробное описаніе заравшанскихъ персовъ, такъ какъ племя ихъ уже хорошо извѣстно, мы постараемся, въ этомъ очеркѣ, отдѣлить персовъ, которыхъ дѣйствительно слѣдуетъ называть „ирани“, отъ тѣхъ, къ которымъ названіе это вовсе нейдетъ.

Ирани (казылбани) или персы зашли въ округъ не по своей волѣ (*): всѣ они—или потомки бывшихъ рабовъ, или

(**) Въ видѣ исключенія, является нѣсколько семействъ гератцевъ и кандагарцевъ, которые добровольно бросили свою родину, вслѣдствіе или голода или недостатка работы, и поселились въ Средней Азіи, между прочимъ и въ Самаркандѣ. Лѣтъ 35 тому назадъ, въ силу первой причины, переселилось изъ Герата въ Бухару 150 семействъ гератцевъ; часть ихъ перешла въ Самаркандъ. Гератцы эти говорятъ по-узбекски, но по отзывамъ туземцевъ, грубо; кромѣ того въ говорѣ ихъ встрѣчаются слова, вовсе не понятныя жителямъ Самарканда. Они—хорошіе ткачи, по преимуществу шелковыхъ платяныхъ.

рабы, сдѣлавшіеся свободными съ занятіемъ Самарканда русскими войсками. Мервцевъ мы выдѣляемъ изъ ирани и опишемъ ниже.

Бывшихъ рабовъ и потомковъ рабовъ въ округѣ весьма немного. Первые изъ нихъ, съ теченіемъ времени, сливались съ таджиками или узбеками и теряли постыдный эпитетъ: кулъ (рабъ); вторыхъ, при занятіи округа, мы нашли въ немъ весьма не много, что, какъ кажется, слѣдуетъ объяснить дешевизной вольно-наемнаго труда и отсутствіемъ богачей.

Рабы, перепроданные въ десятыя руки, свыкались съ своею ненормальною жизнію, привыкали къ мысли, что Средняя Азія — ихъ новое отечество, перемѣняли вѣру и не только не помышляли о бѣгствѣ, но, получивъ вольную, рѣдко возвращались на родину. Чаще всего такіе вольноотпущенники покупали клочекъ земли, обзаводились семьей и дѣлались гражданами Средней Азіи. Кулы отпускались на волю или по обѣту, или за хорошую, долговременную службу, или по старости лѣтъ, или же, наконецъ, за выкупъ, внесенный самимъ рабомъ или его пріятелемъ-вольнотпущенникомъ. Рабыни почти всегда дѣлались законными женами своихъ владѣльцевъ, — если они были молоды и хороши собой, — или ихъ работниковъ. Чтобы получить въ жены рабынь работникъ не прибѣгалъ къ выкупу деньгами, а обязывался работать за нее извѣстное число лѣтъ, или бесплатно, за одни только харчи, или же за уменьшенную плату.

Въ самаркандскомъ отдѣлѣ заравшанскаго округа есть нѣсколько деревень, заселенныхъ одними вольнотпущенниками. *Мервцы*, неправильно называемые персіянами, переселены въ бухарское ханство, какъ извѣстно, эмиромъ Ша-муратъ-бекомъ, приблизительно 87 лѣтъ тому назадъ. Какъ человѣкъ замѣчательнаго ума, онъ ясно видѣлъ, что мервцы принесутъ ему большую пользу, какъ хорошіе земледѣльцы, воины, ремесленники и проч., и не только не обратилъ ихъ въ рабовъ, а, напротивъ, расселивъ по главнымъ городамъ, далъ имъ въ собственность, хорошія земли и пустыя сакли. Сколько именно было выселено мервцевъ — рѣшить трудно: число переселенцевъ колеблется

между 4-мя и 12-ю тысячами семействъ. Нужно замѣтить, что въ плѣнъ были уведены не только жители Мерва, но и окрестныхъ деревень.

Въ Заравшанскомъ округѣ первоначально мервцевъ было мало. Двѣ трети настоящаго ихъ количества пришли въ округъ уже при Насръ-Улла-ханѣ, въ 1850 году. Насръ-Улла приказалъ возобновить каналъ Багу-Шамахъ (каналъ сѣверныхъ садовъ) и отвелъ орошаемыя имъ земли подъ помѣщеніе мервцевъ.

Мервцы округа производятъ себя отъ большаго рода *Гаждаръ* и раздѣляются на слѣдующія колѣна: 1) Когулы, 2) Шикамлы, 3) Сія-мансуръ, 4) Кара-даглы, 5) Сап-глы, 6) Акъ-тюпелы, 7) Куртъ, 8) Гурджи, 9) Кара-кашлы и 10) Якши-беглы. Кромѣ того есть еще одно наименованіе мервцевъ — *Сабзбары* или *Тадъ* (таджикъ). Первые десять колѣнъ живутъ въ смѣси другъ съ другомъ и говорятъ по узбекски. Одно изъ нихъ, именно Когулы, считается бекскимъ.

У сабзбаровъ природный языкъ — персидскій. Кромѣ языка, они отличаются отъ мервцевъ родомъ занятій и типомъ лица. Въ Мервѣ сабзбары составляли городское населеніе, занимались торговлею и ремеслами и не служили въ военной службѣ. Въ Самаркандѣ сабзбары извѣстны подъ общимъ названіемъ «мервцы» или «ираны»; но таджиками ни сами себя, ни другіе ихъ не называютъ, хотя они безспорно — таджики. Какъ ремесленники и земледѣльцы, тадъ стоятъ несравненно выше таджиковъ. Разведеніе шелковичныхъ червей, размотка коконовъ, сученіе шелку и приготовленіе шелковыхъ матерій сосредоточиваются въ ихъ рукахъ. Когулы и другія колѣна мервцевъ занимаются приготовленіемъ кошемъ и ковровъ. Многіе изъ мервцевъ занимали при эмирахъ значительныя должности, управляли провинціями, командовали пѣхотой и служили при дворѣ; но сабзбары всегда были торговцами, барышниками и ремесленниками.

Мервцы держатъ себя особнякомъ. Нельзя сказать, чтобы они удалялись таджиковъ или узбековъ, но они обходятся съ ними какъ-то особенно тонко и всегда держатся своего

кружка. Съ своей стороны, таджики и узбеки по наружности хороши съ мервцами, но никогда не упустят случая обойти ихъ. Въ обращеніи мервцы весьма мягки, но не такъ нахально лстивы, какъ таджики. Каждый мервецъ убѣжденъ, что онъ всегда получить поддержку отъ своихъ собратій, и потому, сильный этой увѣренностью, онъ держитъ себя достаточно самостоятельно; впрочемъ самостоятельность эта не принимаетъ у мервцевъ такой рѣзкой формы, какъ у родовитыхъ узбековъ. Мервцы единственное племя въ Средней Азій, довольное нашимъ владычествомъ и преданное намъ (*).

Мервцы стараются не выдавать своихъ дочерей ни за таджиковъ, ни за узбековъ; сами же берутъ себѣ женъ у тѣхъ и другихъ.

Домашняя обстановка мервца лучше и изысканнѣе таджикской. То же слѣдуетъ сказать о ихъ одеждѣ и пищѣ. Таджики многое переняли отъ нихъ и, между прочимъ, ношеніе шелковой одежды, крашеніе бороды и ногтей, пловъ, ичиги и проч. Сады мервцевъ очень хороши, а дома ихъ чисты и уютны. Мервцы называютъ остальныхъ заравшанцевъ *варварами*.

Мервцевъ и персіянъ въ округѣ до 1,000 семействъ.

II. Арабы.

Арабы округа дѣлятся на два типа. Первые изъ нихъ имѣютъ лицо весьма правильное, обильно поросшее волосами, глаза большіе, выразительные, разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно темно-каріе, носъ длинный, орлиный. Они выше средняго роста, крѣпко сложены и сильны. Шея, плечи и грудь покрыты длинными густыми волосами. Арабы эти живутъ около Самарканда въ Ходжа-ограрскомъ пред-

(*) Мервцы прежде были шииты; по переселеніи же своемъ въ бухарское ханство они приняли суннитскій толкъ. Люди знающіе говорятъ, что они не забыли религіи своихъ дѣдовъ. Видимымъ подтвержденіемъ такого мнѣнія можетъ служить то обстоятельство, что они, вообще будучи народомъ способнымъ, не имѣютъ въ своей средѣ ни ученыхъ, ни муллъ.

мѣсть; въ Катта-Курганѣ же заселяютъ кварталъ Арабъ-хана и нѣсколько окрестныхъ деревень. Въ катта-курганскомъ отдѣлѣ ихъ больше, нежели въ самаркандскомъ. Говорятъ они по таджикски (*). Арабы втораго типа черны или темно-смуглы; лицо ихъ—съ рѣзко выдающимися скулами, рѣдкой бородой (**), толстыми губами и мясистымъ носомъ. Сложенія они сухаго, весьма сильнаго и славятся какъ отличные наѣзники. Языкъ ихъ—узбекскій. Они живутъ въ ангарскомъ тюменѣ и въ чулѣ около Катта-Кургана.

Относительно времени прихода арабовъ въ Среднюю Азію существуетъ два преданія: первое говоритъ, что они пришли сюда какъ завоеватели и вводители исламизма, еще при Уалиханѣ, Ша-и-зинда и другихъ ревнителяхъ распространенія магометанства, второе же—что ихъ привелъ въ Среднюю Азію эмиръ Тимуръ, при возвращеніи своемъ изъ походовъ на западныя государства.

Арабы перваго типа считаютъ себя потомками арабовъ—вводителей магометанства.

Между туземцами округа арабы пользуются весьма незавиднымъ реноме; про нихъ говорятъ: „вретъ какъ арабъ“, или „такой-то ловкій мошенникъ, хотя и не арабъ“, и т. под. Даже есть анекдоты, сложенные про мошенничества арабовъ. Расскажу одинъ изъ нихъ. — У самаркандскаго бека была необыкновенно красивая и весьма цѣнная лошадь. Бежъ этотъ, — что рѣдко бываетъ между ними, — былъ человѣкъ очень справедливый и для всѣхъ доступный; хорошими его качествами арабы порѣшили воспользоваться. Подсмотрѣвъ на водопой, что у любимаго бекомъ коня, на одномъ изъ коренныхъ зубовъ есть небольшое черное пятно, они послали одного изъ своей среды къ беку съ жалобой на то, что слуги его украли у нихъ лошадь. Выслушавъ эту жалобу, бекъ приказалъ найти виновнаго и отобрать отъ него лошадь: но ему

(*) Родственники этихъ арабовъ находятся въ западной части Каршинскаго округа, гдѣ они славятся особой породой овецъ и хорошими лошадьми. Каршинскіе арабы говорятъ между собою на испорченномъ арабскомъ языкѣ.

(**) Безбородые—не рѣдкость.

возразили, что жалующійся арабъ считаетъ украденною у него ту самую лошадь, которую онъ видѣлъ у бека. Удивившись этому заявленію, бекъ потребовалъ у араба доказательствъ. Тогда проситель сказалъ беку: „пустъ сперва конюхи твои укажутъ на примѣты украденной лошади, а потомъ я укажу“. Конюхи бека, перечисляя примѣты, разумѣется не указали на пятно на зубу. Арабъ же, заявивъ, что они скрытыхъ примѣтъ лошади не знаютъ и что это служить противъ нихъ уликой, прибавилъ: „посмотрите у лошади зубы: на такомъ-зубу, съ такой-то стороны, есть маленькое черное пятнышко“. Указаніе на это пятнышко, о которомъ никто не подозрѣвалъ, заставило бека отдать собственную его лошадь хитрому арабу. „Да ты не арабъ ли?“ спросилъ бекъ у просителя. Получивъ утвердительный отвѣтъ, бекъ приказалъ никогда больше не допускать арабовъ къ его лошадямъ.

Между тѣми и другими арабами есть полукочевники и земледѣльцы. Скота у первыхъ не много; болѣе богатые имѣютъ до 350 овецъ; остальные, среднимъ числомъ, по 100. Арабы самаркандскаго отдѣла кочуютъ въ Агалыкъ-тау, Миранкулъ и около озера Кадыръ-берды, а катта-курганскаго отдѣла—отъ Чимбая къ Джаму.

Арабы занимаются производствомъ шерстяныхъ и бумажныхъ матерій. Ковры ихъ выдѣлки весьма изрядны. Женятся они между собою и даже (въ катта-курганскомъ отдѣлѣ) преслѣдуютъ тѣхъ, которые рождаются съ другими народностями. Калымъ выплачивается отъ 40 до 200 р. Бѣдные женятся безъ калыма на ближайшихъ своихъ родственникахъ. Въ военную службу арабы перваго типа рѣдко поступали; вторые же—всегда служили въ сипаяхъ. Грамотныхъ между арабами весьма мало. Муллы ихъ изъ таджиковъ. Арабы дѣлятся на слѣдующія отдѣленія: Занъ-гун, Ходжаги, Садъ-хаса, Альсады, Искандери и Рашиди. Отдѣленіе Искандери происходитъ отъ Достъ-Магомета изъ корейшидовъ. Занъ-гун живутъ въ ангарскомъ тюменѣ, а Рашиди—въ Ходжа-охрарѣ. Число арабовъ въ округѣ не превышаетъ 2,000 семействъ.

III. Мазанъ, Люли и Джючи.

Живущихъ въ Заравшанскомъ округѣ *мазанъ, люли и джючи*, Ханыковъ относитъ къ цыганамъ. Однако они, какъ по лицеочертанію, такъ и по занятіямъ разнятся другъ отъ друга.

1) *Мазанъ* говорятъ, что большая часть ихъ поселилась въ округѣ только лѣтъ двадцать пять тому назадъ. До этого же времени они жили въ Бухарѣ, откуда выѣздъ ихъ всегда затрудняе́мъ былъ разными стѣснительными формальностями. Мазанъ живутъ осѣдло въ двухъ деревняхъ: Дагбитѣ и Халваи, занимаясь земледѣліемъ. Женщины ихъ, кромѣ того, ведутъ торговлю разными бездѣлушками, пригодными для незатѣйливаго туалета туземныхъ красавицъ. Онѣ переходятъ изъ дома въ домъ, изъ деревни въ деревню, вездѣ предлагая свой товаръ, и такимъ образомъ заходятъ въ кочевки узбековъ и въ глубь горъ Заравшана—къ Гальчамъ. Женщины мазановъ не выходятъ за мужъ за узбековъ или таджиковъ: равно и мазаны не берутъ себѣ женъ внѣ своего племени. Жены ихъ никогда не закрываются, имѣютъ правильное, красивое лицо и отличаются граціознымъ сложеніемъ. Мазанъ не больше 200 душъ обоего пола.

2) *Люли*. Туземцы говорятъ, что Люли—тѣ же мазанъ, но не осѣдлые, а кочующіе. Мы считаемъ ихъ отдѣльнымъ народомъ, ближе всего подходящимъ къ цыганамъ. Ихъ въ округѣ отъ 400 до 500 душъ обоего пола.

Люли все теплое время года проводятъ въ бязевыхъ шатрахъ, въ какихъ кочуютъ цыгане на югѣ Россіи. Кочуютъ они отдѣльными таборами, шатровъ въ 10—20; останавливаются по близости деревень, на лужайкахъ; живутъ на одномъ мѣстѣ день—недѣлю, и въ это время занимаются мѣной лошадей, покупкой и продажей ихъ, мелкимъ воровствомъ, дѣланіемъ деревянныхъ ложекъ, чашекъ и прочей хозяйственной утвари. Женщины гадаютъ, лѣчатъ, вымѣниваютъ въ одномъ мѣстѣ нитки на хлопокъ, въ другомъ хлопокъ на нитки, и т. п. На зиму Люли выпрашиваютъ себѣ въ какой-

нибудь деревнѣ саклю, въ которой помѣщаются со всѣмъ своимъ имуществомъ. Дѣти и женщины бродятъ зимою по деревнямъ, выпрашивая милостыню, не смотри на то, что Люли—люди съ достаткомъ. Мульъ у Люли нѣтъ, но официально они называютъ себя магометанами.

До Насръ-Улла-хана Люли имѣли рабовъ и отдавали ихъ въ работу туземцамъ за извѣстную плату, но Насръ-Улла запретилъ имъ это барышничество.

Какъ женщины, такъ и мушны Люли по типу сильно напоминаютъ цыганъ.

3) *Джючи*, по сохранившемуся у нихъ преданію, пришли въ Міанканъ при эмирѣ Семдѣ. Своей родиной они считаютъ Гисаръ, Зиди, рѣку Кафирніанъ *) и вообще сѣверо-восточную часть гисарскаго бекства, гдѣ ихъ и въ настоящее время очень много **): ими заселены цѣлые города.

Джючи—земледѣльцы; кромѣ того, они снабжаютъ весь округъ деревянными подѣлками, выдѣлывая во множествѣ ложки, баки, корыта, вилы, лопаты; они гнутъ ободья для арбъ, точатъ ступицы, шьютъ тюбетейки, пояса, дѣлаютъ оловянные кольца и проч.

Число ихъ намъ неизвѣстно. О женитбѣ Люли и Джючи слѣдуетъ сказать то же, что сказано выше о Мазанъ.

IV. Ходжи.

Ходжи, какъ извѣстно, потомки Магомета по женской линіи. Всякій, считающій себя ходжей, обязанъ имѣть документъ, подтверждающій это происхожденіе. Въ округѣ на самомъ дѣлѣ ходжей нѣтъ: всѣ называющіе себя ходжами—самозванцы; тѣмъ не менѣе, разъ назвавшись ходжами, они стараются, на сколько хватаетъ у нихъ силъ и умѣнья, поддерживать свое званіе. Такъ, они даютъ народу благословеніе, не вступаютъ въ бракъ съ обыкновенными смертными,

*) Джючи—не кафиры ли?

**) Джючи же живутъ и по рѣкѣ *Ягнобъ* (Ягнъ-объ), протекающей по Когистану.

на томашахъ стараются занимать самыя почетныя мѣста, мало говорятъ; а если говорятъ, то стараются свести разговоръ на своихъ предковъ. Всѣ они по большой части глупы; племенное свое происхожденіе они скрываютъ, не называя себя ни узбеками, ни таджиками, а просто „ходжа“. и увѣряютъ, что ходжа—особое племя. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ *ходжа-казакъ*, которые производятъ себя изъ рода Киргизъ (казаковъ тожь).

Въ округѣ есть нѣсколько видовъ ходжей, которыхъ мы и поименуемъ.

1) *Акъ-сіакъ-ходжа* (ходжа бѣлой кости). Эти ходжи—выходцы изъ Ходжента; они считаютъ себя потомками *Хазрета-Алія-Имамъ-Магометъ-Халифія*. Родословная ихъ, по ихъ словамъ, находится у ходжентскихъ акъ-сіаковъ *). Время выхода своего изъ Ходжента они относятъ къ царствованію Надиръ-Магомедъ-хана (?!). Акъ-сіакъ-ходжа живутъ сгруппированно только въ одной деревнѣ *Суанчи* (яны-курганскаго тюменя); въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ округа ихъ находится подому—по два. Акъ-сіакъ-ходжа—земледѣльцы; но главное средство ихъ существованія—раздача благословеній за извѣстную плату. Изъ акъ-сіаковъ ходжей могутъ быть духовныя лица слѣдующихъ званій: Уракъ, Судуръ, Садыръ, Фейзъ, Миръ-асадъ, Накибъ и Шейхъ-уль-исламъ.

2) *Акъ-сіакъ-ходжа-казакъ* выселились изъ-подъ Туркестана, съ урочища Карнакъ, при эмирѣ Сеидѣ. Они считаютъ себя потомками святаго Аулія-ата, могила котораго находится въ городѣ Аулія-ата. Документы на происхожденіе ихъ отъ этого святаго хранятся въ Ташкентѣ. Эти ходжи живутъ въ деревняхъ Акъ-курганъ, Курпе и Ходжа, что на Полванъ-арыкѣ. Всѣ они весьма бѣдны, нанимаются въ работники жать хлѣбъ.

3) *Ходжа-бахшанишъ* (оспопрививатели) производятъ себя отъ святаго Хоросанъ-ата, похороненнаго въ Мехмедѣ. Въ

*) Ходжентскіе, мы полагаемъ, скажутъ, что ихъ документы на званіе ходжей у заравшанцевъ, и т. д.

округъ они пришли изъ Дашты-Кипчака, при Абду-файсъ-ханѣ, и поселились въ Ходжа-кишлакѣ чилекскаго тюмена, въ самомъ Чилекѣ и Кара-кентѣ. Главная профессія этихъ ходжей—оспопрививаніе. По ихъ словамъ, оспопрививанію научилъ ихъ праотецъ Хоросанъ-ата. Бахшайши прививаютъ оспу по индійскому способу; за прививку берутъ отъ 10 до 40 коп., смотря по состоянію семейства, въ которомъ прививается оспа. Бахшайши переѣзжаютъ изъ деревни въ деревню и вездѣ предлагаютъ свои услуги.

4) *Ходжа*, живущіе въ деревняхъ Ябу, Тогай-куся и Тохчи, называютъ себя потомками *Ходжа-Ахмедъ-исави*, т.-е. Хазретъ-султана туркестанскаго. Въ округъ они пришли при эмирѣ Сеидѣ, изъ-подъ Туркестана. Ходжи—земледѣльцы, ткутъ бязъ и алачу. Женятся на дѣвушкахъ изъ рода ходжей же. По ихъ обычаю, мужъ увозитъ молодую въ свой домъ въ ночь вѣнчанія.

5) *Шейхъ*—выходцы изъ хатырчинскаго бекства; живутъ въ одной деревнѣ катта-курганскаго отдѣла Шалпмарданъ (40 домовъ); ткутъ алачу и каламу.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

КИРГИЗСКАГО НАРОДА.

И. И. ИБРАГИМОВА.

На обширномъ пространствѣ киргизскихъ степей отъ Алтая до Урала и отъ западно-сибирскихъ уѣздовъ до долины р. Аму-Дарьи, кочуетъ племя, или лучше сказать кочуютъ племена, которыхъ русскіе называли киргизами, или киргизь-кайсаками и которыя сами себя называютъ общимъ племеннымъ именемъ *казаки*. Я не стану входить здѣсь въ подробности и перечислять болѣе или менѣе достовѣрныя догадки различныхъ авторитетовъ относительно происхожденія слова „казаки“, которое получило такое широкое право гражданства на всей степной полосѣ отъ ущелья чернаго Иртыша и Тянь-Шаня до низовьевъ Днѣпра и Днѣстра. Это не входитъ въ программу моего труда, нисколько не претендующаго на научное значеніе. Задача моя, если смѣю такъ выразиться, гораздо скромнѣе, а потому можетъ быть и удобно-исполнимѣе. Я желаю собрать и представить въ одной полной картинѣ быть, нравы и обычаи народа, съ которымъ мнѣ часто приходилось входить въ столкновенія, народа, который всегда возбуждалъ мою искреннюю симпатію и въ характерѣ котораго я видѣлъ многія свѣтлыя черты. При этомъ я долженъ оговориться также, что описываю въ моихъ замѣткахъ исключительно быть нравы и обычаи киргизъ Большой орды; обычаи же больше-ордынцевъ, во многомъ не сходящаяся съ обычаями киргизъ Малой и Средней орды и еще менѣе общаго между обычаями казаковъ и собственно кир-

гизъ или кара-киргизъ, т. е. кочевниковъ чуйской долины и горныхъ ущелій Тянь-Шаня.

Я попытаюсь изобразить жизнь казака или, какъ мы называемъ обыкновенно, киргиза (для большого удобства примемъ въ нашемъ очеркѣ это названіе) отъ самой колыбели до могилы, не упуская при случаѣ проводить паралель между исконными киргизскими и коренными русскими обычаями. Такія паралели могутъ имѣть свой этнографическій интересъ и значеніе.

Начну съ того момента, когда киргизская женщина почувствуетъ, что она готовится быть матерью.

У киргизъ беременная женщина не избавляется ни отъ какой работы, даже до послѣдняго дня своей беременности. Крѣпкое тѣлосложеніе и отсутствіе изнѣженности въ большинствѣ случаевъ помогаетъ киргизкамъ - женщинамъ переносить всѣ труды, но иногда случается, конечно, что женщина сильно страдаетъ, не можетъ исполнять домашнія работы и подвергается болѣзненнымъ припадкамъ. Это явленіе въ глазахъ киргизъ кажется до такой степени не нормальнымъ, что они ищутъ ему особаго объясненія. По мнѣнію киргизъ, страданія въ этомъ случаѣ происходятъ отъ того, что беременную женщину мучить Албасты, *) или Марту-басу, или Джалмаузь-кимпиргъ (баба-яга**); это мифическое существо, совершенно сходное съ финскимъ шьеттаръ-акка, можетъ глотать людей, лошадей, даже цѣлыя юрты со всѣмъ что тамъ находится, назначеніе ея: дѣлать зло на землѣ, и роженицы въ особенности нерѣдко подвергаются ея вредному вліянію. Чтобы по возможности облегчить роды, женщины заранѣе запасаются отъ муллъ талисманами (тумаръ), по ихъ мнѣнію устраняющими всякія болѣзни. Обыкновенно тумары эти зашиваются во что нибудь и носятъ на шеѣ или же больныя, по совѣту муллъ, получаютъ отъ нихъ написанныя чернилами на бумагѣ молитвы, которыя разведя

*) Албасты-басу, Албасты—злой духъ, басу—душить.

**) Женщина прожорливая.

въ чашкѣ воды выпиваютъ съ тою увѣренностію, что чернила, которыми были написаны священныя слова, уничтожаютъ болѣзни. Иногда, по древнему обычаю, киргизы бросаютъ кусокъ бараньяго жира въ огонь и пока онъ горитъ молятся Богу и просятъ облегчить мученія родильницы. Но если больная впадаетъ въ обморокъ, то это вѣрный признакъ, что Албасты вошелъ въ родильницу. Чтобы выгнать оттуда злое существо, бьютъ палками сначала по кибиткѣ, гдѣ лежитъ больная, а потомъ и ее ударяютъ нѣсколько разъ палкой. Если эти средства не помогаютъ, то перепоясываютъ больную веревкою по животу, стягиваютъ крѣпко два человѣка и тогда беременная выкидываетъ ребенка. Киргизскія женщины разрѣшаются отъ родовъ въ всячемъ положеніи, а именно: ихъ подвѣшиваютъ за мышки въ тундукъ (верхнее отверстіе кибитки), особыхъ акушеровъ или бабокъ при этомъ не бываетъ, и каждая старуха считается знающею. Тотчасъ же послѣ разрѣшенія женщины отъ бремени, убивается баранъ, шейный позвонокъ котораго на 40 дней вѣшается въ кибиткѣ на видномъ мѣстѣ. Это дѣлается для того, чтобы шея новорожденнаго укрѣпилась и была такъ же крѣпка, какъ у барана. Жиръ убитаго барана опять бросаютъ въ огонь, при чемъ молятъ Бога, чтобы онъ избавилъ родильницу отъ злыхъ духовъ, задерживающихъ послѣдъ (джолдасъ *). Если джолдасъ долго не выходитъ, то это опять также приписывается кознямъ злыхъ духовъ и противъ этого принимаются слѣдующія мѣры: 1) приводятъ изъ табуна лошадь съ свѣтлыми, большими глазами, вводятъ ее быстро въ кибитку и морду лошади наклоняютъ къ груди больной, желая испугать этимъ нечистыхъ духовъ; 2) приносятъ филина (укю) котораго насильно заставляютъ кричать, въ убѣжденіи, что голосъ его отгоняетъ нечистыхъ духовъ. Киргизы вѣрятъ этому до такой степени, что желая предохранить дѣтей своихъ отъ влія-

*) Буквальный переводъ слова джолдасъ значить: спутникъ или товарищъ. Это киргизское слово близко напоминаетъ одно знакомое намъ русское слово, приводить которое мы не станемъ.

нія нечистыхъ духовъ, прикалываютъ на шапки перья филина, или нашиваютъ ихъ на одеждахъ; 3) беркута сажаютъ на родильницу, думая, что нечистыя силы боятся беркута; 4) убиваютъ сороку и жиромъ ея поятъ больную; 5) набрасываютъ на голое тѣло больной такъ-называемую колючку*), дабы уколоть нечистыхъ духовъ, или же колючкой окуриваютъ больную, полагая, что нечистые духи боятся этого запаха, для нихъ вреднаго; 6) втыкаютъ въ землю саблю остриемъ вверхъ, въ изголовье больной, предполагая, что злые духи, увидѣвъ обнаженную саблю, испугаются и оставятъ больную; 7) приглашаютъ баксу (знахаря), который вбѣгая въ кибитку, стремглавъ бросается на больную и начинаетъ бить ее палкой, чтобы выгнать изъ нея злыхъ духовъ.

Въ крайнемъ случаѣ, когда употребленные средства окажутся бесполезными, рѣшаются вынуть послѣдъ рукою. Женщина, отрѣзавшая пупокъ новорожденнаго, получаетъ подарокъ и ее называютъ кындыкъ-ене, т.-е. мать пупка. Если новорожденный мальчикъ, то это считается счастьемъ семьи, на томъ весьма разумномъ основаніи, что онъ будетъ помощникомъ отцу; дочь же не должна оставаться въ домѣ родителей, а рано или поздно оставить отческій домъ. Киргизы по пословицѣ: „тузды-копъ-сактама су-буларъ, кыды-копъ-сактама-кунгъ-буларъ, т. е. долго соль не береги — превратится въ воду, долго дочь не держи — обратится въ рабыню“, стараются дочь свою скорѣе выдать замужъ. Богатые родители, радуясь рожденію мальчика, устраиваютъ праздникъ (той), приглашаютъ своихъ сосѣдей, мужчинъ и женщинъ, затѣваютъ байгу, т.-е. скачку лошадей и даже съ призами, убиваютъ на праздникъ лошадей и барановъ. Являются импровизаторы, которые въ стихахъ воспѣваютъ будущую участь новорожденнаго, описывая его блестящую долю. Иногда при байгѣ бываетъ борьба людей, пускаютъ на скачку иноходцевъ и вообще разнообразятъ свои увеселенія на сколько возможно.

*) Кустарникъ, растущій въ степи и называемый по киргизски Чингиль.

На третій или на седьмой день новорожденного кладутъ въ люльку, въ которую вмѣсто тюфяка постилають джабаги *), затѣмъ пеленають сперва ноги, а потомъ и все тѣло новорожденного. Поверхъ всего обвязываютъ ребенка шерстянымъ широкимъ шнуркомъ.

Чтобы моча могла протекать изъ люльки, вставляютъ въ особое круглое отверстіе внизу люльки дудку костяную или деревянную, называемую чумекъ.

Новорожденного кладетъ въ люльку женщина, уже имѣющая дѣтей и по обычаю получаетъ за это подарокъ. Особыхъ церемоній и празднествъ при этомъ не бываетъ, а только дѣлается небольшой праздникъ называемый Бисыкъ-той угощеніе для аульныхъ женщинъ. По этому случаю убиваютъ обыкновенно нѣсколько барановъ.

Для того, чтобы дать имя новорожденному, приглашаютъ муллу. Обыкновенно у киргизъ ребенокъ получаетъ имя своего покойнаго родителя или родственника, при чемъ отдается предпочтеніе тѣмъ, которые вѣкъ свой жили въ достаткѣ и отличались храбростію и наѣздничествомъ. Въ послѣднее время встрѣчаются все болѣе и болѣе между киргизами имена мусульманскихъ святыхъ, по милости муллы, старательно вводящихъ имена чуждыхъ для киргизъ пророковъ.

Люльку ребенка обвѣшиваютъ талисманами, состоящими изъ лоскутовъ бумаги, исписанныхъ разными молитвами, чтобы охранить ребенка отъ нечистыхъ духовъ.

Новорожденного ежедневно купаютъ въ соленой водѣ и послѣ этого натирають его каждый разъ масломъ или бараньимъ жиромъ. Это дѣлается для того, чтобы окрѣпи суставы малютки. По прошествіи 40 дней рубашку, которая не снималась съ ребенка съ самаго дня рожденія его, снимають и надѣвають на шею собаки, для того, чтобы собака, съѣдая жирную рубашку, приняла на себя и всѣ будущія болѣзни ребенка. Въ старину рубашку обыкновенно берегли и она

*) Шерсть, снятая съ барана весной; такая зимняя шерсть гораздо длиннѣе и мягче лѣтней.

имѣла совершенно особое, довольно курьезное назначеніе, а именно: если кому-нибудь приходилось имѣть тяжбу, то онъ пришивалъ себѣ на правый бокъ такую рубашку, взятую съ новорожденного, рассчитывая на выигрышъ тяжбы, во имя невинной еще души малолѣтняго.

Ребенка должна кормить грудью сама мать и только при невозможности исполнить эту обязанность нанимаютъ кормилицу за условленные подарки. Кормилицу называютъ имчекъ-ене *) или суть-ене **). Новорожденного ребенка въ особенности тщательно охраняютъ отъ дурнаго глаза. Какая бы ни приключилась съ нимъ болѣзнь, все приписываютъ этой таинственной причинѣ. Киргизскія старухи каждая знаетъ заговоръ противъ сглаза (кузь-тію). Для сохраненія ребенка отъ дурнаго глаза и для того, чтобы часто упоминая его имя, какъ-нибудь не накликать на него какія-нибудь болѣзни, даютъ ребенку кромѣ имени еще и разныя прозвища, какъ напр. мальчикамъ Джаманъ-бала (1), Тентекъ-бала (2), Джинды-бала (3), Уру-бала (4) и т. п.; дѣвочкамъ: Кара-чашъ (5), Бой-кочъ (6), Узунъ-чашъ (7) и т. д. Употребленіемъ этихъ прозвищъ Киргизы замѣняютъ собственныя имена своихъ дѣтей. Иногда же для этой цѣли достаютъ отъ муллъ талисманы, также охраняющіе ихъ обладателя отъ дурныхъ глазъ и злыхъ духовъ. Иногда привѣшиваютъ на одежду бѣлки бараньяго глаза или простые черныя камешки, считая ихъ также сильными талисманами. Ребенку брѣютъ голову и обрѣзываютъ ногти не ранѣе какъ чрезъ годъ по рожденіи. Тогда дѣлаютъ праздникъ, смотря по достатку отца, но большею частію это кончается домашнимъ празднествомъ, т.-е. постороннихъ лицъ не приглашаютъ.

Если ребенокъ долго не ходить, то привязываютъ къ правой ногѣ пестрый снурокъ, и протянувъ его во всю длину, разомъ пересѣкаютъ ударомъ ножа. Это дѣлается всегда жен-

*) Имчекъ—грудь, ене—мать.

**) Мать молока.

(1) Дурное дитя. (2) Глухой (шалунъ) ребенокъ. (3) Сумасшедшій мальчикъ. (4) Воръ мальчикъ. (5) Черный волосъ. (6) Баранья глаза. (7) Длинный волосъ.

щиной и называется тсау-кису (тсау—путо, кису—отрѣзать), за это женщина получает подарокъ. По мнѣнію Киргизъ, средство это весьма дѣйствительно. Иногда, чтобъ помочь ребенку научиться ходить, устраиваютъ на колесахъ ходули, какъ это дѣлается и у насъ.

Ребенка долго неговорящаго кормятъ остатками отъ пищи и обкусанными кусками говядины, поятъ его также остатками послѣ питья богатыхъ и знатныхъ гостей.

Когда ребенку минетъ два или три года, его начинаютъ забавлять верховой ѣздой, устраивая на сѣдлѣ удобные ящики, называемые культурмачъ или ачамай.

Мальчика подвергаютъ обрѣзанію не прежде, какъ ему минетъ 4—12 лѣтъ. При этомъ состоятельные родители устраиваютъ праздники. Приглашаются на этотъ праздникъ, называемый сунгетъ-той, преимущественно мужчины, бываютъ конская скачка и борьба. Послѣ выздоровленія, мальчику предоставляютъ выбрать изъ табуна лошадь для ходжи, исполнившаго этотъ обрядъ. *)

Выборъ невѣсты для мальчика или вѣрнѣе сказать, выборъ свата, зависитъ отъ отца, потому что Киргизы всегда высватываютъ для своихъ дѣтей невѣсту еще въ то время, когда сыновья ихъ малолѣтны, а не рѣдко даже и младенцы. Если невѣста старше 2—3 и даже 5—10 годами, то на это не обращаютъ большаго вниманія, лишь бы свать былъ хорошъ и богатъ. Иногда даже какой-нибудь случай или ссора родовичей или какая-нибудь кража сближаетъ двухъ Киргизъ, имѣющихъ дѣтей.

Такъ какъ Киргизъ вообще до крайности мстителенъ, то случается, что онъ, для пріобрѣтенія себѣ защитника, сватаетъ дочь такого Киргиза, который имѣетъ вліяніе на его врага.

На вопросъ: придется-ли невѣста по сердцу его сыну, или будутъ-ли вообще молодые счастливы, отцы отвѣчаютъ обыкновенно, что это дѣло не отца, а Всевышняго. Киргизъ, у

*) Обрядъ исполняется странствующими муллами и ходжами.

котораго есть сынъ, выбравъ себѣ по сердцу киргиза, у котораго есть дочь, предварительно узнаетъ его мнѣніе и затѣмъ посылаетъ сватовъ. Сватовъ бываетъ отъ 4 до 10 и болѣе, смотря по состоянію отца жениха. Приѣздъ сватовъ въ аулъ невѣсты называется кудатсѣръ. Сваты, уполномоченные со стороны отца жениха, условливаются о размѣрѣ калыма (условная плата за невѣсту). Если сваты приѣзжаютъ въ аулъ отца невѣсты лѣтомъ, то для нихъ ставятъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула отдѣльную кибитку. Угощаютъ ихъ каждый день, убивая для того барана и подаютъ любимый напитокъ кумысъ. Зимой же кибитка отдѣльно не ставится. Отецъ невѣсты, къ которому прибыли сваты, принимаетъ ихъ въ кибиткѣ одного изъ своихъ одноаульцевъ, а угощаетъ приготовленнымъ на зиму копченымъ мясомъ и кониной. Для того, чтобы уяснить размѣръ калыма и расчетъ, который при этомъ соблюдается, расскажемъ сперва вообще о размѣрѣ разныхъ уплатъ, существующихъ въ обычаяхъ киргизъ. По древнему обычаю у киргизъ за кунъ (за жизнь) мужчины платится 100 лошадей и шесть слѣдующихъ *джаксы*: *) 1. Сирота невольникъ (или невольница). 2. *Кара-наръ* (черный одnogорбый верблюдъ). 3. *Акъ-саутъ* (бѣлая кольчуга). 4. *Тзумултукъ* (вѣрное ружье). 5. *Кара-чулакъ-атъ* (вороная известная лошадь) и 6. *Калынь-глемъ* (хорошій толстый коверъ). За жизнь же женщины платится въ половину меньше — 50 лошадей и три слѣдующія джаксы: 1) *Кара-наръ*, 2) *Кара-чулакъ-атъ* и 3) *Калынь-глемъ*. При опредѣленіи, изъ числа 50 головъ, три головы скота откидываютъ, замѣняя ихъ подаркомъ Илю, **) который состоитъ изъ дорогихъ вещей и тогда останется 47, т. е. нечетное число ***).

*) Въ этомъ случаѣ джаксы — хорошій, означаетъ хорошій выборъ.

**) Илю — значить вѣшать; въ прежнія времена женихъ привозилъ невѣстѣ подарокъ, который вѣшался на видное мѣсто на показъ, но теперь не вѣшаютъ, а передаютъ какъ условный подарокъ. У казанскихъ татаръ существуетъ и теперь обычай: женихъ приѣзжая къ невѣстѣ привозитъ ей въ подарокъ 2 выдры (бобры), которыя и вѣшаетъ при входѣ въ домъ по правую и по лѣвую сторону.

***) У киргизъ нечетное число считается счастливымъ.

При опредѣленіи калыма, если не ошибаюсь, киргизы руководствуются давнимъ вышеобъясненнымъ обычаемъ. Для болѣе точнаго объясненія размѣра и значенія калыма, раздѣлимъ киргизовъ на 4 класса: султаны Акъ-суяки (бѣлой кости) они платятъ въ калымъ 57 головъ разнаго скота; болѣе же богатые султаны 57 головъ однихъ лошадей. Другой классъ, богатые, но кара, т. е. простые черные киргизы, они платятъ 47 головъ. Затѣмъ средній классъ 37 головъ и наконецъ бѣдный классъ 17 головъ разнаго скота. Бываетъ еще и такъ называемый тумалакъ-калымъ, что значить круглый, неопредѣленный калымъ.

Калымъ раздѣляется на слѣдующія части и названія: 1) Басъ-джаксы (хорошее начало) 10 лошадей. 2) Кулынды-бія (кобыль съ жеребятами 16 головъ). 3) Кунанъ-кунаджикъ—3-хъ годовыхъ лошади и кобылы, 7 головъ. 4) Тай—двухъ годовалыхъ жеребята, 7 головъ. 5) Джеке-ту-бія—одна не жеребая кобыла. 6) Джанама-джаксы—душѣ угодное, т. е. по выбору лошадь или верблюды. 7) Аякъ-джаксы (хорошій конецъ) 4 штуки. Итого 47 головъ.

Когда киргизы условливаются о размѣрѣ калыма, то оставляя прежнія названія радятся сколько и какой скотъ опредѣлить подъ каждое вышеизложенное подраздѣленіе.

Тутъ же опредѣляются и подарки, слѣдующіи матери за суть-аки (плата за молоко), которымъ она кормила свою дочь, а также и тѣ джаксы, которыя должны идти въ калымъ; условія утверждаются батой—молитвой; но однако-же въ сущности никакой баты не читается, а только, опредѣливъ калымъ, всѣ присутствующіе проводятъ по лицу руками, въ знакъ утвержденія договора. По окончаніи условія, отецъ невесты приглашаетъ своихъ родственниковъ и ихъ женъ съ дѣтьми и объявляетъ имъ, что онъ породнился съ такимъ-то. Для гостей устраиваются увеселительныя игры, напр. кокъ-бури*),

*) Въ буквальный переводъ—сѣрый волкъ.

Джа-рысь*), Кызь-куу**) и т. п., женщины и взрослые дѣвицы на радостяхъ приносятъ въ кибитку, гдѣ сидятъ сваты кумызь, мелкихъ монетъ, сушенныя ягоды, баурсаки (шарики изъ пшеничнаго тѣста, варенные въ маслѣ), куртъ (сыръ), и поздравляя сватовъ съ окончаніемъ ихъ дѣла, бросаютъ принесенные подарки прямо на нихъ, не разбирая ни головы, ни глазъ. Называется это чашу разбрасывать. Послѣ этого аульныя женщины приносятъ ужинъ, состоящій изъ баранины и конины и угощаютъ сватовъ.

Когда кончается ужинъ—начинается игра женщинъ со сватами, это называется куда-тартысь т.-е. теревить сватовъ. Мнѣ самому случалось быть въ числѣ сватовъ у одного знатнаго султана.

Вотъ что я видѣлъ самъ: толпа женщинъ разомъ окружила насъ (8 человѣкъ) и къ каждому подсѣли по 4—5 женщинъ, задавая, каждая отдѣльно, вопросы. Одна требовала спѣть ей пѣсню, назначая сама мотивъ, другая задавала джумбаки (загадки) и требовала тотчасъ же разгадать ихъ, третья приказывала рассказать ей какой нибудь анекдотъ. Киргизскія женщины, далеко нецеремонныя, задаютъ при этомъ такіе вопросы, отвѣчать на которые затруднится всякій мало мальски застѣнчивый человѣкъ. Если свать хотя на нѣсколько минутъ замедлитъ отвѣтомъ, женщины торопятъ его, не давая времени на размышленіе. Бѣда если свать не сумѣетъ вовсе дать отвѣта, напр. не разгадаетъ загадки, наказаніе ему тутъ же готово. Случилось, что одинъ изъ нашихъ сватовъ не исполнилъ требуемаго, или лучше сказать, не такъ исполнилъ, какъ бы того хотѣлось женщинамъ; за это онѣ, безъ всякаго разговора, мигомъ раздѣли его и поставили нагимъ посреди кибитки. Не оставляя его и въ этомъ по-

*) Игра въ перегонки.

**) Оригинальная игра, которая заключается въ томъ, что одна изъ лучшихъ наѣздницъ скачетъ верхомъ, а избранный товарищами наѣздникъ догоняетъ ее; если онъ успѣетъ догнать, то цѣлуетъ наѣздницу; если нѣтъ, то дѣвушка, доскакавъ до барьера, обращается назадъ и догоняя наѣздника, что есть силы, бьетъ его плетью, при общемъ восторгѣ присутствующихъ.

ложении, онѣ начали теребить его еще болѣе, покатываясь со смѣху, а виновный не смѣлъ и пикнуть: его заставляли молчать, говоря, что примуть другую еще болѣе чувствительную мѣру если онѣ окажетъ хотя малѣйшее сопротивленіе. Такъ бѣдный сватъ простоялъ съ полчаса, мужественно перенося всякія подтруниванія и щипки киргизокъ. Въ этихъ случаяхъ болѣе всего достается тому, кто привлекателенъ наружною и кто больше нравится женщинамъ. Въ случаѣ неисполненія ихъ требованія, женщины принимаютъ иногда слѣдующія мѣры: надѣваютъ на голову свату женскій саукеле (остроконечный праздничный головной уборъ), лицо чернятъ сажей, потомъ выводятъ его изъ кибитки, сажаютъ на быка, лицомъ къ хвосту, и водятъ по аулу, заѣзжая даже въ сосѣдніе близкіе аулы. Или привязываютъ къ ногамъ длинную веревку и забрасываютъ другой конецъ ея чрезъ тюндукъ (отверстіе въ кибиткѣ, куда выходитъ дымъ), поднимаютъ не расторопнаго свата и держатъ его ногами вверхъ, пока онъ не согласится исполнить ихъ требованія, или пока не выкупитъ себя какими нибудь подарками. Когда свата держатъ на воздухѣ, женщина приговариваетъ: „не легко брать чужую дочь“.

А вотъ и еще третій родъ наказанія, употребляемое женщинами, въ случаѣ неисполненія сватами ихъ требованій: приводятъ слѣпую, курносую и вообще уродливую женщину и заставляютъ свата цѣловать ее. Отъ этого наказанія сватъ не иначе можетъ избавиться, какъ только большими подарками, потому что киргизы вообще боятся курносыхъ, слѣпыхъ и уродливыхъ, предполагая, что недостатки чловѣка легко могутъ переходить отъ одного къ другому.

На другой день послѣ сватовства, въ кибитку къ сватамъ приходитъ отецъ неvěсты, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ и приноситъ имъ кінты, т. е. подарки для одеждъ. Подарки эти состоятъ изъ разныхъ вещей, раздѣленныхъ на нѣсколько девятокъ, смотря по числу сватовъ; если же отецъ неvěсты имѣетъ большое состояніе, то сватамъ, по крайней мѣрѣ 2—3, приходится по 2—3 девятки, а остальнымъ всѣмъ по одной. Обыкновенно бываетъ такъ, что одна или много

двѣ девятки дается бась-куде— главному свату, т. е. отцу жениха; затѣмъ другимъ прибывшимъ сватамъ дается по одной девяткѣ, смотря по достоинству свата и стоимости девятки. Остальнымъ же, не почетнымъ сватамъ, даютъ платки, ситецъ, нижняго бѣлья и другія мелочи, не составляющія девятки.

При отъѣздѣ сватовъ, отецъ невесты получаетъ съ ними жениху его сыбачу т. е. долю, состоящую изъ варенаго тюса (тюстюк), т. е. кости съ мясомъ изъ грудной части барана.

Отецъ жениха, спустя нѣкоторое время послѣ возвращенія посланныхъ сватовъ, посылаетъ къ отцу невесты такъ-называемыхъ куда-чакручи (отъ слова чакръ—позади), т. е. приглашителей сватовъ, назначивъ время для пріѣзда къ себѣ сватовъ невесты. Пріѣздъ ихъ въ аулъ, къ отцу жениха, называется тоже куда-тусерь, а число сватовъ бываетъ однимъ или двумя больше, чѣмъ было со стороны отца жениха. Въ этотъ разъ пріѣзжаетъ иногда и самъ отецъ невесты, потому что теперь онъ можетъ уже получить часть изъ условленнаго калыма. Въ аулѣ отца жениха также начинаются увеселительныя игры, но только не въ такомъ размѣрѣ, какъ въ аулѣ отца невесты, потому что, какъ говорятъ киргизы, „невеста еще у отца“; кійтъ (отъ слова кіймъ—одежда), подарки тоже бываютъ не такъ богаты, потому что, какъ мы уже сказали, въ этотъ пріѣздъ, кромѣ подарковъ, уплачивается и часть калыма, слѣдовательно, такая двойная выдача (калымъ и подарки), въ большихъ размѣрахъ была-бы отяготительна. Въ случаѣ же неуплаты калыма въ первый пріѣздъ отца невесты, подарки должны по цѣнности соответствовать подаркамъ, сдѣланнымъ отцомъ невесты.

Уплата калыма называется *малъ-беру* (скоть отдавать), и производится непременно въ счастливый день *сымъ*; такіе счастливые дни суть: понедѣльникъ, четвергъ и пятница. Уплату калыма начинаютъ съ барановъ, если это есть въ условіи, затѣмъ верблюдовъ, а потомъ уже уплачиваютъ лошадей. Кара-малъ (рогатый скоть) у богатыхъ киргизовъ въ калымъ

не отдается. При отдачѣ барановъ, присутствуютъ женщины и онѣ, передавая веревки для (кусакъ-бау) привязыванія одного барана къ другому, получаютъ подарки, состоящіе изъ холста или нѣсколькихъ аршинъ матеріи на джавлуки (головные уборы). Когда же отдаютъ лошадей, то тогда подарокъ получаетъ пастухъ и этотъ подарокъ называется куркъ-бау (куркъ—палка, бау—веревка). Куркъ-бау означаетъ ту часть палки, съ привязанной на концѣ вервою, которою киргизы ловятъ въ табунахъ лошадей. Онъ состоитъ также изъ халатовъ или куска ситца для нижняго бѣлья. Пастухъ верблюдовъ также получаетъ подарокъ.

При отѣздѣ сватовъ, отецъ жениха приводитъ, или какъ часто случается, приноситъ своего малолѣтняго сына и получаетъ отъ отца невесты на его долю лошадь, верблюда, или другой подарокъ, называемый *корымдакъ*, т.-е. за показъ.

Если отецъ жениха вліятельнѣе своего свата, то въ такомъ случаѣ часто бываетъ, что онъ придерживается пословицы (кельгенъ-даулетъ, кеткенъ-байнетъ), все что получаешь есть богатство, а отдаешь — несчастіе; въ первый пріѣздъ, отдѣляясь разными неблагопріятными примѣтами, не уплачиваетъ часть должнаго калыма. Если существуетъ въ скотѣ какая нибудь болѣзнь, то и обычай говорить въ его пользу. Обмѣнявшись подарками, родители спокойно ждутъ, когда ихъ дѣти достигнутъ совершеннолѣтія.

У киргизъ существуетъ обычай дружитья (другъ назыв. тамыръ); желающіе подружитья обнимаются другъ съ другомъ чрезъ обнаженную саблю, держа ее на груди, при этомъ даютъ обѣщаніе быть навсегда въ дружбѣ.

Если сваты желаютъ быть друзьями, то тогда отецъ жениха, по соглашенію, первый пріѣзжаетъ сватомъ и первый объявляетъ калау, т.-е. свой выборъ или желаніе.

Чтобъ онъ не выбралъ, сватъ непременно долженъ согласиться. Преимущественно калау падаетъ на бѣгунцовъ (джуйрыкъ-ать), беркутовъ, ястребовъ (карчага), борзыхъ собакъ (тазь-ить), мѣха, ковры и т. п. Въ противномъ случаѣ, т.-е. если послѣдовалъ отказъ съ чьей нибудь стороны, то тогда

дружба ихъ никогда и ни чѣмъ уже не можетъ быть возобновлена. Послѣдствіемъ этого бываетъ баранта (мечь), угонъ лошадей и даже убійство. Слѣдующій случай всего яснѣе можетъ обрисовать характеръ киргизъ и ихъ обычай тамырства.

Одинъ богатый киргизъ, которому должно было объявить, калау, поѣхалъ къ одному изъ своихъ тамыровъ. Пріятель его (тамыръ), человѣкъ очень небогатый, каждую минуту ожидавшій его пріѣзда, боясь лишиться своего беркута, который могъ быть выбранъ его тамыромъ, узнавъ, что тамыръ выѣхалъ изъ аула, отправилъ беркута съ своимъ братомъ въ дальніе аулы, подъ видомъ охоты, такъ какъ дѣло было зимой. Тамыръ, не думая получить отказа, ѣхалъ къ своему другу съ твердою увѣренностію выбрать себѣ въ калау беркута. Еще не доѣзжая до аула, онъ услышалъ что беркута нѣтъ уже въ аулѣ, тогда не заѣзжая къ пріятелю, онъ направился въ другой аулъ. Посланный съ беркутомъ возвратился не прежде, какъ когда другъ его брата возвратился домой, въ свой аулъ. Спустя нѣкоторое время послѣ этого, киргизъ поѣхалъ къ тамыру, имѣвшему беркута, но и на этотъ разъ поѣздка была безуспѣшна и онъ опять вернулся обратно, не заставъ дома своего друга, который передъ самымъ его пріѣздомъ отлучился неизвѣстно куда и увезъ беркута. Богатый киргизъ, вернувшись въ свой аулъ, сталъ спрашивать проѣзжающихъ мимо его аула знакомыхъ киргизъ куда отлучился его тамыръ изъ своего аула? Ему отвѣчали, что тамыръ его изъ своего аула не выѣзжалъ. Это возбудило сомнѣніе богача и онъ рѣшился въ третій разъ поѣхать въ аулъ своего тамыра, отстоявшій, надо замѣтить 120 или 130 верстъ. На этотъ разъ онъ поѣхалъ уже не прямо, а окольной дорогой и нигдѣ не останавливался, желая пріѣхать въ аулъ тамыра совершенно неожиданно. Это удалось ему. Тамыръ принялъ нежданнаго гостя, но вспомнивъ о любимомъ беркутѣ, который находился тутъ же въ кибиткѣ, отъ огорченія и боязни измѣнился въ лицѣ, такъ что пріѣхавшій гость спросилъ: не болѣнь-ли онъ? Разстроенный хо-

зяинъ, очень обрадовавшись этому вопросу, отвѣчалъ что дѣйствительно болѣнъ и даже послалъ за таубомъ (докторъ). По обыкновенію хозяинъ убилъ для гостя барана, а самъ легъ на постель, охая и капляя, лежалъ онъ въ кибиткѣ до самага ужина. На ночь гость ушелъ въ другую кибитку. Прибывшій гость на другой же день, не смотря на оханья и стоны своего тамыра, объявилъ ему калау, т.-е. свой выборъ и именно указалъ на беркута. Больной употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобъ отстоять отъ друга любимую птицу, говорилъ, что готовъ лишиться всего: скота, семейства и имущества, что онъ ничего не жалѣетъ для друга, но просить его какъ милость, какъ услугу, оставить черноглазаго, такъ называлъ онъ беркута, не желая называть его по имени и тѣмъ сглазить, накликать на его болѣзнь. „Я скоро умру, говорилъ киргизъ-хозяинъ и могу умереть спокойно, когда возлѣ меня будетъ мой беркутъ“. Однако гость не вдругъ умилился и соглашался оставить беркута только тогда, если больной дастъ обѣщаніе, по выздоровленіи доставить его самъ; больной охотно согласился на это и обѣщалъ вмѣстѣ съ беркутомъ пріѣхать и самъ, какъ только выздоровѣетъ. Тамыръ отъ больного уѣхалъ въ свой аулъ. Больной такъ долго не выздоравливалъ, что богатый другъ его долженъ былъ наконецъ послать къ нему своего джигита узнать объ его здоровьѣ и объявить, что напрасно согласился онъ исполнить его просьбу, и не взялъ беркута съ собою. Тѣмъ временемъ больной придумывалъ разныя уловки, чтобъ отдѣлаться отъ обязанности отдать беркута и спрашивалъ совѣта у своихъ друзей и сватовъ, но никто не умѣлъ помочь его горю.

Надо было, очертя голову рѣшиться на что нибудь. Выбрать ему оставалось изъ двухъ—отвезти беркута или подвергнуться барантѣ и можетъ быть лишиться всего скота и имущества. Тѣмъ временемъ злополучнаго киргиза извѣстили, что тамыръ его подготавливаетъ лошадей и людей для того, чтобы ограбить его до тла за неисполненіе обычая. Чтобы предупредить набѣгъ, киргизъ нимало не медля послалъ къ своему тамыру извѣстіе, что онъ въ слѣдующій сятъ (легкій день)

пріѣдетъ къ нему съ беркутомъ. Дѣйствительно послѣ нѣкоторыхъ проволочекъ, онъ пріѣхалъ наконецъ къ тамыру и отдалъ своего беркута.

Но тутъ узналъ онъ новость, которая его сильно обрадовала: богатый киргизъ настоятельно требовалъ себѣ беркута, потому что въ свою очередь, онъ обѣщалъ дать его въ промѣнъ за бѣлый мѣхъ, взятый у одного тамыра, для приданого своей дочери, планъ тотчасъ же былъ составленъ: хозяинъ беркута поспѣшилъ поѣхать къ киргизу, у котораго находился беркутъ, потамырился съ нимъ и получилъ обратно своего беркута, какъ объявленный калау. Конечно послѣ того онъ уже зацѣлся съ кѣмъ бы то ни было дружить. Но возвратимся къ прежнему разсказу о порядкѣ сватовства и женитьбы у киргизъ: по достиженіи совершеннолѣтія *), отецъ жениха посылаетъ своего сына къ невѣстѣ, въ сопровожденіи отъ 3 до 10 молодыхъ людей, назначивъ одного изъ нихъ утагосы (старшимъ). Первый пріѣздъ жениха въ аулъ къ невѣстѣ называется *урунъ-келю*. **) Въ этотъ пріѣздъ онъ привозитъ изъ калыма аякъ-джаксы и нѣкоторые другіе подарки. Въ первый пріѣздъ жениха соблюдаются слѣдующія церемоніи: недоѣзжая до аула, гдѣ живетъ его невѣста, женихъ по крайнѣй мѣрѣ за четверть версты сходитъ съ лошади, которую вмѣстѣ съ товарищами отправляетъ въ аулъ; самъ же онъ остается въ степи, ожидая пріѣзда изъ аула встрѣчающихъ. Товарищи его, объявивъ въ аулѣ пріѣздъ жениха, передаютъ лошадь родной сестрѣ невѣсты, если же ее нѣтъ, то самой ближайшей родственницѣ, но непременно дѣвицѣ, которая впослѣдствіи получаетъ за то отъ жениха подарокъ наз. *Атъ-байларъ*, т. е. за привязку лошади. Женщины и дѣвцы аула, кромѣ невѣсты, сестеръ и матери выѣзжаютъ на встрѣчу жениху, что наз. *Алдына-чигаръ*; онѣ выносятъ кумысъ, куртъ, май, баурсаки и проч. Встрѣчая ихъ,

*) У киргизъ совершеннолѣтіе считается съ 12 лѣтъ.

**) Старинное слово урунъ значитъ *первый* и сохранилось оно до настоящаго времени только въ этой фразѣ; келю значитъ *пріѣздъ*.

женихъ дѣлаеть имъ *тажимъ* (поклонъ) т. е. сгибается всѣмъ тѣломъ впередъ, спускаеть обѣ руки до ногъ и затѣмъ поднимаетъ ихъ обратно до плечъ; онъ дѣлаеть это три раза, на это женщины молодыя отвѣчаютъ *копъ-джаса* т. е. многолѣтія, болѣе же пожилыя говорятъ: таиръ джарлга сынъ т. е. благодарю, бай-болъ будъ богатъ бызди сійла санъ-сены кудай сійлайды, т. е. если насъ будешь почитать, то тебя Богъ почтетъ и т. п.

Послѣ этой церемоніи, женщины, спросивъ о здоровьи *маль-джанъ* (скота и души), садятся и принимаются угощать жениха, за это одна старшая лѣтами женщина получаетъ отъ жениха подарокъ наз. *чаупъ-кельды*, состоящій изъ халата, иногда нѣсколькихъ аршинъ ситца, или выбойки. Слово чаупъ-кельды въ переводѣ значить быстро пріѣхаль. Значеніе быстрого пріѣзда то, что такъ какъ женихъ долженъ стыдиться показываться въ аулѣ родителей своей невѣсты, то онъ платитъ за это подаркомъ—родъ штрафа. Если жениху во время слѣдованія своего въ первый разъ къ своей невѣстѣ придется проѣзжать чрезъ аулы близкихъ родственниковъ своего тестя, то съ него также взыскивають подарки наз. *чаубъ-кельды*. Послѣ угощенія жениха нѣкоторые изъ женщинъ возвращаются въ аулъ, а другія остаются съ женихомъ. Въ аулѣ на порядочномъ разстояніи готовятъ для жениха небольшую кибитку или палатку или же кошъ, т. е. дорожную кибитку, куда женщины приводятъ жениха уже послѣ заката солнца. Днемъ женихъ не можетъ прійти: по обычаю народному ему должно быть совѣстно, что онъ женихъ. Войдя въ кибитку женихъ опять дѣлаеть подарки наз. чатырь-байгазы, подарокъ за палатку женщинамъ, ставившимъ ее. Подарки состоятъ изъ халатовъ и разныхъ мелкихъ вещей. Женщинамъ, встрѣтившимъ жениха, дѣлають другіе подарки, наз. интыкне, за отдыхъ бѣжавшихъ къ нему на встрѣчу. Въ тотъ же день женихъ посылаетъ въ домъ отца своей невѣсты привезенные имъ подарки: отцу халатъ, матери наджавлукъ (головной уборъ) бѣлаго коленкору и другіе условленные подарки изъ калыма. Поздно вечеромъ въ кибиткѣ отца невѣсты, при входѣ на

лѣво, у самой двери, готовятъ ближніе родственники невѣсты и именно женщины постель для сговоренныхъ, сажая невѣсту на постель и обернувъ правую ея руку шелковой или полшелковой матеріей, или чѣмъ нибудь другимъ, смотря по состоянію, завѣшиваютъ постель занавѣсомъ. Родители невѣсты остаются въ той же кибиткѣ, но отецъ въ этотъ пріѣздъ жениха, ему не показывается. Послѣ этаго женщины приводятъ жениха, но не впускаютъ его въ кибитку, а подводятъ только съ наружу, на то мѣсто, гдѣ сидитъ его невѣста, женихъ протягиваетъ свою правую руку въ приготовленное для того небольшое отверстіе; рука его тоже должна быть обернута матеріею. Женихъ и невѣста жмутъ другъ другу руки, что наз. конъ-устасу, т. е. пожатіе руки. Послѣ этаго матерія, которою была обернута рука невѣсты, достается женщинамъ приведшимъ жениха, а матерія съ руки жениха, женщинамъ находящимся при невѣстѣ. Женщины ведутъ жениха къ двери, но его еще не тотчасъ впускаютъ туда; собравшіяся у двери аульныя старухи, чтобъ остановить жениха и получить отъ него подарокъ, бросаютъ ему подъ ноги баканъ (длинную палку), женихъ не можетъ перешагнуть чрезъ нее, потому что это считается большимъ грѣхомъ и по неволѣ долженъ дѣлать подарки, чтобы только впустили его. Эти подарки состоятъ изъ серебряныхъ монетъ или нѣсколькихъ аршинъ ситца, бязи и т. п. Послѣ этого опять бросаютъ жениху подъ ноги джеде (арканъ, служащій для привязыванія жеребятъ во время дойки кобылъ), перешагнуть джеде тоже грѣхъ и женихъ опять долженъ откупаться подарками такого же рода. Передъ тѣмъ, когда ему входитъ въ кибитку, двери которой отворяетъ онъ самъ *), за его платье ухватывается зубами какая нибудь старуха, что наз. ить-рылдаръ (собака ворчитъ); старуха освобождаетъ жениха тоже не прежде, какъ получивъ отъ него подарокъ. Наконецъ женихъ въ послѣдній разъ даетъ подарокъ старухѣ, лежащей на по-

*) Для гостей и почетныхъ людей двери кибитки отворяются женщинами, или дѣвками, за исключеніемъ почетныхъ султановъ.

порогъ кибитки; эта старуха наз. кемпырь-ульды (старуха умерла) такъ какъ чрезъ мертвое тѣло нельзя перешагнуть, то женихъ долженъ подаркомъ заставить встать старуху. Первый входъ жениха въ кибитку отца невѣсты наз. бусага-аттесу (перешагнуть пороги) или исыкъ-ачу (открыть двери). Войдя въ кибитку, женихъ три раза дѣлаетъ тажимъ: 1) арвахамъ, т. е. усопшимъ родителямъ, жившимъ въ этой кибиткѣ 2) главѣ дома и 3) матери невѣсты; затѣмъ женихъ садится, не проходя за очагъ, у самой двери; перейти святиню очага считается большимъ грѣхомъ. Мать невѣсты, оставшаяся у огня спрашиваетъ жениха о здоровьи *малъ-джанъ* т. е. скота и души; потомъ даетъ ему изъ своей руки въ чашкѣ *акъ* т. е. бѣлый (подъ этимъ подразумѣвается коровье и кобылье молоко) и уходитъ на свою постель, сказавъ балалорымъ *уйнапъ кульендеръ* т. е. дѣти играйте и веселитесь.

Женихъ, входя за занавѣсъ къ своей невѣстѣ, здоровается съ нею, говоря: *амансызъ* или *исенъ-сызъ*, то и другое значить здоровы-ли? Но невѣста нѣкоторое время должна молчать, для того, чтобы дать случай женщинѣ, находящейся при ней, получить отъ жениха подарокъ, наз. *суйлестру*, т. е. за принужденіе невѣсты къ отвѣту. Послѣ этаго другая или таже женщина получаетъ еще отъ жениха подарокъ за *тюсенъ-салу* т. е. за приготовленіе постели и затѣмъ женщины уходятъ, оставивъ жениха съ невѣстою однихъ.

Рано утромъ, когда еще молодые спятъ, женщины уносятъ портянки или сапоги жениха и возвращаютъ ихъ ему обратно за подарки, которые долженъ дать довольный невѣстой женихъ. Подарокъ этотъ наз. *сактау*, т. е. за сбереженіе невѣсты. Въ противномъ случаѣ если женихъ недоволенъ, то онъ не снимаетъ съ ногъ ни сапоговъ, ни портянокъ. Невѣста рано утромъ провожаетъ жениха изъ своей кибитки, пока еще всѣ спятъ въ аулѣ и устроивъ постель въ кибиткѣ жениха возвращается въ отцовскую кибитку. Утромъ, если у невѣсты есть сестры, онѣ приходятъ къ жениху также какъ и другія аульныя женщины, кто съ говядиной, кто съ кумысомъ, кто съ масломъ. За это онѣ получаютъ подарки, со-

стоящіе большею частію изъ мелкаго серебра и платковъ. Сестры же невѣсты получаютъ отъ жениха курымдыкъ, т. е. за показъ. Тутъ же получаетъ старшая сестра невѣсты подарокъ наз. Атъ-байляръ, т. е. за привязываніе лошади жениха. Подарокъ этотъ, состоящій изъ мѣховаго халата или ковра, иногда платится женихомъ въ послѣдній его пріѣздъ.

Въ слѣдующіе разы женихъ приходитъ къ невѣстѣ по ночамъ что наз. куйнына-бару *); его провожаетъ одна изъ ближнихъ родственницъ невѣсты, но ни какихъ церемоній при этомъ не бываетъ. Днемъ невѣста, ея подруги и женщины аула проводятъ время въ кибиткѣ жениха. Бываютъ разныя увеселенія, какъ напр. *кузъ-уйнакъ* (игры дѣвицъ съ холостыми мужчинами): задаютъ загадки, при чемъ первый отгадавшій мужчина, цѣлуетъ загадавшую и на оборотъ: отгадавшая дѣвушка цѣлуетъ загадавшаго мужчину. Когда мужчины цѣлуютъ женщинъ, то женщины передаютъ имъ изо-рта въ ротъ калыпиръ, т. е. гвоздику, сахаръ, сухіе плоды и т. п. Вечеромъ играютъ въ Акъ-сюякъ (бѣлыя кости) т. е. кто нибудь изъ играющихъ бросаетъ кость, а всѣ остальные бѣгутъ искать ее, второй разъ бросаетъ кость тотъ кто нашелъ и т. д. Въ старину на первый пріѣздъ жениха къ невѣстѣ, полагалось не больше какъ три дня, но теперь это несоблюдается, хотя всетаки оставаться долгое время въ аулѣ невѣсты считается неприличнымъ. При отъѣздѣ своемъ, женихъ простившись съ матерью невѣсты, выходитъ изъ аула пѣшкомъ, его провожаютъ аульныя женщины и дѣвицы. Отъѣзжая, женихъ получаетъ на память отъ матери невѣсты серебряныя монеты, кольца, или *тана* т. е. плоскія не большія перламутровыя пластинки, величиною съ двугривенникъ, которыя носятъ женщины на груди, въ видѣ украшенія. Провожаютъ жениха аульныя женщины и дѣвицы за нѣсколько сажень отъ аула, а потомъ подсаживаютъ его на лошадь. Прощаясь онѣ цѣлуются съ женихомъ и со всѣми его товарищами.

*) Вообще пріѣздъ жениха наз. калындыкъ-уйнау, т. е. игра съ невѣстой; калындыкъ значитъ невѣста, это старинное слово, сохранившееся только въ этомъ смыслѣ.

Время втораго прїѣзда жениха, зависитъ отъ разстоянія; если это разстояніе близкое, то онъ можетъ прїѣхать въ скоромъ времени, но всетаки прїѣзжать раньше полугода со времени перваго своего прїѣзда считается не приличнымъ.

Во второй прїѣздъ жениха къ своей невѣстѣ не соблюдается уже никакихъ особыхъ церемоній и обрядовъ. Правда, женихъ, какъ и въ первый разъ, останавливается въ степи и посылаетъ въ аулъ свою лошадь; но за привязку лошади (Атъ-байляръ) ничего не дарить, такъ-же какъ и не дѣлаетъ никакихъ другихъ подарковъ. Во второй прїѣздъ кибитка его ставится уже гораздо ближе къ аулу, и срокъ пребыванія жениха въ аулѣ невѣсты не ограниченъ. На этотъ разъ женихъ привозитъ съ собою часть калыма и подарки невѣстѣ, а именно: зеркальцо, ситцу на платье, сладости и т. п.

Если случится, что невѣста умерла до перваго прїѣзда жениха, то отецъ умершей долженъ выдать вмѣсто ее вторую дочь, за тотъ же калымъ, получивъ сверхъ того еще балдызъ-калымъ, т. е. калымъ за своячницу. Этотъ калымъ состоитъ изъ одной девятки разнаго рода скота и вещей. Если нѣтъ басы-бусъ-казъ, т. е. свободной, ни за кого невысватонной дочери и если отецъ невѣсты не желаетъ разойтись съ своимъ сватомъ, которому долженъ возвратитъ весь полученный калымъ, то занимаетъ у брата или у родственника свою дочь, которую и выдаетъ какъ свою; въ замѣнъ этой взятой дѣвушки, онъ обѣщается своему родственнику отдать дочь, которую впослѣдствіи родитъ его жена. Иногда, если отецъ невѣсты вліятельнѣе отца жениха, то онъ, въ случаѣ смерти дочери, заставляетъ жениха ожидать, не возвращая ему полученный калымъ, будущей своей дочери. Если невѣста умерла послѣ 1, 2 или 3-го прїѣзда, то тогда изъ 2-хъ частей калыма одна отдается отцу невѣсты.

Бываетъ иногда и такъ, что если сваты дорожатъ другъ другомъ, и не желаютъ разойтись, то отецъ умершей невѣсты, за полученный калымъ отправляетъ къ своему свату все приданое умершей дочери и это наз. Улы-кызъ (умершая дочь); если на оборотъ, умереть женихъ, то по обычаю не-

невѣста переходить къ его брату, безъ уплаты новаго калыма. Вообще обычай киргизъ въ отношеніи браковъ весьма строгъ, напр. женщина, не желающая послѣ смерти мужа своего, выйти замужъ за его брата, или близкаго родственника, лишается всего скота, имущества и даже дѣтей и тогда только она имѣетъ полную свободу выйти замужъ за кого хочетъ.

Въ третій пріѣздъ жениха, который часто бываетъ и послѣднимъ, соблюдаются тѣже церемоніи какъ и при 2-мъ пріѣздѣ. Но кибитку жениха ставятъ еще ближе къ аулу, гдѣ живетъ невѣста. Вообще по разстоянію кибитки жениха отъ аула невѣсты даже и незнакомый киргизъ можетъ опредѣлить: въ который разъ пріѣхалъ женихъ. При третьемъ пріѣздѣ, женихъ привозитъ весь остальной калымъ, а именно: бѣлыя кошмы для кибитки, подарки матери невѣсты суть акы (за кормленіе грудью): отъ 1 до 10 лошадей, а также джиртысь, дженге-тай, тоймалъ и еще другіе мелочные подарки. Первый подарокъ состоитъ изъ ситца, платковъ, бязи и т. п., второй изъ двухъ годовалаго жеребенка родной сестрѣ матери невѣсты, а третій свадебный скоть, т. е. бараны на угощеніе гостей при свадьбѣ.

Въ послѣдній пріѣздъ жениха изъ сосѣднихъ ауловъ собираются къ невѣстѣ родственницы и подружки. Занимаясь вмѣстѣ съ невѣстою приготовленіемъ ея приданаго, онѣ живутъ до отъѣзда жениха съ невѣстою. По вечерамъ поютъ пѣсни и устраиваютъ разныя увеселенія, на примѣръ: игра кызъ-уйнакъ т. е. игра дѣвицъ. Она заключается въ томъ, что молодыя женщины и дѣвицы собираются въ одну кибитку, садятся на одну сторону, а мужчины на другую. Одна изъ женщинъ или дѣвицъ ударомъ платка выбираетъ себѣ того, кто ей нравится. Выбранный, выходя на средину, долженъ пропѣть ей пѣсню, за что и получаетъ отъ выбравшей его киргизки поцѣлуй.

Въ приданое невѣстѣ готовятъ слѣдующія вещи: 1) остро-конечный праздничный головной уборъ, наз. *саукеле*. Онъ имѣетъ форму сахарной головы, вышиною отъ 1-го до 1½ арш.,

разукрашивается разными серебряными и золотыми монетами, жемчугомъ, сердоликомъ, янтаремъ, коралами, бирюзой и разными драгоценными камнями. Уборъ этотъ бываетъ очень цѣнный и стоитъ иногда отъ 5 до 25 и болѣе лошадей, 2) кибитка изъ бѣлыхъ кошемъ, обшитыхъ внутри въ разныхъ мѣстахъ чернымъ и краснымъ сукномъ. 3) кровать. 4) лошадь съ женскимъ сѣдломъ; на лошадь навѣшиваютъ бубенчикъ, а сѣдло богато украшается; 5) ковры, халаты и верблюды. Когда головной уборъ готовъ, одна изъ ближайшихъ родственницъ—жена брата невесты или ея родная тетка надѣваетъ на себя уборъ и приходитъ къ жениху за подаркомъ наз. бай-газы. Поздравляя съ окончаніемъ работы головного убора, женихъ даетъ подарокъ, состоящій изъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, платковъ, ситца и проч. Когда все приданое готово и поставлено новое утау (кибитка), которая также должна идти въ приданое невесты, тогда собираются женщины, прибывшія на этотъ случай изъ ближайшихъ ауловъ, разставляютъ утау позади кибитки отца невесты, что наз. утау-кутеру поднять кибитку. Въ новую, только что поставленную кибитку, женщины приводятъ сначала невесту, которая, ударивъ правой ногой по лѣвой сторонѣ кибитки (лѣвая сторона кибитки у киргизъ наз. правой) уходитъ. Послѣ этого приводятъ жениха, который долженъ ударить правый ногой по тому же мѣсту. Это дѣлается для того, чтобы мужъ, вступая въ эту кибитку, шелъ по слѣдамъ первой ударившей, т. е. своей жены. Женщинъ, оставившихъ кибитку, женихъ угощаетъ бараниной и по этому случаю нарочно убивается баранъ. Сваривъ мясо барана въ новой кибиткѣ, женщины приглашаютъ жениха и онъ обглоданную кость, завернувъ платкомъ, или чѣмъ нибудь другимъ, выбрасываетъ изъ кибитки чрезъ тюндукъ; это дѣлается для того, чтобы дымъ хорошо выходилъ изъ кибитки. Платокъ и завернутая въ него кость достаются первый женщинѣ, успѣвшей схватить ихъ. Въ этотъ же день невеста прощается съ своими родными и родственниками. Предварительно на нее надѣваютъ джавлунъ (будничныи головной уборъ) изъ

бѣлаго миткалю, каленкору или бязи; потомъ надѣвають на нее халать, который закрываетъ весь головной ея уборъ. Невѣстз, прощаясь съ мужчинами и женщинами, обнимаетъ каждого и плача, съ рыданіями причитываетъ о своемъ горѣ, о томъ, что она разстается съ отцовскимъ домомъ, съ родителями, лишается свободы и т. п. Это наз. сынсу (рыданіе). Простившись съ аульными мужчинами и женщинами, невѣста ѣдетъ въ ближайшіе аулы карысуге, т. е. прощаться. Подруги и близкія знакомыя ея даютъ ей на память разные вещи: серебряныя монеты, кольца и проч.

Послѣ окончанія прощанія, одинъ изъ одноаульцевъ жениха, устраиваетъ у себя въ кибиткѣ игру, которая наз. *Казъ-качаръ*, что значитъ: дѣвушка скрывается *) Вечеромъ въ эту кибитку собираются молодые люди изъ всего аула и даже приѣзжаютъ для того изъ ближнихъ ауловъ. Они приносятъ въ кибитку на войлокѣ или на коврѣ, а иногда и на носилкахъ, невѣсту, которая должна рыдать всеуслышаніе, рвать на себѣ волосы и царапать лицо, доказывая тѣмъ свое горе, что она разстается съ родными. Если она этого не дѣлаетъ, то осуждаютъ ее говоря, что она съ удовольствіемъ разстается съ своими родными. Молодые киргизы аула невѣсты стоятъ плотнымъ кружкомъ, не впуская никого въ кибитку, гдѣ находится невѣста. Тогда киргизы, прибывшіе съ женихомъ и джигиты посторонняго аула, за подарки, полученные отъ жениха, отбираютъ силой невѣсту. Если они не могутъ этого сдѣлать, то поютъ пѣсни, прося въ нихъ о выдачѣ невѣсты. Если же и это не помогаетъ, тогда начинается борьба джигитовъ. Если джигитъ жениха съ разу осилитъ троихъ, то ему выдаютъ невѣсту. Если же не осилитъ, то тогда, по старинному обычаю, приносятъ въ девяти чашкахъ разные сорта пищи: баранины (для чего нарочно убиваютъ барана), масло, ягоды и т. п.

Такъ какъ отказать въ принятіи пищи нельзя (пища даръ Божій), то пообѣдавъ, отдаютъ невѣсту жениху. Игра этимъ

*) Хозяину, у котораго въ кибиткѣ устраивается *кызъ-качаръ*, дарятъ халать.

оканчивается и послѣ ужина, въ которомъ участвуетъ и женихъ, невѣсту приносятъ женщины обратно въ отцовскую кибитку.

Въ этотъ же день, до ужина, совершается обрядъ вѣнчанія слѣдующимъ образомъ: во кругъ огня, который разводять большимъ пламенемъ, раскладываютъ разныя матеріи, какъ-то: шелковыя и полупшелковыя, ситцы, платки, тикъ, бязи, колленкоръ и т. п. Отецъ невѣсты вставъ съ мѣста, беретъ въ руку чашку воды и опустивъ въ нее двѣ серебряныя монеты, а иногда два мѣдныя или оловянные кольца, держитъ чашку въ рукѣ до тѣхъ поръ, пока мулла окончитъ свою молитву, по окончаніи которой, хозяинъ передаетъ чашку съ водой муллѣ, которой отпивъ немного, передаетъ ее слѣдующему и т. д.; этимъ обрядъ вѣнчанія оканчивается.

Затѣмъ уже начинается обыкновенная будничная жизнь молодыхъ: мужа и жены въ своемъ аулѣ.

Киргизы очень гостепріимны; каждаго гостя принимаютъ радушно и убѣждены, что гость посылается отъ Бога. Отказать Богомъ посланному гостю значить навлечь на себя гнѣвъ Божій. На этомъ основаніи каждый киргизъ богатъ-ли онъ, или бѣденъ, принимаетъ и угощаетъ гостя чѣмъ только можетъ. Такъ какъ всѣ киргизы, богатые, и бѣдные лѣтомъ питаются однимъ только молокомъ (лошади, овцы, коровы и козы), то они только для гостя убиваютъ барана.

Гость пріѣзжаетъ въ аулъ непременно шагомъ. Подъѣзжать въ скокъ считается большимъ грѣхомъ. Такъ въ старину пріѣзжали только при особыхъ чрезвычайныхъ случайностяхъ, напр. съ извѣстіемъ о какихъ нибудь несчастныхъ случаяхъ, грабежахъ, барантахъ. Прибывшій въ аулъ гость, подъѣзжая сзади къ кибиткѣ, въ которой онъ намѣренъ остановиться, говоритъ сулесь, т.-е. отвѣчай. Если послѣ трехъ разъ никто не отвѣтитъ, то это значить отказъ. На вопросъ хозяина или хозяйки, гость отвѣчаетъ кудакъ кунакъ (божій гость). Затѣмъ гость, по приглашенію хозяина, молча входитъ въ кибитку и садится по лѣвую сторону ее. Если хозяинъ, по видимому старше лѣтами своего гостя, то первый обра-

щается съ привѣтомъ аман-сызъ (здоровы-ли вы), гость отвѣчаетъ на вопросъ, спрашиваетъ привѣтствуя хозяина малъджаныгызъ-аманба (скотъ и душа здоровы-ли). Затѣмъ гость уже обходитъ всѣхъ сидящихъ въ кибиткѣ со словами: аман-сызъ, а когда обращается къ женщинамъ, то выражаетъ мягче и говоритъ исен-сызъ, что означаетъ тоже самое—здоровы-ли?, говоря съ дѣвушками, гость прибавляетъ слово: чирагымъ или нарагымъ (свѣтикъ, ненаглядный). Первый вопросъ, который дѣлаетъ хозяинъ своему гостю—откуда онъ сегодня выѣхалъ, куда ѣдетъ, изъ какого рода, какого аула и т. д. Лѣтомъ киргизы угощаютъ гостя, зарѣзывая нарочно для того барана. Зимой же этого не дѣлаютъ, а гостя угощаютъ заготовленнымъ на зиму мясомъ, кониной или бараниной; киргизы не особенно любятъ говядину; такъ какъ мелкимъ скотомъ, овцами, козами и проч. обыкновенно завѣдуетъ жена, то хозяинъ предлагаетъ ей выбрать барана для кулакъ-асы (въ пищу гостю). Барана вводить въ кибитку непременно мужчина—хозяинъ, онъ держитъ его за шею, а гость открывая обѣ руки, читаетъ молитву. Послѣ окончанія молитвы, барана рѣжутъ въ присутствіи гостя. Варятъ барана цѣлаго въ котлѣ въ той же кибиткѣ, если только со стороны гостя не будетъ препятствій. До ужина подаютъ гостю въ чашкѣ кумысъ, или кислое молоко, разведенное водою. Потомъ, когда обѣдъ или ужинъ готовъ, хозяйка кладетъ на блюдо мясо; въ это время гостю подаютъ воду мыть руки. Предъ тѣмъ, какъ подавать мясо, хозяинъ разкрывъ обѣ руки, проситъ у гостя бату. Гость снова читаетъ молитву. Къ этому времени обыкновенно весь аулъ—мужчины и женщины собираются въ кибитку, гдѣ находится гость, ѣсть мясо.

Старшему гостю, для котораго зарѣзанъ баранъ, непременно подаютъ вареную голову барана, иначе хозяинъ лишается права на гостепріимство, когда пріѣдетъ въ аулъ обиженного гостя. Хозяинъ и хозяйка, оставляя себѣ въ разныхъ чашкахъ очень немного мяса*), подаютъ всю ба-

*) Они обѣдаютъ отдѣльно.

ранину гостямъ. Гость, отрѣзавъ отъ поданной ему головы ухо или вынувъ вообще любимые киргизами глаза, передаетъ голову хозяину. Затѣмъ гость проситъ подать ему блюдо хозяина и хозяйки и положивъ мяса, возвращаетъ имъ. Сыну или дочери хозяина гость долженъ дать мозговую часть барана. Наѣвшись, гость начинаетъ угощать всѣхъ находящихся въ кибиткѣ, подзываетъ къ себѣ самаго хозяина, если только онъ по лѣтамъ моложе его. Если же хозяинъ старше гостя, то послѣдній не утруждая его, накладываетъ въ чашку его (сыбага) долю. Потомъ накладываетъ хозяйкѣ и затѣмъ подзываетъ къ себѣ по старшинству всѣхъ собравшихся въ кибиткѣ (кроме женщинъ), вкладываетъ каждому въ ротъ мясо своей рукой; женщинамъ же онъ передаетъ мясо въ руки. По окончаніи угощенія гость, оставляя на блюдѣ остатокъ, передаетъ его или хозяйкѣ, или, если есть, то женѣ сына хозяина. Получая остатокъ сноха дѣлаетъ саямъ, т.-е. не вставая съ мѣста благодарить, дотрогиваясь правой рукой до головного платка. Послѣ баранины подають въ чашкѣ бульонъ; тѣмъ ужинъ оканчивается и если дѣло происходитъ лѣтомъ, то ужинъ или обѣдъ оканчивается любимымъ кумысомъ. По окончаніи ужина гость долженъ выйти изъ кибитки: если онъ забываетъ это, то ему напоминаютъ, что пора исполнить обычай кунакъ-каде (обыкновеніе гостя). Въ это время спѣшатъ приготовить ему постель. Въ дорогѣ киргизы никогда не берутъ съ собою ни постели, ни подушки, ни запаса пищи. Приготовивъ постель для гостя, его раздѣваютъ и укладываютъ. Всѣ это составляетъ обязанность дочери хозяина, если она есть.

Кромѣ того, дочь хозяина чешетъ гостю спину, щекотитъ и мнетъ ноги. Гость, оставшійся ночевать въ кибиткѣ, гдѣ есть взрослая дѣвушка, можетъ воспользоваться обыкновеніемъ, издавна у киргизъ существующимъ, отдать долгъ дѣвушкѣ посѣщеніемъ ея, что называется куйнына-бару (лѣзть, идти за пазуху). Ночью, когда родители заснутъ, гость подходитъ къ постелѣ дѣвушки, запускаетъ руку ей за пазуху, что называется коль-салу т.-е. запустить руку. Это долгъ муж-

чины относительно дѣвушки. Если дѣвушка оттолкнетъ его руку, то это еще не означаетъ положительный отказъ. Тогда гость второй разъ повторяетъ тотъ же маневръ, а затѣмъ и въ третій разъ. Не означаетъ отказа даже и то, если дѣвушка скажетъ *довольно*—мущина исполнилъ свой долгъ. Если же она и въ третій разъ оттолкнетъ руку мущины, то это уже значить положительный отказъ.

Киргизскія незамужнія дѣвушки нерѣдко имѣютъ возлюбленныхъ, по своему выбору. Надо отдать справедливость, что если киргизская дѣвушка имѣетъ своего возлюбленного, то она ни за что уже не согласится имѣть связь съ другимъ. Подкупа у нихъ не существуетъ, потому что киргизы вообще далеки отъ всякой роскоши. Напротивъ дѣвушка часто награждаетъ своего возлюбленного за его посѣщенія серебряными и др. вещами. Но если дѣвушка не можетъ побороть въ себѣ расположенія къ другому, то они условливаются сначала: на долго ли они сошлись; если на долго, то тогда дѣвушка отказывается своему старому другу, а если не на долго, то она старается воздержаться не измѣнить ему, боясь божьяго наказанія.

Киргизскія дѣвушки за измѣну подвергаются весьма жестокимъ наказаніямъ, напр. узнавъ, что дѣвушка измѣнила, ея возлюбленный пріѣзжаетъ ночью, похищаетъ невѣрную и увозитъ изъ аула, привязываетъ за косу къ хвосту лошади. Очень часто случается, что любящая пара убѣгаетъ изъ аула. Въ такомъ случаѣ поклявшіеся любить другъ друга обыкновенно бѣгутъ къ какому нибудь муллѣ обвѣнчаться, потому что бракъ невѣнчанный муллою, считается у киргизъ не дѣйствительнымъ. Конечно мулла дѣлаетъ разныя придирки, пользуясь удобнымъ случаемъ, но потомъ получивъ полное матеріальное удовлетвореніе, вѣнчаетъ возлюбленныхъ. Подобные браки не всегда бываютъ дешевы, особенно для богатыхъ. Если же мулла обвѣнчалъ и далъ въ этомъ письменное удостовѣреніе, то, ни кто не можетъ расторгнуть этотъ бракъ. Въ прежнія времена, за несоблюденіе невинности невѣсты, по об-

явленію жениха, налагался штрафъ на отца невѣсты. Штрафъ этотъ опредѣлялся судьями (біями), къ которымъ обращались недовольные и состоялъ изъ 2—5 девятокъ.

Девятка составляется изъ разнаго рода скота и вещей, а именно: 1-я верблюдь, 2-я лошадь, 3-я халать, 4-я выдра, 5-я нѣсколько аршинъ сукна на халать, 6-я нѣсколько аршинъ бархату или плису, изъ котораго шьется халать; матерія эта идетъ также и на покрышку шапокъ и на шаравары, 7-я кусокъ или два канаусу, 8-я нѣсколько аршинъ краснаго сукна и 9-я ситца одноцвѣтнаго на нижнее платье.

Въ настоящее время на невинность невѣсты не обращаютъ вниманія, лишь-бы она не рожала дѣтей въ домѣ своихъ родителей до выхода замужъ. Если невѣста, до прибытія своего жениха забеременела, то это считается большимъ позоромъ. Аульныя женщины и сама мать невѣсты стараются тогда чтобы беременная выкинула ребенка. Для производства выкидыша, они трутъ и давятъ ей животъ или пугаютъ беременную, чтобы она выкинула отъ испуга. Вотъ образецъ послѣдней мѣры: мать одной беременной дѣвушки, женихъ которой долженъ скоро прибыть въ аулъ для свиданія съ невѣстою, увидѣвъ положеніе своей дочери и желая вывести себя и дочь изъ этого позорнаго положенія, забралась однажды ночью на верхъ кибитки и вылила чрезъ тюндукъ на стоящую дочь ведро самой холодной воды. Утромъ нашли ее мертвой и приписали это нечистымъ духамъ, умертвившимъ дѣвушку, вслѣдствіе раздора происшедшаго между ними. Чтобы беременной дѣвушкѣ выкинуть ребенка, киргизы даютъ ей поджаренную въ жирѣ муку, а въ питье толченый порошокъ, разведенный въ водѣ; для облегченія болѣе въ животѣ, привязываютъ только что снятый съ измученной жирной лошади потникъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ случаямъ обыденной жизни киргиза. Когда киргизъ опасно заболѣетъ, то приглашаютъ тауба (врача), который, смотря по роду болѣзни, принимаетъ мѣры какія знаетъ.

Вообще, противъ внутреннихъ болѣзней киргизскіе врачи даютъ чаще всего сынетъ (ртуть). Должно сказать, что кир-

гизскіе таубы довольно искусно исцѣляютъ раны, нанесенныя холоднымъ оружіемъ, какъ-то: айбалтой (топоръ на длинной палкѣ), найгой (пика), чокмаромъ (пила въ 1—1½ арш. длины съ мѣднымъ или чугуннымъ шаромъ на концѣ) и т. п. Они прикладываютъ къ ранѣ различныя степныя травы, въ которыхъ и заключается почти вся аптека киргизскихъ врачей.

Самая опасная болѣзнь, господствующая въ степи есть сузекъ (горячка), которая истребляетъ киргизъ цѣлыми аулами. Противъ сузeka даютъ обыкновенно пить больному отваръ сана, желтоватой травы, растущей въ степи. Въ это время больному запрещается есть мясо, а питье составляется изъ кубырчика сары-су. Для этого на кислый кумысъ доятъ корову, при чемъ отъ коровьяго молока отдѣляется сыворотка и образуетъ сары-су (желтую воду). При благопріятномъ исходѣ эта болѣзнь продолжается 1½ мѣсяца. Въ степи господствуетъ также возвратная горячка наз. кайталамакъ (возвратная); рѣдко отъ нея киргизы вылечиваются и много ихъ умираетъ отъ возвратной горячки. Больнаго кладутъ въ свѣжую, только что снятую съ лошади теплую кожу и если онъ не получилъ облегченія, то это повторяется нѣсколько разъ. При опасной болѣзни киргизы приносятъ въ жертву Богу бѣлаго барана, котораго предъ этимъ обводятъ три раза во кругъ больнаго: „вотъ тебѣ душа вмѣсто души; оставь больнаго въ живыхъ“.

Большею-же частію киргизы при болѣзняхъ довольствуются домашними средствами. Они лечатся какъ у своихъ баксы (знахарей), такъ и устарыхъ бабъ, которыхъ всегда считаютъ многознающими. Безплодныя женщины, чтобы родить дѣтей, отправляются на ночь на могилу усопшихъ знатныхъ людей, гдѣ джанлыкъ (душу) приносятъ въ жертву барана во имя того покойнаго, къ которому обращаются съ просьбою ей помочь. Молящая остается до утра въ честь умершаго и цѣлую ночь разводитъ огонь. Утромъ, оторвавъ небольшой кусокъ отъ головного платка своего, вѣшаетъ его на дерево близъ могилы покойника или же прикрѣпляетъ на колъ надъ

могилой. Иногда при этомъ женщина надѣваетъ себѣ на шею ухо собаки, барака (большая степная собака), для того, чтобы отгнать нечистыхъ духовъ, препятствующихъ ей беременности.

Когда киргизъ умираетъ, тѣло его тотчасъ снимаютъ съ постели и обмываютъ мужчины, женщинъ—женщины. Затѣмъ мулла надѣваетъ на покойника саванъ и кладетъ его на войлокъ или коврѣ, лицомъ къверху, выпрямивъ руки, ноги, пальцы, такъ-же закрывъ вѣки и покрываетъ покойника халатомъ или какой либо матеріей. Оставшаяся послѣ умершаго жена и дѣти окружаютъ трупъ, плачутъ, рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ лицо, иные даже кусками срываютъ мясо и голосать, выхваляя его бывшее достоинство и доброту. Похоровами распоряжаются одни мужчины, они и несутъ покойника къ могилѣ на носилкахъ или же везутъ его на верблюдѣ. Киргизы стараются хоронить своихъ покойниковъ ближе къ могиламъ своихъ предковъ и на возвышенныхъ мѣстахъ для того, чтобы каждый проѣзжающій, увидѣвъ могилу, могъ прочесть молитву, очищающую покойника отъ грѣховъ.

Торопятся хоронить покойниковъ потому, что по ихъ мнѣнію, душа покойнаго не имѣетъ мѣста на небѣ, до преданія тѣла землѣ. Если киргизъ умеръ къ вечеру и остается мало времени для его похоронъ, то оставляютъ покойнаго только до слѣдующаго утра. Въ этомъ случаѣ умершій остается, какъ они говорятъ Тунету, т. е. на ночлегъ, считаютъ его за гостя, убиваютъ для него барана, даже и двухъ, на кунакъ ассы (угощеніе гостю) и собравшіеся на похороны гости съѣдаютъ ихъ, прочитавъ какую нибудь молитву за упокой души умершаго. Предъ тѣмъ какъ нести покойника на кладбище, трупъ его выносятъ изъ кибитки и мулла читаетъ надъ нимъ молитву, по окончаніи которой спрашиваетъ мнѣнія всѣхъ присутствующихъ: каковъ былъ покойный? На это всѣ въ голосъ отвѣчаютъ, что онъ былъ хорошій человѣкъ. По окончаніи этого обряда, одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ умершаго приводитъ верблюда, любимую лошадь, или

какую-нибудь другую скотину, смотря по состоянію покойнаго, и перекидывает поводъ чрезъ трупъ, спрашивая муллу или ходжу, приглашеннаго для погребенія: беретъ-ли онъ на себя грѣхи покойнаго, содѣланные имъ съ 12 лѣтняго возраста до такого-то (поименовывается число лѣтъ исполнившихся покойному). Такой вопросъ онъ повторяетъ до трехъ разъ; этотъ обрядъ наз. даура. Отвѣтъ со стороны муллы получается конечно утвердительный. Тогда родственникъ снимаетъ съ трупа переброшенный поводъ и отдаетъ животное муллѣ.

Могила, какъ мы уже сказали выше, вырывается большею частію по близости дороги, или на возвышенномъ мѣстѣ, такъ чтобы надмогильный памятникъ былъ видѣнъ изъ далека. Самая могила роется слѣдующимъ образомъ: яма вырывается въ глубину въ поясъ, а въ длину въ ростъ человѣка; рядомъ съ первою копаютъ другую яму, въ которую и кладутъ покойника, по мусульманскому обычаю въ сидячемъ положеніи, лицомъ обращеннымъ къ Меккѣ, т. е. на западъ. Тѣло спускается въ могилу 2—3 и 4 самыми близкими родственниками. Заложивъ вторую яму досками или палками, для того чтобы земля не давила покойника, засыпаютъ первую яму землей. Надъ могилою ставится памятникъ, большею частію изъ глины; этотъ памятникъ бываетъ различной формы и богатые киргизы не рѣдко придаютъ ему видъ мечети. Въ старину надмогильному памятнику давали видъ киргизской кибитки. Собственно саркофагъ большею частію имѣетъ видъ не высокаго ($\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ ар. вышины) параллелепипеда съ незатѣйливымъ фризомъ на верхней окраинѣ. Верхняя плоскость его оканчивается полуцилиндромъ, діаметръ котораго не много менѣе плоскости, на которой онъ лежитъ. Иногда надмогильная постройка имѣетъ большія окна, забранныя деревянными выкрашенными рѣшетками; верхъ постройки украшенъ башенками и другими придѣлками, не лишенными изящества. Такова напр. могила извѣстнаго Чокана Чингизовича Валиханова, такъ рано похищеннаго смертію для русской науки. Могилы же простыхъ и небогатыхъ киргизъ большею

частію состоятъ изъ одного только глинянаго саркофага такого вида, какъ мы только что описали.

Послѣ совершенія похоронъ, предлагаютъ муллѣ мѣшокъ, а иногда, смотря по состоянію покойнаго и болѣе, пшеницы, проса, ячменя и т. п., съ тѣмъ, чтобы мулла прочелъ молитву за покойнаго. Мулла трижды даетъ обѣщаніе исполнить это и затѣмъ получаетъ даръ (ячмень, просо и т. п.). Погребальный обрядъ завершается скачкою лошадей, что наз. куръ-байга. для того, чтобы память объ умершемъ надолго осталась въ народѣ. Призы на куръ-байгу назначаются болѣе или менѣе богатые, смотря по состоянію умершаго.

О МИНЕРАЛЬНЫХЪ БОГАТСТВАХЪ

ТУРКЕСТАНТСКАГО КРАЯ.

А. С. ТАТАРИНОВА.

Горнозаводской промышленности въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ не существуетъ, но множество рудныхъ и каменно-угольныхъ мѣсторожденій и сдѣланные казною и частными лицами начинанія, даютъ право сказать нѣсколько словъ о минеральныхъ богатствахъ края.

Къ разряду полезныхъ ископаемыхъ относятся: золото въ состояніи россыпей; руды: серебряныя, свинцовыя, мѣдныя и желѣзныя, каменный уголь, каменная и озерная соль, селитра и бирюза.

Мѣсторожденія всѣхъ этихъ полезныхъ ископаемыхъ были извѣстны туземцамъ и почти всѣ они разрабатывались прежде, хотя ни одна разработка не принимала широкихъ размѣровъ и ни одно производство не достигало до степени промышленности.

Съ появленіемъ русскихъ въ краѣ, туземныя производства падали; но слабыя наши попытки, дѣлаемые съ небольшими средствами, при отсутствіи знанія не дошли еще до желаемыхъ результатовъ. Только изслѣдованія, предпринимаемые на средства казны, плодотворны. Туземныя производства заключались въ добычѣ золота изъ россыпей, въ обработкѣ свинцовыхъ и желѣзныхъ рудъ и добычѣ селитры и озерной соли. Последнее производство существуетъ и теперь въ тѣхъ размѣрахъ, какъ и прежде, какъ предметъ первой потребно-

сти и не вызвало конкуренции, со стороны русских промышленниковъ, по мало-доходности своей. Къ возникающимъ производствамъ относятся: добыча каменного угля и устройство заводовъ мѣднаго и свинцоваго. Золотопесчаное производство не вышло еще изъ ряда развѣдокъ.

О разработкахъ каменного угля.

Разработки каменного угля ведутся: 1) между Чемкентомъ и Ауліэ-ата, въ вершинѣ р. Боролдая; 2) близъ деревни Ходжакентъ, въ 80 верстахъ отъ Ташкента и 3) въ 40 верстахъ на югъ отъ Ходжента, на уроч. Кокине-сай, въ Сыръ-Дарьинской области и поиски на уголь производятся въ окрестностяхъ Сергіополя, Семирѣченской области. Сверхъ того, уголь извѣстенъ въ Копальскомъ и Вѣрненскомъ уѣздахъ.

Татариновская каменно-угольная копъ.

Вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ сѣверной части Коканскаго ханства, вошедшей въ составъ Туркестанскаго генераль-губернаторства, начались изслѣдованія каменного угля, съ цѣлью обезпечить топливомъ безлѣсную страну. Встрѣченныя во время движенія военныхъ отрядовъ пласты ископаемаго горячаго въ Туркестанскомъ Каратау были тонки и находились въ неблагопріятныхъ для разработки условіяхъ. Поэтому первоначальное предположеніе о заложении работъ на указанныхъ, при движеніи отрядовъ, пластахъ каменного угля должно было измѣниться и потребовалось отыскивать новыя мѣсторожденія, которыя были бы удобны, какъ относительно добычи, такъ и сбыта. Совершенная неизвѣстность страны, полное незнакомство съ геологіей ея, а также отсутствіе топографическихъ картъ весьма замедляло работу. Открытые по р. Бугунъ пласты каменного угля, хотя и были толще встрѣчаемыхъ ранѣе, тѣмъ не менѣе, на нихъ нельзя было основать серьезныя работы, почему предположено было ограничиться только развѣдкой и полученный при этомъ уголь пустить безденежно въ обращеніе, дальнѣйшіе же поиски продолжать съ тѣмъ, чтобы или отказаться отъ мысли вве-

сти въ употребленіе ископаемое топливо, или же, найдя, болѣе мощные пласты его, немедленно приступить къ эксплуатаціи ихъ.

Преслѣдуя полосу песчанниковъ и сланцоватыхъ глинъ, въ которыхъ залегали пласты каменнаго угля, были встрѣчены по впадающему въ вершины р. Боролдая ключу Акъ-тасты-булакъ мощные пласты ископаемаго топлива, на которыхъ немедленно были заложены работы. Мѣсторожденіе каменнаго угля состоитъ изъ нѣсколькихъ пластовъ, имѣющихъ полное паденіе на NW 15°. Пласты угля лежатъ въ сланцовой глинѣ, которая перемежается съ песчанникомъ. Глина, въ прикосновеніи съ углемъ, весьма богата растеніями; извѣстники же содержатъ раковины. Пласты угля подвержены частымъ сдвигамъ. Толщина рабочаго пласта 3 ар. 4 вер. Система работъ состоитъ въ проводѣ канавы, которая, идя за всѣми извилинами лога и имѣя длины 25 саж., принесла двѣ саж. глубины. При встрѣчѣ пласта канавой, часть его была вынута открытыми работами и затѣмъ канава перешла въ штольну, которая на 12 саж. длины встрѣтила сдвигъ. По этому сдвигу проведенъ воздушный штрекъ и въ двѣ саж. отъ него ближе къ устью штольни, — откаточный, отъ котораго по восстановленіи, пласть разбить на цѣлики. Буровыя скважины преслѣдовали рабочій пласть по простираніи и развѣдали его на 150 саж.

Татариновская каменно-угольная копь находится въ 80 вер. отъ Чемкента, въ 100 вер. отъ Аулія-ата, въ 200 вер. отъ Ташкента и въ такомъ же разстояніи отъ пристани на Сыръ-Дарьѣ у устья р. Арыса. Безлѣсная Сыръ-Дарьинская область всегда нуждалась въ топливѣ, которое заключалось у туземцевъ въ сучьяхъ садовыхъ деревь. Приливъ русскаго населенія увеличилъ потребность на лѣсной матеріалъ; поэтому открытіе залежей каменнаго угля было весьма важно для страны. Для скорѣйшаго водворенія дѣла, Туркестанскому генераль-губернатору угодно было сдѣлать денежное ассигнованіе, чтобы первыя работы могли быть ведены на средства казны. Вслѣдствіе этого, благодаря выгодному условію каменно-угольныхъ

залезшей, относительно разработки ихъ, вслѣдъ за открытіемъ ихъ, было доставлено весною 1868 года къ устью р. Арыса 25.000 пудовъ для паровыхъ судовъ Аральской флотиліи; осенью того же года, для начала навигаціи слѣдующаго года, доставлено 45.000 пуд. и небольшія партіи въ Чемкентъ и въ Ташкентъ. Въ 1868 г. добыто на Татариновской копи 80.892 пуд. Въ 1869 г., вслѣдствіе заготовленія для Аральской флотиліи каменнаго угля изъ другаго мѣсторожденія, добыча ископаемаго топлива на Татариновской копи была уменьшена. Она выразилась слѣдующими цифрами: въ Чемкентъ 10.000 пуд., на Аральскую флотилію 40.790 пуд. и на вольную продажу 16.376 пуд. Заготовленные на копи 14.834 п. остались до весны 1870 г. на копи, такъ какъ вошки не успѣли перевести 3.000 пуд. къ устью р. Арыса и 10.000 пуд. въ Ташкентъ. Всего въ 1869 году добыто 81.000 пуд. Несмотря на малую цифру добычи, находящуюся въ зависимости отъ потребности, послѣдняя возрастаетъ и съ улучшеніемъ дорогъ можетъ значительно увеличиться. Вслѣдствіе ограниченнаго сбыта и затратъ на первоначальное устройство рудника, цѣна на уголь была до сихъ поръ высока. Въ 1872 году предполагается добыть и отправить въ разныя мѣста до 150.000 пудовъ. Хотя въ продолженіи 4-хъ лѣтъ и былъ постоянный дефицитъ, но копъ принесла краю пользу сбереженіемъ садовыхъ деревьевъ. Существованіе казенной копи зависитъ отъ развитія частныхъ разработокъ, въ чемъ еще не замѣчено правильнаго движенія. Вслѣдствіе того, что горизонтъ работъ заложенъ весьма не глубокий, уголь въ немъ почти весь вынуть. Поэтому заданы новыя работы (шахта въ 20 саж. глубиною и штольня въ 101 саж. длиною), которыя имѣютъ цѣлью дать большое угольное поле. При потребленіи угля въ 250.000 п. новаго поля достанетъ на 6-ть лѣтъ, а въ теченіи этого времени углубкой шахты можно приобрѣсти такое количество угля, какое будетъ требоваться.

Изъ частныхъ каменно-угольныхъ копей можно указать на двѣ: одну въ окрестностяхъ Ташкента, которая ведется на средства купца Первушина, другую близъ Ходжента Полковника Фовицкаго.

Ископаемый уголь купца Первушина находится по ключу Карам-куль, впадающему съ лѣвой стороны въ р. Чирчикъ, близъ деревни Ходжакентъ, въ 80 верстахъ, отъ Ташкента. Мѣстороженіе это представляетъ отвѣсный пластъ бурога угля, толщиною до двухъ саж., лежащій между мергелемъ. Хотя изъ этого мѣстороженія добыто 70.000 п., но оно недостаточно развѣдано и это обстоятельство служитъ причиною, что нельзя опредѣлить выгодно или удачно будетъ его работать. Если условія не измѣнятся, т.-е. если сохранятся тѣ же качества и тоже паденіе, то нельзя предвидѣть выгоды, въ особенности при маломъ сбытѣ угля. Уголь этотъ продавался въ ташкентѣ по 25 коп. за пудъ и, несмотря на то, что онъ обходился по 7 коп. дешевле угля съ Татаринской копи, послѣдній, какъ лучший матеріалъ, обходился при отопкахъ дешевле.

Въ 1868 году первушинскій уголь былъ доставленъ въ Чиназъ, для дѣйствія паровыхъ судовъ Аральской флотилии; но матеріалъ этотъ оказался негоднымъ потому, что при употребленіи его, пары скоро падали. Исключительная добыча этого угля ведется для винокуреннаго завода, находящагося близъ Ташкента. Неподалеку отъ этого мѣстороженія находятся желѣзные и мѣдныя руды.

Вновь проведенными работами встрѣченъ этотъ же пластъ на значительной глубинѣ, гдѣ представляется уголь лучшихъ качествъ.

Мѣстороженіе каменнаго угля, разрабатываемое полковникомъ Фовицкимъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ паралельныхъ пластовъ, выходящихъ на земную поверхность въ ур. Кокинесай, въ 35 вер. на югъ отъ Ходжента. Оно также, какъ и только что описанное, не разрабатывается правильно, хотя, впрочемъ, мѣстныя условія болѣе благопріятны къ наивыгоднѣйшему извлеченію ископаемаго. Въ 1868 г. добытый съ небольшими расходами уголь былъ привезенъ въ Ходжентъ, гдѣ употребленъ на отопки зданій. Въ 1869 году полковникъ Фовицкій взялся доставить 16.000 п. топлива къ Ирджарскимъ

порогамъ, по 40 к. за пудъ, для паровыхъ судовъ Аральской флотиліи въ навигацію 1870.

Въ Семирѣченской области каменно - угольныхъ мѣсторожденій много. Они тянутся по всему Торбогатою отъ Чугучака, на задъ, до Сергіополя. Кульджинскія мѣсторожденія, вѣроятно, продолжаются на западъ, проявляясь въ долинахъ рѣкъ Чарынъ и Кегень. Наконецъ, извѣстны выходы пластовъ угля въ Буамскомъ ущельѣ и въ Копальскомъ уѣздѣ. На отопленіе домовъ въ Семирѣченской области каменный уголь пока не нуженъ, такъ какъ тамъ довольно много лѣса; фабрики и заводы еще не возникаютъ и употребленіе ископаемаго топлива въ Семирѣчьи еще не скоро будетъ принято. Впрочемъ, въ окрестностяхъ безлѣснаго Сергіополя давно уже было стремленіе отыскать каменный уголь, разработка котораго, по малонаселенности города никогда не окупила бы затраченныхъ расходовъ. Съ устройствомъ же мѣдноплавильнаго завода въ окрестностяхъ Сергіополя, каменный уголь можетъ получить тамъ примѣненіе. Къ сожалѣнію, заводъ построенъ слишкомъ поспѣшно, чѣмъ замедлились его дѣйствія. Развѣдки каменнаго угля близъ завода ведутся на тонкихъ и крутопадающихъ пластахъ, которые, хотя и представляютъ очень хорошій уголь, но не выгодны для серьезной разработки.

Изъ этого краткаго обзора видно, что каменно-угольное производство еще не возникло въ краѣ. Въ совершенно безлѣсной Сырь-Дарьинской области потребность на ископаемое топливо замѣтно развивается и хотя производство не общается, до устройства фабрикъ и заводовъ, дойти до громадныхъ размѣровъ, тѣмъ не менѣе, оно, увеличиваясь, годъ отъ году, можетъ быть неубыточнымъ и, что важнѣе всего, сбережетъ садовыя деревья. Мѣсторожденій угольныхъ весьма много; пласты мощны и для водворенія фабричной дѣятельности горючимъ матеріаломъ край болѣе чѣмъ обезпеченъ.

О свинцовомъ производствѣ.

Свинцовое производство существовало еще при коканскомъ правительствѣ въ Каратау, въ вершинѣ р. Конъ-кія, близъ г. Туркестана. Весьма богатая руда, преимущественно окисленная, наполняютъ трещины въ известнякѣ. Самая блестящая эпоха свинцоваго производства была во время обороны Коканскаго ханства, хотя производство это никогда не достигало большихъ размѣровъ и система работъ была самая незатѣйливая. Съ поверхности, съ выхода руды, углублялась яма въ родѣ шахты, которая искривлялась, смотря по направленію наиболѣе богатыхъ и мягкихъ рудъ, какъ удобнѣйшихъ къ добычѣ. Добытая руда перевозилась въ мѣшкахъ, навьюченныхъ на ословъ, къ небольшому источнику въ одной верстѣ отъ рудника, гдѣ она подвергалась весьма грубому обогащенію, хотя содержаніе ее и безъ того выходило до 50 процентовъ. Затѣмъ промышленники отправлялись въ горы за лѣсомъ, выжигали изъ него уголь, складывали изъ глины небольшіе горны, въ которыхъ воздухъ вдувался мѣшками, приводимыми въ движеніе людьми. Мелкая обогащенная руда переслаивалась въ горну съ углемъ. Продукты полученія были: свинецъ, имѣвшій нечистую поверхность оттого, что онъ выливался въ глину, и шлакъ съ содержаніемъ въ 31, 15% металла. Если прослѣдить всю операцію отъ добычи руды до полученія свинца, то трата послѣдняго громадна. Руда добывалась мягкая и наиболѣе богатая; все остальное не извлекалось. При перевозкѣ къ заводу, руда терялась, просыпаясь чрезъ прорѣхи въ мѣшкахъ; обогащеніе, доводившее руду до высшаго содержанія, въ виду уменьшенія горючаго матеріала, влекло за собою огромную потерю, такъ какъ вода на нѣсколько верстъ была окрашена свинцовой охрою, и, наконецъ, шлакъ съ содержаніемъ въ 31% окончательно довершали весь процессъ свинцоваго производства.

Съ тѣхъ поръ, какъ сѣверная часть Коканскаго ханства вошла въ предѣлы Россійской Имперіи, туземцамъ стало не-

выгодно заниматься свинцовымъ производствомъ. Для мѣстной потребности, свинецъ шелъ только, какъ матеріалъ для приготовления пуль. Русская артиллерія не нуждалась въ туземномъ свинцѣ, какъ недостаточно очищенномъ, поэтому промышленники, уступили свой рудникъ купцу Первушину, который взялся поставить въ артиллерійское управленіе Туркестанскаго военного округа 3.000 пуд. металла. Работы у новаго владѣльца ведутся на глубинѣ 4 саж.; добыча производится помощью пороха, причемъ выбираются болѣе богатая руды. Выработки безъ крѣпи. Въ продолженіи лѣта, 1869 года по сентябрь мѣсяцъ вынута около 1.000 п. руды и сверхъ того оставалось отъ прежней киргизской добычи до 3.000 п., въ плавку поступило около 1.000 пудовъ. Бѣлая свинцовая руда, составляющая предметъ производства, предварительно обжигается въ отражательной печи; затѣмъ поступаетъ на толчею, гдѣ измѣлчается и выносится на вашгердъ, сквозь рѣшетку, составляющую лицевую сторону ящика толчен. Здѣсь, помощью гребка, она очищается отъ примѣсей и затѣмъ поступаетъ въ плавку. Изъ пуда руды получается до 20 фунт. обогащенной; а изъ одного пуда этой до 20 ф. свинца.

Заводъ выстроенъ на правомъ берегу р. Кокъ-кія. Онъ вмѣщаетъ двѣ шахтенныя печи, для выплавки свинца, и одну отражательную, для обжога рудъ. Изъ механическихъ устройствъ существуетъ толчея для обогащенія руды. Толчея эта приводится въ движеніе наливнымъ колесомъ, для котораго вода проводится канавой изъ рѣки. Къ толчеи примкнуть вашгердъ. При заводѣ находится кузница и столярная. Печи вышиною 4 фута. Воздухъ вгоняется помощью двухъ цилиндрическихъ кожаныхъ мѣшковъ, приводимымъ въ движеніе людьми. Дѣйствіе печи болѣе двухъ дней не продолжается. Горючимъ матеріаломъ при всѣхъ операціяхъ служитъ каменный уголь, добываемый изъ мѣсторожденія по р. Танды-булакъ, въ 40 верстахъ на с. в. отъ завода. Шлакъ трудноплавокъ, густъ и оттого въ немъ очень много запутанныхъ корольковъ свинца. На три пуда выходить

приблизительно $\frac{1}{2}$ пуда угля. Въ теченіи 10 часовъ работы получается въ сутки 9 пуд. свинца. Въ 1869 г. заводъ получилъ 310 пуд. и. сверхъ того, киргизы своимъ способомъ вытопили 90 пуд., такъ что вся производительность дошла только до 400 пуд. Въ настоящее время заводъ остановленъ.

Въ 7 верстахъ на с. в. отъ завода въ горѣ Джамантъ-Китай является еще свинцовое мѣсторожденіе, представляющее также бѣлую свинцовую руду, которая выполняетъ почти отвѣсную трещину въ известнякѣ. Здѣсь также киргизы добывали прежде руду, ведя для того подземныя работы. Вообще въ этой мѣстности довольно много проявленій свинцовыхъ рудъ. Кромѣ того, близъ завода находится мѣсторожденіе желѣзныхъ рудъ. Одно изъ нихъ является по другую сторону р. Кокъ-кія и представляетъ трещину въ известнякѣ, выполненную бурымъ желѣзнякомъ. Простираніе этой жилы NW75°, паденіе N0345 почти отвѣсное. Жила выработана въ глубь, но въ настоящее время добыча ее не производится. Подобное же мѣсторожденіе желѣзной руды находится также не въ дальнемъ разстояніи отъ завода, вверхъ по р. Кокъ-кія. Оно также представляетъ трещину въ известнякѣ, выполненную бурымъ желѣзьякомъ.

Относительно возраста известняковъ, вмѣщающихъ мѣсторожденія желѣзныхъ и свинцовыхъ рудъ, можно отчасти судить только по нѣкоторымъ, весьма плохо сохранившимся органическимъ остаткамъ въ горѣ, лежащей южнѣе завода. Такъ какъ обломки раковинъ весьма напоминаютъ *Spirifer Murchisonianus*, то осадки могутъ быть отнесены къ девонской почвѣ.

Каменноугольныя мѣсторожденія по Танды-булакъ находятся въ долинѣ поднятія, представляющей широкую ложбину, которая тянется параллельно хребту. Известнякъ содержитъ ясные отпечатки *Chonetes papillonaceae*. Угольныя мѣсторожденія лежатъ въ конгломератахъ и песчанникахъ съ подчиненными имъ пластами глины и угля и, по условіямъ залеганія, весьма сходны, и кажется, относятся къ той же эпохѣ, какъ и поякъ-тасты-булакъ. Добыча угля изъ этого

мѣсторожденія производилась въ началѣ разносомъ, но вскорѣ крутое паденіе, доходющее до 65% и дурное качество угля, выходящаго на поверхность, заставили прибѣгнуть къ подземнымъ работамъ. Для этой цѣли въ лежащемъ боку мѣсторожденія заложена шахта, которая соединялась съ штольной имѣвшей 27 арш. длины. По видимому, штольну имѣли намѣреніе вести по простиранію; но потомъ измѣнили ее направленіе. Отъ штольни вкрестъ простиранія пласта проведенъ штрекъ, длиною въ 13 арш., съ цѣлью пересѣчь всѣ угольные пропластки, которыхъ такимъ образомъ обнажено нѣсколько въ разрѣзѣ. Горизонтальныя выработки проведены по сланцеватой глинѣ съ отпечатками *Pecopteris*. Вся добыча въ 1869 году простиралась до 2.500 пудовъ и уголь шелъ только на свинцовый заводъ.

О мѣдныхъ рудахъ.

Множество выходовъ мѣдныхъ рудъ, разсѣянныхъ по всему Тарбагатаю, также какъ каменноугольныя мѣсторожденія, которыя проявляются отъ Чугучака до Сергіополя, заставили коллежскаго ассесора Пермикина приступить къ постройкѣ мѣдноплавильнаго завода. Къ сожалѣнію, этой постройкой г. Пермикинъ нѣсколько поспѣшилъ, не развѣдавъ предварительно ни рудныхъ, ни каменно-угольныхъ мѣсторождений, что и было причиной и большой денежной затраты и вслѣдствіе того скорой остановки производства, по недостатку въ углѣ и рудахъ. Руды, добывавшіяся для завода, представляютъ отвѣсную жилу изъ пестрой, красной, блеклой мѣдныхъ рудъ, сини, землистаго малахита и небольшого количества самородной мѣди. На верхней части жилы были слѣды старинныхъ работъ, что помогло открытію мѣсторожденія. По жилѣ проведена отвѣсная шахта въ 10 сажень глубиною и образованы два горизонта, но на почвѣ шахты жила превратилась въ спай. Благодаря твердой породѣ, крѣпи нигдѣ нѣтъ. Толщина жилы въ 12 вершк. Продукты плавки весьма дурны: черная мѣдь съ тѣмъ же почти содержаніемъ металла, какъ и руды. Пласты каменнаго угля, приуроченные къ

заводу, весьма тонки и разработка ихъ совершенно невыгодна. Однакоже повсемѣстное распространеніе каменнаго угля на всемъ протяженіи Тарбагатая, прекраснаго качества горючаго матеріала въ мощныхъ пластахъ близъ Чугучака, разрабатываемый Китайцами, какъ правительствомъ, такъ и частными лицами, прежде чѣмъ городъ этотъ былъ разрушенъ, все это даетъ полную увѣренность, что уголь на Тарбагатаѣ есть уже и стоитъ только вести раціональнымъ путемъ развѣдки.

Изъ извѣстныхъ мѣсторожденій можно указать на Хабуръ-асуйское, близъ Чугучака и на Кызь-асуйское, въ вершинахъ р. Кызь-асу, впадающей въ озеро Ала-куль, верстахъ въ 40 отъ ст. Урджарской. Во время существованія разгромленнаго теперь дунганами Чугучака, каменный уголь употреблялся въ этомъ городѣ всюду и его во всякое время можно было найти за дешевую цѣну на рынкахъ. Уголь этотъ принадлежитъ къ разряду очень хорошаго горючаго матеріала. Пласты каменнаго угля на Кызь-асу весьма мощны и обнажаются на большое пространство. Производимыми въ 1864 году развѣдками однако еще не былъ встрѣченъ доброкачественный уголь. Близъ Сергіополя, по берегамъ р. Аягузь, много выходовъ хорошаго каменнаго угля. Слабое населеніе Сергіополя и Урджара, отсутствіе всякой фабричной дѣятельности, кромѣ Анно-Григорьевскаго завода г. Пермикина, еще неоконченнаго и неумѣніе обращаться съ ископаемымъ топливомъ дѣлаютъ то, что всѣ мѣсторожденія каменнаго угля, находящіяся на Тарбагатаѣ, остаются пока безъ употребленія.

О золотыхъ розсыпяхъ.

Золотыя розсыпи всѣ бѣднаго содержанія. Туземцы, работавшіе сами для себя, извлекали металлъ изъ розсыпей по рѣчкамъ, текущимъ съ Джунгарскаго Алатау на сѣверъ и по рѣкамъ впадающимъ съ лѣвой стороны въ р. Или; попытки Русскихъ не увѣнчались успѣхомъ по той простой причинѣ, что нанимая людей и затрачивая капиталъ, они не могли убогимъ золотомъ окупить расходы.

О качественномъ анализѣ разныхъ рудъ.

Мѣдная, желѣзная, свинцовая и частію серебряныя руды находятся во многихъ мѣстахъ. Первые три, большею частію богаты и находясь близъ каменнаго угля, они могли бы съ выгодною обрабатываться, еслибъ на то былъ употребленъ капиталъ и было бы знаніе. Изъ слѣдующихъ результатовъ качественного анализа видно богатство рудъ:

1) Бурый желѣзнякъ по р. Пскемъ, въ 70-ти верстахъ отъ Ташкента, содержитъ 63,2% желѣза.

2) Бурый желѣзнякъ по ключу Карашкуль, близъ бурогольного мѣсторожденія г. Первушина, содержитъ 55,45% желѣза.

3) Бурый желѣзнякъ изъ Турланскаго горнаго прохода, въ Каратау, близъ свинцовоплавильнаго завода г. Первушина, содержитъ 49,1% желѣза.

4) Бурый желѣзнякъ по Аузгену, въ Каратау, содержитъ 30% желѣза.

5) Чешуйчатый желѣзный блескъ, близъ мѣстечка Кенъ-Тась, по р. Суундукъ, въ Каратау, содержитъ 61,7% желѣза.

6) Желѣзный блескъ, на востокъ отъ Чемкента, по р. Чигиринъ-тась, содержитъ 28% желѣза.

7) Болотная желѣзная руда, близъ станціи Тюльке-башъ, по Чемкентско-Аулие-атинской дорогѣ, содержитъ 47,6% желѣза.

8) Чешуйчатый желѣзный блескъ, съ лѣвой стороны р. Кокъ-кія въ Кара-тау, близъ Турланскаго свинцоваго г. Первушина, содержитъ 50,52% желѣза.

9) Бурый желѣзнякъ, близъ уроч. Сары-Булакъ, въ Токмаксомъ уѣздѣ, содержитъ 58,3% желѣза.

10) Желѣзный блескъ въ вершинахъ Кокъ-Булакъ, близъ Чемкента, содержитъ 35,8% желѣза.

11) Мѣдная зелень съ мѣдною синью, на востокъ отъ Чемкента, близъ впаденія р. Чигиръ-тась въ р. Сусунгенъ, содержитъ 5,57% мѣди.

12) Красная мѣдная руда оттуда же содержитъ 31,7% мѣди.

13) Кварцъ съ мѣдною зеленью изъ Буамскаго ущелья, содержитъ 2,83% мѣди.

14) Кирпичная мѣдная руда изъ Грачевскаго рудника содержитъ 47,5% мѣди.

15) Блѣкая мѣдная руда, оттуда же, содержитъ 22% мѣди.

16) Мѣдная лазурь изъ Грачевскаго рудника въ Сергіопольскомъ уѣздѣ г. Первушина содержитъ 22% мѣди.

17) Мѣдная лазурь оттуда же содержитъ 31,34% мѣди.

18) Мѣдная руда по Карамкуль, близъ буро-угольнаго мѣсторожденія г. Первушина содержитъ 7,7% мѣди.

19) Серебро, свинцовая руда по рѣч. Кокъ-су, впадающей въ Чирчикъ, у деревни Бричь-мулла, представляетъ желѣзнокварцевую породу съ вкрапленнымъ въ ней сѣрнымъ колчеданомъ, свинцовымъ блескомъ и кристаллами бѣлой свинцовой руды.

Руда эта содержитъ:

Свинца.....	23,00%.
Мѣди.....	0,73%.
Серебра.....	0,09%.

или въ пудѣ:

Свинца 9 фунтовъ.

Мѣди 11 золотниковъ.

Серебра $3\frac{5}{8}$ золотника.

20) По р. Пскемъ, мышьяковый колчеданъ съ вкрапленнымъ сѣрнымъ колчеданомъ содержитъ:

Мѣди.... 0,3%.

Серебра.. 0,032% или $1\frac{1}{8}$ золотн. въ пудѣ.

21) Татариневскій каменный уголь, при накаливаніи въ закрытомъ пространствѣ, отдѣляетъ горючихъ газовъ и летучихъ веществъ.....

влажности.....	32,00%
дастъ полуспекающагося кокса.....	6,00%
содержитъ сѣры, въ видѣ колчедана.	62,00%
	3,00%

теплородная способность его достигаетъ..... 5644 единицы.

22) Бурый уголь г. Первушина, по ключу Карам-куль, содержитъ въ 100 частяхъ:

влажности..... 8,00%
летучихъ веществъ..... 45,18%
угля..... 36,82%
зола..... 10,00%
сѣры въ видѣ гипса..... 2,7%.

Нагревательная способность равна.. 4143 един.

Содержитъ въ 100 частяхъ: 23,00% Силиция, 0,78% Магния, 0,09% Сера.

Содержитъ въ 100 частяхъ: 23,00% Силиция, 0,78% Магния, 0,09% Сера.

Содержитъ въ 100 частяхъ: 23,00% Силиция, 0,78% Магния, 0,09% Сера.

Содержитъ въ 100 частяхъ: 23,00% Силиция, 0,78% Магния, 0,09% Сера.

Содержитъ въ 100 частяхъ: 23,00% Силиция, 0,78% Магния, 0,09% Сера.

СВѢДѢНІЯ О КАМЕННОУГОЛЬНОЙ КОПИ.

Полковника Фовицкаго въ Ходжентскомъ уездѣ.

(Доставлены Полковникомъ Фовицкимъ).

Каменноугольная копъ полковника Фовицкаго находится при балкѣ Кокине-сай, въ 40 верстахъ по прямому направленію на ю. з, отъ Ходжента. — Прямой путь этотъ неудобенъ для перевозки, по затруднительности перевала черезъ гору Шарикты, почему приходится дѣлать версть 15 крюку.

Заявка объ открытыхъ, при помощи туземцевъ, залежахъ каменнаго угля сдѣлана въ 1868 году и въ томъ-же году было приступлено къ разработкѣ онаго. Въ Кокине-сай находится, сколько можно было замѣтить при поверхностномъ изслѣдованіи, 6 пластовъ каменнаго угля, простирающихся къ западу версть на 8-мъ до рѣчки Ходжасанъ, и далѣе еще версты на 3.

Къ разработкѣ каменнаго угля приступлено было съ поверхностнаго обнаженія его у подошвы балки *Кокинесай*. — Штольна заложена въ 6-мъ каменно-угольномъ пластвѣ, шириною въ 4 аршина, по возстанію пласта подъ угломъ въ 10°. — Уголь здѣсь образуетъ три пласта, въ одинъ аршинъ каждый, съ прослойкою сланцемъ въ два ряда, на равномъ почти разстояніи.

О достоинствѣ каменнаго угля копи Фовицкаго нельзя сдѣ-

латъ вполнѣ точнаго заключенія, такъ какъ онъ не былъ изслѣдованъ калориметрически. — Въ 1869 году было принято приблизительно, что 18 пудовъ его замѣняютъ однополѣнную сажень урюковыхъ дровъ, а въ слѣдующемъ году считали, что 20 пудовъ его замѣняютъ сажень дровъ. — Въ пластахъ этого мѣсторожденія угля до сихъ поръ не найдено сохранившихся остатковъ растительныхъ формъ или ихъ отпечатковъ.

Къ началу работъ, по желанію полковника Фовицкаго, былъ присланъ съ казенной Татариновской копи уставщикъ Иванинъ и два чернорабочихъ. — При чемъ нельзя не сознаться, что начальныя работы поведены были не совсѣмъ правильно, въ ущербъ прочности послѣдующихъ выработокъ.

Для работы копъ нанимаетъ Киргизъ изъ окрестныхъ мѣстностей, которые хотя и отнеслись въ началѣ враждебно къ копи, но впослѣдствіи, когда работы были начаты при помощи сартовъ изъ г. Ходжента, попривыкли и оказались хорошими работниками: нѣкоторые изъ нихъ искусно работаютъ Кайлою и правильно дѣлаютъ забои. — Одного нельзя было достигнуть до сего времени, это найти между ними рабочихъ для ночной смѣны, почему работа въ копи ведется только днемъ и не превосходить 8 часовъ въ лѣтній и 7-ми въ зимній день.

Работы ведутся штольнями и штреками, въ 3 и 6 аршинъ шириною; всего пройдено галлереями 158½ саж. Прочная кровля песчанника позволяетъ ставить крѣпи на аршинъ разстоянія, лѣсъ для которыхъ (*арча*) пріобрѣтается на мѣстѣ съ ближайшихъ горъ. — Работа въ штольнѣ производится при обыкновенныхъ фонаряхъ; присутствія рудничнаго воздуха до сего времени не было замѣчено.

Въ продолженіи четырехъ лѣтъ работы, изъ копи добыто 105,000 пудъ каменнаго угля. По годамъ количество это выражается слѣдующими цифрами:

въ 1868 году добыто	14,000	пудъ,
— 1869 — —	23,000	—
— 1870 — —	29,000	—
и въ 1871 — —	39,000	пудъ.

Въ настоящее время дневная добыча каменнаго угля можетъ быть доведена, безъ особаго затрудненія, до 700 — 900 пудовъ.

Работы производились: въ 1868 году 3 мѣсяца, съ 1 Августа по 1 Декабря, въ 1869 г. $3\frac{1}{2}$ мѣсяца съ 1 Марта по 15 Юня, въ 1870 г., 3 мѣсяца, съ 1 Февраля по 1 Мая и въ 1871 г. $2\frac{1}{2}$ мѣсяца съ 1 Апрѣля по 15 Юня.

Въ сказанное время обратилось рабочихъ: въ 1868 году 1750 человекъ; въ 1869 г. 1150 человекъ, въ 1870 г.—1325 человекъ, и въ 1871 году 1420 человекъ. Въ это число не включены: поварь, хлѣбопекъ, кузнецъ, плотникъ и сторожъ.

Средняя добыча каменнаго угля въ день на человека составляла: въ 1868 году 8 пудъ, въ 1869 г.—20 пудъ, въ 1870 г.—24 пуда, и въ 1871 году 28 пудъ. Въ первый годъ работы заключались въ развѣдкахъ и изысканіяхъ.

Каменный уголь съ копи сбывался въ первые два года исключительно въ Ходжентѣ, частнымъ лицамъ, на шелкоматальную фабрику г. Хлудова, и въ войска. Съ 1870 г. начала производиться поставка каменнаго угля съ подряда, для войскъ расположенныхъ въ Ходжентѣ, Нау и Ура-тюбе. Въ томъ-же году былъ заказъ для Аральской флотиліи 16,000 пудъ. Казенные заказы дали возможность къ существованію копи, потому что частные заказы были слишкомъ незначительны и неопредѣленны.

Добываемый уголь поставляется въ Ходжентъ и Нау, отстоящихъ отъ копи на 55 верстъ, въ Ура-тюбе въ 85 верстахъ и на урочище Ирджаръ, въ 100 верстахъ разстоянія.— Въ Ходжентъ, Нау и Ура-Тюбе уголь поставляется преимущественно по подряду для войскъ тамъ расположенныхъ; отъ продажи частнымъ лицамъ угля расходуется мало, къ употребленію котораго еще не привыкли туземцы и предпочитаютъ ему дрова, потому что при отсутствіи печей въ ихъ жилыхъ помѣщеніяхъ, въ холодное время года они нагрѣваютъ свои жилища древеснымъ углемъ, сожигаемымъ въ особыхъ жаровняхъ (манганахъ), для которыхъ каменный уголь не приго-

день. — На урочище Ирджаръ, находящийся на берегу рѣки Сыръ-Дарьи, каменный уголь поставляется для судовъ Аральской флотилии.

Перевозка каменного угля производится вьючно на верблюдахъ и лошадяхъ, такъ какъ часть пути съ крутыми подъемами и спусками неудобна для колесной перевозки. — При этомъ на верблюда вьючатъ круглымъ числомъ 14, а на лошадей 8 пудовъ. — Неудобство и невыгоды этого способа перевозки каменного угля вполне признаны, но пока нѣтъ возможности перевозить уголь инымъ способомъ. — На всѣхъ привалахъ, при развьючкѣ верблюдовъ, *капы* (шерстяные мѣшки, въ которые сложенъ уголь для вьюковъ) падаютъ на землю и уголь размельчается. — Кромѣ того, такъ какъ крупные куски угля неудобно укладываются въ капы, рвутъ ихъ, то возщики не рѣдко умышленно мельчатъ уголь, разбивая крупные куски его камнемъ.

Провозъ вьючно обходился съ пуда: до Ходжента и Нау — 12 коп.; до Ура-тубе — 20 коп.; до урочища Ирджаръ — 23 коп.

Цѣна каменному углю на мѣстѣ копи, при требованіи менѣе 50 т. пудовъ — по *десяти коп.*, а при требованіи болѣе этого количества — *девять коп.* за пудъ.

Разработка каменного угля обошлась въ 1871 году по 5½ коп. пудъ.

Поденная плата рабочему — 40 коп. и на продовольствіе его 25 коп.

Лѣсъ для крѣпей въ галереяхъ покупается на мѣстѣ по 25—30 коп. за штуку, длиною въ 4½ аршина и толщиною 4—5 вершковъ.

ОГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

КУЛЬДЖИНСКАГО ХАНСТВА.

(Извлечение из отчета горнаго инженера Давыдова.)

Изъ минеральныхъ богатствъ занятой нами территоріи, первое мѣсто, по обширности разработки, занимаетъ каменный уголь. Разработка его въ окрестностяхъ Кульджи началась лѣтъ 40—60 тому назадъ и, вѣроятно, перешла въ прииійскій край изъ восточныхъ провинцій Китая. Въ другихъ среднеазіатскихъ земляхъ употребленіе каменнаго угля неизвѣстно, не смотря на обширность его залежей.

Самое богатое и благонадежное изъ угольныхъ мѣсторожденій находится на правой сторонѣ р. Или, къ сѣверо-западу отъ Кульджи. Оно разрабатывается туземцами въ трехъ мѣстностяхъ: Пеличи, Могуиты и Готуль, отстоящихъ отъ Кульджи на 10, 15 и 20 верстъ.

Верхній 5-ти аршинный пластъ каменнаго угля разрабатывается въ настоящее время въ Пеличи 4 шахтами, а въ Готуль—8 шахтами; нижній же, полуторо-аршинный пластъ разрабатывается только двумя шахтами въ Могуиты. Каменный уголь верхняго пласта имѣетъ землистый видъ, на воздухѣ скоро разрушается, при сгораніи оставляетъ много золы и употребляется исключительно на отопку жилыхъ помѣщеній; каменный уголь нижняго пласта идетъ только на кузнечныя работы и металлургическія производства. Онъ имѣетъ доволь-

но плотное сложеніе, слоистый блескъ и на воздухѣ сохраняется гораздо дольше чѣмъ уголь верхняго пласта.

Для заложенія работъ составляется артель рабочихъ изъ 8 человекъ китайцевъ на товарищескихъ началахъ, или же изъ 12-ти калмыковъ, нанятыхъ капиталистами-дунганями или таранчами, и, по соображенію одного изъ болѣе опытныхъ рабочихъ, избирается мѣсто, удобное для заложенія работъ. Избравъ такое мѣсто, углубляютъ вертикальную шахту и въ то же время приступаютъ къ проводу наклоннаго хода. Шахта служить для подъема добываемаго угля, а наклонный ходъ долженъ служить впослѣдствіи для рабочихъ путемъ сообщенія между дневною поверхностью и подземными выработками. Глубина шахты достигаетъ иногда 45 сажень.

До настоящаго времени продажная цѣна на каменный уголь была весьма низка: по 1 к. за пудъ на мѣстѣ добычи. Причиной этой дешевизны были: а) угнетенное положеніе калмыковъ, трудъ которыхъ, иногда довольно тяжелый, очень дешево оцѣнивался завоевателями страны—таранчами или дунганями, б) отсутствіе укрѣпленія подземныхъ выработокъ и отлива воды изъ нихъ, и в) чрезвычайная дешевизна предметовъ первой потребности.

По расчету одного углепромышленника, Садыка, углубленіе вертикальной шахты на 42 саж. (14 саж. по насосу, 21 саж. по песчаннику, $5\frac{1}{2}$ саж. по глинистому сланцу и $1\frac{1}{2}$ саж. по углю) и проводъ наклоннаго хода въ 60 саж. длиною, стоили ему около 7 ямбъ или 800 руб. На углубленіе шахты, которое продолжалось $2\frac{1}{2}$ года, употреблялось 12 калмыковъ, съ жалованьемъ по 12 руб. въ годъ каждому. При замѣчательной дешевизнѣ на сѣстные припасы и при крайней невзыскательности калмыковъ въ пищѣ, продовольствіе каждаго рабочаго обходилось около 2 коп. въ день или около $7\frac{1}{2}$ руб. въ годъ, такъ что каждый рабочій стоилъ около 20 руб. въ годъ, а 12 человекъ въ теченіи $2\frac{1}{2}$ лѣтъ — 600 руб.

Приобрѣтеніе незатѣйливыхъ инструментовъ углепромышленникъ опредѣлилъ въ 100 руб. и кромѣ того, по его мнѣнію, на освѣщеніе израсходовано тоже около 100 руб.,—все-го около 800 руб.

Посмотримъ теперь на его доходъ.

Для добычи угля онъ нанималъ 20 рабочихъ по той же цѣнѣ, по которой они углубляли шахту. Вся эта артель добывала въ день около 500 пуд. каменного угля *). Такъ какъ добыча производилась только при благопріятномъ вѣтрѣ и, преимущественно, зимою, то Садыкъ полагаетъ, что въ теченіи всего года на его шахтахъ добывалось каменного угля около 80,000 пуд. и на эту работу употреблялось не болѣе 160 рабочихъ дней.

Изъ всего добываемаго количества каменного угля $\frac{1}{3}$ часть отдавалась, въ видѣ подати, хану и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ, а остальные $\frac{2}{3}$ шли въ пользу промышленника; слѣдовательно, онъ имѣлъ выручки отъ продажи 54,000 пуд., полагая по 1 к. съ пуда, всего 540 руб. Изъ этой суммы онъ расходовалъ, кромѣ 400 руб. на жалованье и продовольствіе 20 рабочихъ, еще на освѣщеніе подземныхъ выработокъ, для чего употреблялось по 1 фунту кунжутнаго масла на человѣка въ каждый рабочий день; при цѣнѣ на масло въ 2 коп. за фунтъ, расходъ этотъ составляетъ около 65 руб. Деревья для поддержки стѣнъ шахты и подземныхъ выработокъ онъ не положилъ въ цѣну угля, потому что они вырублены были изъ его собственнаго сада и, слѣдовательно, ничего ему не стоили. Содержаніе лошади, необходимой при подъемѣ каменного угля изъ подземныхъ выработокъ на дневную поверхность, также не вошло въ расчетъ, потому что большую часть года лошадь эта питалась подножнымъ кормомъ и, кромѣ того, во время остановки рудничныхъ работъ, служила хозяину для развѣздовъ. Однимъ словомъ, по расчетамъ Садыка выходитъ, что изъ 540 руб., вырученныхъ отъ продажи каменного угля, онъ израсходывалъ на добычу угля—465 руб. и получилъ чистой прибыли—75 руб., т. е. почти $9\frac{1}{2}$ проц. на первоначально затраченный имъ капиталъ. Къ этому нужно еще прибавить: а) что рабочіе, добывавшіе уголь зимою, въ лѣтнее время, по неимѣнію рудничнаго дѣла, испол-

*) Два настоящихъ горнорабочихъ должны добыть 500 пудъ каменного угля.

няли за ту же плату, т. е. 20 руб. въ годъ, полевыхъ работы, б) что рабочимъ калмыкамъ жалованье уплачивалось монетою только въ рѣдкихъ случаяхъ; большею же частію они, вмѣсто денегъ, получали изношенную одежду, т. е. тряпки за которыя оставались постоянными должниками своихъ хозяевъ. Принявъ во вниманіе эти два послѣднія замѣчанія, легко убѣдиться въ томъ, что вся затрата на добычу каменнаго угля со стороны промышленника состояла лишь въ покупкѣ масла для освѣщенія рудника, если только онъ не приготавливалъ этого масла у себя дома; при этомъ добыча каменнаго угля служила промышленнику средствомъ извлекать въ зимнее время какую нибудь выгоду изъ законтрактованныхъ имъ рабочихъ.

Какъ ни приблизителенъ выше приведенный расчетъ, основанной на данныхъ, представленныхъ углепромышленникомъ Садыкомъ, тѣмъ не менѣе онъ даетъ понятіе объ экономической сторонѣ каменноугольной промышленности въ Кульджинскомъ ханствѣ.

Товарищескіе же артели, добывающіе каменный уголь, довольствуются лишь тѣмъ, что промышленность эта даетъ имъ весьма скудные средства къ существованію. Въ настоящее время такихъ артелей двѣ: обѣ онѣ работаютъ въ урочищѣ Могуиты, на нижнемъ полуторо-аршинномъ пластвѣ.

Приблизительная цифра ежегодно добываемаго въ окрестностяхъ Кульджи каменнаго угля простирается отъ 600,000 до 800,000 пудовъ.

Желѣзныя руды въ окрестностяхъ Кульджи находятся во многихъ мѣстахъ; но разработка ихъ производилась до сего времени только близъ каменноугольной копи Могуиты, въ 8-ми верстахъ отъ нынѣ дѣйствующихъ шахтъ. Руды этой мѣстности представляютъ бурый желѣзнякъ, перемѣшанный съ красною охрою, залегающей гнѣздами въ полостяхъ песчаника. Мощность рудныхъ гнѣздъ колеблется отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ паденія между 30° и 45°. Разработка производилась вертикальными и наклонными шахтами; иногда, пользуясь глубокими оврагами, проводили штольни для отысканія рудныхъ гнѣздъ.

Добытая руда обжигалась и потомъ плавилась въ печахъ, сложенныхъ изъ сырцового кирпича на глинѣ. Воздухъ вдувался въ печь ручными мѣхами. Продукты плавки разбивали молотами на сколь возможно мелкія части и потомъ сортировали ихъ на годныя и негодныя. Негодные части состояли изъ кусковъ несплавившейся руды, кусковъ кокса и черного, сильно желѣзистаго шлака. Годныя же части представляли богатые углеродомъ крицы, которыя, смотря по способу ихъ обработки, передѣлывались въ желѣзо или въ чугуны. Желѣзо получалось въ горнахъ на подобіе кирпичныхъ, наполняемыхъ каменнымъ углемъ. Эта особенность заслуживаетъ вниманія, такъ какъ каменный уголь, при кричномъ способѣ полученія желѣза, не употребляется.

Для переработки въ чугуны, крицы разбиваютъ на куски, которыми наполняютъ тигли съ угольною набойкою. Тигли ставятъ въ круглый горнъ съ дутьемъ отъ ручнаго мѣха. Въ одинъ горнъ помѣщалось отъ 4 до 5 тиглей, емкостью около 200 куб. дюйм. каждый. Тигли въ горну обкладывались кусками каменнаго угля, на который пускалось дутье; черезъ нѣсколько часовъ крица расплавлялась и превращалась въ чугуны, который изъ тигля выливался въ формы.

Техническая сторона желѣзнодорожнаго, а въ особенности чугуноплавильнаго производствъ находилась въ весьма плохомъ состояніи: отливки выходили очень не чисты и чугуны получались самыхъ дурныхъ качествъ.

Для выдѣлки одного пуда желѣза употребляется около 15 пуд. каменнаго угля и до 7 пуд. руды. Приблизительно такое же количество руды и угля выходило на одинъ пудъ чугунныхъ отливокъ.

Рабочіе получали ту же плату, какую и на каменноугольныхъ копахъ, такъ что артель изъ 10 человекъ стоила хозяевамъ около 16 руб. въ мѣсяцъ; слѣдовательно, для выдѣлки 75 пудовъ желѣза или чугунныхъ издѣлій, мастера-хозяева производили расходъ: на наемъ рабочихъ—16 р. и на покупку каменнаго угля—12 руб., т. е. одинъ пудъ обходился въ 38 коп. При существующей въ Кульджѣ, по настоящее

время, цѣнѣ на пудъ желѣза или чугуна въ 80 коп., мастера получали за свой трудъ 42 к. съ пуда выдѣланнаго ими желѣза или отлитыхъ издѣлій. Конечно, этотъ барышъ значительно уменьшится, если изъ него вычесть стоимость ба-рановъ, приносимыхъ въ жертву передъ началомъ каждой плавки, свѣчей, употребляемыхъ вмѣсто часовъ, для раздѣ-ленія поровну дневной и ночной смѣны рабочихъ, и другіе мелочные расходы.

Мѣдныя руды до сихъ поръ извѣстны только въ двухъ мѣ-стахъ: по теченію горнаго ручья Чажи-мысыкъ, вытекающа-го изъ горъ Сексень-Ашу и впадающаго въ рѣку Текесъ, и въ Барабаргузинскомъ ущельѣ.

Въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ обнажаются мѣдистые пес-чаники, залегающіе непосредственно подъ наносомъ.

Изъ одного пуда руды получалось отъ 2 до 3 фунтовъ чер-ной мѣди, которую потомъ переплавляли въ тигляхъ и отли-вали изъ нея вещи, употребляя для этого тотъ же самый горнъ, который служилъ для переплавки чугуна.

Сколько стоилъ китайцамъ одинъ пудъ мѣди—неизвѣстно. Таранчи, заимствовавшіе отъ китайцевъ способъ плавки мѣд-ныхъ рудъ, вели процессъ на казенныя средства. Султанъ приказалъ собирать до 100 человекъ калмыковъ или китай-цевъ, которые должны были рубить лѣсъ, выжигать уголь, добывать руду и вести плавку; за все это ихъ кормили и, изрѣдка, платили имъ жалованье.

Плавка мѣди продолжалась три года, и во все это время, по расчету завѣдывающаго работами, было выплавлено око-ло 200 пудовъ.

Серебро добывалось китайцами въ 60 верстахъ отъ Кульд-жи, близъ деревни Шаръ-Богужи, въ горахъ Пеморъ. Вся масса этихъ горъ состоитъ изъ кремнистаго сланца съ вер-тикальными жилами известковаго шпата, толщиною отъ 1 до 2 аршинъ. Въ известковомъ шпатѣ проходятъ въ различныхъ направленіяхъ прожилки свинцоваго блеска съ охристыми серебряными рудами.

Руды добывались подземными работами. Плавка производилась въ горну, имѣющемъ сходство съ зефштремскимъ.

Артель изъ четырехъ человѣкъ китайцевъ за три года выплавляла серебра 6 ямбъ, изъ которыхъ три были отданы султану; слѣдовательно заработокъ артели состоялъ изъ одной ямбы въ годъ; поэтому на каждаго члена артели приходилось 30 руб. въ годъ.

Золотопромышленность китайцевъ въ бассейнѣ р. Или не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Качество и содержаніе золота этой мѣстности, а также и способы его промывки, ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же въ прочихъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ.

Разсматривая съ технической стороны горнозаводскія производства, видно, что онѣ далеко не совершенны; экономическія условія выгодны только при копотливомъ терпѣніи китайцевъ, что заимствовали и окитаившіеся дунгане и татранчи. Если же поставить въ параллель сосѣднихъ къ Китаю народовъ, то легко будетъ замѣтить, какъ далеко выше стоитъ китайская цивилизація.

Китаецъ нуждается въ каменномъ углѣ, какъ для отопки такъ и для металлургическихъ процессовъ; кругомъ китайскаго жилья вездѣ встрѣчаются разработки ископаемаго горючаго матеріала, — разумѣется гдѣ только находятся залежи его; тогда какъ сарты, болѣе отдаленные отъ Китая, не знаютъ употребленія угля, и, несмотря на то, что въ Сыръ-Дарьинской области уже 5 лѣтъ какъ добывается уголь и вводится въ большее и большее употребленіе среди русскаго населенія, туземцы остаются ему чужды.

Китайское горнозаводское производство весьма своеобразно; оно не подчинено ни какимъ научнымъ условіямъ, тѣмъ не менѣе оно существуетъ.

Добыча каменнаго угля, изъ которой промышленникъ отдаетъ $\frac{1}{3}$ хану и его чиновникамъ, выгодна для какого нибудь Садыка, который не считаетъ цѣны дереву, такъ какъ они вырублены изъ его сада, не считаетъ свой трудъ и не оцѣниваетъ работу лошади.

Горное производство при-илійскаго края, какъ со стороны технической, такъ и со стороны экономической, похоже на тѣ разработки каменнаго угля, которыя ведутся на югѣ европейской Россіи крестьянами. Китайская техника не заимствуетъ ничего изъ выработаннаго наукой, какъ по незнанію, такъ и по неимѣнію капитала: отъ этого и является особенность разработки. Безъ вклада капитала, безъ оцѣнки собственного труда и съ весьма ничтожнымъ вознагражденіемъ чужаго, кульджинскій каменный уголь продается по весьма ничтожной цѣнѣ *). Китайскіе рудники работаютъ на значительной глубинѣ, чего нѣтъ на югѣ Россіи у крестьянъ-углепромышленниковъ.

Вообще можно сказать, что кульджинское ханство—богато въ минеральномъ отношеніи, и нужно желать, чтобы изъ него была извлечена польза—введеніемъ рациональныхъ пріемовъ, которыхъ до сихъ поръ не доставало.

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, одинъ пудъ каменнаго угля стоитъ въ Кульджѣ уже 8 коп., вмѣсто 1 коп.

О НЕФТЯНЫХЪ ИСТОЧНИКАХЪ

ВЪ КОХАНСКОМЪ ХАНСТВѢ.

І. И. КРАУЗЕ.

Въ пяти ташахъ (40 верстъ) отъ Намангана, въ предѣлахъ Коканскаго ханства, находится мѣстность Май-булакъ (масляный источникъ), весьма изобильная нефтяными ключами и колодцами. Надобно замѣтить, что нефть извѣстна въ Коканѣ еще съ давнихъ временъ; ее добывали калмыки, нѣкогда господствовавшіе здѣсь, а затѣмъ и сарты стали употреблять нефть, преимущественно, какъ лекарство въ чесоткѣ, — болѣзни, весьма распространенной между туземнымъ населеніемъ. Кромѣ того, сарты умѣютъ готовить изъ нефти асфальтъ, но употребляютъ его единственно для своихъ сапожныхъ издѣлій. Сарты получаютъ асфальтъ, выпаривая горное масло въ чугунныхъ котлахъ.

Кромѣ нефти, весьма чистой и хорошаго качества, на пріискахъ Коканскаго ханства добывается также и горный воскъ или нефтедегиль. До настоящаго времени нефтедегиль извѣстенъ былъ только въ Галиціи, Молдавіи, на берегахъ и островахъ Каспійскаго моря — напримѣръ на островѣ Челекенѣ, гдѣ онъ разрабатывается туркменами племени Юмудъ. Нефтедегиль найденъ на пріискѣ Май-булакъ. Сарты добываютъ его изъ глинисто-сланцевой горы и онъ извѣстенъ имъ уже болѣе 40 лѣтъ, подъ названіемъ сарыкъ-мумъ. Впрочемъ нефтедегиль добывается въ весьма ограниченномъ количествѣ; въ продажѣ довольно дорогъ, употребляется для сапожныхъ издѣлій и для выдѣлки свѣчъ. Сарыкъ-мумъ немного мягче желтаго воска и имѣетъ легкій запахъ горнаго масла; цвѣтъ его желто-

ватозеленый, въ изломѣ блѣдножелтый; плавится при 50° температуры. Нефтедегиль, конечно, будетъ имѣть гораздо меньшее распространеніе, чѣмъ керосинъ и даже простая нефть, но и его не должно забывать при перечисленіи минеральныхъ богатствъ здѣшней мѣстности.

Въ 1868 году ташкентскій купецъ Федоровъ получилъ дозволеніе отъ Коканскаго правительства на разработку Май-Булакскихъ источниковъ нефти, для приготовленія керосина и асфальта, съ уплатою за это въ пользу хана $\frac{1}{10}$ части изъ вывозимаго съ мѣста разработки добытаго матеріала; это единственная пошлина и кромѣ ея въ коканскихъ владѣніяхъ пошлинъ не взимается.

Не смотря на такое выгодное условіе дѣло разработки нефти шло очень медленно; главною причиною неуспѣха было то, что оно начато и велось неправильно и хотя затрачена большая сумма денегъ, вырыто болѣе 30 колодцевъ различной глубины отъ 2-хъ до 10-ти сажень, но колодцы эти почти всѣ завалились и нефти добывалось изъ нихъ самое незначительное количество. На нефтяныхъ источникахъ построень заводъ для гонки изъ нефти керосина, но заводъ этотъ очень бѣдный; къ этому присоединяется еще то неудобство, что заводъ построенъ именно на такомъ мѣстѣ, гдѣ чувствуется часто недостатокъ въ водѣ, ибо хотя заводъ построенъ на рѣчкѣ, называемой Ульканъ-сай, но рѣка въ лѣтнее время вся пересыхаетъ, и только весною, во время дождей, Ульканъ-сай является рѣкой довольно быстрой; въ остальной же части мѣстности недостатка въ водѣ не имѣется.

Весь округъ, гдѣ построенъ заводъ, изобилуетъ горнымъ масломъ; оно встрѣчается даже на самомъ берегу Нарынъ-дарьи. Вблизи находится очень много каменнаго угля и въ недалекомъ разстояніи встрѣчается въ изобиліи самородная сѣра, такъ что совершенно возможно и добываніе на мѣстѣ сѣрной кислоты, необходимой для очистки керосина; но ни одинъ изъ названныхъ мною матеріаловъ до сихъ поръ еще не разрабатывается. Вообще должно сказать, что мѣстность для устройства керосиннаго завода здѣсь весьма благопріятная.

Что же касается до перевозки добытой нефти и приготовленнаго на заводѣ керосина въ города и ослѣдныя пункты Туркестанскаго края, то и въ этомъ отношеніи не представляется большихъ затрудненій. Пріиски, какъ я сказалъ уже, находятся близъ Нарынъ-дарьи, и даже на самомъ ея берегу; слѣдовательно сплавъ нефти и керосина водою весьма возможенъ, особенно при замѣчательной дешевизнѣ лѣса въ окрестностяхъ пріисковъ. Плоты, нагруженные керасиномъ и нефтью, приплывъ въ Чиназъ, могутъ быть здѣсь проданы въ пятеро дороже, нежели сколько они стоили на мѣстѣ, такъ что перевозка нефти отъ пріисковъ до Чиназа окупится съ огромнымъ барышемъ.

По моему приблизительному расчету, очищеннаго и годнаго для продажи керосина можно добывать на пріискахъ до 10 т. пудовъ въ годъ; слѣдовательно, принимая самыя низкія цѣны, существующія на керосинъ въ Ташкентѣ, на сумму 100 тысячъ рублей. Кромѣ того, можно еще получить асфальта до 5000 пудовъ, т. е. считая по 5 р. пудъ, на сумму 125 тысячъ рублей.

Конечно желательно, чтобы цѣны на керосинъ и асфальтъ понизились въ Ташкентѣ, что и будетъ безъ сомнѣнія; но за то и количество добываемаго на пріискахъ керосина можетъ удешевиться.

Нефтяной пріискъ, гдѣ я занимался устройствомъ керосиннаго завода, лежитъ отъ Май-булака, по прямому направленію къ востоку, на разстояніи трехъ ташей (24 версты), но для того чтобы попасть на этотъ пріискъ нужно дѣлать объѣздъ ташей на восемь, для переѣзда, чрезъ протекающую здѣсь Нарынъ-дарью, по имѣющемуся только въ кишлакѣ Учъкурганъ, мосту. Въ другихъ мѣстахъ переправа въ бродъ, по быстротѣ рѣки и крутизнѣ ея береговъ, совершенно невозможна. Мостъ этотъ, весьма простаго устройства, вполнѣ принаровленъ къ условіямъ мѣстности, благодаря чему не подвергается порчѣ, не смотря на чрезвычайно быстрое теченіе Нарына.

Пріискъ, гдѣ находится керосинный заводъ, называется

Майли. Онъ лежитъ при рѣчкѣ Майли-дарья (масляная рѣка), впадающей въ Нарынъ.

Способъ добыванія нефти туземцами, конечно самый первобытный; нефть (горное масло), просачивающаяся изъ известняка въ видѣ капель, вмѣстѣ съ соленою водою, насыщенною сѣрнистымъ водородомъ, падаетъ вмѣстѣ съ водою же въ нарочно вырытыя для этого канавы (колодцевъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ), гдѣ нефть собирается на поверхности воды. Вода чрезъ сдѣланныя въ канавѣ отверстія, стекаетъ въ рѣчку; нефть же собираютъ вѣшниками изъ горной полныи.

Такимъ способомъ собирается нефти до шестидесяти ведеръ въ сутки изъ одного ключа.

Весною и осенью получается нефти значительно болѣе чѣмъ лѣтомъ.

Прилагаю анализъ здѣшней нефти, сдѣланный мною въ июнѣ 1870 года.

Нефть въ сыромъ видѣ имѣетъ буровато—черный цвѣтъ, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ; удѣльный вѣсъ при 17,5° имѣетъ 0,836.

Отъ первой перегонки я получилъ:

Температура.				Удѣл.	вѣсъ	—	процентъ
Отъ	70	до	180°	0,750.	} безцвѣт- ная. желтаго цвѣта.	—	20.
"	180	"	300°	0,790.		—	15.
"	300	"	400°	0,825.		—	50.
Потеря газа и коксѣ.							15.

100.

Послѣ очистки сѣрной кислотою и щелочью, я производилъ вторичную перегонку, причемъ оказались слѣдующіе результаты.

Названіе	Удѣл.	вѣсъ	Темпер.	—	процентъ
Нефть	0,730.	до	100.	—	5,5.
Фотогенъ	0,800,	„	320.	—	52,0.
Соляровое масло и Парафинъ.	—	—	—	—	32,5.

90.

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ. .

Средняя Азія еще въ началѣ XVIII вѣка была извѣстна какъ страна золотоносная; по слухамъ, золото добывалось здѣсь рѣчное, т.-е. уносимое теченіемъ воды, вмѣстѣ съ рѣчнымъ пескомъ. Извѣстія о золотѣ, вымываемомъ въ рѣкѣ Аму-Дарьѣ, главнѣйшимъ образомъ побудило Петра Великаго предпринять движеніе въ Среднюю Азію, въ то время еще настолько малоизвѣстную, что Яркендъ, около котораго, по слухамъ, промывалось золото Калмыками и Китайцами, предполагался стоящимъ на рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Это-то и было причиною, что Петръ Великій, задумавъ овладѣть золотоносными мѣстностями Средней Азіи, снарядилъ двѣ экспедиціи: одну подъ начальствомъ князя Александра Бековича Черкасскаго къ устью Аму-Дарьи, для того, чтобы подняться вверхъ по этой рѣкѣ до г. Яркенда, а другую, изъ южной Сибири къ тому же Яркенду, подъ начальствомъ гвардіи капитана Бухгольца.

Обѣ экспедиціи, какъ извѣстно, не достигли своей цѣли. Князь Бековичъ и его отрядъ погибли въ Хивѣ, а Бухголецъ послѣ многихъ затрудненій овладѣлъ среднимъ теченіемъ великой сибирской рѣки Иртыша, заложилъ по его берегамъ нѣсколько крѣпостей и тѣмъ положилъ начало нашему водворенію въ при-иртышскихъ странахъ до самаго Норъ-Зайсана.

Такимъ образомъ экспедицію Бухгольца мы имѣемъ полное основаніе считать первою нашею экспедиціею въ Среднюю Азію, тѣмъ шагомъ, который имѣлъ послѣдствіемъ дальнѣйшія наши движенія въ глубь центральной Азіи; утвержденіе на среднемъ Иртышѣ впервые привело насъ въ соприкосновеніе съ киргизской степью. Послѣдствія этого уже извѣстны; мы дошли до Копала и Алматовъ, распространились по сѣверному склону Тянь-Шаня до Аулія-ата, заняли Чекментъ, Ташкентъ, Ходжентъ, Джизакъ и наконецъ—Самаркандъ.

Экспедиція Бухгольца не открыла для Россіи золотоносныхъ мѣстностей Средней Азіи, но она сдѣлалась прото-ренною тропинкою, по которой русское движеніе скоро дошло и до странъ, обильныхъ дарами природы. Первые золотоносныя мѣста встрѣтились въ Семипалатинской области; въ особенности заманчивы были рассказы о богатствѣ розсыпей по рѣкѣ Тентекъ, вытекающей изъ Джунгарскаго Алатау и принадлежащей къ *Семирѣченской системѣ*, т.-е. къ системѣ семи рѣкъ, изливающихся въ озеро Балхашъ. По слухамъ, мѣстности на рѣкѣ Тентекъ поражали обиліемъ самородковъ золота, величиною отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ дюйма; всѣ розсыпи по рѣкѣ Тентекъ содержали въ себѣ, по слухамъ, одно только крупнозернистое золото. Розсыпи эти разрабатывались китайцами и калмыками, которые при усидчивомъ, вошедшемъ въ пословицу терпѣннѣи, не ставя ни во что личный трудъ, умѣли извлечь выгоду даже и тамъ, гдѣ другіе промышленники не встрѣчали ничего, кромѣ убытка. Какъ скоро мѣстность по рѣкѣ Тентекъ и по другимъ рѣкамъ Семирѣчья вошла въ составъ русскихъ владѣній, прежніе добыватели золота китайцы и калмыки были удалены, и золотоносныя мѣстности предоставлены были русскимъ промышленникамъ. Мѣстность по рѣкѣ Тентекъ, урочище Кизылъ-тогой заявилъ г. Кузнецовъ; но съ удаленіемъ китайцевъ словно исчезли и всѣ богатства золотоносной мѣстности. Не смотря на всѣ благоприятныя условія для промывки металла, а именно: 1) на неглубокое залеганіе розсыпей отъ поверхности земли, 2)

малое содержаніе глины въ пескахъ, вліяющей на большую или меньшую легкость промывки и 3) на хорошее качество золота, — розсыпи все-таки не приносили ничего, кромѣ убытка. Причиною тому было малое содержаніе золота въ пескѣ розсыпей. Въ 1868 году г. Кузнецовъ приступилъ къ работамъ также на рѣкѣ Аргайты. Но и въ этой мѣстности доходы производства далеко не окупили расходы.

Золотоносная мѣстность, урочище Кызыль-тогой, въ вершинахъ рѣки Тентекъ, не смотря на всѣ слухи о ея богатствахъ, на взглядъ русскихъ, не представляетъ большихъ надеждъ къ отысканію богатыхъ розсыпей; тѣмъ не менѣе Китайцы, какъ мы сказали уже выше, умѣли извлекать и здѣсь золото, и говорятъ, что каждый работавшій приобреталъ средства къ своему существованію. Въ настоящее время на Кызыль-тогой работъ болѣе не производится; промывка была у г. Кузнецова только одно лѣто 1868 года, когда онъ нашелъ 4 ф. 44 зол. золота, которые ему обошлись весьма дорого, чуть ли не въ цѣну 20 ф., потому что золото было весьма бѣднаго содержанія и очень мелко. Вслѣдствіе этого работы въ 1869 году были перенесены на Аргайты, гдѣ прежде, какъ увѣряютъ, занималось промывкой золота до 1000 человекъ китайцевъ. Слѣды подземныхъ работъ видны всюду на разныхъ горизонтахъ и на большомъ разстояніи. Здѣсь нѣкоторые обогатились, другіе — уходили съ работъ, не приобретя ничего. Пробные шурфы г. Кузнецова показали отъ 30 до 98 долей въ 100 пудахъ, но при валовой промывкѣ намыто было въ теченіи лѣта 1869 года только 1 ф. съ нѣсколькими золотниками, на что тоже истрачено было довольно много денегъ.

Выгодность работъ, производимыхъ китайцами, и невыгодность ихъ у г. Кузнецова, какъ и у всякаго другаго промышленника, показываетъ, что бѣдныя или гнѣздовыя розсыпи могутъ разрабатываться только при томъ условіи, чтобы рабочіе намывали золото въ свою пользу. Не смотря на низкую плату, получаемую рабочими на промыслахъ г. Кузнецова, гдѣ на человѣка приходится 5 рублей въ мѣсяцъ,

при его содержаніи или 4 рубля въ мѣсяцъ при 1 фунтѣ мяса въ день, промывка золота была убыточна. Между тѣмъ огромное распространеніе работъ служить доказательствомъ ихъ небезвыгодности. Если бы дозволено было обратиться къ тѣмъ условіямъ, какія существовали прежде, т.-е. чтобы каждый работалъ въ свою пользу, то тогда много небогатыхъ людей будутъ имѣть заработокъ; золото останется въ государствѣ, особенно если покупка его не будетъ сопряжена съ затруднительными формальностями.

Надежды на открытіе богатыхъ золотыхъ россыпей въ Сыръ-дарьинской области еще болѣе сомнительны. Изъ всего, что до сихъ поръ извѣстно по развѣдкамъ, трудно предположить, чтобы въ краѣ вообще могли быть богатые россыпи; только обширное распространеніе ихъ еще поддерживаетъ энергію золотопромышленниковъ, надѣющихся рано или поздно открыть болѣе благодарную россыпь.

Позволяемъ себѣ привести нѣсколько интересныхъ подробностей о золотопромышленности въ Туркестанскомъ краѣ, заимствуя ихъ изъ весьма подробной и обстоятельной статьи А. С. Татаринова: „О развѣдкахъ въ Туркестанской области и о будущности тамъ горнаго промысла *)“.

„Едва наши войска, предводимые генераль-маіоромъ Черняевымъ, вошли въ Коканскіе предѣлы, какъ распространился слухъ о золотоносности занятой нами страны. Это можетъ быть и подало поводъ къ преувеличеннымъ толкамъ объ огромномъ богатствѣ вновь покоренныхъ странъ.“

„Г. Сѣверцову, находящемуся при движеніи отрядовъ въ 1864 году, были доставлены въ это время свѣдѣнія о коканскомъ золотомъ прійскѣ по рѣкѣ Кукреу. Небольшими развѣдками онъ пришелъ къ заключенію о нахожденіи цѣлой системы россыпей, по притокамъ рѣки Терси. Золотопромышленники бросились въ новый край и всѣхъ манилъ къ себѣ богатый, по рассказамъ, Чирчикъ, гдѣ туземцы будто бы загребаютъ золото пригоршнями. Всѣ эти рассказы оказались

*) Горный журналъ.

преувеличенными. Въ разказахъ было вѣрно только то, что золото есть, и что золотой промыселъ кормить многихъ. Но будетъ ли онъ выгоденъ для русскихъ промышленниковъ? Покроетъ ли производство всѣ расходы, и вознаградитъ ли оно тѣ лишенія, какія представляетъ новая страна? Извлекутъ ли промышленники значительныя выгоды изъ этого промысла?— Все это покуда еще неизвѣстно. Золотопромышленныя партіи гг. Колесникова, Первушина и Кулибина, а также развѣдки г. Сѣверцова привели пока къ одному заключенію, что золото есть по системѣ рѣкъ Чирчика, Таласа и Терси, но по сію пору замѣчались только слабые его признаки. Я сомнѣваюсь въ дѣйствительномъ открытіи цѣлой системы розсыпей по рѣкѣ Терси. Здѣсь явно допущено ошибочное опредѣленіе, слѣдовало сказать: открыта золотосодержащая мѣстность, но золотоносныхъ розсыпей еще пока нѣтъ. Кавказскія рѣки золотоносны, но до сихъ поръ не найдено еще ни одной розсыпи, заслуживающей какого-нибудь значенія въ техническомъ отношеніи.

„Признаки богатыхъ и бѣдныхъ розсыпей одни и тѣ же, т.-е. одни и тѣ же породы сопутствуютъ, какъ богатымъ розсыпямъ, такъ и тѣмъ, въ которыхъ золото разбѣяно весьма рѣдко. Г. Сѣверцовъ упоминаетъ, что онъ встрѣтилъ откидные пески въ $1\frac{1}{2}$ доли содержаніемъ; при грубой промывкѣ, гдѣ никто не заботится о большемъ полученіи металла, а всякій старается только что-нибудь получить, это содержаніе золота въ отвалахъ ничего не доказываетъ. При работахъ болѣе совершенныхъ получаютъ однако еще болѣе богатые откидные пески. Содержаніе $1\frac{1}{2}$ доли во 100 пуд. показывать можетъ или чистоту промывки, которой нельзя предполагать у туземцевъ, или слишкомъ ничтожное содержаніе розсыпи. Послѣднее вѣрнѣе. При отсутствіи систематическихъ работъ, рабочіе, добывая металлъ въ свою пользу и не слишкомъ высоко цѣня свои труды, могли промывать весьма бѣдное золото и весьма вѣроятно, что содержаніе розсыпи было немного выше содержанія откидныхъ песковъ. Если бы розсыпь была богата, то вѣроятно и пески откидные содержали болѣе чѣмъ $1\frac{1}{2}$ доли во 100 пудахъ.

„Какъ ни желательно, чтобы золото было въ большемъ количествѣ, какъ по системѣ Терси, такъ и по другимъ рѣкамъ Туркестанской области, но до сихъ поръ этого не видно. Партія г. Колесникова пробралась въ 1866 году на Чирчикъ, заплатила за свою отважность плѣномъ и вынесла нѣсколько золотыхъ крупинокъ изъ своего смѣлаго предпріятія. Крупинокъ было такъ мало, что по нимъ нельзя было не только опредѣлить содержаніе золота въ 100 пудахъ песку, но даже нельзя признать это ничтожное количество за хороший признакъ. Хорошимъ признакомъ называется такое количество золота, которое, если и не можетъ заслуживать обработки, но все-таки можетъ быть опредѣлено, напр. 5, 10 долей въ 100 пудахъ песку.

„К. А. Кулибинъ, весьма опытный въ золотомъ дѣлѣ инженеръ, управлявшій самъ долгое время многими промыслами и посѣтившій всѣ сибирскія разработки золота, увлекся также молвой объ огромномъ богатствѣ розсыпей въ Туркестанскомъ краѣ и думалъ съ ничтожными средствами испытать счастье. Я видѣлъ Кулибина когда онъ кончилъ свои работы и уѣзжалъ навсегда изъ Туркестанскаго края. На вопросъ мой съ какимъ успѣхомъ шли его работы, и много ли онъ намылъ золота, онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана завернутое въ бумажку золото, котораго было очень мало. Я поинтересовался знать изъ сколькихъ пудовъ песку получена эта проба; онъ стѣбчалъ, что это составляетъ результатъ работъ всего лѣта, а работалъ онъ по системѣ рѣки Терси.

„И такъ, работы нѣсколькихъ золотопромышленныхъ партій, въ теченіи многихъ годовъ, не привели еще къ заключенію, что розсыпи, заслуживающія разработки, существуютъ въ Туркестанскомъ краѣ. Всѣ партіи были руководимы опытными въ золотомъ дѣлѣ лицами. Но между тѣмъ встрѣчающіеся во многихъ мѣстахъ признаки золота, т.-е. металлъ въ весьма мелкомъ раздробленіи, позволяетъ надѣяться, что могутъ быть найдены и болѣе богатые розсыпи, для чего нужна энергія, настойчивость и пожертвованіе на развѣдки капитала. Судя по тому, что хребетъ, служащій водораздѣломъ Чирчика отъ

Терси и Чирчика отъ Таласа, состоитъ изъ породъ метаморфическихъ: изъ сланцевъ, съ жилами діорита, сіенита и охристаго кварца; что по Терси и по Чирчику замѣчены признаки золота, должно полагать, что коренныя мѣсторожденія, изъ которыхъ образовались розсыпи, были на этомъ хребтѣ. Многія изъ розсыпей, вслѣдствіе слишкомъ крутаго паденія долинъ, какъ напр. по Чирчику, гдѣ на протяженіи 270 верстъ отъ устья Кара-Кыспака до Ташкента 5000 ф. паденія, не могли расположиться правильно; по этому золото и разбросано по всей этой долинѣ. Многіе изъ притоковъ Чирчика еще быстрѣе, чѣмъ сама эта рѣка—тамъ нечего и искать золота; по пологимъ же долинамъ и преимущественно по сѣверному склону, весьма возможно встрѣтить, если не богатые, то такія розсыпи, которыя не безвыгодно было бы работать. Можно полагать, что розсыпи будутъ имѣть тѣ же свойства, какъ и въ Семипалатинской области“.

Изъ всѣхъ золотопромышленниковъ, задавшихся цѣлью отыскать удовлетворительныя пріиски въ Туркестанскомъ краѣ, энергично продолжаетъ работать одинъ только А. П. Колесниковъ. По его мнѣнію, золото должно непременно найтись въ долинѣ рѣки Чирчика. Признаки золота замѣтны всюду: даже у самаго устья рѣки, при впаденіи ея въ Сырь-Дарью, у Чиназа, замѣтны признаки нахожденія металла. Но только золото, если и встрѣчается здѣсь, то въ такомъ маломъ количествѣ и въ такомъ раздробленномъ, пылеобразномъ видѣ, что рѣшительно недоступно для обработки. Причина этому вполнѣ понятна: коренныя мѣсторожденія золота находятся далеко отъ устья Чирчика, въ верхнихъ частяхъ этой рѣки. Болѣе крупныя зерна золота, уносимыя теченіемъ вмѣстѣ съ пескомъ и другими продуктами разрушенія горныхъ породъ, вслѣдствіе тяжести своей и относительно большаго удѣльнаго вѣса, осаждаются въ верхнихъ частяхъ чирчикской долины; чѣмъ мельче золото, тѣмъ далѣе уносится оно водою и наконецъ до устья Чирчика доходитъ только одно пылевидное золото. Нѣтъ сомнѣнія, что частицы золота увлекаются водою Чирчика и въ Сырь-Дарью, такъ что и эта рѣка принадлежитъ къ числу золотоносныхъ рѣкъ.

Для того, чтобы золотоносная рѣка образовала богатые россыпи, необходимо, чтобы ложе рѣки не имѣло слишкомъ крутаго паденія и чтобы мѣстами существовали на днѣ рѣки обширныя лога, мѣста съ тихимъ, едва замѣтнымъ теченіемъ воды. Въ этихъ логахъ и будутъ отлагаться россыпи, т.-е. пески съ болѣе или менѣе богатымъ содержаніемъ золота. Долина рѣки Чирчика почти на всемъ протяженіи своемъ представляетъ весьма мало такихъ мѣстъ.

Долина рѣки Чирчика или Чоткала—одна изъ самыхъ живописныхъ въ краѣ. Въ нижнихъ частяхъ своихъ она довольно широка и славится своимъ плодородіемъ; изрѣзанная арками, вся покрытая свѣжею зеленью, она вполне заслуживаетъ названіе житницы Ташкентскаго района. Чирчикъ здѣсь хотя все еще течетъ весьма быстро, однако же далеко не съ той стремительностью, какъ въ верхнихъ и даже въ среднихъ своихъ частяхъ. Одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ чирчикской долины находится близъ кишлака Бричь-Мулла; здѣсь Чирчикъ течетъ по узкому ущелью, сжатый горными массами. Это ущелье тянется на протяженіи 60 верстъ. Далѣе, верстахъ въ 40 или въ 50, начинается другое ущелье, протяженіемъ въ 80 верстъ *).

Долина Чирчика, особенно въ узкихъ ея частяхъ, наполнена огромными наносами, въ которыхъ рѣка нынѣ глубоко прорыла свое ложе. Эти массы наносовъ образовались въ теченіи огромнаго періода лѣтъ и по нимъ можно видѣть наглядно, какъ богатъ былъ Чирчикъ водою въ давнопрошедшія эпохи. Унося быстриною продукты разрушенія горныхъ породъ, Чирчикъ, конечно, уносилъ и золото. Въ этихъ то наносахъ и начали разрабатывать, промывать золото китайцы, а вслѣдъ за ними, по уничтоженіи въ здѣшнихъ мѣстахъ китайскаго владычества, и сарты. Разработки находятся на весьма различныхъ площадяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ—болѣе 100 саж. надъ уровнемъ Чирчика. Принося кувшинами воду для про-

*) Считаемо должнымъ оговориться: разстоянія обозначены здѣсь приблизительно.

мывки на верхъ, на такую огромную высоту, золотопромышленники—туземцы все таки находили свой тяжелый промысел не безвыгоднымъ и постоянно, усердно занимались имъ, намывая въ день едва-едва нѣсколько крупинокъ.

Самый способъ промывки золота туземцами во многомъ отличается отъ обыкновеннаго, европейскаго способа промывки на вашгердахъ. Можно пожалуй допустить, что и у туземцевъ существуетъ вашгердъ своего рода, но устройство его—самое первобытное. Въ 1713 году, прибывшій въ Москву сибирскій губернаторъ, князь Гагаринъ доносилъ, что въ Малой Бухаріи добывается золото жителями Яркенда, которые улавливаютъ его на пополахъ, коврахъ и сукнахъ *). Такимъ же способомъ производится и нынѣ промывка туземцами среднеазиатскихъ россыпей.

Мы постараемся, на сколько возможно, прослѣдить всю манипуляцію промывки.

Вашгердъ замѣняется у туземцевъ деревянною, выгнутою рамою, изъ тонкихъ таловыхъ жердей; наклонъ выпуклой части рамы къ горизонту бываетъ около 35°; поперегъ рамы прикрѣпляется рядъ прутьевъ, или весьма тонкихъ жердей, на довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой. Вышина всей рамы—до двухъ аршинъ, а ширина $\frac{1}{2}$ аршина.

На эту раму, прочно установленную на землю, натягивается обыкновенный паласъ или коверъ; на немъ-то и производится промывка золотоноснаго песка. Что бы задерживать золото, имѣющее гораздо большій удѣльный вѣсъ, на паласѣ нашиты, поперегъ его длины, арканы изъ толстаго конскаго волоса. На разосланный такимъ образомъ паласъ высыпаютъ мѣшокъ золотоносной земли или песка и затѣмъ поливаютъ его водою, помѣшивая небольшою палочкою. Попадающіеся камешки отбрасываются при этомъ въ сторону тою же палочкою.

(*) Почти одновременно съ княземъ Гагаринымъ знатный туркменецъ Ходжа Нефесъ, пріѣхавъ съ восточнаго берега Каспійскаго моря, рассказывалъ о золотомъ пескѣ, который уносится водою р. Аму-Дарьи.

Когда такимъ образомъ промыто пудовъ 8 или 10 песку, начинаютъ собирать съ паласа все, что на немъ осталось послѣ промывки. Для этого палась снимаютъ съ рамы, свертываютъ его складками (пляютъ) и въ такомъ видѣ подвергаютъ дальнѣйшей промывкѣ. Для этой цѣли берутъ особую деревянную чашку, въ видѣ лодочки, шириною—въ ширину паласа, такъ чтобы сложенный складками, онъ могъ весь въ ней помѣститься, и затѣмъ чашку, вмѣстѣ съ паласомъ, погружаютъ въ воду, гдѣ нибудь въ небольшомъ заливцѣ рѣки, тамъ гдѣ вода не имѣетъ быстрого теченія. Подымая палась складка за складкой, рабочій обмываетъ его, причемъ все оставшееся отъ первой промывки на паласѣ, опускается, на дно чашки или лодочки.

Когда палась весь на чисто обмытъ, тогда рабочій вынимаетъ изъ воды чашку и быстро, судорожными движеніями руки вправо и влево, выплескиваетъ изъ чашки воду, а съ нею и легкія частицы песку. Время отъ времени онъ прибавляетъ воды въ чашку и нѣсколько часовъ сряду неустойчиво продолжаетъ свою работу. По мѣрѣ того, какъ золото, находящееся въ чашкѣ освобождается отъ постороннихъ, болѣе легкихъ примѣсей, движенія рабочаго становятся искуснѣе и осторожнѣе. Вся задача въ томъ, чтобы оставить въ чашкѣ одно только чистое золото, въ какомъ бы ни было оно незначительномъ количествѣ. Когда уже промывка въ чашкѣ кончена, рабочій, обмакнувъ палецъ въ воду, впускаетъ въ чашку каплю воды, и вмѣстѣ съ нею выливаетъ промытое золото въ особую, небольшую фарфоровую чашечку. Работа одного дня окончена!

Въ долинѣ Чирчика видны въ весьма многихъ мѣстахъ разработки, которыя производились здѣсь когда-то, но нѣтъ основанія полагать, чтобы онѣ были особенно богаты. Нигдѣ впрочемъ шурфы не закладывались достаточно глубоко, а между тѣмъ въ нижнихъ частяхъ розсыпи и можно предполагать самое богатое содержаніе металла, такъ какъ золото, по своей тяжести, опускается внизъ. До сихъ поръ еще не могли дойти шурфованіемъ до самаго нижняго слоя розсыпи.

Какъ только достигали уровня Чирчика, сильный притокъ воды заставлялъ прекращать работы. Работа ручными помпами оказывалась недостаточною; надобно было прибѣгнуть къ усиленнымъ средствамъ выкачки (дѣйствовать лошадиною силою или силою теченія воды) а для этого еще не было никакихъ приспособлений.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ бывшія доселѣ неудачныя попытки, золотопромышленность въ туркестанскомъ краѣ имѣетъ свою будущность.

О НѢКОТОРЫХЪ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВОДСТВАХЪ

ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ

О гончарномъ производствѣ въ Ходжентскомъ уѣздѣ.

Гончарное производство въ ходжентскомъ уѣздѣ раздѣляется на три главные отдѣла: издѣлія изъ простой глины (туртакъ, турфакъ) неглазурованные; издѣлія изъ простой глины, глазурованная; фаянсовые издѣлія изъ бѣлой глины, покрытыя болѣе или менѣе хорошей глазурью, образцовъ болѣе совершенныхъ и раскрашенныхъ.

Глина для неглазурованныхъ издѣлій добывается въ самыхъ мѣстахъ производства и не отличается особыми качествами, необходимыми для тонкихъ издѣлій. Къ ней обыкновенно бываетъ примѣшено значительное количество извести, что дѣлаетъ посуду послѣ обжиганія пористою и не прочною. Нельзя даже долго держать воду въ большихъ кувшинахъ, потому что вода просачивается чрезъ ихъ стѣнки. Къ неглазурованнымъ издѣліямъ принадлежатъ всѣ крупные предметы домашняго обихода, а также тануры, т.-е. печки для печенія лепешекъ и пирожковъ (самбула). Тануръ имѣетъ стрѣльчатую форму, съ двумя отверстіями, одно, широкое, составляетъ основаніе, а другое меньшее — верхъ. Для печенія лепешекъ тануръ ставится бокомъ, примазываясь основаніемъ къ стѣнѣ, а верхомъ наружу. Въ срединѣ его разводится огонь и когда тануръ нагрѣется, то тѣсто лепешекъ прикрѣпля-

ють къ его внутреннимъ стѣнкамъ. Для печенія пирожковъ, тануръ ставится не бокомъ, а на основаніе и пирожки прикрѣпляютъ тѣмъ же порядкомъ къ внутреннимъ стѣнкамъ печи. Вышина танура отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ арш.; ширина основанія $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{4}$; ширина верхняго отверстия отъ 5 до 8 верш.; толщина стѣнокъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ верш. Тануръ по самому существу употребленія своего, не обжигается.

Къ неглазурованной посудѣ принадлежать:

Хумъ—большіе горшки, размѣрами отъ 9 до 16 верш. вышины и до 6 верш. ширины.

Куза—большіе кувшины, вмѣстимостію около ведра съ ручками и горлышкою. Употребляются для носки воды.

Кузача—малые кувшины, для такого же употребленія.

Объ и *даста* отличаются отъ предыдущихъ тѣмъ, что имѣють узкое горлышко и съ боку рыльце, въ видѣ трубки. Употребляются чаще всего при омовеніяхъ.

Хумча—большіе глиняные сосуды.

Глазурованіе кирпичей или, такъ называемыхъ, израсцовъ, было уже давно извѣстно въ Средней Азіи, что доказываютъ многія старинныя мечети и медресе, выложенныя израсцами. Кирпичи эти были часто очень хорошо выработаны рельефною работою и покрыты глазурью. Они выдѣлывались весьма различной величины, отъ 1 ар. въ поперечникъ до 2 дюймовъ и 4 линій; выдѣлывались израсцы очень толстые, тонкіе, квадратные, продолговатые, многогранные и т. п. На израсцахъ, сохранившихся въ старыхъ мечетяхъ, медресе и мазарахъ до сихъ поръ видны еще хорошо выдѣланныя рельефныя буквы, узоры и рисунки. Въ Коканѣ въ настоящее время выдѣлываютъ подобные израсцы для дворца Худояр-хана, при чемъ какъ говорятъ, ежедневно работаютъ 40 мастеровъ. Къ глазурованнымъ издѣліямъ относятся всѣ предметы домашняго обихода: чашки, лохани и т. п. Издѣлія этого рода раздѣляются на кургашинныя, т.-е. глазурованные окисью олова и ишкарныя, на которыхъ глазурь изъ поташа. Всѣ эти издѣлія весьма просты, дешевы, но за то и не про-

чны. Глазурь въ нихъ простая, хотя весьма часто и рельефная.

Что касается до фаянсовыхъ издѣлій, то онѣ выдѣлываются изъ особаго рода глины, называемою глибота, которую добываютъ въ горахъ. Къ глинѣ примѣшивается чистый кварцевый песокъ (ташъ-кумъ), также добываемый въ горахъ, гдѣ иногда, у подошвы горъ, онъ залегаетъ довольно толстымъ слоемъ, а поташъ (ишкаръ) получаемый изъ золы горныхъ травъ. Ишкаръ доставляется въ грубомъ, не очищенномъ видѣ киргизами ходжентскаго уѣзда, занимающимися этимъ промысломъ въ горахъ южной части уѣзда. Онъ заключаютъ въ себѣ много землистыхъ примѣсей и требуетъ очистки, производимой уже самими гончарами. Переработанный ишкаръ получаетъ видъ легкой, стекловидной массы, которую толкутъ, смѣшиваютъ съ кварцевымъ пескомъ и глиботою и за тѣмъ изъ полученной смѣси формуютъ различную посуду. При недостаткѣ хорошаго чистаго песка, берутъ куски кварца и растираютъ ихъ подъ крѣпкими ручными жерновами или толкутъ въ ступѣ и просѣваютъ. Фаянсовая издѣлія довольно, дороги, сравнительно съ простыми глиняными, а потому употребляются только болѣе зажиточными туземцами. На базарахъ фаянсовая посуда встрѣчается въ небольшомъ количествѣ.

Въ настоящее время въ ходжентскомъ уѣздѣ стали готовить посуду и для русскаго населенія, примѣняясь въ формѣ и рисункахъ на посудѣ къ русскимъ образцамъ. Многіе мастера въ короткій срокъ достигли уже весьма утѣшительныхъ результатовъ, особливо ходжентскіе гончары: Магометъ Шукуръ и Абду-Рахманъ.

Гончарнымъ дѣломъ занимаются въ ходжентскомъ уѣздѣ преимущественно въ городахъ Ходжентѣ и Уратюбе. На базарахъ этихъ городовъ, въ базарные дни постоянно можно видѣть много издѣлій этого рода. Число гончаровъ, выдѣлывающихъ простую глиняную посуду, доходитъ въ городахъ Ходжентскаго уѣзда до 12, а мастеровъ, изготовляющихъ фаянсовую посуду всего только 3. Въ лѣтнее время нѣкоторые изъ гончаровъ (кудель) уѣзжаютъ въ большіе деревни

(кишлаки) и тамъ приготовляютъ для мѣстныхъ жителей необходимую имъ посуду. Эти разъѣзды приносятъ весьма большую пользу жителямъ кишлаковъ, потому что, въ такомъ случаѣ имъ нѣтъ надобности отрываться отъ работы въ самую горячую пору, чтобы ѣхать въ городъ, на базаръ, за посудой.

Въ Ура Тюбе число гончаровъ доходитъ до 15; они готовятъ посуду изъ бѣлой и красной глины и снабжаютъ ею весь районъ.

Печи для обжиганія глиняной и фаянсовой посуды устраиваются небольшія, вмѣщающія въ себѣ не болѣе, какъ на 14 р. посуды. На обжиганіе приготовленной посуды потребно 14 дней, такъ что гончару, въ продолженіи года, придется сдѣлать не болѣе 30 или 40 закладокъ для своей печи. Считаю, что за каждый разъ онъ получитъ чистаго барыша 6 руб., годовою доходъ гончара опредѣлится въ 180 руб. съ каждой печи.

Число рааочихъ на гончарныхъ заведеніяхъ измѣняется отъ 4 до 8 и большею частію принимаетъ участіе въ работѣ самъ хозяинъ со своими родственниками, а это, само собою разумѣется, значительно уменьшаетъ стоимость гончарной работы, которая не можетъ здѣсь сильно развиваться, по недостаточности потребностей и средствъ большинства туземнаго населенія.

А. Кушакевичъ.

Замѣтка о винокуренномъ производствѣ въ Ташкентѣ.

Туземные жители сарты винокурениемъ вовсе не занимаются; евреи занимались имъ, какъ до занятія русскими края, такъ и въ первое время по занятіи, до устройства русскими винокуренныхъ заводовъ. Во времена коканскаго владычества дѣло винокурения велось евреями весьма осторожно и тайно изъ опасенія суровыхъ наказаній, которымъ они подвергались по мусульманскимъ законамъ. Не смотря однако на это обстоятельство, дѣло винокурения шло непрерывно, хотя и въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ.

Устройство винокуренныхъ заводовъ у евреевъ очень просто и заключалось въ слѣдующемъ: мѣдный кубъ, вмѣстимостью не болѣе пяти ведеръ, вмазывался въ глину, подъ нимъ устраивалась печь, а надъ нимъ мѣдная труба, проходящая чрезъ холодную воду.

Самый процесъ винокурения заключался въ томъ, что для полученія бражки, евреи употребляли сухой виноградъ, прибавляя къ нему теплой воды; чрезъ нѣсколько дней, по окончаніи броженія, производилась перегонка. Водка ихъ была вообще очень дурнаго качества, и для улучшенія вкуса и приданія ей крѣпости, они прибавляли въ нее стручковаго перца. Съ открытіемъ русскими винокуренныхъ заводовъ бухарскіе заводы закрылись.

Винокуренное производство въ русской части г. Ташкента въ настоящее время приняло весьма обширные размѣры, здѣсь имѣется пять фруктовыхъ заводовъ и одинъ хлѣбный.

Въ большей части этихъ заводовъ аппараты паровые по системѣ Писторіуса; заторныхъ чиновъ до пяти, емкостью до пяти сотъ ведеръ каждый. Бражка готовится слѣдующимъ образомъ: на одну часть сухаго кишмишу вливаютъ 10 частей теплой воды, около 20°/C. Когда вольютъ воду температура бражки начинаетъ возвышаться и такое возвышеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока бражка не достигнетъ окончательнаго броженія, съ этого момента температура ее начинаемъ понижать. До окончательнаго броженія проходитъ обыкновенно пять дней.

Количество получаемого при фруктовомъ винокурении пугара не всегда одинаково, это зависитъ отъ того, какого рода кишмишъ былъ употребленъ. Кишмишъ черный, коканскій, даетъ гораздо менѣе процентовъ спирта, чѣмъ коричневый кишмишъ самаркандскій.

Въ Ташкентѣ существуютъ въ настоящее время и водочные заводы; они имѣются при каждомъ винокуренномъ заводу и водки на нихъ приготовляются изъ привозныхъ эссенцій; только нѣкоторые какъ напр. вишневая наливка готовится изъ мѣстныхъ вишенъ.

И. И. Краузе.

О виноградѣ и винодѣліи въ Туркестанскомъ краѣ.

Изъ всѣхъ фруктовъ средней Азіи, виноградъ безспорно занимаетъ первое мѣсто, по своей доброкачественности. Не смотря на то, что уходъ за виноградной лозой у туземцевъ стоитъ на весьма низкой степени совершенства и пока еще ничего не предпринято для улучшенія сортовъ туземнаго винограда, все таки въ общемъ, фруктъ этотъ, благодаря выгоднымъ условіямъ климата и постоянно ясному небу, отличается своею доброкачественностью и не уступаетъ культивированному винограду западной Европы.

Сборъ винограда начинается въ Туркестанскомъ краѣ съ половины іюля и кончается въ началѣ октября. Непроданную до того времени часть винограда туземцы сушатъ и частію вывозятъ въ Россію, частію продаютъ на винокуренные заводы для приготовленія винограднаго спирта. За тѣмъ уже изъ оставшейся въ домашнемъ быту туземца части винограда готовится сиропъ или же виноградъ этотъ сохраняется, какъ лакомство, на зиму, привѣшаннымъ къ потолку жилищъ.

Во время сбора батманъ (10 пуд.) бѣлаго винограда стоитъ въ Ташкентѣ отъ 3 до 5 руб. краснаго и чернаго отъ 4-хъ до 6-ти р. т. е. около 45 к. с. за пудъ. Въ Ура-Тюбе 14 пуд. стоятъ отъ 3 до 4 р. с.

Въ Самаркандѣ батманъ (8 п.) продается отъ 1 р. 80 к. до 3 р. т. е. 22 к. за пудъ. Въ Джизакѣ, Чемкентѣ, Вѣрномъ разведеніе виноградниковъ слишкомъ незначительно. Въ Чемкентѣ виноградныхъ садовъ почти вовсе нѣтъ; гораздо болѣе ихъ въ сосѣднемъ кишлакѣ Манкентѣ. Въ Ауліэ-ата виноградъ не вызрѣваетъ; вполнѣ дозрѣвшая кисть здѣсь рѣдкость. Въ Илійской же долинѣ виноградъ хотя и родится, но не изобильно, кисловатаго вкуса и сорта его далеко не разнообразны. Хорошимъ качествомъ своихъ фруктовъ извѣстенъ дунганскій городъ Сундунъ, близъ Кульджи.

Говоря о цѣнахъ на виноградъ, мы должны однако предупредить, что эти цѣны мѣняются, согласно болѣе или ме-

нѣе выгодному годовому урожаю винограда. Такъ какъ здѣшній виноградъ чрезвычайно соченъ и отличается богатствомъ содержанія сахара, то по этому онъ представляетъ всѣ необходимыя условія для выработки алкоголя, а слѣдовательно и для полученія крѣпкаго и хорошо сохраняющагося вина. Еще съ первыхъ годовъ занятія Ташкента начались опыты приготовленія вина изъ туземныхъ сортовъ винограда. Опыты, сдѣланные купцомъ Федоровымъ, не имѣли вполнѣ благопріятнаго результата. Гораздо лучше были вина И. И. Первушина и А. Гринберга въ Ташкентѣ и г. Фовицкаго въ Ходжентѣ. Вино ихъ приготовленія замѣнило отчасти весьма плохія и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма дорогія привозныя вина, изъ которыхъ большая часть, конечно, фабриковалась гдѣ нибудь внутри Россіи. Н. Н. Раевскій съ прошлаго года сдѣлалъ еще новый и весьма существенный шагъ въ дѣлѣ улучшенія Туркестанскаго винодѣлія. Его красное вино (чарась) встрѣчено было общимъ одобреніемъ.

По мнѣнію многихъ здѣшнихъ винодѣловъ, лучшимъ сортомъ для выдѣлки вина, можетъ служить бѣлый круглый виноградъ, средней величины, называемый шахарангуръ, равно какъ и мелкій бѣлый виноградъ, безъ зеренъ называемый акъ-кишминшъ. И тотъ и другой сорта даютъ весьма вкусное, бѣлое вино, похожее на рислингъ. У г. Раевского, для приготовленія бѣлаго вина, берется преимущественно поздній, весьма сладкій сортъ винограда, называемый *буаки*. Для краснаго вина г. Раевскій призналъ наиболѣе удобнымъ сортъ *чарась*. Изъ чернаго, круглаго, средней величины, винограда (*карамаизъ*) получалось также весьма хорошее вино, по крѣпости не уступающее бордо на заводѣ г. Гринберга, а изъ большаго круглаго, розоваго винограда (учъ-кмень) не сомнѣнно можно получить вино, напоминающее мадеру. Еще позволимъ себѣ замѣтить, что наиболѣе удовлетворяющій требованіемъ винодѣлія сортъ винограда находится въ Ура-Тюбе, такъ какъ тамъ существуютъ самыя выгодныя климатическія условія и нѣкоторые сорта винограда растутъ даже безъ ирригаціи.

Полученное изъ краснаго винограда вино ранѣе прочихъ становится годнымъ къ употребленію, содержа по прошествіи шести мѣсяцевъ 9% алкоголя, между тѣмъ, какъ вино изъ бѣлаго винограда весьма медленно образуется, но за то постепенно все болѣе и болѣе улучшается. Насколько извѣстно, производство вина въ Туркестанскомъ краѣ пока еще не значительно, и простирается не болѣе 10.000 ведръ въ годъ. Впрочемъ можно безошибочно предполагать что потребленіе вина возрастетъ значительно, если въ продажу будутъ поступать вина хорошо выдержанныя, по умѣреннымъ цѣнамъ. Этимъ виномъ можно будетъ снабжать тогда города Туркестанскаго края, въ которыхъ нѣтъ виноградныхъ садовъ и даже вывозить вино въ Сибирь, замѣнивъ хорошимъ, настоящимъ виномъ, ту спиртную жидкость, которую наши отечественные контрафакторы ухитряются продавать подъ видомъ и подъ именемъ настоящаго вина.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что здѣшнее винодѣліе встрѣчаетъ чрезвычайное затрудненіе въ дороговизнѣ и трудности заготовленія дубовыхъ бочекъ, кромѣ того чувствуетъ большой недостатокъ въ бутылкахъ, вслѣдствіе чего, затрудняется розничная торговля виномъ. Было-бы весьма полезно устроить въ краѣ стеклянный заводъ, хотя-бы на первое время для производства одного только бутылочнаго стекла. Учрежденіе этого завода не потребуетъ особенно значительныхъ затратъ. Находящійся въ горахъ, въ 85 верстахъ отъ Ташкента, кишлакъ Чилекъ, могъ бы быть самымъ удобнымъ мѣстомъ для устройства стекляннаго завода, такъ какъ тамъ находится въ изобиліи, подъ рукой, всё необходимое для производства, какъ-то каменный уголь для обжиганія, огнеупорная глина, отличный песокъ, кварцъ и сода.

Сбытъ издѣлій этого завода можно, на худой конецъ, считать не менѣе, какъ въ 300 тыс. бутылокъ ежегодно, особенно если принять во вниманіе, что кромѣ нѣсколькихъ винодѣльныхъ и винокуренныхъ заводовъ въ Ташкентѣ существуетъ еще заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, которое вслѣдствіе недостатка въ стеклянной посудѣ, также не можетъ придать производству своему надлежащаго развитія.

Названія различныхъ сортовъ винограда, произрастающаго въ Туркестанскомъ краѣ, слѣдующіе:

Бѣлый виноградъ крупный, длинный, называемый..	Хусейне.
Средній, круглый бѣлый, сладкій..	Шакоракиль.
Зеленоватый, сладкій..	Баба-ака.
Бѣлый, крупный круглый, сладкій..	Маизъ.
Круглый, кисловатый..	Ходжи-Серала.
Продолговатый, кисловатый..	Чияки.
Маленькій, круглый, безъ зеренъ, сладкій..	Акъ-кишмишъ.
Красный продолговатый, кислый..	Чияки.
Красный, кругловатый сладкій..	Дараи.
Красный, продолговатый, кисловатый.. . . .	Учкенъ.
Черный, круглый, продолговатый кисловатый..	Шибулгане.
Черный, круглый, крупный, сладкій..	Кара-маизъ.
Черный, круглый, средній, сладкій..	Сохи-би.
Черный, сладкій..	Абтау-чарасъ.
Круглый, зеленый, сладкій..	Буаки.

На ташкентской выставкѣ овощей и плодовъ (26 сентября минувшаго года) выставлены были слѣдующіе сорта винограда:

<i>Хусейне</i> —продолговатый, зеленый.
<i>Сыркаи</i> —красноватый, круглый.
<i>Акъ-маизъ</i> —большой, бѣлый, круглый.
<i>Сахиби</i> —продолговатый, твердый, розовый съ красными жилками.
<i>Буаки</i> —круглый, зеленый, поздній сортъ.
<i>Шахри-ануръ</i> —продолговатый, зеленый, крупный.
<i>Кара-гуйляманъ</i> —черный, круглый, крупный, ранній сортъ.
<i>Саузангъ</i> —зеленый, крупный, продолговатый.
<i>Шабырганъ</i> —мелкій, черный, безъ семянъ.
<i>Сами-кишмишъ</i> —желтый, мелкій, безъ семянъ.
<i>Ходжа-Ахрари</i> —не крупный, продолговатый зеленый.
<i>Чарасъ</i> —черный, не крупный, круглый.
<i>Оукеемаръ</i> —продолговатый, крупный, розовый, твердый.

Сахиби-кишимиш—розовый, продолговатый.

Шерази-кишимиш—розовый, овальный.

Въ Ура-Тюбе разводится виноградъ слѣдующихъ сортовъ: Катта-узюмъ (хапре-муляраръ), шубульгане, тяхоби, сахиби, хусейне, акъ-чиляги, обякъ, маизъ (мовизи), деликайтаръ, танфи, дорое.

Въ Ходжентѣ растутъ, кромѣ того бабякъ, захякъ, мирзахорякъ. Сортъ танфи встрѣчается очень рѣдко.

Изъ одного, приведеннаго нами, перечня сортовъ винограда, можно заключить, какъ благопріятна почва и климатъ русскаго Туркестана для произрастанія виноградной лозы.

Туземные и русскіе маслобойные заводы въ Ташкентѣ.

Въ Ташкентѣ считаютъ болѣе 500 туземныхъ маслобойнъ (Якъ джувасть), но количество масла, добываемаго на каждомъ изъ такихъ заводовъ, весьма не значительно. Самое большое количество, какое эти маслобойни вырабатываютъ во время шести часовой работы въ день, не пресвышаетъ 5 фунтовъ; за то и устройство сартовскаго маслобойнаго завода обходится очень дешево, не дороже тридцати рублей. Получаемое на этихъ заводахъ масло весьма плохого качества; причина этому заключается частью въ томъ, что существующія здѣсь въ продажѣ на базарѣ сѣмена всегда смѣшаны почти на половину съ *индау* (Егиса), придающимъ маслу дурной вкусъ и непріятный запахъ. Кромѣ этой постоянной примѣси, находящейся въ масличныхъ сѣменахъ, часто сами заводчики подмѣшиваютъ къ кунжутнымъ, льнянымъ и другимъ сѣмена *индау*, какъ болѣе дешевыя. Кромѣ *индау* къ масличнымъ сѣменамъ также примѣшиваютъ сѣмена хлопчатника (чигить) для увеличенія количества остающихся *жмыкъ* или избойны (кунджала), на которыя существуетъ большой спросъ и цѣны весьма значительны, тогда какъ сѣмена *чигита* дешевы.

Сартовскій маслобойный заводъ, въ главныхъ чертахъ имѣть слѣдующее устройство:

1. *Деревянная ступа* (Джувасъ-кунда) сдѣланная изъ большаго кряжа, глубоко врытаго, для большей устойчивости въ землю. Часть его поверхъ земли бываетъ вышиною аршина въ полтора. Въ верхней части кряжа выдолблены два углубленія, верхнее, для сѣмянъ, имѣть видъ неправильнаго полу-шара, въ днѣ котораго находится круглое отверстіе, по величинѣ равное діаметру песта, (о которомъ будетъ сказано ниже), и нижнее—для стока масла, имѣющее видъ усѣченнаго конуса, обращеннаго остриемъ вверхъ, такимъ образомъ что оба углубленія, верхнее и нижнее, соединяются между собою отверстіемъ, въ которое вставляется пестъ.

2. *Пестъ* (Окъ) дѣлается обыкновенно изъ самаго крѣпкаго дерева *Карагача* (Ильма), длиною въ 6 и болѣе аршинъ. Этотъ пестъ вставляется въ ступу, а на верхнюю часть его надѣвается накладка, (каджакъ).

3. Особый приборъ (называемый Ширкунде атъ агачъ) состоитъ изъ подушки съ двумя колѣнами, изъ которыхъ одно длинное, а другое короткое. Вся подушка накладывается съ боку на нижнюю часть ступы такъ, чтобы колѣна ея находились въ горизонтальномъ положеніи. Концы колѣнъ соединяются между собою деревяннымъ обручемъ, (бильвакъ) такъ, чтобы обручъ обхватывалъ ступу, не препятствуя подушкѣ двигаться вокругъ оной. Въ подушку кромѣ того вставляется палка, имѣющая вертикальное положеніе. Эта палка и длинное колѣно подушки привязывается веревками къ концамъ накладки, надѣтой на пестъ.

Послѣ этого подушку нагружаютъ тяжестью до 20-ти пудовъ. Къ большому колѣну подушки привязываются постромки, къ которымъ припрягается лошадь.

Работа производится слѣдующимъ образомъ: вставивъ пестъ въ ступу, обкладываютъ внутреннія стѣнки верхней части оной соломой или стеблями льна, для того чтобы насыпаемая туда сѣмена не попадали въ нижнюю часть ступы, служащую для стока выжимаемаго масла.—Послѣ этого въ ступу

насыпають сѣмянъ, которыхъ входитъ не болѣе 15-ти фунтовъ. Когда сѣмяна засыпаны, запрягаютъ лошадь, которая ходитъ вокругъ ступы и приводитъ въ вращательное движеніе пестъ вмѣстѣ съ подушкой и наложенной на нее тяжестью. При чемъ пестъ, прижимаемый нагрузкой къ стѣнкамъ ступы, дѣйствуетъ какъ жерновъ и раздавливаетъ попадающіеся между имъ и стѣнками ступы сѣмяна.

Не смотря на существованіе значительнаго числа туземныхъ маслобойныхъ заводовъ въ Ташкентѣ, русскіе жители ощущали недостатокъ въ постномъ маслѣ, такъ какъ масла, добываемыя на туземныхъ заводахъ по своему горькому вкусу и непріятному запаху, только въ крайнихъ случаяхъ могли быть употребляемы въ пищу и то, иногда, не безъ вреда для здоровья, потому что, туземцы, не только не очищаютъ сѣмянъ для добыванія масла, но и примѣшиваютъ, какъ выше сказано, къ нимъ разныя сѣмяна безъ разбора, годныя или не годныя. — По этому не рѣдки случаи, что отъ употребленія масла туземной выдѣлки заболѣвали.

На туземныхъ заводахъ выдѣлывалось собственно только два рода масла: кунджунтное и льняное, каждое съ примѣсью сѣмянъ хлопчатника. Кунджунтное масло отпускалось за орѣховое, маковое, подсолнечное, смотря по тому какое требовалось.

Недостатокъ въ хорошемъ постномъ маслѣ поддало мнѣ мысль устроить въ Ташкентѣ маслобойный заводъ, съ котораго здѣшніе жители могли бы получать хорошее и чистое масло; съ января сего года масло съ моего завода поступило въ продажу.

На вновь устроенномъ заводѣ добываются масла:

Орѣховое, приготовляемое изъ грецкихъ орѣховъ (*Juglans Regia*), имѣетъ свѣтло-желтый съ зеленоватымъ оттѣнкомъ цвѣтъ, безъ запаха, весьма пріятнаго вкуса. Масла получаетъ около 22%.

Маковое масло желтаго цвѣта безъ запаха, пріятнаго на вкусъ; выходитъ его до 40%. Приобрѣтеніе сѣмянъ мака представляетъ много затрудненій, ихъ приходится скупать по

фунтамъ. Въ Ташкентѣ сѣмяна мака большею частью привозныя изъ Кокана.

Подсолнечное масло. Его получается самое незначительное количество, вообще подсолнечникъ растеть въ Ташкентѣ плохо: сѣмя его и самое ядро весьма мелки.

Льняное масло желтаго цвѣта, безъ запаха. Льняныя сѣмяна значительно мельче европейскихъ и содержать гораздо меньше количество масла, его получается около 23%.

Масло изъ *Индау* (Егуса) имѣеть желто-зеленый цвѣтъ, весьма не пріятный запахъ и нѣсколько острый вкусъ. Получается его около 45%.

Каперцовое масло красно-оранжеваго цвѣта, съ эфирнымъ острымъ запахомъ, заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія. Изъ личныхъ моихъ наблюденій, я пришелъ къ убѣжденію, что оно можетъ получить весьма большое примѣненіе въ медицинѣ. Пока я нашелъ для него единственное примѣненіе для волосъ, какъ средство способствующее ихъ росту, въ чемъ я имѣлъ случай лично убѣдиться. Масло это на вкусъ сначала сладко, потомъ остро и ѣдко. Горить безъ копоти; пламя совершенно бѣлое, очень жаркое.

Кунджутное масло—одно изъ самыхъ лучшихъ, съ которымъ рѣдкое можетъ соперничать. Оно вполне замѣняетъ прованское, почему можно полагать, что привозъ въ Ташкентъ прованскаго масла скоро совершенно прекратится. Кунджутное масло имѣеть свѣтло-желтый цвѣтъ, пріятный вкусъ и совершенно безъ запаха; застываетъ также какъ и прованское и можетъ весьма долго сохраняться безъ порчи. Его получается до 40%.

Льняныя и кунджутныя *жмыхи* (избоина) имѣють хорошій сбытъ и покупаются туземцами для кормленія скота.

Л. И. Краузе.

Замѣтка о красильномъ искусствѣ туземцевъ.

Красильное искусство туземцевъ въ Средней Азіи стоитъ на самой низкой степени совершенства и не представляетъ

ничего поучительнаго и достойнаго подражанія. — Химическія свѣдѣнія, составляющія основаніе красильнаго искусства, не распространены между туземцами, почему способы окрашиванія и составленія красокъ, разъ установившіеся и вошедшіе въ употребленіе, эмпирически передаются по наслѣдству отъ отца къ сыну безъ всякихъ измѣненій, несмотря на ихъ несовершенство.

Задача этой статьи представить краткій очеркъ положенія красильнаго искусства въ Средней Азіи, какъ отрасли мѣстной промышленности, по этому считаю нужнымъ изложить здѣсь въ кратцѣ существующіе способы окрашиванія и употребляемыя для этого вещества и составы.

Окраска *клеевыми красками*, употребляемыми у насъ въ малярномъ искусствѣ и комнатной живописи, весьма распространена у туземцевъ, но взамѣнъ употребляемаго при этомъ у насъ клея, они прибавляютъ яичный бѣлокъ. Для окрасокъ употребляются преимущественно яркіе цвѣта, при чемъ рисунки ихъ отличаются пестротой. Всѣ идущія въ дѣло краски привозныя, а именно: *ультрамаринъ, сурикъ, киноварь, кронцельбъ, цинкоберъ-грюнъ и свинцовыя бѣлила*. Окраска производится этими красками прямо, безъ всякаго измѣненія ихъ оттѣнковъ примѣсью или смѣшеніями красокъ между собою.

Способъ окрашиванія *масляными красками* по видимому неизвѣстенъ туземцамъ; вмѣсто нихъ они покрываютъ окрашенную вещь названными выше клеевыми красками (на яичномъ бѣлкѣ) и поверхъ ихъ лакомъ, который они составляютъ изъ нагрѣтаго до кипѣнія масла и фисташковой смолы. Покрытая этимъ лакомъ вещь получаетъ блескъ. Такимъ способомъ они окрашиваютъ арчаки своихъ сѣделъ.

Для окрашиванія токарныхъ издѣлій употребляется цвѣтной сургучъ, получаемый изъ Россіи. Палочки привозимаго отъ насъ сургуча, переливаются въ Бухарѣ въ плитки большаго размѣра и употребляются токарями для окраски ихъ издѣлій. Способъ окраски весьма простъ: окрашиваемая вещь натирается цвѣтнымъ сургучемъ на токарномъ станкѣ. Работа эта идетъ весьма быстро и при этомъ эта окраска про-

чна и красива. Кромѣ того выгода этого способа окраски заключается въ томъ, что для нея не требуется, какъ для масляной окраски, грунтовки и времени для просыханія.

Употребляемыя на гончарныхъ заводахъ, для поливы глиняныхъ и фаянсовыхъ издѣлій, *огневая краска* весьма не за-виднаго качества и отличаются однообразіемъ въ цвѣтахъ. Для голубаго цвѣта употребляютъ смальта; для фіолетоваго — перекись марганца; желтаго — желѣзная руда и зеленаго — яръ мѣдянка.

Вообще должно замѣтить, что огневая краска составляется туземцами съ большими затрудненіями, почему хорошія огневая краска могутъ имѣть тамъ обезпеченный сбытъ.

Помѣщая ниже перечень употребляемыхъ туземцами красокъ съ транскрибированными мѣстными ихъ названіями.

Минеральныя краски (мѣстныя и привозныя).

1. *Чуянбукъ*, желѣзная руда, привозится изъ горъ и идетъ только на огневая краска. Даетъ окраску грязно-желаго цвѣта.

2. *Дюша*—кравикъ привозится изъ горъ изъ окрестностей Кишлака Аблыкъ и другихъ мѣстъ. Употребляется для огневой краски; кромѣ того идетъ для окрашиванія деревянной посуды. Киргизы обыкновенно окрашиваютъ этой краскою деревянные переплеты своихъ юртъ (терега).

3. *Магилъ*—перекись марганца добывается въ окрестныхъ горахъ и встрѣчается въ изобиліи около Кишлака Заркета. Идетъ для приготовленія огневой краски грязно фіолетоваго цвѣта. Продается по 30 коп. фунтъ.

4. *Малашъ*—окись олова (?) привозится изъ Машата, недалеко отъ Бухары; идетъ на огневую краску зеленаго цвѣта. Цѣна 2 руб. фунтъ.

5. *Кара-мисъ*—закись мѣди готовится въ Ташкентѣ; для чего берутъ мѣдные опилки, кладутъ ихъ въ чугунный котель, наливаютъ въ него воды и варятъ, постоянно помѣшивая деревянной палкой, до тѣхъ поръ пока мѣдь почернѣетъ. Идетъ въ составъ огневыхъ красокъ.

6. *Кузъ мисъ*—яръ мѣдянка, готовится на мѣстѣ и употребляется въ составъ огневыхъ красокъ и для окрашиванія кожъ въ зеленый цвѣтъ. Цѣна ея 10 коп. фунтъ.

7. *Лоджувартъ*—смальта, привозится изъ Россіи; идетъ въ составъ огневыхъ красокъ и для комнатной живописи. Цѣна 60 коп. фунтъ.

8. *Заньиръ*—цыноберъ-грюнъ, привозится изъ Россіи; употребляется для комнатной живописи. Цѣна 50 коп. фунтъ.

9. *Зарды-тивары*—кронгельбъ, привозится изъ Россіи и употребляется для комнатной живописи. Цѣна 50 коп. фунтъ.

10. *Шинарфъ*—сурикъ, тоже привозится изъ Россіи и употребляется для комнатной живописи. Цѣна 50 коп. фунтъ.

11. *Салой-дюша*—киноварь, тоже изъ Россіи и для такого же употребленія. Цѣна 50 коп. фунтъ.

Растительныя краски.

12. *Руанъ*—марена, разводится на мѣстѣ, особенно много въ Коканѣ; встрѣчается и дикорастущая. Употребляется для окрашиванія шелка и маты.

13. *Испарякъ*—живокость желтая, растетъ дико въ изобиліи въ окрестностяхъ Ташкента и другихъ мѣстахъ. Даетъ хорошую желтую краску, которая употребляется для окрашиванія шелка и нитокъ.

14. *Пунакъ*—губка, растущая на шелковичныхъ деревьяхъ. Употребляется для окрашиванія нагольных тулуповъ въ грязный желто-зеленый цвѣтъ. Ее много привозятъ изъ Кокана.

15. *Тухмякъ*—цвѣтки *Saphora Japónica*, дерева, растущаго въ мѣстныхъ садахъ. Изъ цвѣтовъ этого дерева получаютъ зеленую краску, но употребленіе оной весьма не обширное.

16. *Гульхайри*—цвѣтъ черной мальвы, разводимой въ садахъ, какъ красивое растеніе. Употребляется, хотя и рѣдко, для окрашиванія шелка въ черный цвѣтъ.

17. *Нартусъ*—корки гранатъ, въ большомъ количествѣ привозится изъ Намангана. Употребляется для составленія черной краски.

18. *Кызылъ-Бакамъ* сандалъ, привозится изъ Россіи и употребляется для окрашиванія шелка и замши въ красный цвѣтъ. Со времени привоза въ край *фуксина*, употребленіе сандала и кашенили значительно уменьшилось.

19. *Кара-Бакамъ*, Бразильское дерево, привозится изъ Россіи и употребляется для окрашиванія въ темно-фіолетовый цвѣтъ.

20. *Бузунъ*, галлы съ листьевъ фисташковаго дерева, — употребляются какъ дубильное вещество.

21. *Кермакъ*, корень ревеня, растущаго въ изобиліи въ окрестныхъ горахъ. Употребляется для дубленія кожъ.

22. *Ниль*, индиго, находится въ продажѣ нѣсколько сортовъ; всѣ они привозятся изъ Индіи имѣютъ огромное примѣненіе въ красильномъ искусствѣ, какъ для окрашиванія во всѣ оттѣнки голубаго цвѣта, такъ и въ зеленый цвѣтъ, который получается при обмакиваніи матеріи желтаго цвѣта въ растворъ индиго.

23. *Асиль ренъ*—кошениль, привозится изъ Бухары и употребляется для окрашиванія шелка въ красный цвѣтъ. Продается по 3 р. за фунтъ. Въ Ташкентѣ весною на молодыхъ листьяхъ ясени и другихъ деревъ можно найти очень много кошенили, но туземцы ею, по крайней мѣрѣ досихъ поръ, не пользовались.

Если къ перечисленнымъ выше краскамъ прибавить еще мѣстные *чертила-сіаи*, употребляемые туземцами, кромѣ письма, также для окрашиванія, то списокъ мѣстныхъ красокъ будетъ достаточно полонъ.

Сіаи — собственно черная *тушь*, готовится слѣдующимъ образомъ: въ небольшой чашкѣ зажигаютъ льняное масло и собираютъ копоть, отдѣляющуюся при горѣніи онаго. Полученную сажу варятъ вмѣстѣ съ рисомъ въ водѣ. Уваренную до значительной густоты массу высушиваютъ и употребляютъ, разведя ее водою, для письма на проклеенной бумагѣ и какъ черную краску въ комнатной живописи.

Въ мѣстныхъ красильныхъ заведеніяхъ окраска пряжи и тканей производится преимущественно только въ синій цвѣтъ. Окраскою въ другіе цвѣта занимаются особые мастера этого дѣла, приготовляя каждый разъ нужные для окраски въ требуемый цвѣтъ составы. Окраской шелка, напримѣръ, почти исключительно занимаются бухарскіе евреи. Устройство кра-

сильныхъ заведеній крайне просто и не сложно: вывѣской ему служить кусокъ ткани или мотокъ пряжи окрашенной въ синій цвѣтъ и вывѣшанный у входа. Въ помѣщеніи, занимаемомъ красильней, находится нѣсколько большихъ, глиняныхъ корчагъ, содержащихъ растворъ индиго различной крѣпости. Принесенный для окраски матеріалъ погружается, въ присутствіи закащика, въ одинъ или послѣдовательно въ нѣсколько растворовъ индиго различной крѣпости, смотря по густотѣ цвѣта, какую должна получить окрашиваемая вещь, отжимается и вслѣдъ затѣмъ, прямо еще мокрый возвращается заказчику. Получаемая красильщикомъ плата за такую окраску разчитывается по величинѣ окрашиваемой вещи, числу погруженій и густотѣ требованнаго цвѣта; вообще она весьма умѣренная.

Въ заключеніе прилагаю нѣсколько рецептовъ составовъ, употребляемыхъ для окраски шелка, маты (бумажной ткани) и кожъ.

Для окрашиванія шелка: а) въ черный цвѣтъ (*кара*) берутъ на три фунта шелка, 2 фунта корки гранатъ (*нарпусъ*) и $\frac{1}{2}$ фунта желѣзныхъ опилокъ (*аайсафъ*) и, смѣшавъ, вмѣстѣ варятъ въ продолженіи почти цѣлаго дня въ водѣ, постоянно мѣшая. Уваривъ, процѣживаютъ и окрашиваютъ шелкъ, предварительно вымытый въ щелокѣ.

б) Въ золотистый цвѣтъ (*тиля-сарыкъ*), берутъ 6 фунтовъ травы *испаракъ* (желт. живокость), $1\frac{1}{2}$ фунта *руянъ* (марены) и 3 унцы *ачикъ-тамъ* (квасцовъ) и все это варятъ довольно продолжительное время въ водѣ. Въ полученную послѣ процѣживанія жидкость погружаютъ окрашиваемый шелкъ.

в) Въ вишневый цвѣтъ (*ююнили*) пяти фунтовъ шелку, берутъ: 1 фунтъ *бузунча* (галъ фисташковаго дерева), 1 фунтъ *кызылъ-бокамъ* (сандаля) и $\frac{1}{2}$ фунта *асильренъ* (кошенили) и варятъ смѣсь эту въ котлѣ, послѣ чего процѣживаютъ.

г) Въ свѣтло-зеленый цвѣтъ (*зайнабе*), берутъ шелкъ окрашенный прежде въ желтый цвѣтъ въ отварѣ *испаряка* (ж. живокости) и погружаютъ въ слабый растворъ индиго (*ниль*).

д) Въ *розовый цвѣтъ (пишти)*, употребляютъ слабый растворъ *фуксина (ференг-ренг)*.

е) Въ *голубой цвѣтъ (токок)*, употребляютъ растворъ *индиго (ниль)* съ примѣсью *извести (акак)*.

ж) Въ *красный цвѣтъ (кызыл)* прежде употребляли преимущественно *сандаля и марену*; въ послѣднее время все больше и больше входитъ въ употребленіе *фуксинъ*, который мѣстные красильщики растворяютъ просто въ горячей водѣ и окунаютъ въ этотъ растворъ окрашиваемый шелкъ. Эта окраска впрочемъ не прочна и линяетъ.

з) Въ *темно-зеленый цвѣтъ (барикарам)*, берутъ шелкъ окрашенный въ желтый цвѣтъ (*испаряк*) и погружаютъ его въ растворъ *индиго* средней крѣпости.

и) Въ *фіолетовый цвѣтъ (кой-инды)*, берутъ 1½ фунта *кара-бака* (бразильскаго дерева) и 1 фунтъ *ачикъ-таша* (квасцовъ), разводятъ водою и увариваютъ въ котлѣ. Процѣженный отваръ употребляютъ для окраски.

і) Въ *желтый цвѣтъ (сарык)*, берутъ отваръ *испаряка* (желт. живокости).

к) Въ *стальной цвѣтъ (саус)*, берутъ шелкъ окрашенный въ желтый цвѣтъ и погружаютъ его въ растворъ черной краски.

Отбѣливаютъ шелкъ, обрабатывая его въ растворѣ *ишкара* (поташа) и *аака* (извести).

Для окрашивания *маты* (бумажной ткани).

а) Въ *синій цвѣтъ (ашъ-кок)* употребляютъ растворъ *индиго*.

б) Въ *зеленый цвѣтъ (пистачи)*, сначала окрашиваютъ ее въ отварѣ *испаряка* въ желтый цвѣтъ, потомъ погружаютъ въ растворъ *индиго*.

Для окрашивания *маты* въ *желтый (сарык)*, *красный (кызыл)* и *темно-фіолетовый (наперман)* употребляютъ одинаковые составы какъ и для шелка этихъ цвѣтовъ.

Для окрашивания замшевой кожи.

а) Въ *желтый цвѣтъ*—употребляютъ отваръ *испаряка* съ квасцами. Если желаютъ получить темно-желтый или оранжевый цвѣтъ, то въ смѣсь *испаряка* и квасцовъ прибавляютъ *марены*.

б) въ *красный цвѣтъ*—употребляютъ отваръ изъ смѣси *санда*, *марены* и квасцовъ. Въ послѣднее время большое употребленіе получилъ для этой цѣли *фуксинъ*, окрашенные которымъ кожи получаютъ малиновый цвѣтъ.

в) Въ *черный цвѣтъ*—употребляютъ отваръ цвѣтовъ черной мальвы съ квасцами.

И. Краузе.

О туземномъ оружіи въ Туркестанскомъ краѣ.

Въ туркестанскомъ краѣ, еще младенчеству относительнаго развитія туземной заводской и фабричной промышленности, не существуетъ желѣзо-дѣлательнаго и стального производствъ. Всѣ издѣлія изготовляются изъ русскаго брусковаго и полосоваго желѣза и стали, посредствомъ отковки. Въ 1867 году вывезено изъ Россіи желѣза въ русскій Туркестанъ 35,821 пудъ, всего на сумму 51,610 руб.

Самый способъковки желѣза тотъ же, какъ и въ Россіи; никакихъ оригинальныхъ пріемовъ въ этомъ производствѣ не замѣчается. По дороговизнѣ топлива и угля, сарты-кузнецы обходятся съ углемъ крайне бережливо и часто не догрѣваютъ металла, вслѣдствіе чего въ ихъ издѣліяхъ нерѣдко попадаетъ несваръ. Самыя издѣлія весьма непрочны, сдѣланы небрежно и не получаютъ никакой отдѣлки. Дешевизна составляетъ главное и почти единственное достоинство этихъ издѣлій.

Въ числѣ мастеровъ есть въ краѣ, впрочемъ, и болѣе искусные, довольно хорошо подражающіе русскимъ произведеніямъ и умѣющіе дать издѣліямъ нѣкоторую отдѣлку; но такихъ весьма мало. Хорошія вещи они дѣлаютъ только на заказъ, а

подобные заказы, при общей неприхотливости сартовъ, выпадаютъ весьма рѣдко. На базаръ же не выносятся на продажу болѣе доброкачественныхъ и тщательно приготовленныхъ издѣлій.

Вообще, эта отрасль промышленности у сартовъ стоитъ на весьма низкой степени: всѣ почти рѣзущіе инструменты (ножи, ножницы, бритвы) дѣлаются изъ простаго желѣза и не имѣютъ полировки; остріе натачивается на самомъ грубомъ камнѣ. Есть ножи изъ стали (даже попадаются—изъ дамасской), но они весьма рѣдки и весьма дороги (отъ 3-хъ руб. и выше).

Обыкновенно же базарныя цѣны:

Ножъ . . . 20—30 коп.

Бритва. . . 5—10 коп.

Ножницы . 5—10 коп.

Плотничьи и столярные инструменты готовятся изъ стали и отдѣлываются тщательнѣе.

Азіятскіе клинки, нѣкогда славные, теперь совершенно не оправдываютъ свою старую репутацію. Сартовскіе клинки, (какъ и другіе рѣзущіе инструменты), дѣлаются изъ желѣза или весьма дурной стали. Такіе клинки сарты даже предпочитаютъ закаленнымъ клинкамъ хорошей стали, на томъ основаніи, что тѣ не могутъ ломаться, или сильно зубриться. Если же клинки, вслѣдствіе мягкости металла, и согнутся или затупятся, то это обстоятельство помѣхи составить не можетъ: каждый сартъ имѣетъ при себѣ небольшой оселокъ, которымъ онъ немедленно исправляетъ поврежденія клинка.

Впрочемъ попадаются также и хорошіе клинки, какъ у киргизъ, такъ и у сартовъ. Хорошее оружіе здѣсь цѣнится очень дорого; оно переходитъ по наслѣдству, отъ отца къ сыну, и неохотно ими продается. Хорошіе клинки вывезены изъ Персіи, они, по большей части, выдѣланы изъ дамасской стали, или откованы изъ желѣзной проволоки, сплавленной съ углемъ. Такого рода обработка сообщаетъ металлу большую твердость и упругость, не дѣлая его хрупкимъ. Дамасскій ме-

талль здѣсь цѣнится очень высоко. Иногда металлъ этотъ попадаетъ въ ломъ; изъ него отковываются новые клинки, которые, впрочемъ, не всегда сохраняютъ свои прежнія качества. Такого рода передѣлкой занимается преимущественно гор. Гиссаръ. Есть мастера умѣющіе готовить такіе же клинки и въ Самаркандѣ, но ихъ весьма мало.

Существуютъ и другіе способы выдѣлки клинковъ; такъ напримѣръ: берутъ клинокъ мягкой стали и на лезвіе его навариваютъ послѣдовательно англійскія иглоки; когда послѣднихъ наберется достаточное количество, ихъ тщательно проковываютъ вмѣстѣ съ клинкомъ. Наконецъ, когда вся масса металла достаточно сплотится, лезвіе снова закалываютъ. Вслѣдствіе этого, получается клинокъ мягкой стали, съ сильно закаленнымъ лезвіемъ изъ англійской стали. Если металлъ былъ сильно нагрѣтъ, проковка произведена тщательно, металлъ клинка выбранъ подходящий и самая закалка лезвія произведена въ надлежащей степени, то такіе клинки выходятъ весьма удовлетворительны: они хорошо выносятъ погибъ и боковые удары, а закаленное лезвіе ихъ долго сохраняетъ отточку, хорошо рѣжетъ и выноситъ рубку. Но при дурной проковкѣ, связь свариваемыхъ металловъ получается не достаточная: тогда, при погибѣ клинка, часто одно лезвіе отдѣляется отъ клинка и даетъ трещины.

Другой способъ обработки клинковъ весьма сходенъ со способомъ изготовленія клинковъ въ Толедо (въ Испаніи). Именно: отковываютъ клинокъ изъ подковнаго желѣза или подковныхъ гвоздей, затѣмъ берутъ два другіе тонкіе клинка изъ хорошей стали (цементной, или еще лучше изъ англійскихъ иглокъ). Степень кривизны всѣхъ трехъ клинковъ должна быть одинакова. Желѣзный клинокъ кладутъ между двумя стальными такъ, чтобы края стальныхъ сходились, и всѣ эти три клинка, сложенные вмѣстѣ, тщательно проковываютъ. Тамъ, гдѣ сходились края стальныхъ клинковъ, образуется лезвіе (стальное) сложнаго клинка.

Если такіе клинки откованы искусно и изъ доброкачественныхъ матеріаловъ, то они представляютъ весьма хорошее

боевое оружіе: клинокъ не ломокъ и лезвіе вмѣстѣ съ тѣмъ твердо. Но такіе удачные клинки составляютъ большую рѣдкость.

По наружному виду, туземные клинки бываютъ двухъ родовъ: кривыя (сабли) и прямыя (шашки). Первые имѣютъ весьма большую кривизну: особенно сильное искривленіе получаютъ онѣ на разстояніи $\frac{2}{3}$ отъ рукоятки. Это та самая часть клинка, которой наносятся удары; при чемъ направленіе удара совпадаетъ съ направленіемъ лезвія (или, по крайней мѣрѣ, составляетъ съ послѣднимъ весьма небольшой уголъ), и ударъ получается рѣжущій, т.-е. самый дѣйствительный. Въ этомъ отношеніи форма азіатскихъ клинковъ соображена съ ихъ назначеніемъ гораздо лучше, чѣмъ форма клинковъ европейскихъ армій.

Ефесъ дѣлается обыкновенно изъ рога, дерева или слоновой кости, имѣетъ перекрестье, конецъ его загнуть и имѣетъ отверстіе, въ которое пропускается шелковый темлякъ.

Тяжесть рассчитана такъ, чтобы центръ ея лежалъ между серединой клинка и искривленной частью. Этимъ расположеніемъ центра тяжести удару придается болѣе силы.

Ножны, по большей части, деревянные съ металлическимъ наконечникомъ; вверху съ выпускной стороны онѣ разрѣзаны немного, для того, чтобы значительная кривизна клинка не препятствовала ему входить въ ножны.

Многія изъ хорошихъ сабель имѣютъ довольно цѣнную оправу изъ вызолоченнаго серебра, украшены бирюзой и другими камнями.

Прямые сабли имѣютъ двоякое назначеніе: колоть и рубить. Прямые клинки, по достоинству металла, большею частію хуже кривыхъ клинковъ. Ефесъ прямой, безъ дужекъ и перекрестья. Клинокъ расширяется ближе къ рукояткѣ, гдѣ онъ какъ бы сточенъ. Центръ тяжести лежитъ ближе къ ефесу, чѣмъ въ кривыхъ сабляхъ.

Короткіе кинжалы попадаются весьма рѣдко, такъ какъ, при всеобщемъ вооруженіи длинными клинками, кинжалы слиш-

комъ коротки, чтобы ихъ можно было употреблять какъ оборонительное оружіе.

Авганскія сабли отличаются отъ сартовскихъ большей длинной, при меньшей кривизнѣ, и весьма красивой формой ефеса. Ефесь, по большей части, желѣзный, съ довольно большой красивой головкой, съ ушкомъ на концѣ, для продѣвания шелкового темляка; перекрестье—съ опущенными внизъ концами.

Опредѣлить объемъ производства ручнаго оружія въ краѣ при бухарскомъ и коканскомъ владычествѣ, весьма трудно, такъ какъ оно не подчинялось никакой нормѣ: предстояла война—заказы дѣлались въ большомъ количествѣ и мастера едва успѣвали работать. Въ мирное время оружейные мастера сидѣли безъ дѣла и, по недостатку заказовъ на оружіе, занимались выдѣлкой ножей, столярныхъ и плотничьихъ инструментовъ, удиль, стремянъ и проч.; оружейныя мастерскія обращались въ желѣзныя лавки.

Правительство никогда заказовъ оружія для войскъ не дѣлало; каждый пріобрѣталъ себѣ оружіе самъ.

Въ Самаркандѣ, при бухарскомъ владычествѣ, оружіе выдѣлывалось на базарѣ въ 15 открытыхъ лавкахъ. Хорошихъ мастеровъ считалось шесть.

По взятіи Самарканда русскими, въ немъ осталось не болѣе четырехъ мастеровъ, и тѣ, такъ какъ выдѣлка оружія для сартовъ запрещена, занимаются теперь приготовленіемъ разныхъ другихъ желѣзныхъ и стальныхъ предметовъ; выдѣлкой же холоднаго оружія занимаются они въ весьма ограниченномъ числѣ, только для русскихъ. Выдѣлкой оружія славился также городъ Туркестанъ.

На изготовленіе сабли низкаго достоинства потребно отъ 3-хъ до 5 дней; на выдѣлку же сабли высокаго достоинства—до 15 дней.

Ружья у сартовъ, по большей части, фитильныя; стволы почти всѣ европейской работы, весьма старыхъ системъ; многіе завезены изъ Индіи. Но попадаются, хотя весьма рѣдко, и стволы туземной, весьма не совершенной работы—рабское

подражаніе европейскимъ образцамъ. Ложи и фитильные замки—всѣ туземной работы. Ложи имѣютъ совершенно своеобразную форму: онѣ весьма тонки и сильно изогнуты; въ прикладѣ нѣтъ никакого расширенія или утолщенія. Фитильные замки состоятъ изъ одного только криваго рычага, одинъ конецъ котораго служить спускомъ, а другой имѣетъ видъ щипчиковъ для вкладыванія фитиля. Иногда къ ложѣ приделывается деревянная рогулька, служащая подставкой при стрѣльбѣ. Такого рода ружья найдены въ большомъ количествѣ и въ Кульдѣжѣ.

Огнестрѣльное оружіе туземцевъ бываетъ двухъ родовъ:

1) Тяжелое крѣпостное ружье, или фальаконетъ (*джазаль*, *салышканъ*), весьма длинное, большаго калибра (отъ 1 до 2 дюймовъ), ложе довольно массивное. Стрѣляютъ съ прочныхъ подставокъ. Пули чугунныя, рѣдко свинцовыя.

2) Полевое ружье (*мултыкъ*) самыхъ разнообразныхъ калибровъ и величинъ, начиная съ дюймоваго и меньше. Стѣнки стволовъ толсты и самые стволы очень длинны. Къ болѣе тяжелымъ приделаны подставки въ видѣ рогатки.

Попадаются ружья и позднѣйшихъ (европейскихъ) системъ, съ кремневыми и ударными замками, съ нарезными стволами.

Стволы съ насѣчкой на персидскомъ языкѣ попадаютъ весьма рѣдко; и на тѣхъ насѣчки видимо позднѣйшаго происхожденія.

О кожевенномъ производствѣ въ Туркестанскомъ краѣ.

Въ Туркестанскомъ краѣ между предметами кожевеннаго производства, обращаютъ вниманіе козловыя кожи, занимающія болѣе видное мѣсто въ потребленіи сравнительно съ другими и выдѣлка которыхъ приспособлена въ разныхъ видахъ: въ видѣ замши и въ видѣ чернаго козловаго товара. Первая большею частію окрашивается въ малиновый и желтый цвѣта и потребляется на чембары *); послѣдній т. е.

*) Родъ брюкъ для верховой ѣзды.

козловый товаръ, болѣе всего пригоденъ для азіатской обуви. Затѣмъ, также обращаютъ на себя вниманіе, такъ называемые *сауры*, выкроенные огузки изъ ослиныхъ и лошадиныхъ шкуръ, лучшіе сауры выходятъ въ особенности изъ послѣднихъ. Сауры, по обработкѣ своей хотя и похожи на наши шагрени, но они принадлежатъ къ особаго рода выдѣлкѣ, [которая еще далека до совершенства. Несовершенство заключается въ томъ, что при обработкѣ мало удаляется сырь, которая остается толстымъ слоемъ въ срединѣ кожи; отчего въ ней и не достаетъ той мягкости, которую можно было бы получить при правильной ея выдѣлкѣ. Сауры потребляются исключительно для азіатской обуви и преимущественно для калошъ. Выдѣлка сауръ производится слѣдующимъ образомъ: лошадиные или ослиные огузки размачиваются въ водѣ, потомъ погружаются въ котелъ съ разведеннымъ шуромъ, *) въ которомъ лежатъ около сутокъ, и въ то время нѣсколько разъ переполаскиваются въ томъ же растворѣ; затѣмъ мясина и сало сбиваются желѣзнымъ тупикомъ, а шерсть, вмѣстѣ съ лицевою оболочкою, сострагивается острымъ ножомъ; послѣ того, стальною пластинкою, въ родѣ пилы, наръзываются вдоль и поперекъ, съ лицевой стороны, черточки, для того, чтобъ удобнѣе было вдавливать, посредствомъ втаптыванія, просяныя зерна, отъ которыхъ получается шереховатый видъ, и потомъ распяливаются и строгаются узенькимъ стальнымъ стругомъ; потомъ пересыпаются мѣдными опилками, съ примѣсью мышка и секретнаго состава, чѣмъ поддерживается полученная отъ проса шереховатость, и чрезъ этотъ процессъ получается окраска ярко-зеленаго цвѣта.

Выдѣлка тамошней юфти, т. е. кожъ съ рогатаго скота, производится слѣдующимъ образомъ:

Сырая или сухая, размоченная кожа погружается въ выкопанную яму съ извѣстнымъ количествомъ известковой щелочи, съ прибавленіемъ перезженной травы, такъ называемой *шкаръ* **). Въ этомъ растворѣ бычья или коровья кожа ле-

*) Родъ кали.

**) Родъ шадрика.

жить отъ 7 до 10 дней (и большею частію обходится безъ перезолки); шерсть же сбивается тупикомъ, самыя кожи перетаскиваются въ арыкъ, для того, чтобъ лучше было удалить изъ нихъ золильный матеріалъ. Послѣ этого, кожи погружаются въ особо устроенные котлы съ растворомъ ячменной муки, приготовленной въ родѣ киселя. Пробывши въ этомъ киселѣ не болѣе однихъ сутокъ, строгаются съ мездры, узенькимъ желѣзнымъ стругомъ; затѣмъ погружаются въ яму, выкопанную въ землѣ въ родѣ ларя, въ которой приготовленъ изъ теплой воды дубильный матеріалъ, состоящій исключительно изъ одного корня, такъ называемаго „тарынь“^{*)}). Погруженные въ этотъ ларь кожи переполаскиваются двумя рабочими отъ 4-хъ до 6-ти разъ въ сутки, и такимъ образомъ, средняя скорость дубленія продолжится отъ 10 до 14 дней; кожи, затѣмъ, вынимаются изъ этого ларя, тщательно натираются съ бахтармы солью и вывѣшиваются на шестахъ или веревкахъ для просушки на солнцѣ; промазываются курдючнымъ бараньимъ саломъ, и затѣмъ разглаживаются съ лицевой стороны деревянными лощилками. Такія кожи, оказываются пригодными для туземныхъ шорныхъ издѣлій.

Опойки, т. е. телячьи кожи, выдѣлываются такимъ-же способомъ какъ и коровьи, съ тою лишь разницею, что первыя, сравнительно съ послѣдними, выдѣлываются скорѣе, съ меньшею затратою матеріаловъ, и отличаются отъ коровьихъ малою величиною и тонкостью ремня. Этотъ родъ опойка также пригоденъ для туземныхъ шорныхъ потребленій.

Козловыя кожи выдѣлываются однообразно съ предшествовавшими, разница въ томъ что для выдѣлки козловыхъ кожъ, сокъ готовится изъ дубильнаго корня *карменъ*, не иначе какъ подсеяннаго, для того чтобъ не было на лицевой сторонѣ загнетинъ, и чтобъ сокъ этотъ болѣе содержалъ въ себѣ красильнаго свойства. Лицевая сторона козловой кожи окрашивается бузгунчемъ^{*)} съ примесью

*) Травяной корень, добываемый въ горахъ киргизами.

*) *Бузгунчъ*—галы съ листьевъ фисташкового дерева.

камня „закъ“ *), отчего и получается совершенно черный цвѣтъ. Здѣшняя выдѣлка козловаго товара, сравнительно съ русскою далеко не совершенна, между тѣмъ какъ изобиліе въ краѣ кожъ и матеріаловъ для ихъ обработки, даетъ возможность выдѣлывать ихъ гораздо лучше. Вѣрную цифру выдѣлываемыхъ тамъ козовыхъ кожъ опредѣлить было бы трудно; но приблизительно можно сказать, что число ихъ дойдетъ не до одной сотни тысячъ. Такое количество, сбываемое преимущественно на туземные рынки, потребляется исключительно туземцами. Цѣны, сравнительно съ русскими, вдвое дешевле.

Бараньи кожи выдѣлываются въ краѣ почти также какъ и козловыя и разнятся только тѣмъ, что рѣдко окрашиваются въ разныя цвѣта, а болѣе готовятся бѣлыми и мало потребляются азіятцами. Большая-же часть ихъ покупается Петропавловскими татарами, которые сбываютъ ихъ на Нижегородской ярмаркѣ Богородскимъ и проч. рукавичникамъ, а также и экипажнымъ мастерамъ. Цѣны не высоки. Количество же выдѣлываемыхъ въ Ташкентѣ бараньихъ кожъ значительно превзойдетъ цифру козовыхъ.

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на здѣшнюю обработку верблюжьихъ, бычачьихъ и кутасовыхъ **) кожъ, потому собственнно, что способъ выдѣлки безпорно составляетъ своего рода особенность, которая въ Россіи нашимъ отечественнымъ заводчикамъ совершенно неизвѣстна. Кожи эти, или гузяры (родъ лосины) преимущественно выдѣлываются изъ верблюжьихъ, бычьихъ и кутасовыхъ кожъ, лучшею же изъ этихъ трехъ родовъ, оказывается кутасовая.

Выдѣлка производится слѣдующимъ образомъ: верблюжья, бычья или кутасовая кожа, послѣ очистки погружается въ золильный растворъ, содержащій въ себѣ извѣстное количество пережженной травы въ родѣ шадрика, съ примѣсью изъ

*) *Закъ*—родъ глины, добываемой около Ауліета и Туркестана близъ озеръ.

**) *Кутасъ*—дикая Кашгарская корова.

вести. Кожѣ, пробывшія въ этомъ растворѣ отъ 7 до 10 дней, освобождаются отъ шерсти, затѣмъ опускаются въ шұры, и послѣ того, въ проточный арыкъ, для удаленія извести; потомъ натираются солью и тщательно кладутся по одной штукѣ на дымовую трубу особо устроенной печи (въ родѣ корчаги). Огонь въ печи разводится изъ особаго рода травы, такъ называемый по туземному „Калямъ-Каякъ“, *) (въ Россіи такой травы нѣтъ), которая очень скоро загорается и имѣетъ довольно жаркое пламя, которое высоко выходитъ изъ трубы и только заглушается тогда, когда на это отверстіе кожа кладется мездрую внизъ и постепенно передвигается. Дымъ отъ этой травы, содержащій въ себѣ, ѣдкое свойство, глубоко впитывается въ кожу и значительно уничтожаетъ сырѣю: кожа, послѣ такого дымленія, намазывается пшеничною мякиною, затѣмъ смывается водою и снова намазывается истолченною рисовою мукою, растворенною кислымъ молокомъ, просушивается на воздухѣ, и потомъ разминается на тупомъ бѣлякѣ, а лицевая, сторона соскабливается острымъ бѣлякомъ, отчего и получаетъ видъ чего-то въ родѣ лосины. Кожѣ эти потребляются частью для лучшихъ шорныхъ издѣлій, а болѣе для ремней, носимыхъ туземцами на поясахъ.

Приготовленныя такимъ способомъ кожѣ цѣнятся гораздо дороже, чѣмъ всѣ другіе выдѣлываемые сорта на туземныхъ заводахъ. Причина дороговизны та, что верблюжьи, бычьи или кутасовыя кожѣ, въ сыромъ ихъ видѣ, стоятъ гораздо дороже, и болѣе потому, что выдѣлка ихъ много требуетъ матеріаловъ и рабочаго труда.

Изъ лошадиныхъ или кониныхъ кожъ, какъ уже объяснено выше, выкраиваются болѣею частію одни огузки, а остальные части потребляются киргизами въ необработанномъ видѣ для разныхъ ремней, и, такимъ образомъ, цѣльныхъ конинъ тамъ почти совсѣмъ не выдѣлывается.

Замши выдѣлываются почти одинаково съ гузьяры, и разнятся только тѣмъ что требуютъ для выдѣлки, гораздо мень-

*) Каякъ болѣею частію растетъ въ стенахъ, около камышей.

ше матеріаловъ и работы. Онѣ выдѣлываются изъ козлиныхъ и бараньихъ кожъ, но преимущественно изъ первыхъ, которыя хорошо окрашиваются въ разные цвѣта, но болѣе въ малиновый. Въ составъ послѣдняго окрашиванія входитъ мarena тамошняго произрастенія. Выдѣланныя такимъ образомъ замшевыя кожи потребляются, большею частію, на чембары и разные подушки. Какъ первыя, такъ и послѣднія, вышиваются иногда разноцвѣтными шелками.

Подошвенныя кожи. Способы выдѣлки подошвенныхъ верблюжьихъ кожъ одинаковы съ обработкою бычьихъ и коровьихъ кожъ; разница лишь въ томъ, что первыя, сравнительно съ послѣдними, выдѣлываются въ $1\frac{1}{2}$ раза продолжительнѣе и притомъ матеріаловъ истрачивается болѣе, чѣмъ для бычачьихъ и коровьихъ. Верблюжьи подошвенныя кожи потребляются тамъ исключительно туземцами для обуви, и преимущественно киргизской. Между тѣмъ, при такихъ матеріалахъ, какими изобилуетъ Туркестанскій край, является полная возможность выдѣлывать изъ этихъ продуктовъ отличныя кожи, которыя вполнѣ могли бы быть годными для хорошихъ машиноприводныхъ ремней, и въ особенности для этихъ послѣднихъ оказываются весьма примѣрными кутасовыя кожи, которыя, по свойственной имъ толщинѣ, могутъ служить отличными подошвенными кожами, не только для азіатскаго потребленія, но и для русскаго.

Бычачьи подошвенныя кожи также могли бы быть обработаны гораздо лучше, чѣмъ при настоящей выдѣлкѣ. Кожи эти потребляются тамъ для легкой обуви и преимущественно для ичегъ.

Въ Ташкентѣ и во всѣхъ Средне-азіатскихъ городахъ, до сихъ поръ нѣтъ ни одного кожевеннаго завода, который бы выдѣлывалъ кожи и удовлетворялъ бы существующимъ потребностямъ; лучшій кожевенный товаръ привозился и теперь привозится изъ Петропавловска, Омска, Тюмени, Кунгура, Перьми, Троицка, Орска, Оренбурга, и даже изъ Казани.

Но по причинѣ существующихъ въ Средней Азіи на этотъ товаръ высокихъ цѣнъ, онъ даетъ торговцамъ полную воз-

возможность покупать его въ отдаленныхъ мѣстностяхъ и въ дабавокъ еще платить большую плату за провозъ и, за всѣмъ тѣмъ, купцы остаются не только не въ убыткѣ, но даже получаютъ хорошіе барыши.

Изъ этого ясно видно, что кожевенный товаръ русскихъ заводовъ сбывается на Средне-Азіатскихъ рынкахъ по высокимъ цѣнамъ. Между тѣмъ, при матеріалѣ, какимъ изобилуетъ Туркестанскій край, есть полная возможность выдѣлывать несравненно лучший товаръ, и тѣмъ удовлетворять насущныя мѣстныя потребности. Туземцы же до сихъ поръ правильно выдѣлывать кожъ вообще не умѣютъ и не заботятся объ улучшеніи своихъ прадѣдовскихъ заводахъ. Они выдѣлываютъ, большею частью какую то полудубленную, полусыромятную кожу. Заводы ихъ, или мастерскія, безъ исключенія всѣ расположены на берегахъ арыковъ *), и вмѣсто зданій помѣщаются въ бѣдныхъ лачугахъ, на непокрытомъ и ни чѣмъ не обгороженномъ мѣстѣ; вмѣсто деревянныхъ чановъ—вырыты въ землѣ двухъ рододъ ямы: золильныя, представляютъ собою форму большихъ котловъ; дубильныя—продолговатыя, длиною 2 аршина, шириною 1½, и глубиною въ 1 аршинъ. Золильныя ямы внутри обмазаны алебастромъ, а дубильныя—обложены деревянными досками; какъ первыя, такъ и послѣднія, ничѣмъ не защищены отъ вліянія воздуха, отчего матеріалы значительно утрачиваютъ свою силу. Выдѣланныя такимъ образомъ, кожи не удовлетворительны даже для туземныхъ шорныхъ издѣлій, а потому и продаются, сравнительно съ русскую кожу, вдвое дешевле и труды туземцевъ пропадаютъ непроизводительно.

Для устройства въ Туркестанскомъ краѣ кожевеннаго завода не потребуется выписывать изъ Россіи ни машинъ, ни аппаратовъ, за исключеніемъ лишь немногихъ инструментовъ, которые не составятъ большихъ затратъ; самый заводъ, по роду мѣстныхъ построекъ, не потребуетъ значительнаго капитала. Вообще всѣ постройки для завода сравнительно передъ русскими, обойдутся дешевле, за исключеніемъ лишь дере-

*) Ирригаціонныя каналы.

вянныхъ чановъ, которые будутъ стоять нѣсколько дороже.

Сыраго матеріала т.-е. кожъ рогатаго скота, тамъ очень довольно, равно какъ и всего необходимаго для выдѣлки ихъ достаточно, за исключеніемъ немногаго, а именно: нѣтъ ворвани и дегтя; но первую легко можно замѣнить курдючнымъ бараньимъ саломъ, а на пріобрѣтеніе послѣдняго, благодаря нѣкоторымъ изысканіямъ, имѣются виды.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ Туркестанскомъ краѣ въ изобиліи матеріалы для основанія въ Средней Азіи перваго русскаго кожевеннаго завода, и только остается пожелать успѣха тому русскому дѣятелю, который первый возьмется за такое, весьма важное и вмѣстѣ съ тѣмъ прибыльное и полезное для цѣлаго края дѣло. Сбытъ выдѣланныхъ кожъ на рынкахъ Средней Азіи обезпеченъ и простирается на сотни тысячъ рублей. Независимо отъ пользы, которую пріобрѣтеть туземное населеніе, отъ устройства кожевеннаго завода въ краѣ по образцу русскихъ заводовъ, такое предпріятіе принесетъ въ будущемъ не малую пользу и для правительства.

Мѣстные войска снабжаются кожевеннымъ товаромъ изъ внутреннихъ губерній Россіи и поставка товару производится подрядчиками съ торговъ. При этомъ цѣну на кожевенный товара значительно возвышаетъ стоимость перевозки онаго за три и болѣе тысячъ верстъ.— При устройствѣ кожевеннаго завода на мѣстѣ въ Туркестанскомъ краѣ, независимо отъ дешевизны тамъ сыраго матеріала для выдѣлки кожъ, одно сбереженіе отъ расходовъ на перевозку уже составитъ весьма значительную выгоду для казны.—Съ другой стороны и заводчикъ, при обезпеченномъ и вѣрномъ сбытѣ, можетъ вполне рассчитывать на значительный доходъ съ затраченнаго капитала.

И. Парамоновъ.

Чугунно-литейное производство.

Чугунными издѣліями снабжаютъ Туркестанскій край Уральскіе заводы, преимущественно Костинскій заводъ г-на Растор-

гусва Чугунъ въ видѣ котловъ, кунгановъ и проч. вывозится въ Среднюю-Азію черезъ города Оренбургъ и Троицкъ въ количествѣ около 100 т. пудовъ. Чугунныя вещи, пришедшія въ негодность, чинятся и переплавляются на туземныхъ заводахъ.—Переплавка чугуна туземцами производится совершенно первобытнымъ способомъ: устраивается горнъ, на подобіе кузнечнаго, и въ него вставляется чугунный котелъ, вымазанный внутри огнеупорной глиной (глибута) слоемъ въ одинъ вершокъ толщиною. Въ задней стѣнкѣ горна, непосредственно надъ верхнимъ краемъ котла, дѣлается фурма, въ которую двумя соплами проводится воздухъ, вдуваемый ручными мѣхами. Сопла направлены на дно котла; они дѣлаются изъ огнеупорной глины, съ примѣсью верблюжьей шерсти.—Мѣхъ состоитъ изъ кожаннаго мѣшка съ двумя клапанами.—Одинъ рабочій, стоя между двумя мѣшками и дѣйствуя по черѣ обѣими руками, производитъ почти непрерывное дутье.—Передъ началомъ плавки на дно котла кладутъ нѣсколько раскаленнаго угля, затѣмъ весь котелъ наполняютъ холоднымъ углемъ и укладываютъ сверхъ него чугунный ломъ, въ количествѣ отъ $\frac{1}{2}$ до 2-хъ пудовъ, и начинаютъ дуть.—По мѣрѣ того какъ уголь сгораетъ и находящійся на поверхности его чугунъ плавится, въ котелъ снова засыпаютъ шихту, состоящую изъ такого же количества чугуна и угля какъ первая, и такимъ образомъ поступаютъ до тѣхъ поръ, пока котелъ не наполнится расплавленнымъ чугуномъ.—Послѣ этаго останавливаютъ дутье, сгребаютъ не сгорѣвшій уголь, счищаютъ образовавшійся на поверхности чугуна шлакъ и, захвативъ котелъ за ушки желѣзными крючками, вытаскиваютъ его изъ горна; затѣмъ черпаютъ расплавленную массу желѣзными ковшми, обмазанными огнеупорной глиной, и разливаютъ ее въ формы.—Формы приготовляются изъ иловатаго песка; смазываются формовыми чернилами, состоящими изъ сажи съ мукою, и пересыпаются припыломъ, т. е. весьма мелко истолченнымъ и просѣяннымъ угольнымъ порошкомъ.—Формовка производится на полу литейнаго двора.—Вещи сложной формы отливаются въ деревянные опоки.

Между туземными мастерами есть очень хорошіе формовщики; они весьма порядочно отливаютъ различные вещи какъ для себя, такъ и для продажи русскимъ, какъ-то: котлы, кунганы, вьюшки, дверцы и рѣшетки для печей.—Отлитыя ими вещи никогда не имѣютъ чистой отдѣлки и поверхность ихъ бываетъ всегда шероховатая. Это происходитъ отъ того, что чугуны у нихъ никогда не бываетъ достаточно жидкимъ, что зависитъ во 1-хъ, отъ слишкомъ слабаго дутья, а во 2-хъ, отъ самаго способа отливки, при которомъ употребляется очень много времени на очистку котла и выставленіе его изъ горна, причемъ металлъ остываетъ.—Въ экономическомъ отношеніи этотъ способъ отливки очень невыгоденъ, онъ требуетъ для расплавки 1-го пуда чугуна до 2 пудовъ древеснаго угля и даетъ до 20% угару.

А. Д.

Оби джуазъ—писчебумажная фабрика въ Коканѣ.

Бумага, предметъ первой необходимости въ каждой сторонѣ хотя сколько-нибудь цивилизованной, получается въ Туркестанскомъ краѣ исключительно съ писчебумажныхъ фабрикъ, существующихъ въ коканскомъ ханствѣ.

Впрочемъ и въ этомъ ханствѣ фабрики существуютъ только въ двухъ пунктахъ: городѣ Коканѣ и сел. Чарку. Что за причина обуславливаетъ такое спорадическое распространеніе этихъ заведеній—для меня осталось неизвѣстнымъ. Правда они нуждаются въ сильной струѣ воды, которая приводила бы въ дѣйствіе толчен, разбивающія тряпье, толчен гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ употребляемыя для обдирки рису, но это условіе встрѣчается и во многихъ другихъ мѣстахъ, однако оби джуазовъ мы не видимъ.

Я имѣлъ случай какъ-то познакомиться съ китайскимъ способомъ приготовленія бумаги и, осматривая оби джуазъ въ Коканѣ, былъ пораженъ сходствомъ видѣннаго съ тѣмъ, какъ китайцы готовятъ бумагу. Источникъ откуда приготовленіе бумаги проникло въ Туркестанъ слѣдовательно ясенъ;

учителями туркестанскихъ мастеровъ были несомнѣнно китайцы, но когда это случилось, сказать конечно трудно.

Писчебумажныя фабрики въ г. Коканѣ всѣ расположены за воротами Муйячуворака, по арыку того же имени и недалеко отъ Мазара самаго знаменитаго святаго города Кокана, отъ котораго и арыкъ и ворота получили свое имя. Внѣшній видъ заведенія весьма незатѣйливъ: снаружи видна обыкновенная въ тамошнихъ мѣстахъ толчея, а внутреннее помѣщеніе—простой сарай весьма тѣсныхъ размѣровъ, около 10—12 квадратныхъ саженъ.

Одна сторона навѣса занята толчеей, другая—резервуарами съ тестомъ, а середина служить для промывки измѣльчаемаго тряпья.

Тряпье употребляемое на выдѣлку бумаги хлопчатобумажное, безъ всякой примѣси другихъ волокнистыхъ веществъ. Разныя изношенныя тряпки, а особенно истрепанные и загрязненные до послѣдней возможности халаты и одѣяла туземцевъ составляютъ сырой матеріалъ, покупаемый на базарахъ по тилѣ (3 р. 80 к.) за батманъ (10½ пудовъ). Сортировки тряпья не существуетъ. Въ дѣло идутъ и лоскуты тканей и куски ваты, которою набиты одѣяла. Только по цвѣту немного разбираютъ тряпки и окрашенныя въ синій цвѣтъ пускаютъ на выдѣлку синей оберточной бумаги. Разборка впрочемъ самая небрежная и на такой синей бумагѣ весьма нерѣдко встрѣчаются пятна и прожилки краснаго цвѣта.

Тряпье кидается въ ящикъ, гдѣ и подвергается ударамъ пестовъ, насаженныхъ на толстыя палки, то поднимающіеся, то опускающіеся, какъ въ обыкновенной толчеѣ, употребляемый туземцами для обдирки риса и представленной въ модели на выставку.

Вода, падающая по желобу (фарра), лежащему подъ угломъ 45°, падаетъ на крылья, насаженные на валъ и приводитъ въ движеніе этотъ валъ, называемый туземцами окъ.

По срединѣ вала насажены два зуба; противъ этихъ зубьевъ помѣщаются двѣ толстыя палки, опирающіяся на поперечины. Зубья вертящаго вала нажимаютъ короткіе концы

этихъ палокъ, отчего другой, длинный, конецъ, обращенный внутрь постройки приподнимается, приблизительно, четверти на 4. Когда зубъ соскакиваетъ съ поперечной палки, она стремительно падаетъ и конецъ ея, гдѣ насаженъ обитый желѣзомъ обрубокъ (тигъ), падаетъ на камень, укрѣпленный въ срединѣ квадратнаго деревяннаго ящика, стороны котораго имѣють до $2\frac{1}{4}$ аршиновъ длины.

Оби джуазъ имѣетъ по два песта и зубья на валѣ сидятъ такимъ образомъ, что песты приподнимаются и опускаются попеременно.

Тряпье, смоченное водою, кладется въ ящикъ и работникъ постоянно подбрасываетъ его на камень, о который ударяется пестъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ толченія, тряпье кладется въ салфетку (рума) и промывается. Промывка производится подъ жолобами. Для полученія струи воды, около сарая имѣется небольшой прудокъ; вода изъ него по желобу, лежащему на полу, входитъ въ зданіе; конецъ желоба приходится надъ ямой, куда и падаетъ вода. Глубина ямы до полутора аршина; вода изъ нея выходитъ сейчасъ же наружу. Промытая довольно сильной струей воды масса опять кладется въ ящикъ и подвергается толченію.

Толченіе и промывка повторяется три раза. Послѣ третьей промывки получается желтовато-бѣлая масса, которая формуются въ кругъ, до 3 четвертей въ діаметрѣ, и переходитъ въ руки другихъ мастеровъ, приготовляющихъ изъ этой массы листы.

Въ с. Чарку эти два процесса: приготовленія массы и листовъ, производятся въ разныхъ помѣщеніяхъ, въ разныхъ частяхъ селенія. Въ г. Коканѣ, напротивъ, въ томъ же самомъ, гдѣ установлены ящики съ пестами, находятся и двѣ ямы, въ которыхъ бумажное тѣсто разбалтывается до необходимой густоты. Ямы эти (таска) имѣють до 5 четвертей глубины.

Мастеръ, приготовляющій листы, пользуется мѣшалкой, рамкой и сѣткой.

Мѣшалка (ипчакъ) весьма оригинальной формы: это палка на концѣ усаженная согнутыми и связанными на другомъ концѣ палочками; въ общемъ получается яйцевидное прорѣзное тѣло насаженное на длинную рукоятъ. Такое устройство мѣшалки позволяетъ очень удобно и быстро взмучивать разведенную въ водѣ бумажную массу, а это приходится дѣлать довольно часто, потому что масса быстро отсѣдаетъ на дно. Впрочемъ опытность мастера позволяетъ ему готовить листы одинаковой толщины и сейчасъ послѣ взмучиванія и вдолгѣ послѣ. Для этого ему стоитъ только или опускать рамку съ сѣткой каждый разъ нѣсколько глубже, или медленнѣе вынимать изъ воды.

Рамка (хальпа), посредствомъ которой мастеръ черпаетъ бумажное тѣсто (хталя) и превращаетъ его въ бумажные листы, имѣетъ слѣдующее устройство: на деревянную рамку (хасы) кладется сѣтка изъ чія (товара). Чій, это растеніе изъ семейства злаковъ (*Laxiagrostis splendens*), имѣющее весьма прочный стебель, не толстый, но весьма правильно цилиндрическій.

Рамка съ наложенной сѣткой, укрѣпленной боковыми палочками (юпчакъ), опускается въ яму съ тѣстомъ, которое процѣживается черезъ сѣтку, на которой и получается осадокъ. Тогда поперегъ ямы кладутся двѣ палочки (давандакъ), на нихъ кладется рамка и пока процѣженное тѣсто нѣсколько обсыхаетъ и уплотняется, мастеръ снимаетъ боковыя палочки (юпчакъ) и прикладываетъ ихъ сверху и снизу, чѣмъ и выравниваетъ края.

Такой листъ, расплзающійся при самомъ легкомъ усиліи, посредствомъ оборачиванія рамки кладется на доску и начинается приготовленіе другаго, который кладется на предыдущій, и такимъ образомъ получается порядочная стопка бумаги; одинъ мастеръ въ теченіи дня приготовляетъ 300 листовъ; къ вечернему намазу они готовы и на ночь на нихъ накладывается доска съ порядочнымъ грузомъ камней сверху, отчего за ночь излишняя вода стекаетъ и листы крѣпнутъ.

Назавтра они подвергаются просушкѣ. Для просушки слу-

жить стѣна, обращенная къ югу. Стѣна эта составляетъ часть забора сосѣдняго дома или сада и отличается только тѣмъ, что оштукатурена гипсомъ и притомъ очень гладка, какъ бы отполирована.

На эту стѣну прилѣпляются окрѣпшіе за ночь листы бумаги и при тамошнемъ жарѣ очень быстро высыхаютъ. Тогда ихъ собираютъ и складываютъ въ пачки по 24 листа, называемые даста. Этимъ и кончается весь процессъ приговленія бумаги на оби джуазѣ. Бумага сбывается на базарѣ, гдѣ попадаетъ въ руки муракашей—мастеровъ, покрывающихъ ее клеємъ и наводящихъ лоскъ. Для проклейки употребляется декстринъ, содержащійся въ корняхъ ширяша, дикорастущаго растенія изъ семейства лилейныхъ. Наведеніе глянца дѣлается посредствомъ отшлифованнаго камня, насаженнаго на палку. Послѣ наведенія глянца цѣнность бумаги значительно возрастаетъ, даста (24 л.), стоившая на оби джуазѣ 15 коп., продается за 20—30 к., смотря по аккуратности съ какой наведенъ лоскъ и по количеству *склеенныхъ и снабженныхъ заплатами* листовъ. Муракашъ не бросаетъ листа надорваннаго или имѣющаго дыру; онъ накладываетъ ленту бумаги или заплату, приклеиваетъ ее и тщательно притираетъ своимъ камнемъ, такъ что такіе листы съ перваго раза и не замѣтишь и, только глядя на свѣтъ можно видѣть, что листъ имѣетъ заплату.

Форматъ коканской бумаги близокъ къ формату нашей пропускной. Не проклеенная употребляется туземцами какъ оберточная; смазанная масломъ замѣняетъ въ окнахъ стекла и т. п. Съ наведеннымъ глянцемъ служить для письменныхъ надобностей. Сильно отличаясь отъ нашей и будучи не пригодна для писанія чернилами, она негодится для русскихъ, почему въ край и привозится значительное количество бумаги. Съ другой стороны потребности туземцевъ не могутъ быть удовлетворены нашей бумагой: они привыкли писать своей камышевой палочкой и наша бумага имъ кажется никуда не годной. По этому рассчитывать на сбытъ нашей писчей бумаги между туземцами и вытѣсненіе ею туземной—нельзя. Развѣ окажется возможнымъ съ выгодною готовить бумагу

подходящую къ тамошней, но и тогда при требованіи торгующихъ въ Туркестанскомъ краѣ купцовъ, чтобъ капиталъ приносилъ не менѣе 100%, не представится возможности продавать эту бумагу дешевле туземной, стоящей около 5 рублей за стопу. Туземные оби джуазы будутъ существовать, слѣдовательно, еще долго и желательно, только, чтобы, подъ вліяніемъ соприкосновенія съ русскими, получили нѣкоторыя усовершенствованія, что особенно необходимо и возможно въ процессѣ приготовленія бумажной массы.

А. Федченко.

ЗАМѢТКИ О ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВЪ САМАРКАНДСКОМЪ РАІОНѢ.

Характеръ земледѣльской промышленности въ разныхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края весьма разнообразенъ.

Полевое хозяйство различно не только въ такъ рѣзко разграниченныхъ мѣстными условіями раіонахъ каковы: Сыръ-Дарьинская, Семирѣченская области и Заравшанскій округъ, и у кочеваго и осѣдлаго населенія этихъ мѣстностей, но и въ одной и той же мѣстности оно не однородно: крупныя земледѣльцы держатся одной системы хозяйства, мелкіе—другой.

Земледѣліе у кочеваго населенія стоитъ на весьма низкой ступени развитія, но и оно не всюду однородно: одни кочевники воздѣлываютъ только не большіе клочки земли по берегамъ рѣкъ, подъ посѣвъ нѣсколькихъ шапокъ проса на семью; другіе—обрабатываютъ большее количество земли и проводятъ на свои пашни воду, или прямо канавами изъ рѣкъ, или устраиваютъ орошеніе при помощи *чирей*—водоподъемныхъ колесъ первобытнаго устройства. Одни изъ нихъ воздѣлываютъ исключительно только просо, другіе же сѣютъ пшеницу и ячмень и держатся переложной системы хозяйства, если только можетъ быть названо системой существующій у нихъ способъ воздѣлыванія земли.

Осѣдлое населеніе края держится трехпольной системы, но не вездѣ одинаковой. Полевое хозяйство казачьяго сословія

Семирѣченской области всего ближе подходит къ переложной системѣ нашихъ внутреннихъ губерній съ посѣвами пшеницы, овса и ячменя.

Разницу составляетъ орошеніе, унаслѣдованное поселенцами Семирѣченской области, вмѣстѣ съ землей и готовыми на ней *арыками* (оросительными канавами), отъ киргизъ Большой орды. Кромѣ орошенія, земледѣліе казаковъ Семирѣченской области отличается отъ земледѣлія внутреннихъ нашихъ губерній еще большею небрежностью въ обработкѣ земли, чѣмъ послѣднее, такъ равно и обширностью запашекъ. Послѣднему обстоятельству покровительствуетъ щедрость урожаявъ, которыми земля вознаграждаетъ земледѣльца той мѣстности за самый незначительный трудъ. По собраннымъ распроснымъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ Любовнинскомъ высылкѣ (Кескеленѣ), мѣстности не самой плодородной Семирѣченской области, урожай *самъ двадцать* пшеницы считается только изряднымъ. Полное значеніе получаетъ размѣръ этого урожая, когда знаешь, что его даетъ земля кое-какъ, одинъ разъ вспаханная. При такой щедрости урожаявъ и обилии земли земледѣлецъ гонится за обширными посѣвами, не заботясь о тщательной обработкѣ земли. Ни опытъ, ни нужда не убѣдили его до сихъ поръ, что при болѣе тщательной обработкѣ почвы можно съ меньшаго по пространству земли получать ровное и даже большее количество произведеній.

Совершенно противоположный и своеобразный характеръ имѣетъ земледѣліе у осѣдлаго туземнаго населенія городовъ и *кишлаковъ* (деревень) Сыръ-Дарьинской области и Заравшанскаго округа. Эта особенность проявляется прежде всего въ отношеніи земледѣльческаго труда къ пространству воздѣлываемой земли. Количество земледѣльческаго труда такъ значительно, что его было бы совершенно достаточно для самаго интензивнаго хозяйства, если бы употребляемому труду соотвѣтствовали орудія и болѣе раціональныя агрономическія свѣдѣнія. Самое большое количество труда земледѣльца употребляется на достиженіе тѣхъ результатовъ, которые, при хотя не много лучшихъ земледѣльческихъ оруді-

яхъ, достигались бы, мало сказать, половиннымъ, а четвертой и даже меньшей частью расходуемаго нынѣ труда.

Мѣстная классификація дѣлитъ земли, въ отношеніи получаемой ими воды, на *ляльми* (*бузъ* тоже) и *оби* (или *турай*). *Ляльми* называется возвышенно лежащая земля, искусственно не орошаемая, а получающая только атмосферическую воду. На ней сѣются преимущественно яровыя растенія. *Оби* (*турай*) называется земля, получающая воду изъ *арыковъ*, т.-е. искусственно орошаемая.

По способу пользованія земля раздѣляется на *дашти*—полевую землю, находящуюся внѣ черты усадебной осѣдлости, и *хаятъ*—огородная земля, въ томъ смыслѣ, какой она имѣетъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ средней полосы Россіи. Огородъ нашего крестьянина обнесенъ изгородью, *хаятъ*—земляной стѣнкой; въ огородѣ у крестьянина лучшій клочекъ луга, который онъ или косить на сѣно, или скормливаетъ рабочему скоту въ видѣ травы, на *хаятъ*—воздѣлывается *дженушка* (люцерна), которая поступаетъ на кормъ животнымъ преимущественно въ видѣ сѣна. На огородѣ у себя крестьянинъ воздѣлываетъ коноплю и огородныя овощи, на *хаятъ*, кромѣ дженушки, воздѣлываются: кукуруза, баклажаны, стручковый перецъ и огородныя овощи, изъ которыхъ разведеніе капусты и картофеля значительно усилилось съ занятіемъ края русскими. Вся разница, которую можно найти между нашимъ крестьянскимъ огородомъ и туземнымъ *хаятъ*, заключается въ томъ, что огородъ находится всегда при домѣ, въ чертѣ усадебной осѣдлости, а *хаятъ* бываетъ и внѣ оной, съ краю поля, но непременно обнесенный земляной стѣнкой.

Классификація почвъ въ смыслѣ бонитировки,—здѣсь не существуетъ. Существуетъ эмпирическое понятіе о сильной почвѣ—*карауна*, и менѣе сильной почвѣ—*чарчинъ*, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ того и другаго различія. И дѣйствительно, воздѣлываемая земля въ самаркандскомъ районѣ

имѣть чрезвычайно однородный характеръ и вся должна быть отнесена къ глинистой почвѣ. Понятіе о болѣе сильной и менѣе сильной почвѣ обуславливается меньшимъ или большимъ истощеніемъ оной.

Значительное число воздѣлываемыхъ здѣсь полевыхъ растений подало поводъ къ предположенію, что мѣстное хозяйство держится многопольной системы. Предположеніе это было впервые высказано въ соединенномъ засѣданіи общества любителей естествознанія и московскаго общества сельскаго хозяйства, бывшемъ 2 апрѣля 1866 года; между тѣмъ система мѣстнаго хозяйства здѣсь трехпольная, правда, нѣсколько усложненная, но тѣмъ не менѣе трехъ- а не многопольная, потому что поля раздѣлены на три клена, два изъ которыхъ засѣвается разными озимыми и яровыми растеніями, а третій остается въ пару—*шидгаръ*. Травосѣяніе, весьма развитое здѣсь, не входитъ въ общій полевой сѣвооборотъ, а производится на особыхъ участкахъ—*хаятахъ*.

Система хозяйства.

Приступая къ изложенію мѣстной системы полеводства, считаю необходимымъ прежде всего объяснить, что въ Самаркандскомъ районѣ существуютъ два отличающихся одно отъ другаго хозяйства: *пясрекеровъ*—мелкихъ земледѣльцевъ, и *дикхановъ*—болѣе крупныхъ земледѣльцевъ. Первые, т.-е. пясрекеры, обрабатываютъ менѣе 5 танаповъ земли и держатся, относительно, болѣе интенсивной системы хозяйства, если только этотъ терминъ можетъ быть приданъ ротационной сохранившей паровое поле. Сѣвооборотъ, котораго они держатся, пятипольный: 1) паръ; 2) озимъ и по уборкѣ ея, вторые посѣвы: *машъ* (*Soya?*), просо (*тарыкъ*), морковь (*сабзы*), иногда *кунджутъ*, макъ, чечевица, 3) второй годъ озими, безъ вторыхъ посѣвовъ послѣ нея, 4) яровые хлѣба, и 5) второй годъ яровыхъ посѣвовъ.

Диканы—хозяева обрабатывающіе 5 и болѣе танановъ земли, держатся трехпольнаго сѣвооборота: 1) паръ (*шидгаръ*); 2) озимь, и послѣ нея въ томъ же году вторые посѣвы, и 3) ярь.

Послѣ паровой обработки озимое поле засѣвается частью озимой пшеницей, частью озимымъ ячменемъ, которые созрѣваютъ въ концѣ мая мѣсяца, и, по уборкѣ ихъ, поле въ томъ же году засѣвается вторыми посѣвами: *манъ*, просомъ или морковью, рѣже кунджутомъ, макомъ или чечевицей. Вторые посѣвы созрѣваютъ и убираются осенью того же года, и затѣмъ поле это засѣвается въ слѣдующую весну яровыми посѣвами, такъ что, собственно, каждый клнъ поля при этомъ сѣвооборотѣ даетъ одинъ урожай озими и два урожая яри, прежде чѣмъ остается въ пару. По снятіи озими не всѣ названные выше вторые посѣвы, засѣваются непременно каждымъ изъ хозяевъ: одинъ сѣетъ больше *манъ*, меньше проса, больше моркови, меньше,—или во все не сѣетъ кунджута; сѣетъ не много,—или во все не сѣетъ, чечевицы и мака. Последнія два растенія вообще мало засѣваются въ самаркандскомъ районѣ.

Большую часть яроваго поля занимаютъ посѣвы риса и *джуары* (сорго). Кромѣ этихъ двухъ главныхъ растений въ яровомъ полѣ воздѣлываются: хлопчатникъ, ленъ, и не большая часть онаго занимается бахчами, подъ дыни, арбузы, тыквы, лукъ и отчасти морковь. Надо замѣтить, что не каждый хозяинъ воздѣлываетъ непременно всѣ изъ названныхъ второстепенныхъ растений яроваго поля: одинъ сѣетъ одни растенія, другой — другія; и только посѣвы риса, сорго и хлопчатника—общіе.

Иногда часть яроваго поля засѣвается *джузункой* (люцерной) и, въ такомъ случаѣ, эта часть поля выходитъ изъ общаго сѣвооборота, такъ какъ пользованіе ею продолжается, послѣ засѣва, 10 и болѣе лѣтъ. Поэтому подъ посѣвы *джузунки* приурочивается находящаяся на окраинѣ часть поля, которая и отдѣляется отъ остальныхъ посѣвовъ земляной стѣнкой и становится *хяйтомъ*.

По снятіи яровыхъ посѣвовъ поле остается въ чистомъ парѣ (*шидгаръ*) и только весьма рѣдко случается, что съ части его берутъ урожай *маша*.

Изъ описанной выше системы мѣстнаго полеводства видно, что ему чужда идея плодосмѣтности. Изъ всѣхъ разспросовъ моихъ, для выясненія существующихъ правилъ плодосмѣтности, я узналъ слѣдующее: въ хозяйствѣ пясрекеровъ, держащихся пятипольнаго сѣвооборота, поле даетъ между двумя урожаями озими, одинъ урожай вторыхъ (промежуточныхъ) посѣвовъ, за тѣмъ, посѣвы обоихъ главныхъ растений яроваго поля: риса и сорго, производятся въ оба года на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Иногда участокъ яроваго поля, давшій урожай сорго, въ слѣдующемъ году засѣвается или льномъ—безъ удобренія, или дынями—по удобренію. Но та часть яроваго поля, которая была обработана подъ рисъ, засѣвается имъ оба года. Также изъ второстепенныхъ посѣвовъ яроваго поля, та часть его, которая была занята хлопчатникомъ, засѣвается и въ слѣдующемъ году имъ же. Участокъ яроваго поля, давшій въ первомъ году урожай лука или моркови, во второмъ году занимается подъ дыни, арбузы и тыквы; и на оборотъ часть поля давшая въ первомъ году урожай плодовыхъ овощей, идетъ подъ посѣвъ лука и моркови.

Впрочемъ эта плодосмѣтность необязательная: придерживаются ее также часто, какъ часто и отступаютъ отъ нее.

Вообще хозяйства *дижана* даетъ ему большой просторъ какъ въ выборѣ растений для посѣвовъ, такъ и въ послѣдовательности самыхъ посѣвовъ; а еще большой свободой въ этомъ отношеніи пользуется *пясрекеръ*. Свобода того и другаго хозяйства ограничивается не столько плодоперемѣнностью, сколько признанной въ томъ и другомъ хозяйствѣ необходимостью паровой обработки.

Изъ области плодосмѣтности прочно существуетъ одно, изъ нагляднаго опыта добытое, положеніе, что *дженушкѣ* не слѣдуетъ сѣять на томъ участкѣ земли, который былъ ею занятъ, ранѣе 4 лѣтъ, и что послѣ многолѣтней люцерны всѣ другія растенія произрастаютъ хорошо, особенно пшеница.

Но такъ какъ *дженушка* не входитъ здѣсь въ общій сѣвооборотъ, то правило это имѣетъ малое приложеніе въ полевомъ хозяйствѣ, а примѣняется только къ отдѣльнымъ участкамъ земли, занятымъ *дженушкою*. Обыкновенно участокъ земли, бывшей подъ многолѣтней *дженушкою*, первымъ хлѣбомъ засѣвается сорго, послѣ него сѣютъ дыни и арбузы; вслѣдъ за ними два года сряду озимую пшеницу и затѣмъ участокъ этотъ можетъ быть вновь засѣянъ *дженушкою*.

Порядокъ и способъ воздѣлыванія земли подъ озимые посѣвы.

Земля, оставшаяся послѣ яровыхъ посѣвовъ въ пару (*шид-гаръ*), пашется подъ посѣвъ озимыхъ пшеницы и ячменя отъ 5 до 10 разъ, мѣняя при каждой вспашкѣ направленіе бороздъ, т.-е. борозды каждой послѣдующей вспашки идутъ накрестъ бороздамъ предшествовавшей. При этомъ каждый *тананъ* *) пароваго поля удобряется 40—50 арбами навоза или глины (*турпакъ*), что по расчету составитъ на десятину отъ 240—300 арбъ или, считая количество навоза на арбѣ въ 10 пудъ, отъ 2.400 до 3.000 пудъ. Подъ озимые посѣвы не всѣ удобряютъ навозомъ, тѣ у которыхъ недостаточно навоза, удобряютъ землей (*турпакъ*), которую они берутъ съ холмовъ и вообще высоколежащихъ не понимаемыхъ водою мѣстъ. Навозъ сохраняется въ большихъ кучахъ, гдѣ онъ прѣлетъ въ продолженіи зимы и, ко времени вывозки его въ поле, совершенно превращается въ порошокъ. Вывезенное удобрѣніе запахиваютъ и послѣ этого, до первыхъ чиселъ сентября, еще нѣсколько разъ, отъ 2—6-ти, перепашиваютъ поле вдоль и поперекъ. Пашутъ деревяннымъ плугомъ (*омачъ*) съ чугуннымъ, не прикрѣпленнымъ на глухо къ полозу лемехомъ и безъ отвала, на парѣ воловъ. Хотя одна пара воловъ и вспашиваетъ *тананъ* ($\frac{1}{6}$ десятины) до обѣда, но болѣе *танана* на одной, не перемѣнной парѣ воловъ не пашутъ. Глубина пашни—до 4 вершковъ, регулируется мѣстомъ прикрѣпленія гра-

*) *Тананъ*— $\frac{1}{6}$ часть десятины, 400 кв. саж.

дила къ ярму. Въ началѣ сентября, послѣ послѣдней вспашки, производится посѣвъ озимой пшеницы и ячменя по пласту. За тѣмъ, прикрытіе сѣмянъ производится бороной (мала). Количество посѣва того и др. изъ озимыхъ хлѣбовъ 2 пуда (16 чайрыковъ) на *тананъ*, или 12 пуд. на десятину. Озимая пшеница сѣется только на земляхъ искусственно орошаемыхъ и, въ продолженіе ея произрастенія, орошается отъ 2 до 3 разъ. Въ 1 разъ поливаютъ пшеницу, когда она начинаетъ колоситься; второй разъ—во время цвѣтенія, и 3-й разъ—во время налива зеренъ. Озимый ячмень большею частью орошается только одинъ разъ,—когда начинаетъ колоситься. Озимые хлѣба созрѣваютъ въ послѣднихъ числахъ мая или въ началѣ іюня. Ихъ жнутъ не зазубреннымъ серпомъ (*уракъ*) и оставляютъ въ розвязи дня два; послѣ чего ихъ вяжутъ въ снопы. Молотьба производится на приготовленномъ въ полѣ же току (*хирманъ*) волами или лошадьми, которыхъ заставляютъ топтаться на разосланныхъ снопахъ, гоняя вкругъ и вороша обмалачиваемые снопы. Одинъ *тананъ* хорошо удобренный земли даетъ до 5 *батмановъ* зерна (самаркандскій *батманъ*—8 пудовъ), что составляетъ самъ-двадцать. Средній урожай пшеницы въ самаркандскомъ районѣ считаютъ въ 4 батмана зерна съ *танапа*, т. е. *самъ-пятнадцать*. Базарная цѣна батмана пшеницы отъ 40 до 60 *кокановъ*, т. е. до 1 р. 50 коп. за пудъ. Солома (*саманъ*), которая остается на хирманѣ послѣ молотбы въ измятомъ, измѣльченномъ состояніи, употребляется для примѣси къ глинѣ для приготовленія комковъ, идущихъ на постройки. Кромѣ того ее иногда сжигаютъ и золу распредѣляютъ по пашнѣ.

Кромѣ пшеницы въ озимомъ полѣ сѣется, какъ сказано выше, озимый ячмень. Определенныхъ отношеній между количествомъ посѣва озимой пшеницы и ячменя не существуетъ. Большой или меньшій посѣвъ того или другаго изъ озимыхъ хлѣбовъ зависитъ отъ соображеній и хозяйственныхъ расчетовъ каждаго изъ хозяевъ. Способъ и порядокъ обработки земли подъ озимой ячмень совершенно такой же, какъ и подъ пшеницу. Разница только въ томъ, что ячмень сѣется

на той части озимаго поля, которая болѣе удалена отъ проводящей воду канавы, такъ какъ ячмень орошается только одинъ, много два раза во время его роста, тогда какъ пшеница, гдѣ представляется возможность, орошается до 3 разъ.

Количество посѣва озимаго ячменя на танапъ тоже, какъ и пшеницы—2 пуда; или 12 пуд. на десятину.—Урожай до 5 батмановъ съ танапа, т. е. самъ двадцать.—Цѣна батмана ячменя отъ 23 до 35 кокановъ, или отъ 60 к. до 85 коп. за пудъ. Время созрѣванія и уборки озимаго ячменя—последняя половина мая мѣсяца.

Вторые посѣвы.

Послѣ уборки озимыхъ пшеницы и ячменя, поле въ томъ же году засѣвается вторыми посѣвами: *Машъ* (*Soya hispida?*); *Тарыкъ* (*Panicum mil.*). *Кунжумъ* (*Sesamum orientale*), *адасъ* (*Ervum lens.*) или *сабзы* (*Daucus carota*), и рѣже *кукнаромъ* (*Paraver somnif.*). Изъ названныхъ вторыхъ посѣвовъ чаще встрѣчается *тарыкъ*, *машъ* и *кунджумъ*; *адасъ* же, *кукнаръ* и *сабзы*—рѣже и въ меньшемъ противъ первыхъ количествѣ.—Впрочемъ въ отношеніи количества посѣвовъ этихъ растений не существуетъ опредѣленныхъ правилъ и обусловливается хозяйственными соображеніями каждаго. Землю подъ *тарыкъ*, *машъ*, *кунжумъ* и *адасъ* пахутъ одинъ или два раза; по вспаханному засѣваютъ и забараниваютъ.—Подъ *сабзы* (морковь) поле, послѣ того какъ вспахано, обрабатывается кетменемъ грядками, въ гребень которыхъ сажаются сѣмена.—Подъ *кукнаръ* пахутъ послѣ озими 3—4 раза и заборонивъ засѣваютъ подъ борону.—Посѣвы *маша*, *тарыка*, *кунжута* и *кукнара* орошаются одинъ разъ только, а на земляхъ, богатыхъ почвенной влагой, и во все не орошаютъ. Посѣвы *адасъ* орошаются два раза, а *сабзы* 4 и 5 разъ.

Проса (*тарыкъ*) высѣвается на танапъ 5 *чайрыковъ*, или нѣсколько болѣе 3 пудовъ на десятину. Его имѣется три сорта: *акъ*—и *кызылъ*—(т. е. бѣлый и красный) *тарыкъ* и *чоканъ*.—Последній сортъ предпочитается, какъ потому, что даетъ бо-

лѣе значительные урожаи, такъ и потому что скорѣе вызрѣваетъ. Средній урожай *тарыка* съ танапа можно считать до 2 батмановъ или 16 пудовъ, или до 100 пуд. съ десятины, т. е. болѣе чѣмъ самъ 30-ть. Во время созрѣванія *тарыка* его необходимо охранять отъ птицъ, которыя на него сильно нападаютъ; для этого на засѣянномъ *тарыкомъ* полѣ разставляются пугалы, мало впрочемъ помогающія; почему около участковъ, засѣянныхъ *тарыкомъ*, строятся изъ глины не большія башенки, съ которыхъ караульщики пугаютъ птицъ стукомъ въ бубень и бросая въ опускающихся на *тарыкъ* птицъ комками глины.

Машъ (*Soya hisp.*?) высѣвается на танапъ отъ 1½ до 2 пуд., или среднимъ числомъ до 10 пуд. на десятину. — Зерно его идетъ въ пищу людятъ, его варятъ вмѣстѣ съ рисомъ. — Соломой его кормятъ барановъ; онъ даетъ огромные урожаи. Поспѣваетъ онъ въ 3 мѣсяца. — Иногда его воздѣлываютъ въ паровомъ полѣ.

Кунжутъ (*Sesamum orientalis*), высѣвается въ три мѣсяца послѣ посѣва. Его сѣять отъ 4 до 5 чайрыковъ на танапъ, или до 3½ пуд. на десятину. — Послѣ созрѣванія его жнутъ и вяжутъ въ снопы, которые, послѣ того какъ они пролежатъ дней 8, вытрясаютъ надъ разостланными веретями. — Затѣмъ, давъ снопамъ пролежать на солнцѣ еще три дня, второй разъ трясутъ ихъ и, наконецъ, послѣ 3 дней, опять вытрясаютъ въ 3-й и послѣдній разъ на чисто. — При этомъ сѣмянъ получается отъ 5 до 6-ти пуд. среднимъ числомъ съ танапа, или до 36 пуд. съ десятины. — Стебли кунжута идутъ на отопленіе, а сѣмена — на приготовленіе масла. Базарная цѣна пуда кунжута сѣмени отъ 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 80 коп.

Изъ 1 батмана (8 пудовъ) лучшаго кунжутнаго сѣмени получается до 6 пудовъ масла; менѣе хорошія сѣмена даютъ не болѣе 5 пудовъ его. — Для добыванія масла къ кунжутному сѣмени обыкновенной примѣшиваются сѣмена хлопчатника (*чигитъ*), на 4 части по вѣсу перваго прибавляютъ 1 часть послѣдняго. Вообще сѣмена хлопчатника (*чигитъ*) при-

мѣшивають къ большей части сѣмянъ масличныхъ растений, изъ которыхъ добывается масло.—Необходимость этого объясняютъ тѣмъ, что примѣсь *чигита* (с. хлопчатника) облегчаетъ выжимку масла тѣмъ, что покрывающія *чигитъ* волокна и шелуха его не даютъ жмыхамъ особенно плотно слегаться и тѣмъ способствуютъ выдѣленію масла изъ сѣмянъ, къ которымъ сдѣлана эта примѣсь.—Хотя это объясненіе имѣетъ нѣкоторое основаніе при томъ способѣ, который употребляется тамъ для выжиманія масла, но главнымъ образомъ, кажется, примѣсь чигита къ др. масличнымъ сѣменамъ при добываніи масла, нужно объяснить тѣмъ, что только въ смѣси съ др. масличными сѣменами чигитъ даетъ масло годное въ пищу, и такимъ образомъ находитъ себѣ употребленіе побочный продуктъ, получаемый при значительномъ разведеніи хлопчатника для хлопка.—При этомъ надо замѣтить, что отъ примѣси чигита кунжутное масло получаетъ противный, по крайнѣй мѣрѣ для не привычнаго къ нему, вкусъ, тогда какъ чистое кунжутное масло весьма сноснаго вкуса.

Для выжимки масла сѣмена насыпаются въ особенную деревянную ступу, въ которой ворочается наклонно поставленный пестъ, вращаемый припрягаемою къ нему лошадыю.—Пестъ этотъ, вращаясь, прижимаетъ находящіеся въ ступѣ сѣмена къ краямъ оной и выжимаетъ изъ нихъ масло, дѣйствуя какъ жерновъ.—Остающіяся жмыхи идутъ на кормъ рогатаго скота и верблюдовъ и считаются весьма хорошимъ кормомъ. Базарная цѣна пуда кунжутнаго масла отъ 3 р. 60 к. до 7 р. 20 к. въ Самаркандѣ.—Оно идетъ въ пищу людямъ.—

Кромѣ кунжута изъ масличныхъ растений, между вторыми посѣвами послѣ пшеницы, засѣвается также, хотя въ незначительномъ количествѣ *макъ* (кукнаръ).—Количество посѣва его на танапъ до 2 чайрыковъ (10 фун.), а урожай бываетъ до 2 *батмановъ* (16-ти пуд.). Сѣмя его идетъ на приготовленіе масла, которое готовится тѣмъ же способомъ, какъ и изъ кунжута.—Головки мака даютъ наркотическій напитокъ *кукнаръ*. Высыпавъ изъ головки сѣмена, ее толкутъ въ ступ-

кѣ и полученный порошок настаиваютъ около $\frac{1}{2}$ часа въ водѣ; потомъ процеживаютъ сквозь тряпку и выжимаютъ остатокъ. — Настой этотъ имѣетъ опьяняющія свойства, почему онъ замѣняетъ запрещенную кораномъ водку. — Впрочемъ употребленіе кукнара весьма ограничено въ Самаркандѣ. — Добывается ли въ Самаркандѣ изъ незрѣлыхъ головокъ мака, посредствомъ надрѣзовъ на нихъ, опій, мнѣ не удалось узнать, сколько я ни спрашивалъ; по видимому, тамъ вовсе не знаютъ способа добыванія этого наркотическаго вещества такимъ способомъ.

Чечевицы (*адасъ*, *ясмукъ* тоже) сѣется вообще не много. Она идетъ въ пищу людямъ, а солома ея употребляется какъ хорошій кормъ для овецъ. Поспѣваетъ она въ 3 мѣсяца послѣ посѣва.

Морковь (*сабзы*) воздѣлывается вообще въ незначительномъ количествѣ. По уборкѣ пшеницы, земля обрабатывается грабками и засѣвается въ началѣ Іюля морковью, которая успѣваетъ въ 4 мѣсяца. Въ этомъ полѣ морковь бываетъ гораздо, крупнѣе чѣмъ въ яровомъ.

Малоземельные хлѣбопашцы (*нясрекеры*), по снятіи урожая вторыхъ посѣвовъ, на томъ же мѣстѣ засѣваютъ второй годъ озимь. Землю послѣ вторыхъ посѣвовъ, кромѣ той которая была подъ морковью, пахутъ отъ 4 до 5 разъ, а танапы, которые были заняты морковью, пахутся только два раза передъ посѣвомъ озими втораго года. Часть поля бывшая подъ *тарыкомъ*, кромѣ того, удобряется 30—40 арбами навоза на танапъ. — Послѣ втораго урожая озими земля не засѣвается вторыми посѣвами.

Порядокъ и способъ воздѣлыванія яроваго поля.

Въ яровомъ полѣ, какъ сказано выше, воздѣлываются слѣдующія растенія: *рисъ*, *сорго*, *хлопчатникъ*, *ленъ*, *плодовые овощи*, *лукъ* и *морковь*.

Рисъ-шали (Oriza sativa).

Подъ посѣвы *риса* землю, по снятіи пшеницы или вторыхъ посѣвовъ, если такіе были, пахутъ еще съ осени два раза.

Съ наступленіемъ весны ее опять пашутъ до 8 разъ. Послѣ послѣдней вспашки на нее напускаютъ воду и держатъ подъ водою трое сутокъ. Затѣмъ, спустивъ воду, поле приготовляемое подъ посѣвы риса разбиваютъ, соображаясь съ тѣмъ куда оно имѣетъ скатъ и въ зависимости отъ проводящей воду канавы (*арька*), на квадраты, валиками довольно значительной вышины.

Послѣ этого напускаютъ въ разграниченныя валиками части поля воду, на поларшина глубины, и два раза пробораниваютъ каждый квадратикъ бороною зубьями къ низу. Вслѣдъ за послѣдней бороньбой поле засѣвается рисовыми сѣменами два дня мочеными въ водѣ и пророщенными въ кучѣ. Не посредственно передъ сѣвцомъ волокутъ борону оборотной стороной, для того чтобы взмутить илъ, мелкія частицы котораго осѣдая, прикрыли бы высѣянныя сѣмена. Такъ какъ посѣвъ производится въ воду и высѣянныя сѣмена тонутъ, то вслѣдъ за сѣвцомъ идетъ мальчикъ, который пучками соломы, отмѣчаетъ границу засѣянной части поля, т. е. *лешитъ* (намѣчаетъ лехи) вслѣдъ за сѣвцомъ. — Въ первые 8 дней послѣ посѣва на рисовомъ полѣ держать воду на $\frac{1}{2}$ арш. глубины. — Въ продолженіи этого времени показываются рисовые всходы и притокъ воды на нихъ останавливаютъ на 3 сутокъ чтобы, спустивъ съ поля воду, дать согрѣться почвѣ. — По истеченіи этого времени, воду напускаютъ на 5 вершковъ глубины и держатъ ее къ этомъ горизонтѣ въ продолженіи 20 сутокъ. Потомъ опять останавливаютъ притокъ воды на трое сутокъ, по прошествіи которыхъ напускаютъ воды на $\frac{1}{2}$ аршина, и держатъ ее на этой глубинѣ опять 20 сутокъ. — Послѣ этого времени опять промежутки въ 3 дня, въ которые не пускаютъ воды. Затѣмъ напустивъ воду на глубину $\frac{1}{2}$ аршина, держатъ ее въ этомъ уровнѣ до созрѣванія риса, т. е. дней 60. — Когда рисъ созрѣлъ, воду спускаютъ съ поля и черезъ недѣлю, когда земля достаточно просохла, начинаютъ жать. — Жнутъ рисъ, какъ и всѣ другія растенія не выключая и дженушки на сѣно, не зазубреннымъ серпомъ, (*уракъ*). — Сжатый рисъ оставляютъ лежать на

свислахъ для просушки. По истеченіи трехъ дней его вяжутъ въ снопы. Количество посѣва риса на танапъ—два пуда; урожай—отъ 4 до 10 батмановъ, т. е. отъ 32 до 80 пуд., или самъ 16—40. Среднимъ урожаемъ надо считать самъ тридцать.—Сортовъ риса различаютъ главнымъ образомъ два: бѣлый (акъ-шали) и красный (кызыль-шали). Послѣдній сортъ, т. е. кызыль-шали, предпочитается первому. — Кромѣ того, есть еще разновидности того и другаго, различаемыя по тому имѣетъ онъ или не имѣетъ остей (кылтыкъ). Базарная цѣна батмана риса отъ 30 до 40 кокановъ, т. е. отъ 75 коп. до 1 р. с. за пудъ.

Сорго-джуара (*Sorghum vulg.*).

Кромѣ риса въ яровомъ полѣ воздѣлывается *джуара*—сорго. — Это растеніе, извѣстное въ полеводствѣ Италіи подъ названіемъ *sorgo*, въ Закавказьи—*юми* и въ Египтѣ—*дура*, достигаетъ роста въ 4 аршина и даетъ обильные урожаи зерна, которое идетъ въ пищу людямъ и на кормъ лошадямъ. Зерно мелютъ на муку, изъ которой готовятъ лепешки. Лошадей кормятъ имъ въ зернѣ и 2 чайрыка (10 фун.) его, замѣняютъ 1½ чайрыка (7—8 фун.) ячменя. Зеленые стебли этого растенія, въ видѣ сѣчки, даютъ хорошій кормъ для дойнаго скота, а листьями кормятъ овецъ. — Сухіе стебли идутъ на топливо.

Земля подъ джугару удобряется 40—50 арбами навоза или глины (турнака); ее пахутъ отъ 5 до 10 разъ. Черезъ каждыя двѣ на крестъ вспашки—бороноуютъ. Землю, вспаханную въ послѣдній разъ, орошаютъ и, по достаточной просушкѣ оной, засѣваютъ джугару въ первой половинѣ мая подъ борону. — Послѣ того, какъ взшедшія растенія достигнуть роста ¼ аршина поле обрабатывается кетменемъ (мотыгой), причемъ прорѣживаютъ густо взшедшія растенія. — Черезъ 10—15 дней послѣ этого, когда джургара достигла роста ½ аршина, второй разъ промотыживаютъ поле, для истребленія на немъ сорныхъ травъ, при чемъ окучиваютъ каждое расте-

ніе.—Послѣ этого поле орошается въ 1 разъ. Черезъ 10—15 дней орошаютъ джугару во второй разъ. Въ третій разъ орошаютъ джугару, когда на ней начинаютъ образовываться кисти, и въ четвертый — послѣ цвѣтенія, во время налива зерна *).

Джугара созрѣваетъ въ 9 мѣсяцевъ; въ Бухарѣ впрочемъ есть сортъ созрѣвающий въ 3 мѣсяца. Когда ее хватятъ на корню осенніе морозы, отъ которыхъ она, по увѣренію самаркандскихъ хозяевъ, становится лучше, ее убираютъ серпомъ (уракъ). Съ сжатыхъ стеблей обрываютъ головки, которыя складываютъ въ кучи, а стебли вяжутъ въ снопы.— По просыханіе головокъ, срѣзаютъ ножомъ оставшуюся при нихъ часть стебля и тогда головки идутъ на токъ, гдѣ обмалачиваются быками и зерно провѣвается на вѣтру.

Во время созрѣванія джугары поле охраняется отъ птицъ, которыя сильно на нее нападаютъ.

На танапъ высѣваютъ отъ 2 до 3 чайрыковъ (отъ 10 до 15 фунт.) зерна, смотря по почвѣ; урожай съ танапа бываетъ отъ 2 до 5 батмановъ (8 пуд. вѣсу), т. е. отъ самъ 50 до самъ 160.

Кромѣ того джугара воздѣлывается и на зеленый кормъ (*аляфи чау*) въ смѣси съ другими растеніями. Для прокормленія рабочаго скота въ то время, когда хлѣбопашцы выѣзжаютъ въ отдаленныя поля, гдѣ не имѣется другаго корма, соотвѣтственная числу рабочаго скота часть земли засѣвается смѣсью сѣмянъ, джугары, маша и кунака (бора—*Setaria italica*.) на зеленый кормъ.—Пропорція смѣси сѣмянъ для засѣва 1 танапа слѣдующая: 2 чайрыка (10 фун.) джугары, 1 чайрыкъ (5 фун.) маша (*Soya hisp.*) и 1 чайрыкъ кунака (бора). Когда джюгара достигла роста 1½ аршинъ, начинаютъ ко-

*) Четыре полива поля, засѣяннаго джугарою, дѣлаютъ только при избыткѣ воды.—Крайне и неизбѣжно необходимъ для джугары только поливъ въ іюнѣ, который называется: *Гармянг*; т. е. поливъ теплою, согрѣвшеюся водою. —Безъ *гармяна* урожай джугары плохъ и не надеженъ. При недостаткѣ воды, одного этого полива совершенно достаточно для хорошаго урожая джугары.

силь для корма скота. Накосивши въ количествѣ, нужномъ для денной задачи корма наличному рабочему скоту, ее вяжутъ въ снопы и скармливаютъ скоту, изрѣзавъ снопы въ сѣчку. Одного танана *аляфи-гау* достаточно для прокормленія 12 рабочихъ воловъ въ продолженіи 30 дней.

Въ хозяйствѣ *пясрекеровъ*, (малоземельныхъ хлѣбопашцевъ, засѣвающихъ два года сряду озимые и яровые хлѣба въ томъ же полѣ), послѣ перваго урожая джугары, если на томъ же мѣстѣ должна быть посѣяна опять джугара, поле вновь удобряютъ 40—50 арбами навоза на танапъ. Но и при этомъ второй урожай джугары хорошо удается только на сильной почвѣ (караупа). Также не надежный урожай на второй годъ послѣ джугары даетъ хлопчатникъ (*гуза*). Въ тѣхъ хозяйствахъ, въ которыхъ поле засѣвается два года сряду озимыми и яровыми посѣвами, послѣ джугары сѣютъ обыкновенно или ленъ (*зымыръ*) безъ удобренія, или воздѣлываютъ плодовые овощи по удобренію.

Ленъ-зымыръ (*Linum usitat.*)

Льна (зымыръ) высѣвается отъ 1½ до 2 пудовъ на танапъ. Воздѣлываютъ его только для сѣмянъ на масло, которое добывается тѣмъ же способомъ какъ изъ кунжута. Стебли не идутъ въ дѣло и волокно ихъ весьма грубое и толстое.

Урожай сѣмени съ танана бываетъ отъ 1 до 1½ батмановъ, т.-е. отъ 8 до 12 пудовъ.

Базарная цѣна батмана льняного сѣмени отъ 8 до 16 руб.

Индау (*Eruca?*)

Между льномъ, какъ сорная трава, произрастаетъ *индау*, крестоцвѣтное растеніе, изъ сѣмянъ котораго получается также масло вмѣстѣ съ льнянымъ. Впрочемъ *индау* воздѣлывается и отдѣльно, также, какъ ленъ. Чистое масло изъ сѣмянъ *индау*, противнаго вкуса, употребляется въ туземной ветеринарной практикѣ противъ паршей у лошадей.

Сафлоръ-махсаръ (*Carthamus tinctor.*)

Изъ воздѣлываемыхъ въ яровомъ полѣ масличныхъ растеній еще надо упомянуть объ *махсаръ* (сафлоръ), который даетъ лучшее изъ всѣхъ здѣшнихъ маслъ и, кромѣ того, изъ цвѣтовъ его получается оранжевая краска. Его болѣе воздѣлываютъ въ тюменяхъ: Ургутѣ и Ширазѣ. Количество посѣва сѣмянъ на танапъ отъ 1½ до 2 пудовъ; урожай отъ 1 до 1½ батмановъ. Способъ воздѣлыванія одинаковый со льномъ.

Конопля-бангъ (бендона) (*Canabis sativa?*)

Въ Ургутскомъ, Ангарскомъ, Ширазскомъ и Шаударскомъ тюменяхъ кромѣ того въ яровомъ полѣ воздѣлывается въ значительномъ количествѣ конопля (бангъ или бендона). Сѣмена ея идутъ на приготовленіе масла, которое впрочемъ никогда не употребляется въ чистомъ видѣ, а всегда въ смѣси съ льнянымъ, потому что чистое здѣшнее конопляное масло содержитъ много пахучей смолы и имѣетъ одуряющее свойства. Изъ батмана сѣмени получается 3 пуда масла. Изъ стеблей получаютъ волокна, идущія на приготовленіе веревокъ. Кромѣ того изъ конопли готовится *наша*, такимъ образомъ: мелкіе листочки и оболочки, въ которыхъ сидятъ сѣмена, толкутъ въ ступкѣ съ примѣсью небольшого количества масла. — Полученная изъ этаго масса и есть *наша*, (гашишъ), которую курятъ изъ кальяна (чилима) вмѣстѣ съ табакомъ, и которая имѣетъ одуряющее свойство.

Бахчи.

Въ хозяйствѣ пясрекеровъ, такъ равно и въ крупныхъ хозяйствахъ (*дишкан'овъ*), въ которомъ часть яроваго поля отдѣляется подъ бахчи, дыни, арбузы и тыквы сѣются на землѣ сильно удобренной и до 10 разъ вспаханной. — Посѣвъ производится рядами. Всходы плодовыхъ овощей три раза промотыживаютъ кетменемъ и окучиваютъ, т.-е. образуютъ около взшедшихъ растеній узкія грядки. — При обильномъ

орошеніи урожай дынь и арбузовъ съ танапа бываетъ отъ 4 до 5 тысячъ штукъ.

Въ томъ же полѣ сѣется *лукъ* (піасъ) и *морковь* (сабзы). Землю подъ посѣвъ этихъ растений готовятъ такимъ же образомъ, какъ и подъ бахчи, съ той разницею, что менѣе сильно удобряютъ ее и по большей части не навозомъ, а глиной (турпакъ), и не окучиваютъ какъ плодовые овощи, а только три раза промотыживаютъ для истребленія сорныхъ травъ. Кромѣ того для лука примѣняется иногда поверхностное удобрение его всходовъ уличной пылью. Лукъ и морковь орошаютъ въ продолженіи ихъ произрастанія 3 раза. Морковь въ этомъ полѣ воздѣлывается вообще рѣдко; чаще она воздѣлывается, какъ было сказано, вторымъ посѣвомъ, послѣ озимой пшеницы.

Хлопчатникъ—*гуза* (*Gossipium triouspidatum*).

Одно изъ главныхъ растений, воздѣлываемыхъ въ яровомъ полѣ, есть *хлопчатникъ* (гуза). Тѣ хозяева, которые меньше воздѣлываютъ риса, засѣваютъ больше хлопчатника и на оборотъ. Хлопчатникъ растение требующее большаго ухода за собой: землю подъ него стараются обработать по возможности глубоко и тщательно. Перепахиваютъ землю отъ 4 до 10 разъ и полагаютъ, что чѣмъ больше разъ и лучше вспахана земля подъ гузу, тѣмъ лучше урожай хлопка. Сѣмена хлопчатника (*чилигъ*) высѣваются рядами, промежутки между которыми два раза, до цвѣтенія его, промотыживаются и взшедшія растенія окучиваются, такимъ образомъ что все поле бываетъ разбито грядками, на гребнѣ которыхъ растетъ гуза. Большой поливки хлопчатникъ не требуетъ и даже не выносить; на засѣянное имъ поле напускаютъ по немного воды въ бороздки между его рядами 2 или 3 раза въ продолженіе его произрастанія. Въ 1-й разъ орошаютъ передъ самымъ цвѣтеніемъ хлопчатника; 2-й разъ—когда образуются на немъ коробочки, и въ 3-й разъ—когда шишки начинаютъ созрѣвать; или же ограничиваются однимъ орошеніемъ.

емъ передъ его цвѣтеніемъ. Сѣмянъ хлопчатника (чигита) идетъ на танапъ отъ 4 до 6 чайрыковъ (отъ 20 до 30 фун.). За время произрастанія хлопчатника необходимо поле очищать отъ сорныхъ травъ, для этого, кромѣ мотыженья, его еще рачительно полять,—чѣмъ и ограничивается уходъ за время его произрастанія. Способъ, употребляемый въ Америкѣ для того, чтобы увеличить урожай хлопка посредствомъ обламыванія вершины растенія, когда оно достигло извѣстной высоты, здѣсь не извѣстенъ, по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ распросовъ моихъ въ Самаркандѣ объ этомъ предметѣ оказалось, что операція эта не практикуется тамъ и не извѣстна. Между тѣмъ обламываніе верхушки стебля, примѣняемое при воздѣлываніи хлопчатника въ Америкѣ, заставляетъ стебель вѣтвиться, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ и число завязывающихся на кустѣ коробочекъ, а вслѣдствіе этого значительно увеличиваетъ и количество хлопка въ урожаѣ. Здѣсь среднимъ числомъ получается отъ 1½ до 2 батмановъ (отъ 12 до 16 пуд.) коробочекъ (гузы) съ танапа,—а батманъ ихъ даетъ два пуда очищеннаго хлопка (пахты) и 10 чайрыковъ (50 ф.) сѣмянъ (чигита). Коробочки хлопчатника начинаютъ созрѣвать черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ посѣва; въ теченіе 6-го мѣсяца производится уборка ихъ. Онѣ посѣваютъ не всѣ одновременно, въ то время когда уже нѣкоторыя коробочки поспѣли,—другія только завязываются, и на одномъ и томъ же полѣ можно найти уже созрѣвшіе плоды и еще цвѣтущій хлопчатникъ. По мѣрѣ созрѣванія коробочки раскрываются, хотя далеко не такъ полно, какъ коробочки американскаго хлопчатника, и сквозь треснувшіе швы ихъ становится видно волокно хлопка, облекающее сѣмена въ каждомъ отдѣленіи коробочки. Тогда ихъ собираютъ руками и отдѣляютъ хлопокъ (пахту) отъ оболочекъ и сѣмянъ (чигита) при помощи особаго инструмента (халяджи), состоящаго изъ двухъ цилиндровъ, вращающихся въ противоположныя стороны. Отдѣльный отъ оболочекъ и сѣмянъ хлопокъ вслѣдъ за тѣмъ выбивается палками и потомъ уже или поступаетъ на пряжу или утюковывается въ бунты. Остающіеся въ полѣ стебли

собираются, по окончаніи сбора съ нихъ шишекъ, особо и идутъ на топливо.

Въ тѣхъ хозяйствахъ, въ которыхъ озимые и яровые посѣвы производятся по два года сразу въ одномъ и томъ же полѣ, хлопчатникъ и на второй годъ воздѣлывается на томъ же мѣстѣ, удобривъ его 40—50 арбами глины (турпакъ). Но на второй годъ послѣ урожая джугары, хлопчатникъ непосредственно не засѣвается, ибо урожай его, какъ уже выше сказано, не удаётся.

Горохъ-бурчакъ (*Pisum sativ?*) и Нахотъ (*Cicer arietinum*).

Въ яровомъ же полѣ, хотя въ незначительномъ количествѣ и не всѣми хлѣбопашцами, воздѣлываются горохъ-бурчакъ (*pisum*) и нахотъ (*Cicer arietinum*). Бурчакъ идетъ на кормъ животныхъ; изъ него мелютъ муку для посыпки соломы зерновыхъ хлѣбовъ, когда ее употребляютъ на кормъ рогатому скоту. Хотя посѣвы *нахота* тоже не обширны (болѣе всего въ Магіанѣ), но онъ употребляется въ пищу людямъ.

Паровая обработка.

Земля изъ подъ яровыхъ хлѣбовъ (въ малоземельныхъ хозяйствахъ посрякеровъ давшая два урожая яровыхъ), оставляется въ пару (*шидгаръ*). Передъ посѣвомъ на ней озимой пшеницы или ячменя ее пахутъ отъ 5 до 10 разъ и удобряютъ 40—50 арбами навоза на танапъ. Иногда, впрочемъ рѣдко, можно встрѣтить, что часть пароваго поля засѣвается и даетъ урожай *машъ* (мелкой фасоли). Но всѣ здѣшніе земледѣльцы, какъ *дижканы* такъ и *пясрекеры* обще убѣждены въ необходимости дать землѣ отдыхъ, оставляя ее въ пару.

Растенія разводимыя на особыхъ участкахъ и невходящія въ общій полевой сѣвооборотъ.

Кромѣ вышеназванныхъ растений, воздѣлываемыхъ въ полѣ и подчиненныхъ общему сѣвообороту, нѣкоторыя растенія воздѣлываются или на особыхъ участкахъ земли, обнесенныхъ

глиномятной стѣнкой, на *хаятахъ*, каковы: люцерна, марена и табакъ; или же воздѣлываются какъ околышныя растенія на краяхъ бахчей и огородовъ, каковы: кукуруза и фасоль (*любѣа*), и наконецъ есть еще такія растенія, которыя исключительно воздѣлываются только на земляхъ *ляльми*, т.-е. не орошаемыхъ искусственно, а пользующихся только атмосферной влагой, къ нимъ принадлежатъ: яровая пшеница и яровой ячмень и *боръ* (*Setaria italic*) *кунакъ*; послѣднее впрочемъ преимущественно воздѣлывается кочевымъ населеніемъ.

Люцерна-дженушка (*Medicago sativa*).

Люцерна-дженушка (узбек.) или *бида* (таджик.), составляетъ важнѣйшее кормовое растеніе, такъ какъ оно одно только высушивается на сѣно и воздѣлывается въ значительныхъ размѣрахъ. Земля подъ посѣвъ дженушки удобряется 30—40 арбами навоза или глины (турпакъ), и пашется отъ 6 до 10 разъ. Послѣ каждой вспашки боронуютъ поле поперегъ пласта. Вспахавъ и заборонивъ въ послѣдній разъ передъ посѣвомъ, поле разбиваютъ валиками на квадраты величиною, смотря по наклону которое оно имѣетъ, въ 6—12 кв. сажень каждый, для того чтобы задерживать напускаемую въ нихъ воду,—которую распредѣляютъ по квадратикамъ, пропуская ее въ отверстія дѣлаемыя въ валикахъ и задерживая ее по мѣрѣ надобности, закрывая эти отверстія приваливаемой къ нимъ мокрой землею. Когда поле приготовлено для посѣва, на него напускаютъ воду глубиною на 3—4 вершка и высѣваютъ до 2 пуд. сѣмянъ на танапъ прямо въ воду. Послѣ того какъ вода частью испарится, частью будетъ всосана землею, сѣмена прорастаютъ. Обыкновенно дней черезъ 5 послѣ того, какъ покажутся выходы дженушки, на нихъ опять напускаютъ воду. За тѣмъ черезъ 10—15 дней снова ихъ орошаютъ и такимъ образомъ до перваго укоса, который бываетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, пускаютъ воду на дженушку 4 и даже 5 разъ. Въ іюнѣ дженушку косятъ, или вѣрнѣе сказать—жнутъ, потому что для этого употребляется *уракъ*,

который есть ни что иное, какъ серпъ безъ зазубринъ; употребленіе же косы здѣсь неизвѣстно. Сжатое оставляютъ въ розвязи на 3—4 дня, для того чтобы оно прояло, и послѣ этого уже вяжутъ въ снопы, вѣсомъ приблизительно отъ 8 до 10 фун. каждый. Въ первый укосъ перваго года получаютъ, по свѣдѣніямъ собраннымъ мною въ Самаркандѣ, отъ 50 до 70 такихъ сноповъ; по распроснымъ же свѣдѣніямъ въ Ташкентѣ, первый укосъ значительно больше, именно до 200 сноповъ. Вообще по свѣдѣніямъ собраннымъ въ Ташкентѣ, число сноповъ какъ перваго такъ и послѣдующихъ сборовъ дженушки значительно больше, чѣмъ тѣ цифры, которыя будутъ указаны здѣсь, по свѣдѣніямъ полученнымъ въ Самаркандѣ, что можетъ быть оттого, что тамошняя вязь сноповъ крупнѣе. Убравши 1-й укосъ сѣна, дженушку орошаютъ до втораго укоса 2—3 раза, въ первый разъ—вслѣдъ за уборкой. Второй укосъ даетъ отъ 100 до 150 сноповъ, которымъ и оканчивается сборъ дженушки на сѣно въ первый годъ посѣва ея. Подрастающую послѣ втораго укоса дженушку, скормливать на корню лошадьми или баранами, или если и косять, то она идетъ на зеленый кормъ. Такимъ образомъ въ первый годъ посѣва дженушка, кромѣ послѣдней отавы, даетъ два укоса сѣна въ количествѣ 200—220 сноповъ или до 50 пуд. съ танана ($\frac{1}{6}$ ч. десятины).

Во второй годъ послѣ посѣва дженушка даетъ 3—4 укоса, по 200 сноповъ каждый, всего до 800 сноповъ или 150 пудовъ сѣна съ танана. Въ этомъ году ее орошаютъ рано весною одинъ разъ и затѣмъ послѣ cadaго укоса одинъ разъ.

Въ третій годъ послѣ посѣва дженушку удобряютъ 30—40 арбами навоза или рано весною, до 1-го укоса, или вслѣдъ послѣ 1-го укоса. Кромѣ того она орошается одинъ разъ рано весной и послѣ cadaго укоса. Съ этаго укоса и до 8 года послѣ посѣва она даетъ полные урожаи до 1000 сноповъ съ танана въ четыре укоса, что составляетъ по разсчѣна десятину до 1.200 пудовъ.

Черезъ каждые два года поле засѣянное дженушкою удобряютъ 30—40 арбами перепрѣвшаго навоза. При этомъ вре-

мя пользованія ею можетъ продолжаться до 15 лѣтъ, но съ восьмага года пользованія—урожаи ея начинаютъ уменьшаться. Съ девятаго года послѣ посѣва косятъ только три раза въ лѣто; при чемъ каждый укосъ даетъ не болѣе 120 сноповъ; а съ двѣнадцатаго года она такъ изрѣжается, что даетъ въ укосъ не болѣе ста сноповъ и только два укоса въ лѣто, почему послѣ 12-ти лѣтъ пользованія, землю рѣдко оставляютъ долѣе подъ дженушкой, и если это и бываетъ, то только тогда, когда изрѣдившіяся мѣста поля были подсыяны въ предшествовавшіе года. Подсывъ производятъ такимъ образомъ, что на 10-мъ году послѣ посѣва поле удобряется сильнѣе обыкновеннаго и вслѣдъ затѣмъ на изрѣдившіяся мѣста подсываютъ сѣмянъ.

Для подъема поля изъ подъ многолѣтней дженушки употребляется кетмень, при чемъ толстые корни ея собираютъ въ кучи и по высыханіи ихъ употребляютъ на топливо.

Дженушку не сѣютъ на томъ же мѣстѣ ранѣе 4 лѣтъ. Послѣ нея всѣ культурныя растенія рождаются хорошо, особенно же джугара и дыни. Поле бывшее подъ дженушкой засѣваютъ первымъ хлѣбомъ джугарою (сорго); послѣ него—дыни и арбузы; послѣ нихъ сѣютъ два года озимую пшеницу, и затѣмъ это поле можетъ быть опять засѣяно дженушкой.

Для полученія сѣмянъ оставляютъ особые участки 3-хлѣтней дженушки, которая даетъ отъ 6 до 8 пудовъ сѣмянъ съ танапа, — чайрыкъ (5 фун.) которыхъ стоитъ отъ 60 до 80 коп.

Марена—*руянъ* (*Rubia tinctor.*).

Марена или *кранъ* (руянъ) воздѣлывается на особыхъ, не входящихъ въ общій сѣвооборотъ участкахъ земли. Земля подъ нея сильно удобряется и весьма тщательно обрабатывается. Около Самарканда марена воздѣлывается въ весьма небольшомъ количествѣ; гораздо значительнѣе посѣвы ея въ Катты-Курганскомъ отдѣлѣ, но всего болѣе она воздѣлывается въ Бухарѣ и Шахрисябѣ. Участокъ земли, назначенный

подъ разведеніе марены, обрабатывается узкими грядками, въ гребень которыхъ сажаютъ сѣмена, которыхъ выходитъ 1 пудъ на танапъ. За время произрастанія марены ея держать чисто отъ сорныхъ травъ, мотыжать и полять участокъ; кромѣ того орошаютъ весьма сильно. Ту марену, которая должна дать сѣмена, поливають гораздо меньше, при чемъ сѣмена поспѣваютъ черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ посѣва; та—же марена, которая сильно поливается, не даетъ сѣмянъ хотя и цвѣтеть, но цвѣтки, отъ усиленной поливки, опадаютъ. Корни выкапываются на 4 году послѣ посѣва марены, при чемъ получаютъ до 6-ти батмановъ (48 пуд.) сырыхъ корней съ танапа. Изъ 6 батмановъ сырыхъ корней, по высушкѣ ихъ на солнцѣ, получаютъ 4 батмана (32 пуд.) сухихъ, которые будучи смолоны даютъ 24 пуда краски.

Табакъ—*тамбаку* (*Nicotiana tabacum*).

Въ полевой сѣвооборотъ не входитъ также *табакъ* (тамбаку), который воздѣлывается на особыхъ плантаціяхъ, въ не большихъ впрочемъ размѣрахъ около Самарканда; болѣе воздѣлываютъ его въ Шаударскомъ, Ургутскомъ и Ангарскомъ тюменяхъ, также въ Катты-Курганскомъ отдѣлѣ. По уходу за табакомъ во время его произрастанія, собственно по количеству орошенія его во время роста, и преимущественно по способу уборки его, различаютъ два сорта табаку: *бѣлый* (акъ)—курительный и *зеленый* (кокъ) нюхательный. Первый часто сбится на земляхъ *ляльми* (*бузъ* тоже), искусственно не орошаемыхъ; *второй*—т.-е. нюхательный, готовится исключительно изъ табаку, выросшаго при усиленномъ орошеніи. Кромѣ того эти два сорта табаку различаются и по способу уборки и дальнѣйшей обработки.

Земля подъ посѣвъ табаку пашется до 15 разъ, удобряется пятидесятью арбами навоза на танапъ и обрабатывается потомъ *кетменемъ* (мотыга) грядками. Табачныя сѣмена высѣваются рано весной въ рассадники и потомъ высаживаются на плантацію въ грядки. Растенія, воздѣлываемыя для ню-

хательнаго табаку, орошаются 6-ть и больше разъ, черезъ каждыя 2 недѣли. Цвѣсти табаку не даютъ, обрывая какъ цвѣточные почки, такъ и образующіеся внизу стеблей мелкіе листья. Къ уборкѣ табака приступаютъ, когда листья начинаютъ принимать темный цвѣтъ. Скошенные стебли табака съ листьями, для приготовленія сорта *кокз*, развѣшиваются на веревкахъ въ тѣни, верхней частью внизъ. Когда листья достаточно высохли ихъ обрываютъ и трутъ въ особыхъ ступкахъ въ порошокъ, который нѣкоторые туземцы нюхаютъ, а большинство кладутъ за щеку.

При приготовленіи же листьевъ для курительнаго табаку, срѣзанные стебли съ листьями оставляютъ дня три лежать на землѣ, чтобы листья его нѣсколько провяли; за тѣмъ обрываютъ ихъ со стеблей и плотно укладываютъ ихъ, слегка уминая, въ заранѣе приготоеленную яму (ура) и даютъ ему придти въ нѣкотораго рода броженіе. Уложенные въ яму табачные листья укрываютъ паласомъ или плотной шерстяной тканью. Послѣ 8—10 дней табакъ вынимаютъ изъ ямы, даютъ ему нѣсколько полежать на воздухѣ и набиваютъ въ мѣшки (капы). Съ танана получаютъ отъ 2 до 2½ батмановъ (т.-е. отъ 16 до 20 п.) сухихъ листьевъ; продажная цѣна которыхъ отъ 40 до 80 кокановъ или отъ 8 до 16 руб. за батманъ.

Кукуруза—*Макка-джуара* (*Zea Mais* и *Любіа*) (*Dolichos*?).

Въ общій сѣвооборотъ не входитъ также кукуруза (*макка-джуара*) и родъ фасоли *любіа* (*Dolichos*), которыя воздѣлываются въ небольшомъ размѣрѣ, большей частью, на окраинахъ участковъ, занятыхъ плодовыми и огородными овощами. Кукурузой, кромѣ окраинъ, засѣваются также промежутки между дынями, арбузами и морковью; а *любіа* иногда засѣвается и на особыхъ участкахъ. Кукуруза идетъ въ пищу людямъ, но употребляютъ ее вообще мало: муки изъ ея зерна не дѣлаютъ, но изъ нее готовятъ особое, екорѣе лакомство, чѣмъ кушаніе, *акъ-бобракъ*, бросая спѣлое зерно кукурузы въ горячій котелъ, гдѣ оболочки зерна треска-

ются и содержимое зерна распушается.—Вообще нужно замѣтить, что какъ воздѣлываніе кукурузы, такъ и употребленіе ея въ Средней-Азіи весьма ограничено; между тѣмъ какъ она могла бы служить хорошимъ средствомъ народнаго продовольствія и уменьшить количество употребляемаго тамъ риса, воздѣлываніе котораго въ большихъ размѣрахъ не выгодно какъ въ гігіеническомъ отношеніи, потому что залитые водою поля риса, развиваютъ лихорадки; и въ экономическомъ отношеніи оно не выгодно потому, что рисовыя поля расходуютъ въ большомъ количествѣ дорогую для земледѣлія воду оросительныхъ канавъ.

Чтобъ закончить этотъ краткій очеркъ земледѣлія въ Самаркандскомъ районѣ, считаю полезнымъ прибавить нѣсколько словъ объ мѣстной хозяйственной терминологіи, которая ставитъ въ большое затрудненіе изучающаго туземное земледѣліе.—Затрудненія эти возникаютъ главнымъ образомъ отъ незнакомства изучающаго съ туземнымъ языкомъ, при чемъ ему приходится объясняться при посредствѣ переводчика, рѣдко толковаго и точно передающаго предлагаемые вопросы и получаемые отвѣты.—Это важное само по себѣ затрудненіе, увеличивается еще тѣмъ, что въ краѣ распространены два нарѣчія, при чемъ въ большинствѣ случаевъ одинъ и тотже терминъ имѣетъ два названія: таджикское и узбекское, одинаково часто употребляемые туземцами одно вмѣсто другаго; что, безъ сомнѣнія, путаетъ и сбиваетъ распрашивающаго.—По мѣрѣ возможности я старался сохранить въ своемъ очеркѣ оба названія въ транскрипціи, чтобы облегчить послѣдующіе труды желающимъ изучить болѣе полно сельское хозяйство въ Туркестанскомъ краѣ.—Надо замѣтить при этомъ, что туземцы весьма часто обобщаютъ терминъ и употребляютъ его въ переносномъ значеніи; какъ примѣръ приведу слѣдующее: нашимъ терминамъ *озимыхъ* и *яровыхъ* хлѣбовъ, собственно по лексическому значенію, вполнѣ соответствующъ мѣстныя названія: первому—*терамои* (*терама*—осень),

и второму—*богары* (*богаръ*—весна). Между тѣмъ условившій себя такое значеніе посѣвовъ *терамои* и *богары* будетъ поставленъ въ затрудненіе, когда, при собираніи сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, ему назовутъ между посѣвами *терамои*, т. е. осенними, посѣвы: *хлопчатника*, который засѣвается въ началѣ Апрѣля, *сорго*, *риса*, *кунжута*, засѣваемыхъ въ маѣ мѣсяцѣ; однимъ словомъ, назовутъ всѣ посѣвы, за исключеніемъ яровой пшеницы и ярового ячменя, а объ *борѣ* (*кунакѣ*), скажутъ, что онъ засѣвается и *терамои* и *богары*.—Оказывается, что посѣвами *терамои*, кромѣ прямого ихъ значенія, называютъ посѣвы всѣхъ тѣхъ растений, которыя воздѣлываются на искусственно орошаемой землѣ, потому что собственно осенніе посѣвы, каковы озимой пшеницы и озимаго ячменя, возможны только на искусственно орошаемой землѣ; отсюда терминъ *терамои* — осеннихъ посѣвовъ, переносится и на всѣ тѣ растенія, воздѣлываніе которыхъ обусловлено искусственнымъ орошеніемъ поля.—Посѣвами *богары*—весенними, называются тѣ, которые производятся на земляхъ искусственно не орошаемыхъ; къ нимъ принадлежатъ посѣвы яровой пшеницы, ярового ячменя и бора (*кунакѣ*), засѣваемыхъ весною и не противорѣчащихъ нашему понятію о яровыхъ посѣвахъ.—Но о послѣднемъ, т. е. о *борѣ*, собирающій свѣдѣнія услышитъ, что *кунакѣ* бываетъ и *терамои*, т. е. по буквальному переводу — *осенній*, что впрочемъ не значить, что онъ можетъ быть засѣваемъ съ осени, а только то, что иногда его засѣваютъ и на земляхъ искусственно орошаемыхъ.—Все это тѣмъ болѣе запутываетъ собирающаго свѣдѣнія, что онъ знаетъ о существованіи особыхъ названій на туземномъ языкѣ для земель искусственно орошаемыхъ (*оби* и *тогай*), и для земель не орошаемыхъ искусственно (*лялми* и *бузъ*).

Кромѣ того мѣстная терминологія дѣлитъ посѣвы *терамои* на *акъ* (бѣлые) и *кокъ* (зеленые), значеніе которыхъ всего ближе можетъ быть передано нашимъ терминомъ *ранняго* и *поздняго* урожаявъ.—Къ посѣвамъ *акъ* (раннимъ) принадлежатъ: *озимая пшеница*, *озимый ячмень*, *ленъ*, *чечевица* и на-

хотъ (*Cicer arietinum*), которые поспѣваютъ въ концѣ мая или въ началѣ іюня, а къ посѣвамъ коихъ принадлежать всѣ остальные растенія, позднѣе поспѣвающія и еще *зеленыя* въ то время, когда солома первыхъ уже побѣлѣла.

Поведя рѣчь о посѣвахъ, считаю нужнымъ прибавить еще о двухъ оригинальныхъ, свойственныхъ Средней Азіи посѣвахъ, это, во 1-хъ, посѣвъ разновидности яровой пшеницы—*дунахша*, и во 2-хъ, о самосѣвахъ: *худра* и *мудра*.

Дунахша есть собственно разновидность яровой пшеницы, образованная культурою.—Названіе „*дунахша*“ происходитъ отъ слова: „*ду*“—два, и опредѣляетъ способность этой разновидности яровой пшеницы къ посѣву въ два срока: поздней осенью и ранней весной, въ обоихъ случаяхъ еще по снѣгу. Это яровая пшеница, приспособившаяся къ иному времени посѣва и измѣнившаяся кромѣ того вслѣдствіе воздѣлыванія на землѣ искусственно орошаемой (*оби*).

Для полученія пшеницы — *дунахша*, высѣваютъ сѣмена обыкновенной яровой пшеницы ранней весной, еще по снѣгу, на земляхъ *оби*—орошаемыхъ.—При благопріятной веснѣ, давшій всходы посѣвъ пшеницы орошаютъ 2—3 раза въ продолженіе времени ея произростанія.—Полученныя отъ этого урожая сѣмена и есть пшеница *дунахша*, потому что сѣмена эти уже могутъ быть высѣваемы съ одинаковымъ успѣхомъ какъ ранней весной, опять по снѣгу, такъ и поздней осенью, тоже по снѣгу.—Зерно пшеницы *дунахша* гораздо полнѣ зерна обыкновенной яровой пшеницы вслѣдствіе того, что послѣдняя воздѣлывается безъ орошенія и при недостаткѣ атмосферной влаги, даетъ зерно болѣе тощее, чѣмъ *дунахша*, выросшая на орошаемой землѣ.

Въ Бухарѣ, около Карши, посѣвами *худра* и *мудра* называются урожаи озимой и яровой пшеницы отъ *самосѣва*.—При сильныхъ жарахъ, во время уборки перестоявшей пшеницы, осыпается много зерна, которое въ слѣдующую весну даетъ урожай, называемый: *худра*.—Урожай въ третью весну, отъ осыпавшагося зерна при уборкѣ *худры*, называется: *мудра*.—Оба урожая эти получаютъ безъ помощи какой либо

обработки земли для них, кромѣ орошенія.—Урожаи *худры* бываютъ совершенно удовлетворительные; хуже-урожаи *мудры*.—Оба эти самосѣва получаютъ преимущественно отъ озимой пшеницы; рѣдко и не вполне удовлетворительные получаютъ также и отъ яровой пшеницы, всходы которой часто пропадаютъ во время зимы. Всходы *худры* и *мудры* стравливаются до поздней осени скотомъ, что препятствуетъ имъ идти до слѣдующей весны въ трубку.

М. Бродовскій.

ЗАМѢТКИ

О МЕДИЦИНСКИХЪ И НѢКОТОРЫХЪ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ РАСТЕНІЯХЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Еще весьма недалеко время, когда ученые могли проникнуть въ Среднюю Азію только рискуя своею жизнью, для изслѣдованія страны въ научномъ отношеніи. По этому они могли сообщить весьма немного данныхъ объ этой мѣстности, замѣчательной во многихъ отношеніяхъ; и до настоящаго времени съ этой стороны Средняя Азія изслѣдована была весьма мало.

Со времени занятія Туркестанскаго края русскими, край постепенно выходитъ изъ положенія *terra incognita*; мало по малу расширяются свѣдѣнія по части географіи и исторіи; но по части какихъ либо медицинскихъ наблюдений, относя сюда и изслѣдованія медицинской мѣстной флоры, этотъ край еще почти не почать. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ нѣтъ печатныхъ свѣдѣній ни объ особенностяхъ туземныхъ болѣзней, ни о мѣстонахожденіи и свойствахъ минеральныхъ, цѣлебныхъ источниковъ въ раіонахъ Ташкентскомъ и Заравшанскомъ, хотя источники, по слухамъ и есть здѣсь.

Что касается до изслѣдованія медицинской флоры, то я отчасти пополню этотъ пробѣлъ перечисленіемъ трудовъ тѣхъ изслѣдователей, которые работали на этомъ поприщѣ, а потомъ уже перейду къ собраннымъ мною лично замѣткамъ по этому предмету.

О богатствѣ здѣшней флоры медицинскими растеніями есть указанія въ спискахъ мѣстныхъ флоръ: Семенова, Лемана и Остенъ-Сакена.

Въ 1857 г. Академіею Наукъ снаряжена была экспедиція доктора Борщова въ Среднюю Азію съ спеціальною цѣлью изслѣдованія видовъ *Fegulacae*; результатомъ экспедиціи было обстоятельное изданіе трудовъ г. Борщова, съ описаніями и рисунками этихъ растений.

Магистръ фармаціи Пальмъ, своими статьями, напечатанными въ С.-Петербургскихъ фармацевтическихъ извѣстіяхъ, также познакомилъ публику съ нѣкоторыми медицинскими растеніями Туркестанскаго края.

Ученая экспедиція Общества любителей естествознанія даетъ намъ нѣкоторыя, весьма важныя свѣдѣнія и указанія. А. П. Федченко, во время поѣздокъ своихъ по Заравшану, встрѣтилъ виды *Fegulacae*, растущіе въ изобиліи въ верховьяхъ Заравшана, въ горахъ около Ургута и въ Голодной степи. Мѣстные жители, по рассказамъ его, пользуются этимъ растеніемъ, какъ весьма цѣлебнымъ средствомъ противъ ранъ, встрѣчающихся часто на спинѣ у лошадей.

Въ его же гербаріи, за 1869 г., есть весьма интересные экземпляры цитваряго сѣмени, которое вообще признано лучшимъ, сравнительно съ растущимъ въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ сѣверо-восточной Африкѣ, по богатому содержанію сантанина. Кромѣ того, онъ же встрѣтилъ въ Самаркандѣ цвѣтоносный ясень (*Fraxinus Cruis*). Это дерево дико растетъ въ Италіи; ясень въ значительномъ употребленіи въ медицинѣ и продуктъ ея, манна имѣетъ довольно высокую цѣну въ продажѣ.

Послѣднее обстоятельство даетъ намъ возможность заключить, что много цѣнныхъ, медицинскихъ растений, ствойственныхъ южной Европѣ, могли бы быть акклиматизированы и въ здѣшнемъ краѣ.

Перехожу теперь къ моимъ собственнымъ наблюденіямъ по флорѣ Средней Азіи. Не сообщая въ настоящемъ чтеніи всѣхъ результатовъ моихъ ботаническихъ наблюденій, я изъ встрѣченныхъ мною многоразличныхъ видовъ растений, выбралъ для чтенія исключительно одни медицинскія, въ видахъ практическаго интереса.

Настоящими моими указаніями я желалъ бы вызвать болѣе подробное разъясненіе этого предмета, въ виду того огромнаго значенія, которое можетъ имѣть тщательная его разработка.

Судя по тому, что мнѣ удалось встрѣтить при кратковременныхъ моихъ изысканіяхъ, и основываясь съ другой стороны на данныхъ, мною выше приведенныхъ по разработкѣ здѣшней медицинской флоры, я прихожу къ заключенію, что Туркестанскій край долженъ заключать въ себѣ огромныя богатства по части лекарственныхъ растений, изъ которыхъ многія считаются весьма цѣнными. Изобиліе нѣкоторыхъ видовъ, позволяетъ даже вывозить ихъ не только въ Сибирь, но даже и въ Европейскую Россію, тогда какъ до сихъ поръ, мы, имѣя такое медицинское богатство у себя, подъ руками, получаемъ всѣ медицинскія растенія и ихъ продукты изъ Россіи, а нѣкоторыя привозятся сюда даже изъ Европы. Не имѣя данныхъ, для постановки этого вопроса на почву точныхъ экономическихъ вычисленій, я думаю только, что сбереженіе и прибыль въ этомъ отношеніи, при успѣшномъ ходѣ дѣла, могли бы быть довольно значительными.

Перейду теперь къ перечисленію тѣхъ медицинскихъ растений, которые могутъ служить намъ для вывоза.

Фисташникъ (*Pistacia vera*) *Писта*, растетъ дико въ горахъ коканскихъ владѣній; получаемыя отъ этого дерева орѣшки, подъ названіемъ фисташекъ, всѣмъ извѣстны; а потому я не нахожу нужнымъ распространяться объ употребленіи этого плода; въ медицинѣ въ большемъ употребленіи, получаемая до сихъ поръ отъ *Pistacia Lentiscus*, растущаго въ сѣверной Африкѣ и на греческихъ островахъ, смола, подъ названіемъ мастика, которая въ продажѣ 3 р. за фунтъ и дороже.

М встрѣтилъ фисташникъ въ такомъ изобиліи, что легко возможно было бы собрать нѣсколько тысячъ пудовъ смолы, ни сколько не уступающей въ достоинствѣ сѣверо-африканской, если еще не лучше, что впрочемъ зависитъ много отъ способа самаго сбора смолы.

Къ сожалѣнію, киргизы не умѣютъ извлекать смолу, да и

не знаютъ пользы этого продукта; но стоило бы только, при явившемся спросѣ на эту смолу, указать имъ способъ ея добыванія, и тогда вѣроятно, въ скоромъ времени, было бы доставленъ не одинъ десятокъ тысячъ пудовъ.

Самый способъ добыванія смолы очень простъ: въ сѣверной Африкѣ для этого, въ половинѣ іюля, на стволахъ деревьевъ дѣлають, начиная отъ корня и до самыхъ вѣтвей, многочисленныя легкіе, перпендикулярныя надрѣзы, изъ которыхъ вытекаетъ прозрачный ароматный, смолистый сокъ. Сокъ этотъ скоро засыхаетъ, въ видѣ почти шарообразныхъ зеренъ; ихъ собирають по прошествіи 15—20 дней.

У насъ слѣдовало бы начинать сборъ мастики въ 1-хъ числахъ августа. Изъ вѣтвей дерева и безъ надрѣзовъ выдѣляется небольшое количество сока, дающаго самую лучшую мастику—сагіса.

Смоковница (*Ficus*) *Анджиръ*. Кустарникъ этотъ встрѣчается довольно часто въ садахъ туземцевъ г. Намангана и нѣкоторыхъ кишлаковъ, но нельзя сказать, чтобы онъ росъ тамъ въ изобиліи.

Свѣжіе плоды считаются лакомствомъ; плоды эти созрѣвають въ началѣ іюля. Засушенные же плоды у туземныхъ врачей употребляются какъ лекарство.

Засушиваніе плода у туземцевъ вообще производится плохо; при лучшей же сушкѣ винная ягода могла-бы тоже имѣть значеніе для края.

Клещевинникъ (*Ricinus communis*). Я встрѣтилъ это полезное растеніе въ нѣкоторыхъ ташкентскихъ садахъ, какъ украшеніе садовъ, употребленія же оно никакого не имѣетъ; клещевина—однолѣтнее растеніе, но сѣмяна его до того хорошо созрѣвають, что можно смѣло засѣвать имъ цѣлыя поля, для приготовленія клещевиннаго масла, которое качествомъ своимъ не должно уступать привозимому теперь въ Россію изъ Италіи, и можетъ служить предметомъ вывоза въ большомъ количествѣ.

Гранатникъ (*Punica granatum*) *Анаръ*. Разводится въ изобиліи въ наманганскихъ садахъ; это растеніе чрезвычайно

полезно, какъ средство противу солитера, для чего и можетъ служить предметомъ вывоза.

Въ медицинѣ употребляются: цвѣты, листья, корни и кора плода.

Лавендулѣ (*Lavendula latifolia*) растеть въ изобилии около рѣчки Майли (въ Коканѣ) и во многихъ другихъ мѣстахъ; оно отличается отъ лекарственнаго лавендула своими листьями, въ медицинѣ же оба растенія имѣютъ одинаковое значеніе.

Кромѣ употребленія цвѣтковъ, можно здѣсь готовить лавендуловое масло, а по изобилию этого растенія, масло это можетъ служить предметомъ для вывоза, взамѣнъ привозимаго въ настоящее время изъ южной Франціи.

Эфирное масло лавендула имѣетъ также большое употребленіе при составленіи духовъ, мыла и проч.

Орѣховое дерево (*Juglans regia*) *Джаниакъ*, растеть въ изобилии дико въ горахъ и разводится въ большемъ количествѣ въ садахъ, какъ красивое и полезное дерево. Въ медицинѣ имѣетъ большое примѣненіе, начиная отъ листьевъ, служащихъ отличнымъ средствомъ противъ золотухи и желтухи. Самые орѣхи служатъ для приготовленія орѣховаго масла, которое можетъ замѣнять прованское, только надо употреблять орѣхи свѣжіе, безъ чего масло скоро горькнетъ и становится негоднымъ къ употребленію.

Миндальное дерево (*Amygdalus dulcis*) *Бадамъ*, растеть въ изобилии дико, въ горахъ, и разводится сартами въ садахъ. Миндаль имѣетъ важное значеніе въ медицинѣ; онъ, какъ всѣмъ извѣстно, служитъ для приготовленія молока, изъ него же получается превосходное масло, а изъ выжимокъ его приготовляются миндальные отруби.

Въ житейскомъ быту миндаль служитъ для приготовленія конфетъ и другихъ лакомствъ.

Макъ снотворный (*Paraver somniferum*) *Кокнаръ*, разводится въ сартовскихъ садахъ, но добываніе изъ него опиума, (по сартовски *афиумъ*), весьма незначительно. Это объясняется только тѣмъ, что сарты не въ состояніи готовить опи-

умъ, какъ приготовляютъ его въ Кабулистанѣ, откуда онъ привозится сюда.

Кабулистанскій опиумъ, продающійся здѣсь на базарахъ, имѣетъ форму правильныхъ палочекъ, около 3-хъ драхмъ вѣсомъ, желто-буроватаго цвѣта, въ изломѣ блестящій; въ немъ, по всей вѣроятности, есть примѣсь крахмала.

Здѣшняго, мѣстнаго опиума, въ продажѣ нѣтъ и его приготовляютъ сартовскіе врачи только для своей надобности. Мнѣ не довелось видѣть здѣшній опиумъ, а потому не могу ничего сказать о его достоинствѣ. Въ послѣднее время я имѣлъ случай узнать отъ г. военно-медицинскаго инспектора, Н. М. Сергѣева, что продажный кабульскій опиумъ былъ уже изслѣдованъ въ 1866 году, и признанъ высокаго достоинства. Въ виду этого слѣдуетъ принять мѣры къ увеличенію добычана здѣшняго опиума. Мнѣ кажется, что полезно было бы устроить одну главную контору, которая имѣла бы цѣлью пріобрѣтеніе этого продукта изъ всѣхъ укрѣпленій, для окончательной переработки и затѣмъ для отправки въ Россію.

Я убѣжденъ, что количество добытаго опиума было бы здѣсь огромное; сарты и теперь добываютъ его, но такъ какъ нѣтъ сбыта, то они ведутъ это дѣло въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и безъ должнаго вниманія. Но нѣтъ сомнѣнія, что они даже безъ всякихъ указаній, увеличили бы количество добываемаго опиума, если бы только увидѣли возможность его сбыта.

Дягильникъ (*Angelica Arhangelica*). Растетъ на горѣ Дон-гаракъ въ изобиліи; употребляется преимущественно противъ чумы.

Полюнь (*Artemisia Absinthium*). Встрѣчается довольно часто въ горахъ; кромѣ большаго употребленія, какъ лекарство, она можетъ служить заводчикамъ для приготовленія полынной водки.

Чернобыльникъ (*Artemesia vulgaris*). Растетъ довольно часто въ садахъ, болѣе около заборовъ, въ кишлакахъ Сивазскомъ и Учъ-Курганѣ.

Репейникъ (*Arctium Bardana*). По садамъ и въ горахъ встрѣчается весьма часто.

Аптечный собачникъ (*Cynoglossium officinale*), многолѣтнее растеніе, встрѣчается по дорогамъ и въ садахъ, около Салара.

Лакричникъ (*Glycyrriza glabra*), растетъ въ изобиліи въ ташкентскихъ садахъ; это растеніе въ большомъ употребленіи въ медицинѣ, какъ средство противъ кашля.

Девясилъ (*Inulum Helenium*) растетъ въ изобиліи по горамъ Майли; оно заслуживаетъ вниманія по своему большому употребленію въ ветеринарной практикѣ.

Конскій щавель (*Rumex crispus*) очень часто растетъ въ садахъ, по берегамъ ручьевъ.

Одуванчикъ (*Taraxacum officinale*). Растетъ повсюду на лугахъ, по дорогамъ и часто въ садахъ.

Водяной шильникъ (*Alisma Plantago*). Корень этого растенія употребляется въ Россіи противъ водобоязни; встрѣчается здѣсь въ сырыхъ мѣстахъ, но рѣдко.

Просвирникъ Алтейный (*Althea officinalis*) растетъ въ изобиліи по берегамъ рѣчки Майли, вѣроятно еще и въ другихъ мѣстностяхъ; это растеніе по своему большому врачебному употребленію довольно цѣнное.

Гвоздичникъ (*Geum urbanum*). Встрѣчается довольно часто въ горахъ, болѣе въ сырыхъ и тѣнистыхъ мѣстахъ.

Ленъ (*Linum usitatissimum*) *зымиръ*. Разводится въ изобиліи въ Коканѣ на поляхъ съ орошеніемъ (ляльми), преимущественно кара-киргизами; но къ сожалѣнію, у нихъ этотъ посѣвъ мало вознаграждается: киргизы собираютъ только сѣмена. Я, на сколько могъ, объяснилъ имъ весь процессъ добыванія изъ этого растенія волоконъ, которые гораздо цѣннѣе сѣмянъ, но туземцы на это мнѣ возразили: „что Богъ имъ даетъ готовое волокно (хлопокъ), безъ всякихъ большихъ обработокъ“.

Золототысячникъ (*Erythraea Centaurium*)—по лугамъ при берегахъ рѣчки Майли; золототысячникъ употребляется съ древнихъ временъ противъ перемежающейся лихорадки и въ страданіяхъ печени.

Зенробой (*Hipericum perforatum*). Растетъ въ садахъ около Салара и въ большемъ количествѣ въ горахъ.

Маіоранъ (*Origanum Majorana*) при берегахъ рѣчки Майли, въ изобиліи.

Мелисса лимонная (*Melissa cirata*) растетъ въ изобиліи въ тѣнистыхъ мѣстахъ, по лѣсамъ Майли; здѣсь изъ листьевъ этого растенія можно готовить мелиссовое масло.

Бьялена (*Hyoscyamus niger*). Это наркотическое растеніе попадаетъ очень часто на мусорныхъ мѣстахъ, въ садахъ.

Тысячелистникъ (*Achillea Millifolium*). По горамъ Дангорахъ въ изобиліи; цвѣтетъ въ іюнѣ.

Дурманъ (*Datura Stramonium*). Въ садахъ на мусорныхъ мѣстахъ, но вообще встрѣчается довольно рѣдко.

Дымчатка (*Fumaria officinalis*). Въ здѣшнихъ садахъ между посѣвами встрѣчается довольно часто. Цвѣтетъ въ апрѣлѣ.

Айва (*Pyrus Cydonia*) *Бен.* Разводится въ садахъ въ большемъ количествѣ; въ медицинѣ употребляются только ея сѣмена.

Конопля (*Cannabis vulgaris v. sativa*) разводится только любителями одуряющаго вещества *наши*. Въ медицинѣ употребляются только сѣмяна этого растенія и масло изъ нихъ.

Въ житейскомъ быту конопля могла бы служить сартамъ матеріаломъ для витія веревокъ, такъ какъ дѣлаемые ими теперь шерстяные арканы много уступаютъ въ прочности копенковымъ и требуютъ большаго времени для приготовленія; препятствіе заключается только въ томъ, что сарты не знаютъ способа выработки изъ конопли пакли.

Черная шелковица (*Morus nigra*), разводится въ садахъ; свѣжія ягоды употребляются для приготовленія сиропа, а листьями кормятъ шелковичныхъ червей.

Донникъ (*Melilotus officinalis*). Довольно часто можно встрѣтить въ здѣшнихъ садахъ на мусорныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ началѣ мая.

Мать и мачиха (*Tussilago Farfara*) *Кока*. По берегамъ ташкентскихъ арыковъ на глинистой почвѣ, цвѣтетъ въ февралѣ и началѣ марта.

Богородская трава. (*Thymus serpyllum*)—въ изобилии по горамъ Майли, въ коканскихъ владѣніяхъ; цвѣтеть въ іюнѣ.

Крапива (*Urtica Dioica*)—въ тѣнистыхъ мѣстахъ, въ лѣсахъ Майли.

Слабительная крушина (*Rhamnus cathartica*). Растетъ въ изобилии по берегамъ р. Майли,

Ячмень (*Hordeum vulgare*) *Арпа*, разводится на поляхъ.

Пшеница (*Triticum turgidum*) разводится на поляхъ.

Рябина (*Sorbus Aucuparia*). Это дерево растетъ въ изобилии на Карамкульскихъ горахъ; кромѣ употребленія врачебнаго, можетъ служить и нашимъ заводчикамъ для приготовленія изъ ягодъ рябиновой водки.

Вишня (*Prunus Cerasus*) растетъ въ садахъ изобильно, но много хуже владимірской вишни; слѣдовало-бы попытаться улучшить ее чрезъ культивированіе, въ видахъ большаго употребленія этого фрукта.

Рисъ (*Orisa sativa*) *Шали*. Разводится туземцами на поляхъ съ орошеніемъ; въ большемъ употребленіи, какъ любимое кушанье туземцевъ. Рисъ служитъ для приготовленія крахмала и пудры.

Эти вещества, вмѣсто привоза ихъ изъ Россіи, гдѣ часто даже, по неимѣнію или по дороговизнѣ риса, употребляется пшеничный крахмалъ, могли бы легко быть приготовляемы здѣсь и должны получаться весьма хорошаго качества.

Табакъ (*Nicotiana Tabacum*) разводится туземцами въ садахъ; въ медицинѣ это растеніе не имѣетъ большаго употребленія; за то здѣшнимъ табачнымъ плантаторамъ обѣщаетъ превосходную будущность.

Мнѣ привелось видѣть обрачки различныхъ сортовъ американскаго и турецкаго табаку, выращеннаго въ садахъ купцовъ Первушина и Федорова; всѣ они были весьма хорошаго качества, не смотря на то, что у нихъ посѣвомъ и сборомъ табака занимались не спеціалисты этого дѣла.

Здѣшній климатъ и почва оказались весьма благопріятными для табачныхъ плантацій; только теперь уже слѣдовало бы

перестать заниматься опытами, а приступить къ серіозному дѣлу, отъ котораго можно получить хорошее вознагражденіе.

Хлопчатникъ (*Gossipium herbaceum*) *гуза*, разводится сартами въ изобиліи и занимаетъ первое мѣсто въ торговлѣ здѣшняго края; но какъ врачебное средство получилъ примѣненіе только въ послѣднее время, при употребленіи его вмѣсто корпии, которую хлопокъ, какъ извѣстно, замѣняетъ вполне.

Свекловица (*Beta vulgaris*) разводится сартами и достигаетъ здѣсь огромной величины. Хотя это растеніе прямого примѣненія къ медицинѣ не имѣетъ, но я упоминаю о немъ по той важности, которую она представляетъ въ общежитіи, какъ матеріаль, изъ котораго теперь почти вездѣ добываютъ сахаръ, продуктъ вполне необходимый въ медицинѣ, при составленіи нѣкоторыхъ лекарствъ.

Странно, что здѣсь еще до сихъ поръ не устроено ни одного свеклосахарнаго завода, между тѣмъ какъ въ Россіи ихъ около пятисотъ; въ здѣшнемъ краѣ легко могло бы существовать ихъ нѣсколько; правда что здѣшняя свекловица содержитъ въ себѣ менѣе процентовъ сахара, но недостатокъ этотъ весьма легко можетъ быть устраненъ наблюденіемъ, чтобы при ростѣ ся не было излишка воды, какъ это всегда бываетъ у сартовъ. Тогда получится матеріаль для сахара нисколько не хуже русскаго.

Виноградъ (*Vitis vinifera*) По своему разнообразію составляетъ дѣйствительно богатство здѣшняго края; нѣкоторыя, приготовляемыя изъ этого винограда мѣстные вина оказались весьма удовлетворительными и могутъ быть употребляемы въ медицинѣ; кромѣ винъ, получается (изъ выжимокъ) самый лучший уксусъ.

Въ заключеніе, я попрошу г.г. занимающихся винодѣліемъ обратить вниманіе на виноградныя сѣмьчки, до сихъ поръ выбрасываемыя, какъ ненужный остатокъ. Между тѣмъ изъ нихъ можетъ быть приготовляемъ весьма питательный напитокъ. Сборъ же этихъ сѣмьчекъ особаго затрудненія не представляетъ, такъ какъ они при первомъ броженіи винограднаго

сока поднимаются на верхъ и весьма удобно могутъ быть собраны рѣшетомъ.

Собранныя сѣмячки слѣдуетъ высушивать и потомъ поджарить совершенно также, какъ кофе, прибавляя къ нимъ самое небольшое количество ароматическаго вещества. Дальнѣйшее же приготовленіе самаго напитка походить на приготовленіе шоколада.

Приготавливаемый такимъ образомъ изъ виноградныхъ зеренъ напитокъ сталъ въ настоящее время любимымъ на Рейнѣ и даже одобренъ нѣмецкими врачами, какъ хорошее патательное средство. По отзывамъ врачей, онъ занимаетъ среднее мѣсто между кофе и шоколадомъ. Отчего бы намъ, при такомъ богатствѣ винограда, вмѣсто того, чтобъ бросать его сѣмячки, не попытаться сдѣлать изъ нихъ такое же употребленіе? Можетъ быть этотъ напитокъ пришелся бы по вкусу нашимъ любителямъ кофе и шоколада, и замѣнивъ ихъ, хотя до нѣкоторой степени, избавилъ бы многихъ отъ излишнихъ расходовъ.

I. Краузе.

ЗАМѢТКИ

О ПАРАЗИТАХЪ ЧЕЛОВѢКА, ВОДЯЩИХСЯ ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

При моихъ зоологическихъ работахъ въ Туркестанскомъ краѣ мнѣ пришлось сдѣлать нѣсколько наблюдений и надъ водящимися здѣсь паразитами человѣка. Наблюдения эти далеко не исчерпываютъ всѣхъ здѣшнихъ человѣческихъ паразитовъ; если я рѣшаюсь опубликовать мои свѣдѣнія, то единственно въ надеждѣ обратить вниманіе гг. медиковъ, которые имѣютъ болѣе случаевъ, чѣмъ натуралистъ, для нахождения и наблюдения этихъ животныхъ.

Самый любопытный изъ здѣшнихъ паразитовъ — это ришта (*Filaria medinensis*). Это тотъ самый подкожный паразитъ, который встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ Индіи, Аравіи и Африки и вмѣстѣ съ неграми былъ завезенъ на острова Южной Америки. Составляя принадлежность жаркихъ тропическихъ странъ, этотъ паразитъ въ Туркестанѣ всего болѣе заходить на сѣвѣръ, встрѣчаясь, сколько мнѣ извѣстно, въ Каршахъ, Бухарѣ, Самаркандѣ и Джизакѣ. Зараженные этимъ паразитомъ встрѣчаются и во многихъ другихъ городахъ, но это все приѣзжіе изъ вышепоименованныхъ городовъ. Самаркандъ я включаю въ число мѣстностей, гдѣ ришта эндемична, на основаніи слѣдующаго наблюденія: при посѣщеніи, въ іюнѣ прошлаго года, Искандеркульской экспедиціей Варзаминора, лежащаго въ гористой мѣстности, явился въ отрядъ туземецъ, у котораго уже большой экземпляръ ришты лежалъ подъ кожей на правой сторонѣ груди. Оказалось, что онъ былъ за девять мѣсяцевъ передъ тѣмъ (въ сентябрѣ 1869

г.) въ Самаркандѣ, но не былъ ни въ Джизакѣ, ни въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ, по извѣстнымъ даннымъ происходитъ зараженіе риштой. Случай этотъ несомнѣнно доказываетъ, что въ Самаркандѣ, куда лѣтомъ стекаются сотни зараженныхъ, тоже происходитъ зараженіе риштой, но въ такихъ ограниченныхъ размѣрахъ, что народное сознаніе еще не усвоило этого.

Чаще всего ришта встрѣчается въ нижнихъ конечностяхъ, хотя нерѣдко и въ другихъ частяхъ тѣла. Мнѣ самому довелось наблюдать ее на передней и боковыхъ частяхъ груди; другіе наблюдатели видѣли ее на головѣ и на многихъ другихъ частяхъ тѣла. Лежитъ она обыкновенно вытянувшись во всю длину подъ кожей человѣка, въ такъ называемой подкожной клѣтчаткѣ, но иногда лежитъ и въ клѣтчаткѣ между мускуловъ. Рѣже случаи, когда она лежитъ по нѣскольку экземпляровъ вмѣстѣ клубомъ съ дѣтскій кулакъ. Иногда нѣсколько экземпляровъ бываютъ разбросаны по различнымъ частямъ тѣла, и извѣстенъ случай, что у одного изъ богатѣйшихъ здѣшнихъ туземцевъ было ихъ извлечено двѣнадцать экземпляровъ.

Въ теченіи жаркихъ мѣсяцевъ (май — августъ) ришта достигаетъ окончательнаго развитія. Въ это время на мѣстѣ кожи, подъ которымъ лежитъ головка, вѣроятно вслѣдствіе остановки въ движеніи ришты и постояннаго раздраженія кожи въ одномъ мѣстѣ, образуется краснота и затѣмъ маленкій пупырышъ, который, вслѣдствіе возбуждаемаго имъ зуда, легко сколупывается. Въ образовавшемся отверстіи, особенно при давленіи на окружающую кожу, видно головку ришты. Но образованіе отверстія въ кожѣ есть послѣднее дѣйствіе, которое ришта совершаетъ, да и оно, какъ сказано выше, происходитъ, повидимому, пассивно; я, по крайней мѣрѣ, склоненъ считать появленіе красноты на кожѣ за признакъ смерти ришты; никогда не удавалось мнѣ видѣть, чтобы извлеченная ришта производила движенія или оказывала какіе либо другіе признаки жизни. Правда, нѣсколько вытянутая — она стягивается, положенная въ воду — сгибается,

но это, повидимому, чисто механическія движенія, зависящія отъ эластичности кожи и мускуловъ и дѣйствія воды *). Что-бы выдти ей изъ человѣка наружу, необходимо постороннее участіе, операція. Для этой операціи въ городахъ, гдѣ бываетъ много больныхъ риштой, существуютъ особые спеціалисты изъ туземныхъ цирюльниковъ. Одинъ изъ такихъ спеціалистовъ, Уста-Якубъ въ Джизакѣ, вынимаетъ ее слѣдующимъ образомъ: иглой онъ приподнимаетъ кожу на разстояніи одного дюйма отъ того мѣста, гдѣ образовалась ранка, и срѣзаетъ бритвой круглую пластинку кожи. Послѣдовательными срѣзами онъ углубляетъ рану такъ, что тѣло ришты обнаруживается. Тогда подъ ришту запускается игла и передній ея конецъ вытаскивается наружу. Ришта захватывается пальцами и, при постоянномъ нажиманіи лѣвой ладонью на задній ея конецъ, вытаскивается. Вытаскиваніе совершается быстро и едва ли беретъ и минуту времени. Послѣ вынутія рана затыкается кусочкомъ ваты и этимъ все ограничивается. Русскіе медики употребляютъ для выниманія другой способъ: выставившаяся изъ ранки головка ущемляется въ маленькой палочкѣ на которую и наворачиваютъ ришту. Ежедневно вытягиваютъ и наворачиваютъ столько, сколько при небольшомъ усилии можно вытянуть изъ раны. Такимъ образомъ выниманіе продолжается нѣсколько дней и хотя оно продолжительнѣе, чѣмъ по туземному способу, но представляетъ и меньше опасности оборвать ришту. Туземные операторы, благодаря своей обширной практикѣ, умѣютъ лучше опредѣлить время, когда ришта готова для выниманія, а также и лучше знаютъ, на сколько можно тянуть

*) Что ришта извлекается не въ живомъ состояніи, на это указываетъ и состояніе нѣкоторыхъ тканей ея тѣла, которыя представляются часто какъ бы разрушенными или переродившимися, что сильно затрудняетъ ея гистологическое изслѣдованіе. Я полагаю, что ришта мало по малу умираетъ, начиная съ своего задняго конца, и что это медленное отмирание подвигается впередъ по мѣрѣ ея роста. Смерть не касается, конечно, ея зародышей, которые свободно двигаются въ полости матки, а при разрывѣ ея и въ полостяхъ тѣла.

ее, не боясь разрыва. Наши медики имѣютъ гораздо меньшую практику въ этомъ отношеніи и потому можно только одобрять, что они пользуются хотя медленнымъ, но за то безопаснымъ способомъ.

Обрывъ ришты при выниманіи значительно осложняетъ исходъ болѣзни, и тогда-то собственно и появляются тѣ сильныя страданія, которыя заставляютъ причислить ришту къ однимъ изъ вреднѣйшихъ паразитовъ человѣка. Страданія эти, сопровождаемыя нагноеніемъ въ каналѣ, занятомъ риштой, особенно сильны если ришта проходила черезъ сочлененія. Тогда больной не можетъ двигать конечностью, не возбуждая сильнѣйшей боли. Иногда эти страданія оканчиваются сведеніемъ конечностей или служатъ причиной постоянной хромоты. Въ рѣдкихъ случаяхъ осложненія обрыва бываютъ столь сильны, что ведутъ къ смертельному исходу болѣзни *).

Вынутая ришта представляется въ видѣ длиннаго цилиндрическаго тѣла длиною $1\frac{1}{2}$ аршина **). На переднемъ и заднемъ концахъ тѣло ея нѣсколько утончается и при этомъ передній конецъ, головка, оканчивается тупо, округленно, задній же заворачивается крючкомъ, который направленъ на брюшную сторону. Степень загиба задняго, утонченнаго конца весьма различна: иногда онъ направляется даже прямо назадъ. Кромѣ отверстія рта, лежащаго на передней сторонѣ

*) Было высказано мнѣніе, что смерть отъ ришты происходитъ собственно отъ вынутія вмѣсто ришты куска нерва; дѣйствительно сходство между ними существуетъ и подало поводъ къ названіямъ: *vena medinensis*, *pergus medinensis*, но ошибаться могутъ, конечно, только неопытные туземцы, а между тѣмъ мнѣ говорили про случай смерти отъ ришты русскаго въ Ташкентѣ.

**) Такую длину я наблюдалъ у здѣшнихъ экземпляровъ. Въ монографіи Шнейдера длина показана въ 500 — 4000 миллиметровъ ($11\frac{1}{4}$ вершковъ — 1 саж. 2 арш. 10 вершковъ). Последняя длина относится, вѣроятно, къ экземплярамъ изъ Африки, которые достигаютъ гораздо большей величины, что и подало поводъ къ мнѣнію, что африканская ришта принадлежитъ къ особому виду. Здѣшніе экземпляры по длинѣ сходны съ индѣйскими (18 дюймовъ — 3 фута по Бастіану). Принадлежность здѣшной ришты къ тому же виду, къ которому принадлежитъ индѣйская, судя по рисункамъ Картера, для меня несомнѣнна.

головки, у ришты нѣтъ другихъ отверстій въ тѣлѣ, т.-е. нѣтъ ни порошицы, ни полового отверстія. Эти отверстія, встрѣчающіяся у всѣхъ сродныхъ червей (круглыхъ, *Nematoda*, къ классу которыхъ относится ришта), исчезаютъ у ней только съ возрастомъ, а въ болѣе раннюю пору жизни несомнѣнно существуютъ. Относительно порошицы мнѣ удалось убѣдиться въ этомъ вполне: на одномъ экземплярѣ малой величины, очевидно рано вынутомъ изъ человѣка, ясно было видно полужаросшее отверстіе на брюшной сторонѣ, находящееся весьма близко къ заднему концу, какъ разъ противъ вершины хвостоваго крючка.

Какъ всѣ вообще *Nematoda*, ришта представляетъ цилиндръ, образованный изъ кожицы (*cuticula*) и прилегающихъ къ ней на внутренней сторонѣ мускуловъ. Въ этомъ цилиндрѣ помѣщаются два другіе: кишечный каналъ и половые органы. Кожица представляетъ прозрачную оболочку, покрывающую все тѣло червя. Толщина ея 0,07mm. Подъ микроскопомъ на ней можно различить шесть различныхъ слоевъ, а седьмой, внутренней, составляетъ ея *matrix*, т.-е. изъ этого слоя образуются слои кожицы. *Matrix* очень тонка тамъ, гдѣ лежатъ мускулы, но на сторонахъ червя, гдѣ мускулы къ ней не прикрѣпляются, она гораздо толще. Эти мѣста замѣтны уже снаружи и представляются въ видѣ бѣлыхъ тонкихъ полосокъ, идущихъ по бокамъ тѣла вдоль всего червя и называемыхъ поэтому боковыми линіями. По срединѣ боковой линіи проходитъ узкій каналъ—выдѣлительный органъ.

Итакъ, мускулы не сплошь прирастаютъ къ кожѣ, но на сторонахъ оставляютъ свободное пространство и идутъ вдоль тѣла въ видѣ двухъ лентъ—спинной и брюшной. При внимательномъ разсматриваніи поперечныхъ разрѣзовъ не трудно замѣтить, что и спинная и брюшная мускульныя ленты раздѣлены выростами кутикулы на двѣ половины. Эти выросты, у ришты являющіеся въ видѣ весьма тонкихъ пластинокъ, составляютъ то, что называется срединными линіями; верхняя носитъ названіе спинной, нижняя брюшной. Мускульныя ленты состоятъ изъ весьма нѣжныхъ мускульныхъ волоконцевъ.

Извѣстно, что волоконца у *Nematoda* имѣютъ весьма оригинальное строеніе: одна половина волоконца занята коровымъ слоемъ, а другая сердцевиннымъ. Ришта принадлежитъ къ числу тѣхъ *Nematoda*, у которыхъ коровой слой имѣетъ по срединѣ впадину, такъ что въ поперечномъ разрѣзѣ представляется пяти-угольнымъ съ входящимъ угломъ на внутренней сторонѣ. Сердцевинный слой входитъ въ эту впадину и кромѣ того вдается въ полость тѣла въ видѣ пузырей, иногда очень большихъ. Въ этихъ пузыряхъ мѣстами лежатъ ядра значительной величины. На наружной сторонѣ волоконца прикрѣпляются *matrix*, сторонами крѣпко склеиваются другъ съ другомъ, такъ что могутъ быть изолированы лишь при кипяченіи въ щелочи; на внутренней же сторонѣ пузыри даютъ тонкіе отростки, которые соединяются между собою и направляются къ выросту кожицы, составляющему срединную линію. Таково устройство мускульныхъ лентъ, отъ которыхъ зависитъ цилиндрическая форма ришты, ея сплющиваніе послѣ выхода зародышей и отчасти укорачиваніе ришты послѣ вытягиванія.

Ротъ ришты находится на днѣ маленькой овальной впадины, помѣщенной на переднемъ концѣ тѣла; впадина эта окружена валикомъ, сверху и снизу котораго сидитъ по большому бугорку съ ямочкой по срединѣ. Кромѣ этихъ осязательныхъ бугорковъ, легко замѣтныхъ по своей величинѣ и сидящихъ при началѣ спинной и брюшной линій, по угламъ рта расположены еще четыре бугорка весьма нѣжныхъ мало выдающихся надъ кожицей. Ротъ ведетъ въ трехъ-угольную полость окруженную сильными мускулистыми стѣнками, отъ которыхъ волокна идутъ къ стѣнкамъ тѣла въ видѣ лучей. Мускульныя стѣнки на дальнѣйшемъ отдѣлѣ кишечнаго канала замѣняются рыхлою тканью, состоящею изъ неправильно идущихъ упругихъ волоконъ съ разсѣянными въ промежуткахъ зернами. Эта часть кишечнаго канала, которую можно называть желудкомъ, представляетъ три отдѣла: первый характеризуется четырехъ-гранной формой; отъ угловъ идутъ къ боковымъ и среднимъ линіямъ волокна, прикрѣпляющія кишеч-

ный каналъ къ стѣнкамъ тѣла; второй окруженъ густымъ сплетеніемъ весьма тонкихъ волоконъ, которые, окруживъ кишечный каналъ, идутъ къ боковымъ и среднимъ линіямъ. Въ этомъ волокнистомъ кольцѣ *) находится особая желѣзка, отъ которой идутъ два выходящіе канала; третій отдѣлъ желудка не прикрѣпляется къ стѣнкамъ тѣла. Полость во всѣхъ трехъ отдѣлахъ лежитъ эксцентрично, ближе къ брюшной сторонѣ; въ первомъ она очень мала, во второмъ больше, а въ третьемъ подъ конецъ имѣетъ значительные размѣры и бываетъ наполнена зернистымъ веществомъ **). Желудокъ на концѣ закругленъ и переходитъ въ тонкую трубку, идущую до самаго конца тѣла. Эта часть кишечнаго канала, состоящая изъ тонкихъ волоконъ, покрытыхъ снаружки и внутри слоемъ кутикулы, составляетъ самую длинную часть кишечнаго канала; я не ошибусь, если скажу, что на нее приходится почти $\frac{99}{100}$ всей длины кишечнаго канала.

Принятіе пищи совершается посредствомъ сосанія. Полость пищевода то сокращается, то расширяется, и принятая пища, такимъ образомъ, прогоняется въ его задній конецъ и затѣмъ далѣе въ желудокъ.

Половые органы представляются въ видѣ широкой трубки, идущей почти вдоль всего тѣла ришты. Это матка, наполненная двигающимися зародышами. На обоихъ ея концахъ находятся коротенькіе (около 1 дюйма) придатки—яичники; это узенькія трубочки, въ которыхъ можно различить клѣточки. Если ришту разорвать и сдѣлать въ ней уколъ, то вытекаетъ густая бѣловатая жидкость, въ которой уже подъ лупой можно видѣть множество весьма мелкихъ зародышей, быстро двигающихся. „Величина этихъ зародышей почти одинаковая и равняется 0,65 mm. Тѣло ихъ очень узкое, не толще 0,02

*) Здѣсь, по аналогіи съ другими Nematoda, должна находиться нервная система (клѣтки съ отростками), но мнѣ ихъ видѣть еще не удалось, что я приписываю дурному сохраненію экземпляровъ, вынимаемыхъ изъ члѣвѣка.

**) Для болѣе яснаго представленія описаннаго устройства можетъ служить таблица рисунковъ, показывающихъ строеніе ришты, помещенная мною въ Извѣстіяхъ Имп. Общ. Люб. Естествозн. Т. VIII.

тн.,—передній конецъ нѣсколько суженъ и округленъ, по срединѣ находится маленькое отверстіе—ротъ, съ боку котораго возвышается коническій бугорокъ, вѣроятно играющій роль при вхожденіи внутрь циклопа и служащій для пробуравленія тканей. Назади тѣло зародыша суживается и переходитъ въ тонкій, прямой хвостъ, составляющій почти треть зародыша. Снаружи кожа зародыша представляетъ весьма ясныя круговыя бороздки и валики. Они исчезаютъ тамъ, гдѣ тѣло его начинаетъ суживаться. Маленькое отверстіе рта ведетъ въ узкій кишечный каналъ, весьма мало еще обособленный и не стоящій въ связи съ порошицей, находящейся при началѣ хвоста. Въ кишечномъ каналѣ можно различить пищеводъ и желудокъ. Остальное содержимое зародыша состоитъ изъ зернистой массы“ *).

Зародыши эти нѣсколько дней живутъ въ водѣ, но нисколько не развиваются далѣе и наконецъ умираютъ. Если зародышей посадить въ воду, въ которой находятся маленькіе рачки, циклопы, то черезъ нѣсколько часовъ всѣ циклопы оказываются съ зародышами ршты, которые помѣщаются въ ихъ полости тѣла. Послѣ вхожденія **) начинается въ циклопахъ дальнѣйшее развитіе зародышей.

„Въ первые дни пребыванія зародыша въ циклопѣ, измѣненія ограничиваются внутреннимъ развитіемъ, именно обособ-

*) Моя замѣтка о строеніи и размноженіи ршты. Изв. Имп. Общ. Люб. Естеств. Т. VIII, ч. I стр. 78.

**) Процессъ вхожденія уяснился для меня при наблюденіяхъ прошлаго года. Циклопъ при своихъ движеніяхъ задѣваетъ плавающихъ въ водѣ зародышей, которые при соприкосновеніи свертываются кольцомъ и обвиваются такимъ образомъ около ножекъ циклопа; ножки покрыты шипиками и волосками, такъ что при основаніи они уже, и зародышъ не можетъ соскочить съ нихъ. Пуская циклопа на часовое стеклышко, гдѣ есть зародыши, можно видѣть, какъ отъ соприкосновенія съ нимъ зародышъ свертывается; при этомъ иногда зародышъ исчезаетъ, т.-е. остается прикрѣпленнымъ къ циклопу; въ другихъ случаяхъ, напротивъ, я наблюдалъ, что отъ циклопа вдругъ отдѣлился зародышъ. Перенести циклопа съ обвившимся зародышемъ на предметное стеклышко не удавалось. Подтвержденіемъ моего предположенія, что зародыши съ ножекъ, черезъ брюшныя покровы, пробуравливаются внутрь циклопа, служить и то, что въ первое время послѣ кормленія я находилъ зародышей подъ кишечнымъ каналомъ циклоповъ, позже же всегда надъ нимъ.

леніемъ кишечнаго канала. Разница между пищеводомъ и желудкомъ выступаетъ яснѣе. Пищеводъ—это узкая трубка, желудокъ же занимаетъ большую часть полости тѣла. Порошица становится яснѣе, и видно, что отъ нея идетъ въ косомъ направленіи прямая кишка. Ясной связи между переднимъ и заднимъ отдѣлами кишечнаго канала еще не видно; кольца на кожѣ ясны по прежнему.

„Черезъ двѣ недѣли *) зародышъ сильно измѣняется въ своей формѣ: онъ линяетъ и уменьшается въ своей длинѣ, потому что, сбрасывая кожу, онъ лишается и своего хвоста. Очевидно, что хвостъ для него служилъ лишь органомъ движенія въ водѣ; въ циклопѣ онъ для него лишній. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется характеръ движеній. Прежде зародышъ двигался почти только однимъ хвостомъ, теперь онъ ползаетъ, извивая свое тѣло змѣеобразно. Величина зародыша вмѣсто 0,65 мм. теперь равна 0,45 мм. Тѣло его въ этой второй стадіи не имѣетъ и слѣдовъ колець; кожа его совершенно гладкая. Задній конецъ оканчивается двумя зубчиками, изъ которыхъ брюшной немного больше. Ротъ не претерпѣваетъ измѣненій, только коническій бугорокъ исчезаетъ. Внутри главнѣйшія измѣненія касаются кишечнаго канала: пищеводъ обособляется гораздо яснѣе, получаетъ болѣе толстыя стѣнки и значительно удлиняется—онъ занимаетъ половину тѣла; желудокъ рѣзко выступаетъ своимъ темно-желтымъ цвѣтомъ, который зависитъ отъ множества зернышекъ. Прямая кишка и порошица тоже принимаютъ болѣе рѣзкое очертаніе. Зернистое содержимое въ передней половинѣ почти совершенно исчезаетъ; стѣнки кишечнаго канала почти доходятъ до кожи. На задней трети содержимое еще сильно замѣтно, въ видѣ мелко-зернистой массы, оно облекаетъ прямую кишку и выполняетъ часть лежащую позади порошицы. Здѣсь мнѣ удалось видѣть внутри его каналъ, какъ будто бы открывавшійся наружу, между двухъ конечныхъ зубчиковъ. Не есть ли это выводной каналъ особой железки, которая была наблю-

*) По наблюденіямъ прошлаго года—даже черезъ 12 дней.

даема у нѣкоторыхъ зародышей круглыхъ червей и характеризуетъ цѣлое семейство Urolabidae? Разъ мнѣ удалось даже видѣть какъ бы третій зубчикъ между двухъ конечныхъ, но едва ли это не было выдѣленіе хвостовой железки, затвердѣвшее по выходѣ. Черезъ три недѣли обособленіе внутреннихъ органовъ дѣлается еще полнѣе, особенно ясно становится строеніе желудка. Полость его начинается расширеніемъ, которое происходитъ оттого, что стѣнки пищевода, переходя въ него, сильно утончаются и образуютъ коническую полость. За нею полость кишечнаго канала опять уменьшается: стѣнки его получаютъ значительную толщину и выстланы большими, ясно разграниченными клѣточками, съ желтымъ зернистымъ содержимымъ, между которыми остается узкій, зигзагообразный каналъ. Клѣточки эти, вѣроятно, играютъ роль печеночныхъ. Въ это время происходитъ уже принятіе пищи посредствомъ рта, потому что въ пищеводѣ замѣчается зернистое содержимое, переливающееся при движеніяхъ животнаго.

„Въ это же время появляется зачатокъ половыхъ органовъ: на брюшной сторонѣ, при началѣ желудка, замѣчается овальное темное тѣльце. Оно заключаетъ внутри себя маленькое ядро. Если смотрѣть на зародыши со спинной стороны, то можно замѣтить маленькіе отростки, идущіе отъ этого тѣла напередъ и назадъ. Этой статьей и ограничиваются мои наблюденія надъ развитіемъ зародышей“ *).

Сколько бы времени зародыши ришты ни оставались въ циклопахъ, дальнѣйшаго развитія ихъ не замѣчается. Въ прошломъ году я перевезъ циклоповъ, накормленныхъ риштой, изъ Джизака въ Ташкентъ, и еще 22-го августа наблюдалъ живыхъ зародышей (конечно второй стадіи) въ циклопахъ, накормленныхъ 16-го іюля. Слѣдовательно, зародыши жили въ циклопахъ мѣсяцъ и 8 дней **). Но хотя и нѣтъ положи-

*) Замѣтка о риштѣ, стр. 78.

**) Сколько времени они еще прожили въ циклопахъ — не знаю, потому что затѣвъ я на мѣсяцъ уѣхалъ въ Самаркандъ, для путешествія въ Магіанское бекство.

тельныхъ наблюденій, разъясняющихъ дальнѣйшую судьбу зародышей, однако можно высказать предположеніе, по моему убѣжденію, весьма близкое къ истинѣ: дѣло въ томъ, что животныя одной естественной группы всегда представляютъ и много общаго въ своемъ развитіи. Если мы не знаемъ полнаго цикла развитія ришты, то онъ намъ извѣстенъ относительно многихъ другихъ червей, принадлежащихъ къ той же группѣ круглыхъ (*Nematoda*). Такъ извѣстна исторія развитія *Cucullanus*'а, который въ взросломъ состояніи живетъ въ кишечномъ каналѣ рыбъ. Этотъ паразитный червь представляетъ еще то любопытное сходство съ риштой, что зародышъ его, чрезвычайно похожій на зародыша ришты *), входитъ въ тѣхъ же циклоповъ и тамъ линяетъ, претерпѣвая при этомъ различныя измѣненія. Рядъ опытовъ, предпринятыхъ проф. Лейкартомъ, вполне доказалъ, что, только побывавши въ циклопѣ, зародыши *Cucullanus*'а попадаютъ опять въ какую-нибудь рыбу, и тамъ вырастаютъ до вполне зрѣлаго состоянія.

По аналогіи съ этимъ червемъ, подтверждаемой фактами изъ исторіи развитія многихъ другихъ червей, слѣдуетъ предположить, что, побывавши въ циклопѣ, зародыши ришты попадаютъ въ желудокъ человѣка. Я и предполагаю, что человѣкъ заражается риштой проглатывая при питьѣ воды маленькихъ, едва замѣтныхъ простому глазу циклоповъ, въ которыхъ находятся зародыши паразита, уже достигшіе второй стадіи **). Всякій, видѣвшій здѣшніе пруды, въ которыхъ рѣдко мѣняется вода, согласится, что проглатываніе различныхъ мелкихъ животныхъ при питьѣ воды изъ такихъ прудовъ неизбежно при массѣ этихъ животныхъ въ прудахъ и при неупотребленіи фильтровъ. Между водяными животными

*) Полагать, что я наблюдалъ въ циклопахъ зародышей *Cucullanus*'а, а не ришты, нельзя, потому что вторая стадія у ришты весьма различна отъ таковой же у *Cucullanus*'а.

**) Переходъ ришты изъ кишечнаго канала подъ кожу не представляетъ ничего невѣроятнаго: зародыши трихины изъ кишечнаго канала идутъ въ мускулы, напр., руки. Другой видъ (*Filaria loa*), живущей на глазномъ яблокѣ негровъ, очень быстро переходитъ съ одного глаза на другой, пробуравливаясь подъ кожей.

въ прудахъ различные виды циклоповъ по массѣ, въ которой встрѣчаются, занимають первое мѣсто, уступая въ числительности только дафніямъ.

Допуская вышесказанное предположеніе о зараженіи риштой чрезъ питье, дѣлается понятнымъ, почему этимъ паразитомъ страдаютъ почти исключительно жители Джизака, Бухары и Каршей.

Всѣ эти города терпятъ въ теченіи лѣта недостатокъ въ водѣ. Городскіе пруды освѣжаются очень рѣдко и въ нихъ развивается масса циклоповъ *); что въ этихъ циклопахъ попадаются зародыши ришты, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Известно, что у прудовъ, изъ которыхъ берется вода на питье, у арыковъ, въ нихъ текущихъ, совершаютъ омовеніе и здоровые и больные; въ арыки попадаетъ всякая дрянь, приносимая водой въ тѣ же пруды. Число зародышей въ каждомъ экземплярѣ ришты болѣе милліона и при этомъ количествѣ нѣсколько изъ нихъ попадаетъ въ благопріятныя условія и въ концѣ концовъ—въ прудъ **). Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ много страдающихъ риштой, много должно падать и зародышей въ прудъ.

Изложенныя наблюденія и вполне вѣроятное предположеніе о зараженіи риштой чрезъ питье даютъ полную возможность предохраниться отъ полученія этого паразита всякому, кто только того захочетъ. Для этого нужно въ мѣстностяхъ, гдѣ риштой заражаются, не употреблять не кипяченой или

*) Еще Эверсманъ, въ описаніи своего путешествія, говоритъ, что богатые люди въ Бухарѣ лѣтомъ воды изъ городскихъ прудовъ не употребляютъ, а посылаютъ за водой за городъ. Циклопы встрѣчаются и въ водѣ колодцевъ (въ Ташкентѣ).

**) Цирюльники, вынимающіе ришту, не бросаютъ ее, а хранятъ высушивая, такъ что зародыши ришты, вынутыя ими, погибаютъ; но многіе изъ больныхъ, при чесаніи сильно зудящей ранки, сорвутъ головку, отъ чего большая часть зародышей непременно выльется;—это легко можетъ случиться или во время омовенія, или незадолго передъ нимъ. Не всѣ ходятъ къ устѣ, (мастеру), а пытаются вытаскивать ришту сами; прошлой осенью мой слуга, татаринъ, жившій предыдущее лѣто въ Бухарѣ, неистово билъ камнями тѣ куски ришты, которыя ему удавалось вытащить, отчего, конечно, только помогалъ зародышамъ разсѣяться.

по крайней мѣрѣ не фильтрованной воды. Если нѣтъ къ этому средствъ, лучше напиться воды изъ арыка, хотя бы и мутнаго, чѣмъ изъ пруда. Труднѣе предложить мѣры, которыя избавили бы населеніе зараженныхъ риштой городовъ отъ этого паразита, потому что такія мѣры возможны только при исполненіи ихъ каждымъ жителемъ, на что очевидно нельзя надѣяться. По недостатку воды невозможно, чтобы напр. въ Джизакѣ всѣ пруды настолько же освѣжались водою изъ арыковъ, какъ въ Ташкентѣ *).

Однако мнѣ кажется, что нѣкоторыя мѣры могли бы, если не совершенно уничтожить, то значительно уменьшить зараженіе риштой въ Джизакѣ; такъ, этому могло бы помочь устройство въ различныхъ частяхъ города нѣсколькихъ, чисто содержимыхъ и часто освѣжаемыхъ прудовъ. Теперь каждый почти домохозяинъ, каждая мечеть имѣютъ свой прудъ, и очевидно, что при такомъ количествѣ для нихъ никогда не хватитъ освѣжающей воды. Для уменьшенія водяныхъ животныхъ въ частныхъ прудахъ можно развести въ прудахъ рыбъ, питающихся этими животными. Произведенныя наблюденія, какъ видно, далеко не обнимаютъ всей жизни ришты. Практическая важность вопроса настоятельно указываетъ на необходимость полного уясненія хода развитія этого паразита и тѣхъ измѣненій, которымъ онъ подвергается въ человѣческомъ организмѣ. Къ сожалѣнію, при здѣшнихъ условіяхъ эта работа сопряжена съ величайшими трудностями. Однако я не могу не высказать, что внимательный осмотръ содержимаго кишечнаго канала и различныхъ органовъ у труповъ жителей, напр., Джизака можетъ повести къ открытію какихъ либо стадій развитія ришты въ человѣческомъ тѣлѣ. Возможно маленькій экземпляръ ришты, только что появившійся подъ кожей и вынутый посредствомъ операціи, былъ бы крайне любопытенъ

*) На сколько ташкентскіе пруды чище джизакскихъ и даже самаркандскихъ, можно судить потому, что пріѣхавъ въ іюль въ Ташкентъ, я былъ въ сильномъ затрудненіи и не могъ доставать для своихъ работъ водяныхъ животныхъ изъ здѣшнихъ прудовъ, тогда какъ въ джизакскихъ и даже въ большей части самаркандскихъ ихъ была масса.

для анатомическаго и гистологическаго изслѣдованія. Опытъ кормленія циклопами, съ зародышами ришты во второй стадіи, далъ бы окончательное рѣшеніе предположенію о зараженіи риштой черезъ питье. По моему убѣжденію, этотъ опытъ, при ограниченномъ числѣ зародышей, не представляетъ никакой опасности для жизни.

Изъ другихъ круглыхъ червей, паразитирующихъ у человѣка, мнѣ извѣстно о нахожденіи у здѣшнихъ туземцевъ только аскариды (*Ascaris lumbricoides* L.) и острицы (*Oxyuris vermicularis* L.). Экземпляры этихъ паразитовъ были представлены въ отдѣлъ Императорскаго общества любителей естествознанія докторомъ Батыршинымъ. Водится въ краѣ и *Ascaris mystaxzederi*, я имѣю много экземпляровъ его изъ собакъ и кошекъ; попадаясь обыкновенно у этихъ животныхъ, онъ изрѣдка встрѣчается и у человѣка.

Изъ плоскихъ червей найденъ у туземцевъ д. Батыршинымъ солитеръ, а именно тотъ видъ (*Taenia mediocanellata* Kūch.), которымъ человѣкъ заражается чрезъ рогатый скотъ, а здѣсь вѣроятно — отъ мяса барановъ. Я имѣю довольно экземпляровъ этого паразита отъ русскихъ, но трудно сказать, получили-ли они его здѣсь или привезли изъ Россіи *).

Ехинококкъ (*Taenia echinococcus* Sieb.) тоже встрѣчается здѣсь. Изъ человѣка экземпляровъ у меня нѣтъ, но есть изъ лошади и верблюда. *Taenia Elliptica* Busch, изрѣдка встрѣчающаяся у человѣка, найдена здѣсь у кошки.

Изъ сосальщиковъ у меня нѣтъ ни одного экземпляра изъ человѣка, но *Distoma hepaticum* L. и *lanceolatum* Meklis. во множествѣ встрѣчены у овцы и рогатаго скота; слѣдовательно встрѣчаются вѣроятно и у туземцевъ.

Изъ семейства пиявокъ паразитомъ человѣка иногда является *Haemoris vorax* Mosq. Tand., вообще нерѣдко встрѣчающаяся здѣсь въ степныхъ мѣстностяхъ у лошади въ полости

*) Отъ одного пріѣзжаго изъ Петербурга я имѣю лентеца широкаго (*Botrioscephalus latus*), но онъ несомнѣнно привезенъ изъ этого города, гдѣ лентецъ очень обыкновененъ.

рта. Я имѣю экземпляръ, извлеченный изъ глотки казака, который близъ Яны-кургана вечеромъ напился воды изъ какой-то лужи и въ Самаркандѣ сталъ страдать кровохарканіемъ. Другой представитель этого семейства—медицинская пиявка (*Hirudo medicinalis*), паразитизмомъ которой человѣкъ пользуется для врачебныхъ цѣлей, въ заравшанской долинѣ встрѣчается въ изобиліи въ нѣсколькихъ мелкихъ озерахъ. Говорили мнѣ, что она есть и въблизи Ташкента. Наконецъ д—ръ Батыршинъ представилъ отдѣлу экземпляры изъ коканскаго ханства. Въ самаркандскомъ лазаретѣ употребляли этихъ пиявокъ и нашли ихъ вполне годными.

Изъ класса членистоногихъ *), въ краѣ водится весьма значительное число паразитовъ, принадлежащихъ къ числу такъ называемыхъ временныхъ паразитовъ. Здѣсь весьма распространена чесотка, но мнѣ не удалось имѣть клеща, производящаго ее. Общераспространенные *Pulex irritans* L., *Pediculus capitis* L. и *vestimenti* N. встрѣчаются въ изобиліи и здѣсь. Мнѣ говорили, что изрѣдка встрѣчается у туземцевъ даже *Phthirus pubis* L. Но обыкновеннаго постельнаго клопа (*Acanthia lectularia* L.) до прихода русскихъ здѣсь не было. Фактъ этотъ весьма любопытный. Теперь клопъ дошелъ уже до Ташкента.

Я имѣю основаніе полагать, что здѣсь водится и знаменитый персидскій клещъ (*Argas persicus*) или близкій къ нему видъ. Извѣстный клоповникъ бухарскаго эмира называется туземцами кана-хана, (кана—значитъ клещъ), и такъ какъ въ этомъ клоповникѣ заключенные скоро, (говорятъ самое большое черезъ 7 дней), умираютъ, то нужно полагать, что онъ наполненъ клещами въ родѣ *Argas*.

Затѣмъ мѣстами весьма здѣсь обыкновененъ *Ixodes*, особенно въ песчаныхъ мѣстностяхъ.

Временные паразиты, изъ отряда двукрылыхъ, весьма раз-

*) Я ничего не говорю о паразитахъ изъ простѣйшихъ, ибо не имѣлъ случая ихъ наблюдать; изъ растительныхъ паразитовъ мнѣ извѣстенъ только *Achorion Schönleini*, производящій паршу, которой такъ часто страдаютъ здѣсь дѣти и даже взрослые.

нообразны: различные виды комаровъ (*Culex*) и мошекъ (*Simulia*), жигалка (*Stomoxys calcitrans* L.) и разные виды изъ семейства слѣпней: *Haematopota*, *Chrysops*, *Tabanus*. Виды послѣдняго рода впрочемъ не многочисленны и не встрѣчаются въ такомъ множествѣ экземпляровъ, какъ на нашемъ сѣверѣ, очевидно по рѣдкости болотистыхъ мѣстъ. Но самый интересный паразитъ изъ двукрылыхъ—это *Phlebotomus*, извѣстный здѣсь подъ именемъ кусающихъ мошекъ. Этихъ паразитовъ водится здѣсь не менѣе четырехъ видовъ, изъ которыхъ два или три—новые. Эти мошки встрѣчаются очень высоко въ горахъ; такъ я замѣтилъ ихъ въ кр. Сарвада*), на высотѣ болѣе 6000'. Они составляютъ принадлежность средиземно-морской зоологической области и извѣстны изъ Закавказья и Италіи. Гдѣ они развиваются и почему ихъ такое обиліе въ домахъ и сакляхъ—мы не знаемъ.

Какъ о случайномъ человѣческомъ паразитѣ, я долженъ упомянуть еще о двукрыломъ изъ семейства *Muscidae*, личинки которой вышли изъ нижней челюсти, пораженной костоѣдой у туземца, лежавшаго въ самаркандскомъ лазаретѣ. Такія же личинки были доставлены мнѣ изъ того же лазарета отъ казака, страдавшаго, кажется, тоже костоѣдой. Вообще здѣсь личинки *Muscidae*, особенно *Sarcophaga*, быстро и во множествѣ появляются въ ранахъ у животныхъ*).

Число человѣческихъ паразитовъ, извѣстныхъ намъ изъ края, доходить до 24, что конечно еще весьма далеко отъ полноты. Особенно мало намъ извѣстны внутренніе паразиты, что и понятно, ибо вскрытіе труповъ здѣсь весьма рѣдко и дѣлается

*) Въ верховьяхъ Заравшана.

**) Въ одномъ изъ засѣданій отдѣла общества любителей естествознанія, М. И. Бродовскимъ было заявлено, что въ Арасанскомъ минеральномъ источникѣ (Копальскаго уѣзда) во множествѣ водятся жучки, больно кусающіе купающихся. Послѣ этого М. И. передалъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ этихъ наѣкомыхъ, полученныхъ имъ отъ доктора источниковъ, г. Соболевскаго. Это дѣйствительно небольшіе (до 2 м. м.) жучки *Hydroporus geminus*; я не помѣстилъ ихъ въ числѣ паразитовъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ сосательныхъ частей рта, а маленькими своими челюстями они едва ли могутъ сдѣлать что либо, кромѣ укола.

только съ судебно-медицинскою цѣлью, да и сомнѣваюсь, чтобы при этихъ вскрытіяхъ обращалось вниманіе на глистовъ. Какъ велико еще можетъ быть приращеніе, можно видѣть изъ того, что изъ числа 28—30 видовъ Entozoa, изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ водятся въ Европѣ, я нашелъ возможность упомянуть въ этомъ списокѣ только о 9, какъ водящихся въ краѣ.

Одинъ утѣшительный результатъ представляется при обзорѣ здѣшнихъ паразитовъ: не обнаружилось при изслѣдованіи никакихъ исключительно для края свойственныхъ паразитовъ, весьма опасныхъ для жизни человѣка, каковы напр. *Trichina spiralis* въ Египтѣ и *Distoma haematobium* Bilharz, въ Египтѣ. Два паразита, которыхъ нѣтъ въ Средней Европѣ, являются здѣсь вслѣдствіе жаркаго климата и нѣкоторыхъ другихъ условій; это—ришта и мошки. Но эти паразиты далеко не могутъ быть признаны смертельными.

Паразитовъ же, исключительно свойственныхъ краю, кромѣ нѣсколькихъ видовъ *Phlebotomus*, нѣтъ. Впрочемъ нужно имѣть въ виду, что я дѣлаю не окончательныя заключенія, а только излагаю настоящее состояніе нашихъ свѣдѣній. Очень можетъ быть, что выводы эти придется значительно измѣнить, какъ скоро здѣшнія Entozoa подвергнутся тщательному изслѣдованію. Цѣль моихъ замѣтокъ—вызвать подобное изслѣдованіе, или по крайней мѣрѣ собраніе матеріаловъ для него.

А. Федченко.

ИЗЪ ОПЕЧАТОКЪ ЗАМѢЧЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ:

<i>страни.</i>	<i>строка</i>	<i>напечатано</i>	<i>надо читать:</i>
6	17 св.	ертами	чертами
18	6 св.	Во кругѣ	Въ округѣ
19	9 св.	он получаютъ	они получаютъ
20	4 св.	съ застратою	съ затратою.
24	14 св.	хосыи на	хосы и на
58	10 св.	почему-му бы	почему бы
75	2 св.	салдатами	солдатами
—	21 св.	кншлакахъ	кишлакахъ
86	2 св.	кагатаицахъ	катаганцахъ
88	11 св.	которя	которая
89	18 св.	засѣлили	заселили
94	9 св.	Туркестантъ	Туркестанъ
—	6 св.	кара-калпаиовъ	кара-калпаковъ
96	14 св.	существиующимъ	существиующимъ
131	7 св.	получаетъ	посылаетъ
142	11 св.	оставившихъ	ставившихъ
147	18 св.	отказываевъ	отказываетъ
148	7 св.	только	только
149	3 св.	пилка	палка
154	16 св.	ископаемаго горячаго	горячаго ископаемаго
155	6 св.	въ вершины	въ верховья
—	10 св.	на № 15°	на № 15°
—	14 св.	по простираніи	по простиранію
156	6 св.	углубкой	углубленіемъ
163	3 св.	прекраснаго	прекраснаго
—	5 св.	разрабатываемый	разрабатываемаго
164	7 св.	Токмаксомъ	Токмакскомъ
166	10 св.	Нагревателная	Нагрѣвательная
168	17 св.	искусно	искусно
—	18 св.	Кайлою	кайлою

<i>стран.</i>	<i>строка</i>	<i>напечатано</i>	<i>надо читать:</i>
179	2 св.	въ Коханскомъ	въ Коканскомъ
182	14 сн.	до 180 ⁰ / ₀	до 180 ⁰
—	13 сн.	" 300 ⁰ / ₀	" 300 ⁰
—	12 сн.	" 400 ⁰ / ₀	" 400 ⁰
196	13 св.	производимой	производимой
197	17 св.	рабочихъ	рабочихъ
208	7 св.	употребляютъ	употребляется
—	17 св.	грязно-желтого	грязно-желтого
211	16 сн.	въ продолженіи	въ продолженіи
213	2 св.	употребляютъ	употребляютъ
223	9 сн.	преимущественно	преимущественно
225	6 св.	ворвани	ворвани.
237	4 сн.	джунушки	джунушки
238	5 св.	плодосмѣтности	плодосмѣнности
—	14 сн.	плодосмѣтность	плодосмѣнность
243	17 св.	крайней	крайней
246	3 сн.	джургара	джугара
—	9 сн.	бороноють	боронуютъ
249	17 сн.	свойства	свойство
—	18 сн.	здѣшніе	здѣшнее
236	3 св.	ея	ее
—	10 сн.	сѣтся	сѣтся